

Министерство культуры Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
учреждение культуры
«Государственный историко-архитектурный
и этнографический музей-заповедник „Кижский“»

Кижский вестник

Выпуск 18

Петрозаводск
2019

УДК 502.8(470.22)
ББК 63.5(2)
К38

Научный редактор
кандидат исторических наук *И. В. Мельников*

Рецензенты:

доктор исторических наук *А. М. Пашков*
кандидат филологических наук *С. В. Воробьева*
кандидат исторических наук *М. М. Шахнович*

Кижский вестник. Выпуск 18 : [сборник статей] / Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Кижский». – Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2019. – 265 с.

УДК 502.8(470.22)
ББК 63.5(2)

ISBN 978-5-9274-0852-8 © ФГБУК «Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник „Кижский“, 2019
© ФИЦ «Карельский научный центр РАН», 2019

Г. И. Фролова

**ПРИХОДСКАЯ ЖИЗНЬ В СВЕТЕ
ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКИХ ДОКУМЕНТОВ
В IV БЛАГОЧИННОМ ОКРУГЕ
ПЕТРОЗАВОДСКОГО УЕЗДА В XIX в.**

Данная тема в более узких рамках уже освещалась в трудах сотрудников музея «Кижь». Р. Б. Калашникова посвятила статью истории жизни четырех заонежских священников, основанную на воспоминаниях современников и архивных источниках (метрических книгах и исповедных ведомостях)¹. С. В. Воробьева представила взаимоотношения и связи с кижскими храмами крестьян Кижской волости, поменявших социальный статус и место жительства². Д. Д. Абросимова обстоятельно проштудировала источники о народных школах Кижской волости со времени их возникновения в 1837 г. до начала XX столетия³. Данная публикация продолжает тему взаимоотношений Церкви и прихожан, в ее основе документы Спасо-Кижского прихода, но жизнедеятельность прихожан и клира не ограничена только сведениями о Кижской волости. В статье значительное место уделено церковным приходам, расположенным на Заонежском полуострове, которые в XIX столетии были в составе IV благочинного округа Петрозаводского уезда Олонецкой епархии. Благочинный

---

¹ *Калашникова Р. Б.* Из истории семей заонежских священников (конец XVIII – первая треть XX в.) // Кижский вестник. Петрозаводск, 2002. Вып. 7. С. 3–20.

² *Воробьева С. В.* Крестьянские вклады в церкви Спасо-Кижского погоста XVIII–XX вв. // Изучение и актуализация традиционной культуры (к 50-летию музея-заповедника «Кижь»). Петрозаводск, 2016. С. 13–24.

³ *Абросимова Д. Д.* Из истории народных школ Кижской волости (XIX – начало XX в.) // Там же. С. 25–42.

округ включал несколько приходов, его возглавлял священник одного из приходов. На протяжении рассматриваемого периода службу благочинного исполняли разные священники. В используемых источниках упоминаются священники из Толвуи, Кузаранды, Сенной Губы, Кижей. Чтобы передать характер, нравы, обаяние коллективной общности, духовность той эпохи и свести к минимуму личное мнение о жизни значительной части православных заонежских христиан, статья построена в основном на цитатах из архивных документов Петрозаводской и Олонецкой епархии.

В 1868–1880 гг., по данным благочинного священника Толвуйского прихода Петра Раевского, IV благочинный округ занимал северо-восточную часть Петрозаводского уезда, в пределах 135 верст в окружности. Главных приходов было шесть: Толвуйский, Кижский, Сенногубский, Великогубский (с приписным Яндомозерским), Кузарандский (с приписным Вырозерским) и Типиницкий. Расстояние между приходскими церквями – от 10 до 20 верст⁴. Большинство храмов во второй половине XIX столетия были деревянными, исключение составляли церкви в Толвуде, Великой Губе и Сенной Губе. В 1879 г. в указанных приходах было 15 церквей:

В Толвуйском – в честь Живоначальной Троицы⁵, во имя влчм. Георгия, приписная во имя Димитрия Солунского в д. Падмозеро, в 7 верстах.

В Кижском – в честь Преображения Господня, в честь Покрова Пресвятой Богородицы, приписная Введения во храм Пресвятой Богородицы в д. Сибово, в 10 верстах.

В Сенногубском – во имя Николы Чудотворца (1810 г.), в честь богородичной иконы Тихвинской Богоматери (1848 г.)⁶, приписная в д. Конда во имя влчм. Параскевы Пятницы.

---

⁴ НА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 60/1. Л. 232. (О состоянии монастырей и церковей Олонецкой епархии за 1879 г.)

⁵ Следует заметить, что в XVIII и до последней трети XIX в. в заонежских храмах были распространены приделы. Перечислим теплые приделы, расположенные в трапезных: в кижской Покровской церкви – во имя Николая Чудотворца, в толвуйской Свято-Троицкой – в честь соловецких преподобных Зосимы и Савватия, в кузарандской Рождества Богородицы – во имя влчм. Варвары, в типиницкой Вознесенской – во имя Ильи Пророка, в фоймогубской Успенской – «на правой руке Происхождения Честных древ Честного и Животворящего Креста, на левой руке в честь Собора Пресвятой Богородицы», в вырозерской Никольской – Богоявления. См.: Ф. 126. Оп. 1. Д. 3/36. Л. 28, 38, 42. (Клировые ведомости за 1851 г.)

⁶ Перестроена в 1848 г. из деревянной в каменную. Обе церкви совмещали деревянные части построек с каменными.

В Великогубском – во имя Алексия Человека Божия (1867 г.)⁷, приписная в д. Яндомозеро во имя влмч. Варвары, в 5 верстах.

В Кузарандском – в честь Рождества Богородицы, приписная в д. Вырозеро во имя Николая Чудотворца, в 10 верстах⁸.

В Типиницком – в честь Вознесения Господня, приписная в д. Полевская во имя Ильи Пророка, в 10 верстах⁹.

В ведомости А. Русанова 1865 г. указаны категории храмов: толвуйская – III класса, кижская – IV класса, сенногубская, великогубская, кузарандская, яндомозерская – V класса, космозерская, фоймогубская, вырозерская и типиницкая – VI класса¹⁰.

Число часовен в приходах данного благочиния варьировалось от 4 до 10 строений.

В Спасо-Кижском приходе в 1818 г. их десять: в честь Успения Богоматери (д. Лукинщина (Васильево), во имя влмч. Георгия (д. Воев Наволок), во имя Святителей Власия и Медосия (д. на Керкострове?)¹¹, во имя

⁷ В более ранних документах (1851 г.) церковь названа в честь Богоявления и датирована 1647 г. (см.: НА РК. Ф. 126. Оп. 1. Д. 3/36). В источнике 1865 г. церковь поименована как Богоявленская, но датировка несколько иная – 1643 г. (см.: НА РК. Ф. 126. Оп. 1. Д. 3/40. Л. 29 об.). В другом документе 1867 г. сказано, что пожар уничтожил «двухпрестольную церковь в имя Св. Пр. Ильи и Преп. Алексия Человека Божия, у нас в другой церкви не было вовсе образа Алексия Человека Божия...» (см.: НА РК. Ф. 111. Оп. 1. Д. 1/7. Л. 2 об.). Строительство каменной церкви началось в 1861 г., согласно «Смете на постройку каменной церкви в Великогубском погосте Петрозаводского уезда Олонецкой губернии» от 1861 г. (см.: НА РК. Ф. 25. Оп. 19. Д. 22/307). Освящена церковь 12 января 1867 г. В ведомости 1879 г., составленной П. Раевским, почему-то указана только одна церковь. Одновременно назовем еще некоторые даты. В ведомости С. Ржановского за 1851 г. приводятся даты о строительстве церквей в честь Рождества Богородицы в 1761 г. в Кузаранде, во имя Николая Чудотворца на Вырозере в 1670 г., во имя Великомученицы Варвары в 1658 г. в Яндомозере, во имя Александра Свирского в 1760 г. в Космозере. Датировка второй космозерской Успенской церкви 1228 г. в ведомости явно ошибочна, вероятно, имелась в виду другая дата – 1728 г. То же можно сказать и о данных по вырозерской церкви. Сведения о церквях в XVI–XVII вв. см.: *Чернякова И. А., Черняков О. В.* Писцовые и переписные книги 16–17 вв. как источник по истории деревянного зодчества Карелии // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Русского Севера. Петрозаводск, 1988.

⁸ По ведомости о состоянии церковных приходов за 1802 г. в Вырозере построена новая «церковь Пресвятыя Богородицы Тихвинския» в 1791 г. на месте сгоревшей (см.: НА РК. Ф. 25. Оп. 15. Д. 97/2079.) Во второй половине XIX столетия (в 1863 г.) церковь вновь сгорела от грозы (см.: НА РК. Ф. 25. Оп. 2,3. Д. 13/608). Вероятно, после этого изменилось ее посвящение.

⁹ НА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 60/1. 1879 г. Л. 232–232 об.

¹⁰ Там же. Ф. 126. Оп. 1. Д. 3/40. Л. 2–60. (Клировые ведомости по благочинию Петрозаводского у. Кижского погоста священника А. Русанова за 1865 г.)

¹¹ Часовня записана без названия деревни. На Керкострове часовня указана в приходной книге за 1809–1813 гг. (см.: НА РК. Ф. 699. Оп. 1. Д. 1/1. Л. 5, 14), затем в обозначенном 1818 г. и позднее в церковных документах не упоминается.

Зосимы и Савватия Соловецких чудотворцев (д. Новая Заживка (Липовицы), во имя Ильи Пророка (д. Прохновская (Сычи), в честь иконы Богоматерь Знамение (д. Анисимовская (Корба), в честь Положения честного пояса Богородицы (д. Сявнега (Кургеницы), во имя влмч. Димитрия (д. Ольхинская (Ямка), Георгия (д. Усть-Яндома), Парасковьи Пятницы (д. Подбельники)¹². Малые храмы в приходе в разных документах различаются по количеству и местоположению. В документе 1851 г. записано только 7 часовен, нет Успенской в д. Васильево (Большой Двор), Димитриевской (д. Ольхинская (Ямка), Георгиевской (д. Усть-Яндома), Параскевы Пятницы (д. Подбельники), но есть Петропавловская в д. Насоновской (Волкостров), которая не указана в более ранней ведомости. В этом источнике к названиям некоторых часовен добавлено второе наименование. Например: во имя Ильи Пророка и в честь иконы Сицилийской Богоматери (д. Прохновская (Сычи), в честь Трех Святителей и Соловецких чудотворцев (д. Новая Заживка (Липовицы)¹³. Усть-Яндомская часовня позднее выбывает из Кижского прихода – в документе 1851 г. она значится в Яндомазерском приходе. В ведомости за 1865 г. указана часовня в честь преподобного Макария Желтоводского в д. Косельга¹⁴.

В Толвуйском приходе в 1851 г. перечислено 9 часовен: в д. Щедровской – Сретения и влмч. Димитрия 1772 г., в д. Тявдия – Казанской Богоматери 1790 г., в д. Часовенской – Архистратига Михаила, Пророка Ильи и преподобного Зосимы Соловецкого, ранее 1707 г., в д. Пегкуевской (без наименования) около 1805 г., в д. Игумновской – Александра Свирского 1800 г., в д. Мироновской – Модеста патриарха Иерусалимского 1800 г., в д. Зажогинской – Вознесения и Покрова, в д. Юлмаки – Воздвижения Креста Господня, в д. Са... (неразборчиво. – Г. Ф.) преподобного Савватия Соловецкого¹⁵. В Вырозерском приходе также указаны даты строительства часовен, но отсутствует их посвящение. Их всего четыре: в д. Широкопольской – 1800 г., д. Софроновской – 1760 г., д. Дальний Угол – 1780 г., д. Римской – 1760 г.¹⁶ Датировка в церковных документах малых храмов – большая редкость. Обычная формулировка для них: «все издревле и неизвестно кем» – так, например, сообщается о часовнях Кижского прихода.

Во второй половине XIX столетия фиксируются преобразования часовен в церкви. Так, в д. Сибово Спасо-Кижского прихода по указу от 15

¹² НА РК. Ф. 699. Оп. 1. Д. 1/3. Л. 3 об.–16. (Приходная книга за 1818–1822 гг.) В документе не указаны деревни, в которых расположены перечисленные часовни.

¹³ Там же. Ф. 126. Оп. 1. Д. 3/36. Л. 19. (Клировые ведомости за 1851 г.)

¹⁴ Там же. Д. 3/40. Л. 11. (Клировые ведомости за 1865 г.)

¹⁵ Там же. Д. 3/36. Л. 1 об.

¹⁶ Там же. Д. 3/40. Л. 56.

апреля 1863 г. за № 2381 при часовне в честь Введения Богородицы строится алтарь «доброхотными подаяниями жителей этой деревни»¹⁷. В том году часовня изменила свой статус на церковь. В сентябре 1865 г. в нее для совершения богослужения из кижских храмов переданы освященные сосуды¹⁸. Также были преобразованы в церкви часовни во имя Параскевы Пятницы в д. Конда Сенногубского прихода в 1862г.¹⁹, во имя Николая Чудотворца в д. Вегоруксы после 1865 г.²⁰. Вегорукский приход, отделившись от Великогубского, стал самостоятельным. К нему отошел в качестве приписного Яндомозерский.

По штатному расписанию от 1802 г. в Типиницах, Яндомозере, Кузаранде, Фоймогубе, Космозере и на Вырозере было по одному священнику, дьячку и пономарю. В Кузаранде в штате был диакон. Полный штат с двумя священниками имели Толвуйский и Кижский приходы. Такой же штат был и в Великогубском приходе, приписанном в начале XIX в. III благочинию²¹, а позднее отошедшем к IV ведомству.

В графе «определение» должности во всех приходах обозначены словами: «по семейной линии». Так, в Фоймогубе с 1790 г. служит священник Михай Петров, 42 лет. Он «сын Кижского прихода утопшего священника Петра Васильева». В Толвуе – Иван Стахеев, «сын Стахея Иванова священника онаго прихода», который переведен в Пудожгорский приход. Второй священник – Григорий Еремеев, 31 года, сын священника Никольского погоста Лодейнопольского уезда. Григорий Еремеев, кстати, единственный священник в IV благочинии в последней трети XVIII в. имел образование. О нем записано: «учился и выпущен из риторики». В Кижях в 1786 г. Петр Мефодиев, 43 лет, сменил умершего отца Мефодия Васильева²². До этого служил с 1780 г. дьячком в Типиницах. Пономарь при церкви – его сын Лука Петров, дьякон – Архип Иванов, сын умершего Ивана Мефодиева. Второй священник, Симеон Стефанов, 35 лет, поступил на место умершего Петра Иванова в 1802 г. Он сын пономаря Стефана Евфимова из Согинского прихода Олонецкого уезда. До Кижей служил в Ялгубе. От Петра Иванова в Кижском приходе дьячками остались два

¹⁷ Там же. Ф. 25. Оп. 15. Д. 73/1568. Л. 18. (Сведения о церквях Петрозаводского уезда. 1863 г.)

¹⁸ Там же. Ф. 699. Оп. 1. Д. 1/5. Л. 15. (Опись имущества Покровской церкви Кижского прихода Петрозаводского уезда за 1830–1865 гг.)

¹⁹ Там же. Ф. 126. Оп. 1. Д. 3/40. Л. 24.

²⁰ Там же. В этом документе она значится еще как часовня в Великогубском приходе (л. 29 об.).

²¹ НА РК. Ф. 25. Оп. 15. Д. 97/2079. Л. 12–33. (Ведомости о состоянии церковных приходов за 1802 г.)

²² Мефодий Васильев как кижский священник известен из более ранних источников – по делу о Кижском восстании 1771 г. (см.: НА РК. Ф. 445. Оп. 1. Д. 256. Л. 410 об.).

сына Михаил и Иван Петровы²³. В документах с 1802 по 1813 г. в Кижском приходе значатся те же люди на тех же должностях: Симеон Соколин, Петр Мефодиев, Архип Иванов, Михаил, Иван и Лука Петровы²⁴. На протяжении всего XIX столетия в семьях священников воспитывались дети, которые продолжали «семейную линию». Так, например, сын пономаря челмужского священника Михаил Стефанович Завадовский (1832–12.06.1913) поступил в 1852 г. на освободившееся место настоятелем в Кижскую церковь, где прослужил более 50 лет. Со временем из троих его сыновей два стали церковнослужителями, а третий – учителем²⁵. Эти примеры, как и приведенные в статье Р. Б. Калашниковой, подтверждают, что священнослужение в Олонецкой губернии было «семейным делом» и в лоне семьи складывалось своеобразное сословие традиционного общества – сельское духовенство²⁶. Некоторые из его представителей становились известными личностями. Так, сын пономаря Яндомозерского прихода Константин Никанорович Плотников защитил диссертацию по богословию, в течение почти 4 лет, с 14 апреля 1898 по 8 ноября 1901 г., служил олонечким епархиальным миссионером. В результате в 1901 г. им была написана популярная и сегодня книга «История русского старообрядчества»²⁷.

Оклады у причта в 1851 г. были близкими. В Кузарандском приходе священник получал 140 р., дьячок – 40 р., пономарь – 32, просвирня – 24 р. серебром; в Великогубском также; в Яндомозерском священник – 137 р. 20 к., дьячок – 39 р. 20 к., пономарь – 31 р. 36 к., просвирня – 23 р. 52 к. серебром²⁸. По вновь утвержденному штату 1855 г. в Кижском приходе соответственно: священники – 130 р., диакон – 65 р., дьячок – 32 р., пономарь – 26 р., просвирня – 20 р. Пахотной земли у кижского причта в 1863 г. было 12 десятин, сенокосной – 11 десятин 818 сажень²⁹. Дома у священников в описываемых приходах были собственные.

Сохранилась опись имущества от 1882 г., оставшегося после смерти толвуйского священника Василия Соловьева. В его хозяйстве была 1 корова стоимостью 7 р., 1 овца (1 р.), медный самовар весом 10 фунтов, полдюжины чайных чашек, чайник фарфоровый, 4 стола, полдюжины сосновых стульев, зеркало в простой рамке, шкаф платяной³⁰. Как видим, сельский

²³ НА РК. Ф. 25. Оп. 15. Д. 97/2079. Л. 19–22, 14–15.

²⁴ Там же. Ф. 699. Оп. 1. Д. 1/1. (Приходо-расходные книги 1809–1813 гг. Л. 1.)

²⁵ Заонежье в биографиях. Краткий справочник / Сост.: А. И. Мошин, Т. А. Мошина. Петрозаводск, 2010. С. 76.

²⁶ Калашникова Р. Б. Указ. соч. С. 20.

²⁷ Подробнее см.: Заонежье в биографиях. С. 76.

²⁸ НА РК. Ф. 126. Оп. 1. Д. 3/36. Л. 20, 24, 28.

²⁹ Там же. Ф. 25. Оп. 15. Д. 73/1568. Л. 19.

³⁰ Там же. Ф. 708. Оп. 1. Д. ½. Л. 100. (Указы ОДК благочинному за 1882 г.)

священник жил скромно. В этом документе раскрывается интересная история родственников, подтверждающая сохранение священнического образа жизни по «семейной линии». Вдова предыдущего толвуйского священника Анна Молчанова написала прошение в Олонецкую консисторию с необычной просьбой: «приискать ея внучке, священнической дочери Александре Соловьевой жениха, кого-либо из окончивших курс Семинарии», поскольку священническое место в Толвуйском приходе не занято. А. Молчановой было отказано в ее просьбе по причине невозможности исполнить просимое. Вместе с тем почти сразу в епархию поступило прошение от учителя Типилицкой земской школы Константина Светлова об определении его на вакантную должность помощника настоятеля, а также (!) о разрешении ему вступить в брак с дочерью бывшего священника В. Соловьева и внучкой А. Молчановой – Александрой³¹. Таким образом состоялась судьба внучки – она осталась в родной ей атмосфере священнической семьи.

Благочинные регулярно отчитывались епархиальному начальству о состоянии дел в приходах, о благочестии прихожан и причта. Так, в рапорте за 1879 г. благочинный Петр Раевский выделил двух священников: сеногубского Стефана Ржановского и кижского Михаила Заводовского как отличающихся «усердным выполнением пастырских обязанностей и назидательным проповеданием Слова Божия в церкви своим прихожанам»³². М. С. Заводовский был награжден орденом Святой Анны III степени в мае 1896 г.³³ Любопытны высказывания П. Раевского о прихожанах IV благочиния. «Состояние благочестия в народе Обонежской местности измеряется по большей части выполнением внешней религиозно обрядовой стороны, так что истинно благочестивым почитается здесь тот, кто во всей строгости соблюдает внешне посты, то есть не употребляет мяса и рыбы, не пьет чаю и кофе, не курит и не нюхает табаку и вообще старается казаться набожным. При всем в этом в пределах благочиннического округа не мало есть ревнующих и об истинно благочестивой жизни»³⁴.

Источник 1863 г. характеризует благочестие местного населения по данному благочинию в основном положительно, выделяя жителей некоторых приходов. Так, православные Спасо-Кижского прихода описаны похвально: «...большая часть прихожан во все воскресные дни собираются к Богослужению и в особенности к Литургии постоянно и в большом количестве, посты соблюдают строго и в отношении между собою замечается много хороших качеств, как то: вспоможения друг другу, подаяния

³¹ Там же. Л. 77, 81.

³² Там же. Ф. 25. Оп. 1. Д. 60/1. Л. 236.

³³ Заонежье в биографиях. С. 33.

³⁴ НА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 60/1. Л. 238.

милости и пр. весьма многие поминают усопших и ходят на поклонение к Святым угодникам в Соловецкий монастырь»³⁵ и не только. В делах Канцелярии начальника Олонецкого губернского распорядительного стола сохранился документ – прошение крестьянской вдовы Кижской волости и общества деревни Кижского острова Южного конца Татьяны Гавриловой Круговой о выдаче документов: билета до города Одессы и затем, по прибытии в Одессу, заграничного паспорта для поклонения святым местам в Иерусалиме. Круговой был выдан «годовой» билет за № 1394 от 21 марта 1864 г. От имени гражданского губернатора Арсеньева одесскому градоначальнику было отправлено сообщение с просьбой «не оставить своим распоряжением о выдаче Круговой заграничного паспорта на свободное следование в Иерусалим...»³⁶.

Духовное просвещение, включая обучение грамоте местного населения, было обязанностью причта и членов их семей. Помимо прямых обязанностей, священники и члены их семей обучали детей грамоте. Духовное ведомство обучение, включая содержание, практически полностью возлагало на местных священников в их домах. По данным 1863 г., в Типиницах читать и писать дети учились у жены священника. В Космозере азы грамоты познавали в доме священника при помощи его жены и сестры. В Яндомозерском приходе дети занимались не только у священника, но и у крестьянина Калистрата Нефедова в д. Родионовой³⁷. В 1879 г. в Сенной Губе и Кижках благочинным указаны земские училища, в которых он отмечает двух наставников – Василия Ржановского и Александра Русанова, как отличающихся «педагогическим тактом и успешным усердием к делу народного образования». А из законоучителей «толкованием и ревностным выполнением своих обязанностей» выделяются священники Сенногубского прихода Стефан Ржановский, Кузарандского – Всеволод Николаевский и Кижского – Иоанн Павинский³⁸.

Здесь же логично упомянуть о приходских «библиотеках» – книгах, которые выписывались членами причтов и поступали из епархии. Все книги были определенного содержания в помощь священникам: богослужебные книги, книги духовного содержания, книги Священного писания, книги исторические. Так, в Реестре книг, поступивших с 1835 по 1866 г. в Кижский приход, значится 38 наименований. Среди них больше всего бесед и поучений. Перечислим некоторые: «Беседы протоиерея Нордова

³⁵ НА РК. Ф. 25. Оп. 15. Д. 73/1568. Л. 20.

³⁶ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 38/32. Л. 1–3. (Дело Канцелярии начальника Олонецкого губернского распорядительного стола. По прошению крестьянской вдовы ...21–27 марта 1864 г.)

³⁷ Там же. Ф. 25. Оп. 15. Д. 73/1568. Л. 7–16.

³⁸ Там же. Оп. 1. Д. 60/1. Л. 242.

о блаженствах», «Беседы сельского священника к прихожанам» архиепископа Антония, «Беседы Евсевия епископа самарского на Воскресные и Праздничные Евангелия» в 2-х книгах. Насущные для священников, служащих в местностях с сильным влиянием даниловских староверов, книги: «История русского раскола» митрополита Макария, «Истинно древняя и истинно Православная Христова Церковь» митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского Григория. И, конечно же, «Православный собеседник» и «Православное обозрение». За эти годы не церковного содержания значителен только одна книга «Воспоминание о пришествиях Великого Государя Императора Петра Первого в Олонию»³⁹.

Для поддержания достатка, ремонтов или приобретения необходимой утвари священники обращались к епархиальному начальству с просьбой на получение специальной книги, которая называлась «зборной книгой»⁴⁰. Сбор денежных средств осуществлял представитель клира или выборный от прихожан. Так, священник Кузарандского прихода в 1819 г. просил разрешения на получение сборной книги для приобретения серебряной ризы к образу Спасителя⁴¹. Кижские священники также неоднократно просили и получали сборные книги. В епархиальных документах в первой четверти XIX в. в этой связи неоднократно упоминается кижский священник Симеон Соколин.

В 1817 г. Соколина вызывали в епархиальное правление по причине несвоевременной записи в приходе-расходную книгу об использовании денег по сборной книге, выданной в 1815 г. Для выяснения был назначен священник Иеремеев, благочинный второго округа Петрозаводского уезда. По рапорту благочинного «Щесть денег прихода и расхода по оной учинен, по коему оказалось в сборе 2255 рублей 35 копеек в расход же употреблено из них 2254 рубля 70 копеек... И тот приход и расход записан в приходе-расходную книгу и в оную зборную особыми статьями»⁴². Затем имя кижского священника встречается в связи с просьбой предоставить ему отпуск для свидания с родственниками в Санкт-Петербург сроком на один месяц. Из справки, поступившей из Консистории, оказывается, что Симеон Соколин «прикосновен к производству водящемуся

³⁹ Там же. Ф. 699. Оп. 1. Д. 1/5. Л. 38об. – 41 об.

⁴⁰ «Зборная» книга выдавалась доверенному лицу из прихода для учета собираемых средств на строительство и ремонт храмов, приобретение дорогой утвари при недостатке средств у прихода. Книгу запрашивали у епархиального начальства, по завершении сбора средств и их использования книгу сдавали для отчетности в епархиальное управление.

⁴¹ НА РК. Ф. 25. Оп. 16. Т. 2. Д. 28/23. (О выдаче сборной книги, для сбора, доходов на сделание серебряной ризы... 1819 г.)

⁴² Там же. Д. 26/28. Л. 1–1об. (Дело об увольнении кижского священника Симеона Соколина и об отобрании от него зборной книги. 17 ноября 1817 г.)

в петрозаводском уездном суде делу о покраже дьячком якобы из кижской церкви денег». В силу чего он обязан неотлучно быть дома. Паспорт ему разрешают выдать после того, как из суда поступит сведение, «что нет за ним по суду надобности»⁴³. Кража денег была весьма серьезной. В 1814 г. вторым священником, Петром Мефодиевым, в Санкт-Петербурге было собрано по сборной книге 850 рублей, к 1815 г. собралась значительная «доброхотная» сумма – 2433 рубля 4 копейки. «Из сего числа 2310 рублей покрадено и дело производится по суду»⁴⁴. Дело, по-видимому, разрешилось в 1820 г. Такой вывод можно сделать из сохранившейся расписки, написанной С. Соколиным. В декабре 1820 г. священник, наконец, получает паспорт для поездки в Санкт-Петербург. Он обязуется по прибытии туда «во дворец и придворную церковь не входить их императорских величеств и их императорских высочеств просьбами своими не утруждать и там ни где без благословения его высокопреосвященства Михаила митрополита Новгородского и Санкт Петербургского и разных орденов кавалера священнослужения не отправлять ...» – в чем он и подписался⁴⁵. Вероятно, исходя из содержания расписки, Симеон Соколин был очень активной личностью, радеющей о благосостоянии кижских храмов, но действия его, возможно, не всегда отличались деликатностью и, видимо, были чрезмерно настойчивыми. Подтверждение этому находим в другом документе. «Священнослужители того Кижского прихода с церковным старостою и приходскими людьми усмотрев необходимую надобность в обивке листовым железом на Преображенской своей приходской церкви глав, коих на церкви за исключением одной уже обитой 21-на, и не имея в виду такового количества суммы, которой бы достаточно на то было...» просят очередную сборную книгу сроком на 2 года⁴⁶. А также священник С. Соколин просит выслать сданную в 1816 г. в Новгородскую консисторию сборную книгу, так как в той книге есть запись о пожертвовании в 1814 г. купцом Александром Ольхиным ста пудов листового железа для обивки церковных глав, но получить которое церковь не может по причине его смерти⁴⁷. Из письма явствует, что «оное железо» вдова купца А. Ольхина согласна отпустить, но после того, «как

⁴³ НА РК. Ф. 25. Оп. 16. Д. 26/28. Л. б/н.

⁴⁴ Там же. Ф. 699. Оп. 1. Д. ½. Л. 8,11.

⁴⁵ Там же. Ф. 25. Оп. 16. Д. 26/28. Л. б/н.

⁴⁶ Там же. Д. 30/2. Л. 1. (Дело о выдаче зборной книги Петрозаводского уезда Кижского прихода священнику Симеону Соколину на починку церкви... 3 февраля 1821 г.)

⁴⁷ О династии купцов Ольхиных, ведущих свой род из Кижей, см.: *Воробьева С. В.* Крестьянские вклады в церкви Спасо-Кижского погоста XVIII–XX вв. // Изучение и актуализация традиционной культуры... С. 17–18.

по представлении ей прежней сборной книги, в коей собственноручною рукою его Ольхина подписано, что он жертвует на церковь нашу помянутое количество листового железа...»⁴⁸. Прощение кижского священника было рассмотрено в Новгородской духовной консистории, и Симеон Соколин получил книгу, а затем и листовое железо для кижских храмов.

Обилие глав на Преображенской церкви требовало больших финансовых затрат, помимо пожертвованного железа Ольхиными, оно покупалось на собранные деньги. Так, в Санкт-Петербурге крестьянин Козма Клинов (кижанин?), получив в марте 1822 г. от прихода 700 рублей, купил его на сумму 867 рублей. В июне листовое железо на обивку церковных глав было доставлено, о чем и сделана запись в приходо-расходной книге⁴⁹.

Из приходо-расходных книг Кижского прихода видно, что кижане на протяжении всего XIX столетия регулярно собирали средства на ремонт и поддержание храмов в «благотворном» состоянии. Сборы были разнообразными. Это могли быть пожертвования от прихожан на определенные цели. Так, в 1817 г. от государственных крестьян Кижского прихода поступило пожертвований на обшивку Преображенской церкви на сумму 213 рублей 50 копеек, а в 1818 г. на эти же цели «общеею складкою денег 422 рубля»⁵⁰. В 1820 г. «пожертвовано кижского прихода крестьянином Петром Елизаровым в церковь по желанию 100 рублей»⁵¹. Наибольшие суммы собирали через «зборные книги», о чем уже были примеры. Значительные суммы поступали в храм от кижских прихожан и их родственников, сменивших свой статус и поменявших место жительства на Санкт-Петербург. Они принимали в дарениях активное участие⁵². Церковные документы Спасо-Кижского прихода сохранили много сведений о кижанах как о личностях, которые постоянно заботились о благосостоянии своих храмов.

Часть средств поступала из церковной кружки. Это были ежемесячные вложения, они большей частью шли на неотложные нужды, которые тщательно фиксировались в приходо-расходных книгах. Суммы в них

⁴⁸ НА РК. Ф. 25. Оп. 16. Д. 30/2. Л. 1 об. –3.

⁴⁹ Там же. Оп. 20. Д. 61/692. Л. 2 об. (Приходо-расходные книги Кижской церкви Петрозаводского уезда Олонечской епархии. 1822–1827 гг.)

⁵⁰ Там же. Ф. 699. Оп. 1. Д. 1/2. Л. 29 об. Д. 1/3. Л. 1.

⁵¹ Там же. Д. 1/3. Л. 22 об.

⁵² О дарениях и пожертвованиях кижских христиан регулярных, значительных и скромных в печати уже сообщалось неоднократно. См.: *Фролова Г. И.* История внутреннего убранства Преображенской церкви на острове Киж (обзор архивных источников) // *Кижский вестник*. Петрозаводск, 2003. № 8; Документы и материалы по истории Кижского архитектурного ансамбля (1694–1945 гг.) / Авт.-сост. В. А. Гущина, Б. А. Гущин. Петрозаводск, 2013; *Воробьева С. В.* Крестьянские вклады...

разнятся. Так, в кижских книгах в мае 1809 г. в церковную кружку положено 3 рубля 9 копеек, а в июне 1813 г. «вынуто из кружки положенных в оную в течении сего месяца 53 рубля 60 копеек»⁵³. Регулярные выручки были от продажи свеч. В двенадцатые праздники выручки от свечной продажи были значительными. В 1811 г. в праздник Воскресения Христова в апреле за проданные 10-ть фунтов свеч – 11 рублей 50 копеек, в праздник Преображения Господня – 6 рублей 90 копеек, в праздник Успения Пресвятой Богородицы – 12 рублей 10 копеек⁵⁴. Суммы в несколько рублей были от выручки проданного хлеба, холстов, полотенец, собранных во время обхода деревень в пасхальную неделю⁵⁵. Значительные – от продажи пожертвованных предметов. Например, от продажи кижскому крестьянину Морозову жемчужных серег и поднизи 69 рублей⁵⁶.

Небольшие ремонтные работы, хозяйственные дела и иные нужды в приходах выполнялись за относительно небольшие платы жителями своих или соседних приходов. Так, например, на шитье риз специализировался вегорукский крестьянин Имарион Васильев. Кижане дважды заказывали ему их пошив в 1862 и 1863 г.⁵⁷. В яндомозерских приходо-расходных книгах часто упоминается крестьянин Михей Иванов Абрамов, выполнявший разнообразные работы в храмах. В декабре 1858 г. он переплетал одну часть Пролога и Общую миную, в октябре 1865 г. вставлял стекла в церкви Александра Свирского, красил церковь, в 1894 г. чистил и лакировал иконы, клеивал стены обоями, красил панели и полы в алтаре этого храма. В кижских церквях в 1860-е гг. работали пришлые иконописцы. В марте 1863 г. заонежский крестьянин Иван Аверкиев поправлял две запрестольные богородичные иконы за 1 рубль 50 копеек серебром. В этом же году за 10 рублей поправил месячные иконы иконописец Василий Алексеев Потапов из д. Огорельши Повенецкого уезда. Он же в 1865 г. получил 30 рублей «за поправку в Покровской церкви икон в иконостасе»⁵⁸. В это же время с мая по октябрь крестьянин д. Обельщина Сенногубского прихода Иван Дмитриев Грешников «сработал» иконостас в кижской Преображенской церкви⁵⁹. Чистку и серебрение металлической утвари выполняли пришлые люди. В кижской расходной книге от 12 февраля 1862 г. записано,

⁵³ НА РК. Ф. 699. Оп. 1. Д. 1/1. Л. 5об, 30.

⁵⁴ Там же. Л. 23 об.

⁵⁵ Документы и материалы... С. 30–32, 49 и др.

⁵⁶ НА РК. Ф. 25. Оп. 20. Д. 69/803. Л. 8об. (Приходная книга Кижской Преображенской церкви 1 янв. 1886 – 31 мар. 1889 г.)

⁵⁷ Там же. Ф. 699. Оп. 1. Д. 2/8. Л. 21об, 29.

⁵⁸ Там же. Д. 2/8. Л. 29 об. – 30, 43.

⁵⁹ Фролова Г. И. Иконостасные мастера Обонежья XVIII – начала XX в. // Кижский вестник. Петрозаводск, 2000. № 5. С. 182.

что в 1860 г. «очистку и посеребрение лампад, кадил, подсвечников и другой церковной утвари» выполнили серебряные мастера Владимирской губернии г. Житомира крепостные господские люди Федор Антов с товарищами⁶⁰. В 1892 г. серебрение утвари выполнил серебряных и золотых дел мастер Даниил Севанин⁶¹.

В великогубской летописи от 1867 г. отмечены мастера, оформлявшие интерьер храма: «Мастера нашлись недорогие, так например, Иконостас с иконами, какого нет во всей округе, обошелся в 600 рублей. Те и другие мастера, т. е. иконостасные и иконописец, работали не столько из-за денег, сколько из любви к Святому делу. Материалы явились под руками; Господь подвиг таких благотворителей на коих вовсе не рассчитывали и даже вовсе не знали их до окончания постройки»⁶². Золочение ранее сделанного иконостаса в великогубской церкви выполнил фоймогубский крестьянин Петр Иванов Пономарев⁶³.

Немалую бескорыстную помощь при строительствах храмов и крупных ремонтах оказывали люди из других приходов. Так, толвуйские прихожане братья Захарьевы неоднократно упоминаются в документах. В 1862 г. 23 июня Великогубский приход для строительства каменной церкви и колокольни принял «жертвованного теса купцами Захарьевыми в 1 дюйм толщиной 307 досок, в 1 ½ дюйма толщиной 348 досок, в 2 ½ д. 70 досок», 16 июля этого же года еще одно пожертвование: 386 досок 2 ½ толщины⁶⁴.

В 1871 г. братья Захарьевы принимали «главное участие в поправке» колокольни в Яндомозере, пожертвовав «на сей предмет 678 досок на сумму 120 рублей, а прочая сумма приобретена трудами церковного старосты крестьянина Николая Котогонова»⁶⁵. В 1862 г. Федор Петрович Захарьев пожертвовал в Кижский приход из Лумбушского завода 550 штук теса⁶⁶. В 1874 г. Захарьевы жертвуют 500 досок на перекрытие кровли Покровской церкви в Спасо-Кижском приходе⁶⁷.

⁶⁰ НА РК. Ф. 699. Оп. 1. Д. 2/8. Л. 10.

⁶¹ Там же. Ф. 25. Оп. 20. Д. 69/811. Л. 3 об, 37 об. (Расходная книга Спасо-Преображенской церкви Кижского погоста Петрозаводского у. 1889–1894 гг.)

⁶² Там же. Ф. 111. Оп. 1. Д. 1/7. Л. 2 об. (Летопись по церкви Великогубской Алексеевской Петрозаводского у. Олонецкой епархии с 1867 г.)

⁶³ Фролова Г. И. Иконостасные мастера... С. 182.

⁶⁴ НА РК. Ф. 25. Оп. 20. Д. 50/570. Л. 5 об. (Книга прихода и расхода материалов для постройки новой каменной церкви и колокольни в Великогубском погосте Петрозаводского уезда. 1862 г.)

⁶⁵ Там же. Оп. 15. Д. 90/1942. Л. 11 об. (Журнал ОДК. Август 1871 г.)

⁶⁶ Там же. Ф. 699. Оп. 1. Д. 2/8. Л. 25 об.

⁶⁷ Там же. Ф. 25. Оп. 20. Д. 66/746. Л. 25 об. (Приходо-расходная книга Кижской Спасо-Преображенской церкви Петрозаводского уезда за 1870–74 гг.)

В епархиальном журнале за 1871 г. записано: «о пожертвовании братьями Захарьевыми рассмотреть вместе с прочими их пожертвованиями в церкви и монастыри Олонецкой Епархии»⁶⁸. Значительную помощь они оказывали и своему Толвуйскому приходу. Церковный староста Василий Петров Захарьев летом 1882 г. «на свой собственный счет исправил штукатурку у церкви Святого великомученика Георгия, как внутри, так и извне, обелил означенную церковь, а также перекрасил купола и крышу, каковое исправление обошлось ему, Захарьеву, в 1000 руб. сер., считая материал и плату за работу»⁶⁹.

Более всего из Захарьевых отличился на благотворительном поприще Иван Васильев Захарьев, крестьянин с. Толвуй (д. Масельская Гора). За что он был представлен к награждению орденом Правительственного Синода. 4 марта 1908 г. он подает прошение Олонецкому и Петрозаводскому епископу преосвященному Мисаилу разрешить строительство церкви в д. Загубье Толвуйского прихода в месте рождения преподобного Зосимы Соловецкого Чудотворца на свои средства. В прошении он писал, что «на постройку церкви согласен употребить 4000–5000 рублей». Со стороны IV благочиния и толвуйского причта, по сообщению благочинного Платона Логиневского, священника Яндомозерского прихода, препятствий никаких нет. Уже в мае Захарьев получил разрешение. Через три с половиной года, 16 сентября 1911 г., благочинный рапортовал о том, что церковь готова к освящению. Церковь была полностью обустроена И. Захарьевым на деньги в сумме 8000 рублей. При этом в отчете он сообщает, что «еще предстоит расходу около 1000 рублей». В акте об освидетельствовании храма подробно расписано, что удалось построить толвуйскому крестьянину. Церковь в соответствии с планом теплая, покрыта железом. Входные двери сделаны прочно и имеют надежные замки. В окнах железные решетки. На колокольне 6 колоколов весом от 30 до 35 пудов, которые Захарьев приобрел в Костроме. Престол утвержден на каменном фундаменте. Алтарь отделен от средней части «деревянным крашенным масляною краскою и золоченными колоннами и резьбою двух-ярусным иконостасом. Царские, северные и южные двери в нем однородной с ним работы. Иконы как в иконостасе, так и алтаре и за клиросами все новые живописной работы, написаны по золотому чеканному фону вполне благоприличны»⁷⁰.

⁶⁸ НА РК. Ф. 25. Оп. 15. Д. 90/1942. Л. 11об.

⁶⁹ Там же. Ф. 708. Оп. 1. Д. 1/2, Л. 154. (Указы из ОДК за 1882 г.)

⁷⁰ Там же. Ф. 25. Оп. 4. Д. 70/12. Л. 1–35. (О постройке церкви при д. Загубье Толвуйского прихода Петрозаводского уезда на средства крестьянина Ивана Васильева Захарьева, 1908–1916 гг.)

Подобная благотворительность была распространенным явлением среди как зажиточных, так и простых крестьян Олонецкой губернии. В IV благочинии Петрозаводского уезда храмы возводились либо «тщанием прихожан», либо зажиточными жителями приходов. Например, в 1760 г. в Космозере была возведена церковь во имя Александра Свирского бывшим петербургским купцом Ф. Поповым⁷¹. Часовня во имя преподобного Александра Свирского в д. Митриевской Сенногубского прихода «построена крестьянином той деревни Григорьем Вотоевым в 1799 г.»⁷². В Типиницах церковь Вознесения Господня в 1787 г. воздвигнута усердием прихожан⁷³. В Сенной Губе церковь во имя Святителя Николая в 1810 г. сооружена тщанием прихожан и доброхотных дателей⁷⁴. Так же строились церкви в честь Рождества Иоанна Предтечи в Леликово⁷⁵ и д. Сибово Спасо-Кижского прихода⁷⁶.

Вместе с тем такое благочестие и бережное отношение к своим храмам наблюдалось не во всех заонежских приходах. В отчетах благочинных имеются и противоположные высказывания о благочестии, в частности, фоймогубских прихожан. О них сообщается, что они «малорачительны к церкви Божией». Обращаются к священникам служить молебствия с водоосвящением, если начинают строить дома. «Духовная благотворительность прихожан для них неизвестна»⁷⁷. Вырозерские жители описаны как христиане, находящиеся под сильным влиянием Даниловской Вырозерской пустыни: «С истинно христианским благочестием в недрах церкви прихожан из числа 864 душ обоего пола десятая часть; причиною чего слепое доверие тайным и нелепым внушениям бродяг и лжеучителей, высланных из Даниловских и Лексинских раскольнических скитов, и приверженность к старине»⁷⁸. Надо отметить, что староверы проживали в каждом из обозначенных приходов. В качестве примера напомним широко известную по публикациям семью Корниловых в д. Кургеницы Кижского прихода⁷⁹. В 1857 г., по официальным данным, в Кижской волости: Кижского

⁷¹ Там же. Ф. 126. Оп. 1. Д. 3/36. Л. 34.

⁷² Там же. Л. 18. В другом источнике, 1865 г., про часовню написано следующее: «построена крестьянином той же деревни Григорьем Ивановым Вотоевым неизвестно когда и с чьего разрешения» (см.: Там же. Д. 3/40. Л. 23).

⁷³ Там же. Ф. 713. Оп. 1. Д. 1/3. Л. 1.

⁷⁴ Там же. Ф. 126. Оп. 1. Д. 3/36. Л. 16.

⁷⁵ Там же. Ф. 708. Оп. 1. Д. 1/2. Л. 197. (Указы ОДК за 1882 г.)

⁷⁶ Там же. Ф. 25. Оп. 15. Д. 73/1568. Л. 18. (Сведения о церквях Петрозаводского уезда.)

⁷⁷ Там же. Оп. 20. Д. 61/692. Л. 1об.

⁷⁸ Там же. Оп. 1. Д. 60/1. Л. 5.

⁷⁹ *Харбова Л. С.* Памятники книжной культуры в собрании музея-заповедника «Кижь» // Изучение и актуализация традиционной культуры... С. 129.

мирского общества, Великогубского, Яндомо-Космозерского и Сенногубского обществ проживали следующие категории старообрядцев: даниловцы (318 мужчин, 119 женщин), филипповцы (19 мужчин, 11 женщин), аристовцы (2 мужчин и 4 женщины)⁸⁰. Между тем население Заонежья, несмотря на разногласия в вопросах веры, мирно соседствовало друг с другом. В документах по IV благочинию нам не встретились выяснения отношений между мирянами христианами, придерживавшимися ортодоксальной Церкви, и староверами.

В статье мы не затрагивали литургическую сторону. Представили выборочно лишь ту часть источников, записи в которых повествуют о каждодневных бытовых хлопотах в приходах. Из них видно, что одни (состоятельные) прихожане делали посильные пожертвования, другие выполняли в приходах насущные дела, которые, помимо благого дела, приносили им материальный доход. В представленных документах есть самые разнообразные записи о делах, выполнявшихся профессионально ориентированными крестьянами. Это были поставщики леса, распиловщики, строители, столяры, маляры, иконники, переплетчики книг, печники, портные и т. д. Большинство из них проживало в деревнях своих приходов. Так, например, из кижан указаны жители Южного конца, Северного конца, Ольхиной, Середки, Липовиц, Западного берега, Пустого берега, Пахинского берега, Кургениц, Телятникова, Ерснева, Конды, Сибова; из типиницких – Бережной, Задней, Вороньей, Типиницкой, Высокой Нивы. Из дальних приходов в данных документах – жители Пудожгорского и Песчанского приходов.

Из церковных источников очевидно, что приходская жизнь была насыщена ежедневными заботами благочинных, священников, членов причта, особо выделим старост, а также прихожан как проживавших в своей волости, так и за ее пределами. Каждый вносил свою посильную лепту в содержание храмов в контексте местной духовной культуры.

---

⁸⁰ НА РК. Ф. 37. Оп. 2. Д. 139/1140. (Наличные списки о раскольниках за 1857 г.)

Л. В. Трифонова

ПЕЧАЛЬНЫЕ СТОРОНЫ ЖИЗНИ ЗАОНЕЖАН-ОТХОДНИКОВ В ПЕТЕРБУРГЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.¹

Отходничество в Петербург в конце XIX – начале XX в. было типичным явлением для Заонежья. Часть заонежан уезжала подростками, обучаясь в различных мастерских ремеслу и торговому делу, часть выправляла паспорта и отправлялась искать лучшей доли в столице уже в молодом или зрелом возрасте. Работали на фабриках и заводах Петербурга, служили в государственных и частных ведомствах, торговали на рынках и в магазинах.

Отходничество в этот период получило распространение не только среди мужчин, но и среди женщин. В Петербурге женщины служили няньками, казенной и частной прислугой, кухарками, портнихами, сиделками, сестрами милосердия, прачками, служащими, работали на различных предприятиях.

Возраст отходников из Заонежья в Петербург колебался от 14 до 60 лет.

Жизнь заонежан, связавших свою судьбу с Петербургом, складывалась по-разному. Одни преуспевали, наживали капитал, обзаводились своими домами и предприятиями. Другие перебивались с хлеба на воду, снимали дешевое жилье, теряли работу, нищенствовали, преступали закон, попадали в больницы.

Больницами для несостоятельных людей в Петербурге числились Обуховская и Александровская. Реже заонежские отходники попадали в Рождественский барачный лазарет и больницу Святой Марии Магдалины.

---

¹ Статья написана на материалах НА РК. Ф. 123. Оп. 1. Толвуйское волостное правление.

Обуховская больница – одна из старейших больниц в России (рис. 1). Она основана в 1779 г. и получила свое название по имени Обуховского моста и Обуховского проспекта, рядом с которыми была построена. Первоначально деревянные корпуса больницы были рассчитаны на 60 мест. В 1784 г. на берегу Фонтанки архитекторы Кваренги и Руска возвели каменный корпус мужского отделения на 300 человек. В 1836–1839 гг. больница дополнилась женским отделением на 300 мест, расположенным со стороны Загородного проспекта. В 1866 г. к нему присоединился еще один корпус на 200 мест².

Рис. 1. Обуховская женская больница (1870-е гг.) (фото из Википедии)

Жизнь большинства заонежан в случае болезни чаще всего оказывалась связанной с Обуховской больницей. Доказательством тому – многочисленные архивные документы. Одним из них является выписка из доклада околоточного надзирателя первого участка Московской части Санкт-Петербурга. «1901 г. сентября 18 дня по наведенной справке в доме № 10 по Пушкинской улице оказалось, что крестьянка Олоонецкой губернии Петрозаводского уезда Толвуйской волости деревни Алексеевской Акулина Клементьева Фепонова из означенного дома 16 сентября 1901 г. выбыла в Обуховскую больницу IV отделение»³.

² Обуховская больница [Интернет-ресурс] URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Обуховская больница](https://ru.wikipedia.org/wiki/Обуховская_больница). Дата обращения 6.10.2018.

³ НА РК. Ф. 123. Оп. 1. Д. 46/1224. Л. 475.

В столице крестьяне, получив временную прописку, должны были оплатить не только адресный сбор, но и больничные пошлины. Одни заонежане способны были заплатить деньги за лечение, другие по финансовой недостаточности не могли этого сделать. В качестве благополучного примера можно привести Ивана Трофимова Титова из Великой Нивы⁴, заплатившего 12 рублей 2 копейки за лечение в Обуховской больнице, и его односельчанина Ивана Матвеева Судакова⁵, заплатившего за свое лечение 1 рубль.

Чаще всего больничные пошлины крестьянами не выплачивались, и конторы градских больниц вынуждены были обращаться в Санкт-Петербургскую городскую управу, которая, в свою очередь, направляла запрос в Петрозаводское уездное полицейское управление или прямо в волостное правление за взысканием денег с крестьянского общества, к которому принадлежал несостоятельный крестьянин.

Примером такой переписки может служить переписка Санкт-Петербургской городской управы с Толвуйским волостным правлением в 1886 г.

Санкт-Петербургская «городская управа просит поспешить исполнением предписания Петрозаводского Уездного Полицейского управления от 21 мая 1886 г. за № 4823 по делу взыскания 3 руб. 43 коп. за лечение в Обуховской больнице с 13 по 27 марта 1886 г. крестьянина деревни Никитинской Алексея Михайлова Кузьмина»⁶.

На что из волостного правления последовал ответ: Кузьмин заплатить не может, так как «не имеет состояния и к работам по случаю болезни не способен. В чем и состоит сей приговор»⁷.

Иногда переписка превращалось в настоящее расследование.

В качестве примера приведем переписку между больничным отделом Санкт-Петербургской управы и Петрозаводским уездным полицейским управлением: «Препровождая при сем переписку о взыскании 1 руб. 72 коп. за лечение 10 мая 1886 г. в Обуховской больнице отставного ратника из крестьян Толвуйской волости деревни Ганьковецкой Григория Макарова Бочарова, Городская управа имеет честь покорнейше просить полицейское управление сделать распоряжение о взыскании упомянутой суммы с общества, к которому он принадлежит»⁸.

К данному документу приложена справка околоточного о том, «что отставной рядовой 94 пехотного Енисейского полка выбыл в Царское село».

⁴ Там же. Д. 46/1231. Л. 19.

⁵ Там же. Л. 20.

⁶ Там же. Д. 31/954. Л. 6.

⁷ Там же. Л. 7.

⁸ Там же. Д. 32/970. Л. 18.

Следующий этап розыска представляет рапорт полицейского урядника 3 участка 2 стана Корчагина становому приставу 2 стана Петрозаводского уезда, составленный, по-видимому, на основании сведений, полученных из волостного правления: «деньги остались не взысканы, потому что ближайших родственников он (Бочаров. – Л. Т.) не имеет, и на родине его самого не имеется и никогда не бывал с тех пор как поступил на военную службу и по отставке также не бывал и сведений о нем никто и никогда не получал, из соседних деревень некоторые видели его в Санкт-Петербурге и занимается половиною работою по паркетной части. О чем Вашему Высокоблагородию честь имею донести». PS: В итоге поиски казались безрезультатными, так как в Царском Селе Бочарова тоже не оказалось⁹.

Это донесение и было отослано в Санкт-Петербург.

В архивных документах часто встречаются свидетельства о смерти в больницах молодых и совсем юных заонежан и заонежанок, что явно свидетельствует о неблагоприятных условиях их проживания в столице. Среди болезней, приводивших к летальному исходу, на первом месте числилась чахотка, кроме того, упоминались рак, воспаление почек и воспаление мозговых оболочек. Причем очень часто они не успевали прожить в Петербурге и одного года. Так, шестнадцатилетняя Татьяна Акимова, получив паспорт в волостном правлении на один год в феврале 1885 г.¹⁰, в сентябре того же года умерла от чахотки. «В сентябре 1885 г., находясь на излечении в Обуховской больнице, скончалась девица деревни Полевской Толвуйской волости Татьяна Петрова Акимова, числившаяся ученицей»¹¹. Подобные свидетельства касаются и других лечебниц.

Второй известной больницей для несостоятельных людей значилась Александровская, основанная в соответствии с приказом Николая I от 16 августа 1842 г. (рис. 2). Она числилась больницей для чернорабочих людей и располагалась в нескольких частях города, насчитывая 450 мест для мужчин и 50 – для женщин. Свое название она получила при Александре II указом от 31 марта 1861 г. об учреждении в Санкт-Петербурге Александровской больницы для рабочих в память о 19 февраля 1861 г. – дне подписания императором манифеста об отмене крепостного права. Государь пожаловал больнице здание на Фонтанке под № 132. Открытие обновленного госпиталя состоялось 30 августа 1866 г. в присутствии самого Александра II¹².

⁹ НА РК. Ф. 123. Оп. 1. Д. 32/970. Л. 24.

¹⁰ Там же. Д. 26/844. Л. 65.

¹¹ Там же. Л. 67–68.

¹² Из истории Александровской больницы. [Интернет-ресурс] URL: alexhospital.ru/istoriya.html. Дата обращения 6.11.2018.

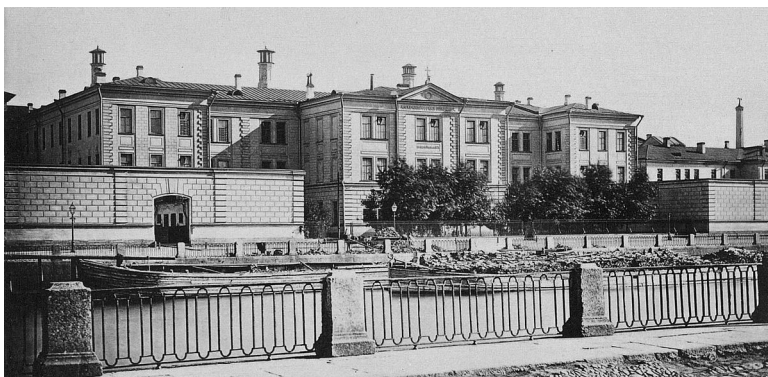

Рис. 2. Александровская больница (конец XIX в.) (фото: русс-и-я РФ)

Существует переписка от сентября–ноября 1891 г. между Санкт-Петербургской городской управой и Толвуйским волостным правлением о взыскании 8 рублей 58 копеек за лечение с 29 марта по 16 мая 1890 г. в Александровской больнице вдовы крестьянина д. Тязвии Авдотьи Александровны Боровлевой¹³.

На запрос Толвуйского правления от 16 сентября 1891 г. крестьянка ответила: «на предъявленное мне настоящее требование имею часть объяснить, что уплатить требуемых с меня денег не в состоянии. Сын мой Михаил Егоров Боровлев также уплатить за меня денег не в состоянии, т. к. только что вышел из учения. Паспорт за № 1003 получила. За неграмотную крестьянку Евдокию Боровлеву по ее личной просьбе расписался Александр Малинин»¹⁴.

Следующее сообщение принадлежит околоточному надзирателю Спасской части Проснякову, выславшему в Толвуйское волостное правление протокол, из которого следует, что он 18 ноября 1891 г. прибыл по месту жительства Боровлевой А. А. «в дом № 1 по Апраксину переулку и предъявил означенное требование об уплате этих денег, но по несостоятельности (вдова. – Л. Т.) отказалась. Имущества же у нея кроме носильного платья никакого не оказалось»¹⁵. И заключительным моментом переписки является приписка околоточного о том, что Боровлевой в свое время не был уплачен больничный сбор¹⁶.

¹³ НА РК. Ф. 123. Оп. 1. Д. 31/954. Л. 48.

¹⁴ Там же. Л. 61.

¹⁵ Там же. Л. 58.

¹⁶ Там же. Л. 55.

Несмотря на то что лечение пациентов в Александровской больнице было поставлено на качественно новый уровень, количество летальных исходов было достаточно высоко. Ниже приводятся несколько архивных документов, свидетельствующих о смертельных случаях завершения болезни среди заонежан, лечившихся в Александровской больнице.

«По отношению Конторы петербургской Александровской больницы 1879 г. февраля 22 дня полицейский урядник требовал с крестьянской вдовы Толвуйской волости Фоймогубского общества деревни Тязвии Федосьи Ивановой Акинфиной за лечение (ее. – *Л. Т.*) умершего сына Якова Степанова один рубль 72 копейки и за пересылку оных в означенную контору 4 копейки»¹⁷.

«Девушка Анна Богданова Политова (22 лет. – *Л. Т.*) из деревни Воронинской Толвуйской волости православного вероисповедания поступила на пользование в Александровскую больницу 27 мая 1898 г. и умерла 21 августа от туберкулеза. Погребена 26 августа на Преображенском кладбище»¹⁸.

Николай Федоров Лижнин 48 лет из д. Масельгская Гора, чернорабочий, скончался в Александровской больнице от рака печени в мае 1916¹⁹.

Ирина Трофимова Разсолова 49 лет, девушка, чернорабочая, скончалась в июне 1916 г. в Александровской больнице²⁰.

Еще одной больницей, в которой лечились заонежские отходники, был Рождественский барачный лазарет. Он основан в 1866 г., когда в связи с очередной вспышкой холеры в Старо-Рождественской части Петербурга был открыт временный холерный приют, который через год стал Рождественской больницей. Закладка и освящение первых в России госпитальных барачков при городской Рождественской больнице привлекло внимание императрицы Марии Александровны, супруги Александра II. В 1881 г. больница была переименована в барачный лазарет памяти императрицы Марии Александровны, скончавшейся в 1880 г.²¹.

В 1884 г. в Рождественском барачном лазарете находилась на излечении крестьянская девушка Василиса Филиппова Никулина из д. Ганьковецкой, 69 лет, о чем имеется архивная запись. «Означенная в сем паспорте крестьянская девушка Василиса Никулина, находясь на излечении

¹⁷ НА РК. Ф. 123. Оп. 1. Д. 20/687. Л. 5.

¹⁸ Там же. Д. 41/152. Л. 455.

¹⁹ Там же. Д. 68/1552 (дело испорчено, нумерация листов отсутствует).

²⁰ Там же.

²¹ *Бертенсон И. В.* Исторический очерк Санкт-Петербургского городского Рождественского барачного лазарета в память государыни императрицы Марии Александровны. За 1866–1890 гг. СПб., 1891. С. 5–17. [Интернет-ресурс] URL: <https://www.prlib.ru/item/335066>. Дата обращения 6.11.2018.

в градском Рождественском барачном лазарете, волею божией скончалась в мире сего 1884 октября двенадцатого и пятнадцатого дня погребена на Митрофаньевском кладбище»²². В следующем 1885 г. такая же судьба постигла пятнадцатилетнего Александра Васильева Белоусова, находившегося на излечении в Рождественском барачном лазарете и скончавшегося 5 августа 1885 г., о чем и сообщила в Толвуйское волостное правление Санкт-Петербургская адресная экспедиция, выслав паспорт Белоусова за № 304 для уничтожения²³.

Еще одна больница, которая упоминается в связи с заонежанами в архивных документах, это больница Святой Марии Магдалины, построенная по инициативе императрицы Марии Федоровны (рис. 3). Больница предназначалась для бедных жителей Васильевского острова и Петербургской стороны и была открыта 14 октября 1829 г., в день первой годовщины смерти императрицы. Больничная церковь была освящена в память небесной покровительницы Марии Федоровны Святой Марии Магдалины. Имя Марии Магдалины было присвоено и самой лечебнице, которую с 1885 г. причислили к разряду градских больниц²⁴.

Рис. 3. Марининская больница (современное фото из Википедии)

²² НА РК. Ф. 123. Оп. 1. Д. 26/84. Л. 2. Василиса Никулина – жительница д. Ганьковецкой Вырозерского общества Толвуйской волости.

²³ НА РК. Ф. 123. Оп. 1. Д. 26/844. Л. 63, 64–65. Паспорт был получен А. Белоусовым в марте 1885 г., в августе того же года он скончался.

²⁴ История Марининской больницы. [Интернет-ресурс] URL: <http://www.mariin.ru/index.php?area=1&p=static&page=history02&overtp1=r01>. Дата обращения 6.11.2018.

В XIX в. пациенты петербургских градских больниц в большинстве своем принадлежали бедным слоям населения и, покидая стены больниц, зачастую оказывались без средств к существованию, без жилья и работы, без соответствовавшей сезону одежды, нередко с просроченными паспортами.

Примерно в таком положении находился крестьянин д. Люмбогуба Толвуйской волости Сила Попилин. Не имея денег, поступил он в больницу Святой Марии Магдалины 7 марта 1900 г., где и скончался 17 марта того же года. Городская управа направила в Толвуйское волостное правление распоряжение о взыскании с общества, к которому он принадлежал, 1 рубля 72 копеек за его лечение²⁵. Сначала деньги попытались востребовать с вдовы умершего, но вдова Силы Попилина Наталья Федорова, проживавшая в Петербурге по Опочининой улице, дом № 37 с тремя детьми четырнадцати, восьми и двух лет, заплатить за лечение мужа оказалась не в состоянии. Как следует из полицейского протокола, «Состояния Наталья Попилина бедного ... имущества никакого не осталось ... занятий кроме воспитания детей не имеет ... существует частными вспомосуществованиями»²⁶.

Лечебницей для душевнобольных низкого социального статуса числились деревянные корпуса больницы на Новознаменской улице. Главное здание больницы – знаменитая усадьба Новознаменка, построенная в середине XVIII в. архитекторами Д. Трезини и А. Ринальди, – принадлежала первоначально графу М. И. Воронцову (рис. 4). В 1830-х гг. усадьба была приобретена сенатором П. В. Мятлевым. В конце XIX в. ее выкупили в казну, и в 1892 г. в ней была устроена Новознаменская больница для душевнобольных. Больница располагалась на Карповке, на обширной территории по обе стороны от современной улицы Чекистов²⁷. В сентябре 1911 г. в одном из корпусов Новознаменской больницы находилась на излечении толвуйская крестьянка девица Фекла Модестовна Сорокина из д. Софроновской, чернорабочая²⁸. Там же в 1916 г. лечилась ее сестра крестьянка Ирина Модестовна Сорокина²⁹.

Еще одной печальной страницей жизни заонежан в Петербурге были богадельни и ночлежные дома (рис. 5), связанные в основном с женскими судьбами. Ведь, помимо женщин, приехавших в столицу с мужьями, и мо-

²⁵ НА РК. Ф. 123. Оп.1. Д. 46/1231. Л. 21.

²⁶ Там же. Л. 23.

²⁷ Новознаменская дача на Петергофской дороге. [Интернет-ресурс] URL: <https://amsmolich.livejournal.com/219818.html>. Дата обращения 6.11.2018.

²⁸ НА РК. Ф. 123. Оп. 1. Д. 61/1392. Л. 18–19.

²⁹ Там же. Д. 63/1425. Л. 82. Д. 68/1522 (дело испорчено, нет нумерации листов).

лодых девушек, пытавшихся найти в большом городе свое счастье, на заработки в Петербург зачастую отправлялись женщины, относящиеся по социальному статусу к категории вдов или старых дев. Свою одинокую жизнь они, как правило, и заканчивали в богадельнях или домах призрения.

Рис. 4. Новознаменская больница (современное фото)

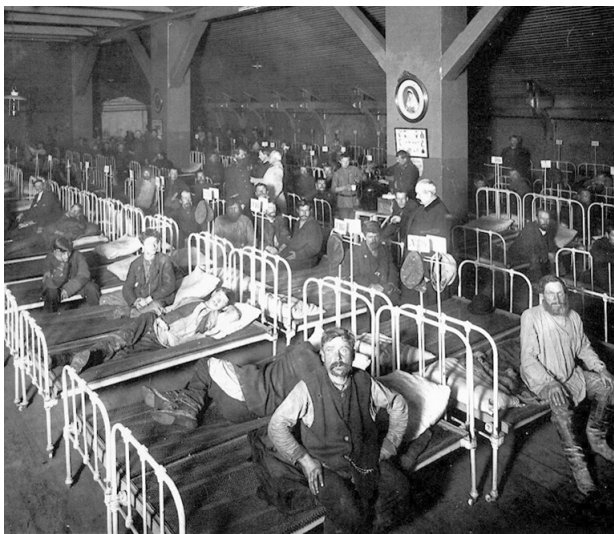

Рис. 5. Ночлежный дом (фото К. Буллы. 1913 г.)

В архивных документах в связи с заонежанами упоминаются Санкт-петербургские градские богадельни, Совет Общества вспоможения бедным в приходе Преображенского всей гвардии собора, Анастасиевская богадельня, Николаевский дом призрения, дом трудолюбия великой княжны Ольги Николаевны.

Зарождение системы городского призрения престарелых и неизлечимо больных началось от Сенатского указа от 19 мая 1733 г. о постройке при церквях в разных районах города семнадцати городских богаделен вдобавок к имевшимся трем.

Одна из таких богаделен, именовавшаяся Обществом вспоможения бедным, существовала при приходе Преображенского всей гвардии собора с 1871 г. вплоть до начала XX в. Преображенский всей гвардии собор на Преображенской площади был построен по проекту архитектора Василия Стасова в 1829 г. Почетное звание «собор всей гвардии» получил еще в период правления Павла I. С 1871 г. при соборе действовало приходское благотворительное общество, которое содержало богадельню, детский приют, столовую и школу для солдатских детей³⁰.

Целью общества было «оказывать помощь нуждающимся как деньгами и вещами, какие будут поступать от благотворителей, так и другими способами, какие окажутся возможными». Совет состоял из пяти постоянных членов: троих священников, одного диакона и старосты собора и 15 членов временных, которые избирались из числа благотворителей. Кроме них в состав совета входили члены попечители, которые, помимо уплаты ежегодных взносов, «принимали на себя обязанность собирать сведения о бедных, узнавая об их летах, звании, состоянии, положении, семейственном образе жизни и нравственности и назначать им пособия (по удостоверении их в действительной бедности и беспомощности)³¹.

В богадельне прихода Преображенского всей гвардии собора призревалась в 1885 г. крестьянка Анна Антипова Лачугина. Ниже приводится документ от имени Совета Общества вспоможения бедным в приходе Преображенского всей гвардии собора на имя Толвуйского волостного правления с просьбой выслать новый паспорт Анне Лачугиной «на простой бумаге и не обозначая срока, а прописать так: на все время призрения ея обществом вспоможения бедным в приходе Преображенского всей гвардии собора», потому что «в настоящее время жизнь ея изменилась ...

³⁰ Спасо-Преображенский собор (Санкт-Петербург). [Интернет-ресурс] URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/ Спасо-Преображенский_собор_\(Санкт-Петербург\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Спасо-Преображенский_собор_(Санкт-Петербург)). Дата обращения 6.11.2017.

³¹ Общество вспоможения бедным в приходе Преображенского всей гвардии собора в Санкт-Петербурге. СПб.: Типография А. Красновского, 1883. С. 1, 4.

к худшему потому совет принял ея в свою богадельню, где она будет проживать до смерти и просит выслать ей бессрочный паспорт»³².

Широкую известность во второй половине XIX в. получила в Петербурге Анастасиевская богадельня петербургского богача паркетчика Тарасова. Она была основана в 1850 г. в память о его скончавшейся дочери Анастасии. Богадельня размещалась близ большого Охтинского единоверческого кладбища в двухэтажном здании по адресу: Георгиевская улица, дом 1. Тарасовым было пожертвовано на богадельню 125 тысяч рублей. Возможно, именно за это богоугодное дело он был удостоен звания коммерческого советника³³. В Анастасиевской богадельне призревалась в конце XIX в. толвуйская крестьянка Устинья Матвеева Санникова 66 лет³⁴ из д. Басинской.

Еще одной богадельней, где призревались заонежане, был Николаевский дом призрения престарелых и увечных граждан Санкт-Петербургского купеческого общества (рис. 6), основанный после холерной эпидемии 1831 г. и состоявший под личным покровительством императора Николая I. Николаевским приют стал именоваться после смерти императора. В дом призрения принимались мужчины и женщины купеческого сословия, в случае вакансий места в приюте предоставлялись

Рис. 6. Николаевский дом призрения (фото: drevo-info.ru)

³² НА РК. Ф. 123. Оп. 1. Д. 26/844. Л. 42.

³³ Анастасиевская богадельня Тарасовых. [Интернет-ресурс] URL: <http://www.citywalls.ru/house10050.html>. Дата обращения 6.11.2018.

³⁴ НА РК. Ф. 123. Оп. 1. Д. 63/1425. Л. 28, 30.

и представителям других сословий. В мастерских дома призрения пряли лен, пеньку, шерсть, изготавливали щетки, игрушки, малярные кисти, половики. В первой половине XIX в. при заведении были основаны госпиталь на 30 коек, Николаевская торговая школа для мальчиков (1839), Александровская коммерческая школа для девочек (1842–1844), носившая имя императрицы Александры Федоровны. В конце XIX в. приют насчитывал около 500 мест. Все призреваемые снабжались форменной одеждой, бельем и обувью. В палатах, спланированных анфиладой, стояло по 16–20 кроватей с тумбочками. Если призреваемые были в силах, они должны были шить и вязать платье и белье, тачать обувь, помогать в приготовлении пищи³⁵. В народе приют прозвали Николаевской богадельней. В 1906 г. в Николаевской богадельне на Петроградской стороне по улице Большая Гребецкая, дом № 37 призревалась толвуйская крестьянка Ольга Иванова Тетерина³⁶.

Самым старым учреждением для призрения престарелых и увечных людей в Петербурге были градские богадельни, приказ об открытии которых издала Екатерина II 6 августа 1871 г. Императрица отвела под богадельни территорию вблизи Смольного. В XIX в. они финансировались из городского бюджета, кроме того, средства поступали от частных лиц и благотворительных организаций. В градских богадельнях с января 1885 г. призревалась толвуйская крестьянка вдова Матрена Федорова Лобашова³⁷.

В конце XIX в. возникает новая форма помощи беднякам – дома трудолюбия, где неимущим предоставлялись оплачиваемая работа, питание и кров над головой.

Один из таких домов возводится в 1896–1897 г. на Никольской площади, 1 на средства городской казны в честь рождения великой княжны Ольги Николаевны (рис. 7). В Ольгинском доме трудолюбия располагались разнообразные мастерские: столярная, переплетная, сапожная, слесарно-механическая, белошвейная, штопальная и вязальная. Обитательницы дома работали на городские родильные и сиротские дома и школы. Во втором здании по адресу: Никольская площадь, 127/1 располагались ночлежный приют и дешевая столовая³⁸. В этом приюте

---

³⁵ Жерихина Е. И. Николаевский дом призрения престарелых и увечных граждан Санкт-Петербургского купеческого общества. [Интернет-ресурс] URL: http://encblago.lfond.spb.ru/showObject.do?object=28064_50180. Дата обращения 7.11.2018.

³⁶ НА РК. Ф. 123. Оп. 1. Д. 53/1310. Л. 13.

³⁷ Там же. Д. 29/914. Л. 3.

³⁸ Городской дом трудолюбия великой княжны Ольги Николаевны. [Интернет-ресурс] URL: <http://www.citywalls.ru/house1730.html>. Дата обращения 7.11.2018.

в 1912 г. призревалась крестьянка д. Пикалева Конца Толвуйской волости девица Анна Агапова Богданова, 69 лет, прежде служившая горничной³⁹.

Драматической страницей жизни заонежан в Петербурге было нарушение ими закона и пребывание в стенах исправительных учреждений. Частично причины заключения под стражу можно прояснить из отдельных архивных документов, в которых мировые судьи различных участков Петербурга доводят до волостного правления сведения о проступках заонежан. Вот документ от 28 марта 1875 г. Мировой судья 30 участка Петербурга (Выборская сторона?) сообщает: «на основании 191 статьи, установленной уголовным судом, сообщаю правлению, что крестьянка означенной (толвуйской. – Л. В.) волости деревни Спировка Варвара Львова приговорена мною к заключению в тюрьме на 4 месяца по обвинению ея в краже. Приговор вступил в окончательную заключительную силу... 25 февраля сего года»⁴⁰. Вот еще одно сообщение от 30 августа 1875 г. Мировой судья 14 участка (Василеостровский р-н ?) сообщает в Толвуйское правление: «Крестьянин деревни Римской Петр Иванов Ряхлов приговорен к заключению в тюрьме на 3 месяца по обвинению его в краже замка у господина Рота»⁴¹.

*Рис. 7. Городской дом трудолюбия великой княжны Ольги Николаевны
(фото: www.citywalls.ru)*

³⁹ НА РК. Ф. 123. Оп. 1. Д. 63/1425. Л. 67–68.

⁴⁰ Там же. Д. 13/507. Л. 4.

⁴¹ Там же. Л. 12.

По свидетельству архивных документов, заонежане отбывали тюремное заключение в Петербурге в двух тюрьмах: в Литовском тюремном замке или в «Крестах».

Литовский замок – тюрьма в округе Коломна на пересечении реки Мойки и Крюкова канала напротив Новой Голландии. Здание тюремного замка было возведено в 1783–1787 гг. по проекту архитектора И. Старова. Это было неправильной формы здание с пятью круглыми башнями по углам. Предположительно в 1797 г. в здании разместились кавалергардский полк, а затем литовский мушкетерский полк, давший название самому зданию – Литовская казарма. В 1822 г. Александр I повелел перестроить Литовскую казарму в тюрьму, и в 1823 г. Литовская казарма превратилась в градскую тюрьму, которая насчитывала 103 камеры и подразделялась на 10 изолированных отделений в зависимости от рода уголовного преступления. В ней могло разместиться около 600 арестантов. Литовский тюремный замок просуществовал до 1917 г. В марте 1917 г. толпа революционных петроградцев сожгла Литовскую тюрьму как символ произвола царского режима⁴².

С 1880 по 1883 г. в петербургском Литовском тюремном замке за нанесение тяжких телесных повреждений отбывал заключение крестьянин д. Шитики Данила Евдокимов Коробов⁴³. В 1898 г. в Литовской тюрьме в исправительном арестантском отделении находилась толвуйская крестьянка Авдотья Федорова Михеева⁴⁴.

Более всего заонежан отбывало исправительный срок в знаменитой петербургской тюрьме «Кресты». Свое название тюрьма получила от двух крестообразных корпусов, возведенных в 1893 г. на Выборгской стороне на Арсенальной набережной, 5. С 1906 г. «Кресты» становятся тюрьмой, имевшей около 1000 одиночных камер, где заключенные обязаны были работать⁴⁵.

В разные годы в одиночных камерах «Крестов» отбывали наказание крестьяне-отходники из Толвуйской волости:

В 1906 г. – крестьянин д. Заречье Алексей Марков Амбаров⁴⁶ и крестьянин д. Алексеевской Василий Степанов Сидоркин (21 год), чернорабочий⁴⁷.

---

⁴² Литовский замок. [Интернет-ресурс] URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Литовский_замок. Дата обращения 7.11.2018.

⁴³ НА РК. Ф. 123. Оп. 1. Д. 24/814. Л. 9.

⁴⁴ Там же. Д. 41/1152. Л. 394.

⁴⁵ «Кресты». [Интернет-ресурс] URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Кресты>. Дата обращения 7.11.2018.

⁴⁶ НА РК. Ф. 123. Оп. 1. Д. 53/1310. Л. 21.

⁴⁷ Там же. Л. 46.

В 1909 г. – крестьянин д. Андриановой Василий Андрианов⁴⁸.

В 1910 г. – крестьяне из разных деревень: Петр Иванов Черепов⁴⁹ из Кузарандского погоста, занимавшийся в тюрьме картонажными работами, Иван Иванов Тукачев⁵⁰ из д. Харлова, Василий Ефимов Карманов⁵¹ из д. Онежаны и Дмитрий Васильев Куканов из д. Алексеевской⁵².

В 1911 г. – двадцатичетырехлетний крестьянин из д. Кривоноговской Василий Васильев Романов, занимавшийся в тюрьме сапожным ремеслом⁵³.

Возвращение крестьянина на родину по окончании срока тюремного заключения было связано с решением сельского схода о возможности вновь принять его в ряды сельского общества.

В этом отношении показательно постановление толвуйского сельского схода от 29 мая 1883 г. о принятии вновь в ряды общества крестьянина д. Шитики Данилы Коробова, осужденного в Петербурге на три года за нанесение тяжких телесных повреждений. «...Мы нижеподписавшиеся Олонецкой губернии Петрозаводского уезда Толвуйской волости Толвуйского сельского общества разных деревень... в общем собрании на полном сельском сходе, где выслушали прочитанное нам предписание Олонецкого губернского правления от 21 мая сего 1883 г. за № 1585 и приложенный при оном аттестат смотрителя Санкт-Петербургского тюремного замка о том, что отданный в арестантские роты по решению Санкт-Петербургского окружного суда за нанесение раны на 3 года крестьянин одного с нами общества деревни Шитиков Данила Евдокимов Коробов, во время пребывания в Санкт-Петербургском тюремном замке вел себя хорошо и к работам был усерден. Вследствие сего постановили сей приговор в том, что на принятие в среду ныне содержащегося в Санкт-Петербургском арестантском отделении крестьянина одного с нами общества деревни Шитики Данила Коробова изъявляем единогласное и полное наше согласие в том и подписуемся»⁵⁴.

Еще одной из печальных сторон пребывания заонежан в Петербурге было нищенство. Крестьянин, просрочивший с получением паспорта, потерявший вид на жительство в Петербурге и не имевший возможности заработать себе на жизнь, начинал просить милостыню. Делами нищенства

⁴⁸ Там же. Д. 55/1329. Л. 101.

⁴⁹ Там же. Д. 59/1364. Л. 161–162.

⁵⁰ Там же. Л. 163.

⁵¹ Там же. Л. 164.

⁵² Там же. Л. 165.

⁵³ Там же. Д. 61/1392. Л. 21.

⁵⁴ Там же. Д. 24/814. Л. 9.

занимался в Петербурге Комитет для разбора и призрения нищих, основанный в 1837 г. и просуществовавший до 1903 г. Одной из сторон его деятельности было разделение задержанных нищих на «профессионалов» и людей, ступивших на этот путь в связи с тяжелыми жизненными обстоятельствами⁵⁵. С большой долей уверенности можно утверждать, что отходники заонежане принадлежали ко второй категории. Доказательством тому является малое количество архивных документов по данной теме. Один из них – уведомление, отправленное полицейским управлением Санкт-Петербурга в Толвуйское волостное правление. «Высочайше утвержденный Комитет для разбора и призрения нищих отношением от 22 апреля (1869 г. – *Л. Т.*) за № 2669 уведомляет Толвуйское правление, что крестьянин Петрозаводского уезда Толвуйской волости д. Широкопольской Степан Николаев Масляков, задержанный за прошение милостыни, передан в ведение Санкт-петербургского правления для препровождения на родину этапным порядком». Комитет просит «во исполнение статьи 20 Высочайше утвержденного 3 июня 1894 г. положения о видах на жительство не выдава[ть] Маслякову паспорта ранее истечения двух лет со времени высылки его на родину»⁵⁶.

Не располагая сведениями личностного и мемуарного характера, благодаря архивным документам, мы имеем достоверную источниковедческую базу для понимания и оценки такого явления, как отходничество заонежан в Петербург. Архивные источники позволяют нам приоткрыть завесу не только над благополучными, но и над печальными страницами их жизни. Представить, как тяжело жилось в огромном равнодушном городе подросткам, приехавшим сюда из родной деревни, оторвавшимся от семьи, как часто они болели и умирали в петербургских больницах от страшной болезни XIX в. – чахотки, что само по себе свидетельствовало о неблагоприятных условиях их жизни в столице. Не менее драматичны были судьбы пожилых одиноких заонежанок, завершавших свой путь в богадельнях и приютах, жен, оставшихся без помощи после смерти мужа-отходника с детьми на руках, а также тех, кто отбывал срок наказания в тюремных замках или нищенствовал на улицах Петербурга. Представить эти картины жизни заонежан в большом городе и посочувствовать им помогают сухие строки архивных документов, за которыми стоят живые человеческие судьбы.

⁵⁵ Зинченко Д. В. Деятельность комитета для разбора и призрения нищих в Санкт-Петербурге. [Интернет-ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/deyatelnost-komiteta-dlya-razbora-i-pri-zreniya-nischi-h-v-sankt-peterburge>. Дата обращения 7.11.2018.

⁵⁶ НА РК. Ф. 123. Оп. 1. Д. 38/1099. Л. 1–2.

Б. А. Гуцин

КИЖИ. НЕЗАБЫВАЕМЫЙ 1919

В 2002 г. в сборнике «Кижский вестник» № 7 была опубликована моя статья «Деревни Кижской волости (сельсовета) в 1917–1940 гг. (по архивным документам)», где я кратко касался событий Гражданской войны¹. События эти, разумеется, заслуживают большего внимания со стороны исследователей хотя бы потому, что военные действия в 1919 г. проходили непосредственно как на самом острове Кижы, так и в его окрестностях.

Настоящая статья, к сожалению, тоже достаточно фрагментарна, так как, пожалуй, наиболее интересующие нас документы безвозвратно утеряны, о чем позже я расскажу подробнее.

Вспомним, что первым новым учреждением в Кижской волости стал военный комиссариат, организованный 1 сентября 1918 г. Его первым военкомом стал петербургский столяр В. И. Климов. Непосредственно в военкомате было 13 служащих на 31 красногвардейца, а к декабрю 1918 г. за ним числилось еще 12 инструкторов по всеобщему².

На 1 января 1919 г. красноармейцев Кижского волостного комиссариата числилось 25 человек (по списку), а по штату – 67³.

Необходимо отметить, что большинство этих людей, а тем более руководство военкомата, были военными, побывавшими на фронтах Первой мировой войны. Сам военком на фронте был бомбардиром⁴.

Унтер-офицерами были бывший приказчик В. Ф. Дегтярев, Н. Ф. Гришин и А. К. Вересов⁵. Взводными в армии – И. Н. Маньшин, Ф. И. Ермолин и А. Ф. Прохоров⁶.

---

¹ *Гуцин Б. А.* Деревни Кижской волости (сельсовета) в 1917–1940 гг. (по архивным документам) // Кижский вестник. Петрозаводск, 2002. Вып. 7. С. 46–60.

² Там же. С. 41.

³ НА РК. Ф. Р-575. Оп. 1. Д. 35/388. Л. 3.

⁴ Там же. Оп. 2. Д. 5/55. Л. 2.

⁵ Там же. Л. 6,7,37.

⁶ Там же. Оп. 1. Д. 36/402. Л. 5.

Военным руководителем и его помощником были профессиональные военные, бывшие офицеры, военрук Дмитрий Васильевич Бедекер (1888 г. р.), петербуржец, окончивший Кадетский корпус и Павловское военное училище, поручик артиллерии, сочувствующий РКП (б)⁷.

Особо отметим его заместителя Павла Никтополионовича Метевского. Он родился в 1895 г. в Петербурге. Окончил Кадетский и младшие спецклассы Морского корпуса. Во время Первой мировой войны пошел вольноопределяющимся на флот. Окончил Бакинскую школу морской авиации. Прапорщик П. Метевский во всех анкетах указывал свою основную специальность так: «Летчик». В Карелию он попал как инструктор артиллерийской бригады Олонецкой дивизии. Судя по отчеству П. Н. Метевский, вероятно, происходил из священнической семьи. Во всяком случае свои петрозаводские координаты он указывал в духовной семинарии. Разумеется, он называл себя сочувствующим большевикам⁸, но именно этот «сочувствующий» встал во главе тщательно законспирированной антисоветской организации, которая существовала в Кижях в начале 1919 г. Организация собрала как денежный фонд, так и оружейный арсенал. Судя по сохранившемуся документу⁹, она готова была взять власть в свои руки, но по каким-то причинам так и не выступила против Советов.

В начале 1919 г. численность белогвардейских частей на Севере возросла с 6–7 тысяч до 15. Зато союзники имели к началу 1919 г. в составе Мурманской группировки до 10 тысяч и Архангельской – более 13 тысяч солдат и офицеров. Численность советских войск на Архангельском и Мурманском направлениях составляла 15–18 тысяч человек¹⁰. И хотя в начале 1919 г. военные действия не касались Заонежья непосредственно, война принесла голод.

Летом 1918 г. из-за погодных условий в Кижской волости выдался ничтожный урожай ржи. Продовольственная коллегия, как уездная, так и губернская, не могла помочь крестьянам¹¹. В октябре 1918 г. Кижский комбед принял постановление о реквизиции хлебных излишков у крестьян. Была установлена норма на едока, причем отбирался излишек, который остается от 9 месяцев. При этом не учитывалось, сколько времени жить крестьянину до нового урожая. Семенной овес не реквизировался. Оставлялось 18 пудов картофеля на едока¹². Естественно, что в большинстве семей

⁷ НА РК. Ф. Р-575. Оп. 2. Д. 5/55. Л. 4.

⁸ Там же. Д. 1/11. Л. 11.

⁹ Фонды музея «Кижь». КП-2841.

¹⁰ История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 409.

¹¹ НА РК. Ф. Р-323. Оп. 1. Д. 2/17. Л. 30.

¹² Там же. Л. 29. См. также: *Гущин Б. А.* Деревни Кижской волости... С. 47.

эти запасы к новому 1919 г. были съедены, поэтому Кижский волостной съезд сельских советов крестьянских депутатов 12 января 1919 г. принимает такую резолюцию: «Съезд сельских Советов, обсуждая продовольственный вопрос, который как самый больной и безвыходный, особенно осложнившийся в самом бедственном и критическом положении для Кижской волости, которая пострадала от сильного градобития посевных ржаных полей. Съезд после докладов с мест районных советов представителей, которые в простом, кратком и разумном отношении за страх будущего голода за 1919 г., потому что многие крестьяне едят семенной овес, ввиду того что норма, обозначенная по случаю недостатка подвозимых продуктов, муки ржаной совсем не получали, только один овес по 10 ф. на едока и 20 ф. картофеля, запасы которых кончились, не удовлетворяют и заставляют нас есть семена, чтобы не помереть с голоду».

«Съезд Советов .. находит справедливым протестовать против Уездного исполнительного комитета, который забыл свое назначение и долг службы перед народом. Когда случилось градобитье, исполком назначил комиссию для обследования полей, которая определила убытки минимум на 60 тыс. рублей.

Просим справедливо отнестись к голодному населению, идти навстречу к беднейшему крестьянству, полувывирающему от голода, и потому просим Губ. исполком, у которого имеются по следствию градобития данные, по которым можно и законно прибавить норму на едока. Если найдутся наши требования справедливыми, просим передать документальные данные уездному продотряду, на обязанности которого лежит распределение продуктов»¹³.

Через день после съезда Кижское волостное общее собрание 14 января 1919 г. принимает отчаянную резолюцию в ответ на требование податного инспектора об уплате недоимок за 1917 и 1918 г.

«Довести до сведения податного инспектора Петрозаводского уезда, что ввиду исключительной дороговизны жизни и безработицы и начавшегося голода население волости считает налог непосильным, так как большинство граждан не в состоянии выкупать маленькую норму и начинают есть солому, и той в этом году мало. Если не будет прислано своевременно хлеба, будет съедена солома людьми, и скот должендохнуть, а потому налог скинуть навсегда и весь»¹⁴.

На этом же собрании крестьяне принимают резолюцию о том, что они отказываются сдавать кожи на приемно-сборный пункт, так как все

¹³ Там же. Д. 2/15. Л. 67.

¹⁴ Там же. Л. 55.

население ходит без сапог, а крестьяне сдавшие кожу за самую ничтожную цену, должны покупать свои же кожи за 380 руб. за пуд¹⁵.

Не удивительно, что многие крестьяне, не довольные советской властью, вступают в антисоветскую организацию П. Н. Метевского.

Следует сказать, что петрозаводская уездная власть пыталась помочь голодным крестьянам Заонежья. На II заседании Петрозаводского уездного исполкома совета крестьянских, рабочих и красноармейских депутатов было принято такое постановление.

«...Ввиду крайне острого продовольственного кризиса в этих волостях и могущих произойти на этой почве недоразумений обратиться с ходатайством в Губпродколлегия о немедленном снабжении заонежских волостей хлебом вообще и семенами на время распутицы.

Принимая во внимание, что граждане города получают паек по I категории 7 ф. на неделю, тогда как граждане деревни получают всего 4–5 ф. на две недели, просить Губпродколлегия временно унизить паек для граждан города и за счет такого урезывания снабдить голодающих волости»¹⁶.

Недовольные кижане еще в декабре 1918 г. отказались послать двух добровольцев в образцовый полк, отметив это следующей резолюцией Кижского волостного съезда сельских советов:

«Согласно принятой резолюции видно, что в означенные полки должны быть посланы люди от 21 до 30 лет вполне здоровые и стоящие на платформе Советской власти и ничуть не насильно. Видно, что желающих в районах нет»¹⁷.

Кижанам это не прошло даром, и 23 января 1919 г. на Кижском волостном съезде советов было оглашено, что этот вопрос следует передать в сельсоветы и выбор изъявляющих желание людей пойти в образцовые полки должен вестись обязательно при члене исполкома агитационной части А. Е. Кимове¹⁸. Так что не удалось кижанам проигнорировать образцовые полки.

Январь 1919 г. отмечен одним любопытным документом, касающимся непосредственно Кижского архитектурного ансамбля, вышедшим из Кижского волысполкома: «Волостной исполком доводит до сведения, что в пределах Кижской волости памятников старины не имеется»¹⁹. А один из волостных деятелей предложил превратить Преображен-

¹⁵ НА РК. Ф. Р-323. Оп. 1. Д. 2/17. Л. 29.

¹⁶ Там же. Д. 5/63. Л. 30.

¹⁷ Там же. Д. 2/15. Л. 36, 37.

¹⁸ Там же. Л. 99.

¹⁹ Там же. Д. 4/43. Л. 10.

скую церковь в клуб, но, согласно воспоминаниям А. В. Серовой, в 1918–1919 гг. работавшей машинисткой волисполкома, ни один человек не поддержал эту идею²⁰.

В условиях надвигающегося голода крестьяне Кижской волости зимой 1919 г. организовали артель рыбаков²¹ и лесную артель²², сразу получив заказ от СНХ на изготовление черенков для лопат, топорниц, колес и т. д. Несмотря на это, весной 1919 г. голод стал угрожать каждому крестьянину. В общественный амбар поступило 150 пудов хлеба, хотя требовалось минимум 1000 пудов. Норма хлеба на человека стала всего 2 фунта в день. Семенной овес остался только у каждого десятого крестьянина. Лишь отчаяние заставило крестьян просить рыбаков отказаться от получения нормы из общественного амбара²³. Продовольственная помощь из города так и не пришла²⁴. В ответ на это делегаты апрельского волостного съезда советов отказали городу в поставках мяса, иначе пришлось бы пустить под нож четвертую часть молочного скота. В резолюции съезда, направленной Уездпродкому, есть такие слова: «Крестьяне Кижской волости держат скот не для роскоши, а исключительно для удобрения, что должен знать Уездпродком, а если не знает, то пусть спросит господ агрономов... Съезд ставит вопрос ребром Уездпродкому: что он хочет от деревни? Голодного населения? Разорить или развить его? В то время как крестьянство ест солому и другие суррогаты...» (документ обрывается)²⁵.

Ощутимым ударом по крестьянству, особенно зажиточному, стало предписание исполкома Петрозаводского уездного совета финансового отдела о чрезвычайном революционном налоге. Крестьяне Кижской волости должны были заплатить в счет этого налога 28.100 рублей²⁶. Из этой суммы больше половины выпало на 51 крестьянина, из них на торговцев М. Я. Горбачева – 5000 рублей, М. Е. Афанасьева – 5000 рублей, Я. С. Киселева – 1000 рублей и А. Г. Рисанова – 1000 рублей. С остальных крестьян налог составлял 20–25 рублей с человека²⁷. М. Я. Горбачев и М. М. Горин в апреле 1919 г. собрали сход, на котором просили власти уменьшить налог, разложив его и на прочих граждан волости. В ответ на это съезд советов устроил им сумму налога²⁸.

²⁰ НА МЗК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 3739. Л. 107.

²¹ НА РК. Ф. Р-323. Оп. 1. Д. 2/19. Л. 27.

²² Там же. Д. 2/15. Л. 175.

²³ Там же. Л. 214.

²⁴ Там же. Л. 189.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. Л. 99.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. Л. 117.

С весны 1919 г. военная обстановка в Карелии обострилась. Правительство Великобритании решило использовать летний период для нанесения мощных ударов по советским войскам в направлении Петрозаводска, Вологды и Котласа. Войска генерала Мейнарда (командующий войсками интервентов на Мурмане), наступавшие с севера, ценой больших потерь заняли Повенец 18 мая 1919 г., а 21 мая – станцию Медвежья Гора и вышли на побережье Онежского озера. Здесь ими была создана военная флотилия²⁹. Первоначально она насчитывала 10–12 катеров-истребителей и несколько судов, которые были вооружены 37–47 миллиметровыми орудиями и пулеметами. Летная эскадрилья насчитывала 20 гидросамолетов. Летчиками были исключительно англичане и французы. Интервенты располагали судами, более быстроходными, чем Красная армия (25–30 узлов против 8–10). Вражеские суда при попытках советской Онежской флотилии навязать бой, уходили под прикрытие береговых батарей³⁰.

Фронт быстро подходил к Заонежью.

Весенний сев в деревнях Кижской волости срывался из-за того, что почти весь семенной хлеб был съеден. В уездную продкомиссию был кооптирован П. Я. Петров с заданием достать 5500 пудов семян. У него даже были полномочия: в случае неудачи дойти до Е. Г. Зиновьева в Питере и до В. И. Ленина в Москве³¹.

Провести весенний сев в Заонежье помогла неожиданность. В распоряжении Губземотдела и Комитета посевной площади оказалось на станции Лодейное Поле 14 вагонов, на станции Званка 12 вагонов, на станции Медвежья Гора 1 вагон овса. Хотя этот овес и не предназначался для Олонецкой губернии, его решили поделить, учитывая растущее недовольство крестьянства в связи с наступающим голодом.

В постановлении заседания Петрозаводского уездного исполкома Петрозаводского уездного совета крестьянских и рабочих депутатов говорилось: «1) Просить Губернский ВРК, продколлегию и губком партии большевиков обратить серьезное внимание на продовольственное положение в Петрозаводском уезде, население которого в данный момент вторжения в его пределы банд белой гвардии, при подобной политике, будучи настроено на почве голода оппозиционно к советской власти, дает большие козыри в руки белой гвардии и может вызвать голодное столкновение между гражданами Повенецкого и Петрозаводского уездов.

²⁹ История Карелии... С. 413–417.

³⁰ Морозов К. А. Онежская флотилия в годы Гражданской войны и иностранной интервенции (1918–1920). Петрозаводск, 1961. С. 59–60.

³¹ НА РК. Ф. Р-323. Оп. 1. Д. 2/9. Л. 29.

2) Просить губземотдел срочно дать все возможное уезду для обсеменения полей Заонежских волостей приблизительно до 12000 пудов, что, помимо пользы дела, создаст благоприятное настроение населения в отношении к власти.

3) Предложить вновь прибывающий овес предоставить прежде всего обделенным по военным обстоятельствам волостям Заонежья, в частности: Толвуйской, Великогубской, Сенногубской, Спасопреображенской, чем по возможности сравнять их с другими волостями уезда»³².

Так что с большим трудом весенний сев 1919 г. в Кижской волости был проведен, но голод становился хроническим³³.

В конце мая – в июне развернулись бои уже в Заонежье и к востоку от Онежского озера. На сторону белых встали и многие местные крестьяне. 25 мая противнику удалось на Заонежском полуострове занять Шуныгу и Толвую, а на восточном берегу – Чёлмужи и Пудожгору. Регулярных частей Красной армии здесь не было. Для борьбы с белыми и интервентами на эти участки фронта из Петрозаводска направляются на кораблях Онежской флотилии местные отряды³⁴.

Волостные совдепы принимают решение о мобилизации населения от 18 до 40 лет и запрещении всякой антисоветской агитации вплоть до революционного трибунала³⁵. С мая 1919 г. в Заонежье действовал отряд под командованием сотрудника губчека М. С. Антонова. Отряд особого назначения состоял из рабочих Онежского завода, членов олонекских губкома, губисполкома, членов РКП (б), сотрудников ЧК.

В том, что многие крестьяне Толвуи и Шуныги в мае 1919 г. поддержали белых, на мой взгляд, есть вина отряда Антонова и его лично. По сути некоторые крестьяне (пожалуй, даже большинство) стояли в оппозиции к воюющим сторонам. Антонов же настроил крестьян против себя жестокостью и многочисленными ничем неоправданными реквизициями. Вот список реквизированного антоновцами у крестьянина Николая Тряпицина (к этому добавлено и реквизированное 6 финским красным полком)³⁶.

«1) Корова, 2) Овец четверо, 3) Картошки выкопано 6 мер, 4) Сена скотина 25 ф. ... 5) Муки 2 пуда, 6) Лошадь Клинова, 7) Серебра... [слово не окончено], 8) Круги извести, 9) 2 пары перьещипанных подушек, 10) 4 пары носков суконных, 11) 13 полотенцев, 12) 35 аршин

³² Там же. Д. 5/63. Л. 44.

³³ Гуцин Б. А. Деревни Кижской волости... С. 50.

³⁴ Очерки истории Карелии. Петрозаводск, 1964. Т. II. С. 102.

³⁵ НА РК. Ф. Р-323. Оп. 1. Д. 2/19. Л. 151.

³⁶ Советы Карелии. 1917–1992. Документы и материалы. Петрозаводск, 1993. С. 65.

холста, 13) 2 рубахи вязанных, 14) 6 пар делнис ...(?) суконных, 15) 2 платка шелковых, 16) 2 платка гарусных, 17) Деньгами 3400 руб.»³⁷.

Белогвардейская же пропаганда обещала крестьянам, в том числе и бедным, только что получившим дополнительную землю, белый хлеб и пряники, которые на самом деле привозили в деревни, раздавая их крестьянам налево и направо³⁸. А перед приходом красных белогвардейцы-агитаторы проехали по деревням Заонежья с возгласами «Уезжайте скорее, бросайте все. Приехала Красная армия в Толвую. Всех стреляют, бросают в воду, режут, давят»³⁹. Многие крестьяне поэтому убежали в леса. Несмотря на явный неконтакт отряда М. С. Антонова с местным населением, боевые действия отряда были достаточно успешными. Отряд высадился в районе Толвуи 29 мая 1919 г. и при поддержке кораблей Онежской флотилии повел наступление на Шуньгу. Заняв д. Шунгский Бор, отряд завязал бой за д. Богачёво, но, понеся большие потери, отошел к Толвуде, а затем к Кузаранде. В течение июня-июля бои шли севернее деревень Толвуя, Великая Нива, Терехово. Южная часть Заонежского полуострова прочно удерживалась красными⁴⁰.

Недовольство крестьян усиливалось и явной неразберихой в волостных советских учреждениях, где иногда заседали явные сторонники белых. Так, например, согласно объявленной мобилизации, в Великой Губе на пристань 15 мая, 5, 12, 20 июня являлось больше 100 человек мобилизованных, в ожидании парохода, который так и не пришел ни в один из этих дней. А 2 июля 1919 г. военный руководитель Великогубской волости перешел на сторону белых и с пришедшим отрядом арестовал всех советских служащих⁴¹. Типиницкий ревисполком эвакуировался в д. Вороний Остров, так как после занятия Великой Губы предполагался набег на Типиницы. Спротивления никакого местные крестьяне не оказали, так как, не имея продовольствия, настроены были весьма контрреволюционно⁴².

В этом же месяце Великая Губа была вновь занята красными и там вместо исполкома был организован Военно-революционный комитет⁴³.

Части интервентов и белогвардейцев 3 августа 1919 г. атаковали с суши и озера подразделения Красной армии в Заонежье (в районе д. Падмозеро). В Толвуде белогвардейцами было высажено подкрепление. После

³⁷ НА РК. Ф. Р-323. Оп. 1. Д. 8/110. Л. 54.

³⁸ Там же. Ф. Р-573. Оп. 1. Д. 81/671. Л. 41.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Очерки истории Карелии... С. 103.

⁴¹ НА РК. Ф. Р-575. Оп. 1. Д. 22/249. Л. 111.

⁴² Там же. Ф. Р-573. Оп. 1. Д. 43/385. Л. 109.

⁴³ Там же. Ф. Р-323. Оп. 1. Д. 5/63. Л. 63.

ожесточенных боев, пользуясь численным превосходством (против двух батальонов Красной армии), белые взяли в свои руки весь Заонежский полуостров. В Великой Губе была создана промежуточная база для катеров белогвардейской военной флотилии и гидропланов⁴⁴.

Советские учреждения Великой Губы были эвакуированы в д. Лонгасы (Сенная Губа).

Небольшую помощь белогвардейским отрядам своим вступлением в них оказывали дезертиры, всеми правдами и неправдами избежавшие красной мобилизации. На них время от времени устраивались облавы. «В результате августовских облав в волостях Деревянской, Ладвинской, Остречинской, Шелтозерской и Кижской количество дезертиров 35 чел. Каковые волости очищены от дезертиров», – докладывал предкомдезертир Ширшин⁴⁵.

В середине сентября 1919 г., остановив наступление белых на всех участках фронта, красные части перешли в контрнаступление. Командование начало операцию по освобождению Б. Клименецкого острова от белых 13 сентября 1919 г. При поддержке кораблей Онежской флотилии в районе д. Войнаволок был высажен десант, который 16 сентября полностью очистил остров от белых⁴⁶.

Август – октябрь 1919 г. – наиболее тяжелый период для острова Киж, который много раз переходил из рук в руки, и советские волостные учреждения, включая военкомат, не раз уезжали в эвакуацию: в д. Серёдка, Сенная Губа и даже в Петрозаводск.

К сожалению, все документы наиболее интересующего нас периода не сохранились. Вот что об этом говорится в приказе по военному комиссариату Кижской волости № 1 от 20 сентября 1919 г.

«Военкомат только что прибыл из эвакуации (Петрозаводск) и расположился в Серёдке в самом богатом доме – доме Горбачёва»⁴⁷.

Обратим внимание на номер приказа – № 1 (сентябрь 1919 г.) и приведем оттуда цитату. «Во время первого наступления белых на Кижскую волость были приняты меры по эвакуации... Все имущество было погружено в лодку, но ввиду сильного артиллерийского огня на лодке вывести или уничтожить не представилось возможным. [Позже] Лодка была увезена белыми». Хотя эта же история приказом № 16 от 5 ноября 1919 г. датируется ноябрем 1919 г.⁴⁸

⁴⁴ Очерки истории Карелии ... С. 109

⁴⁵ НА РК. Ф. Р-575. Оп. 1. Д. 22/249. Л. 163.

⁴⁶ Очерки истории Карелии... С. 110.

⁴⁷ НА РК. Ф. Р-575. Оп. 1. Д. 25/281. Л. 13, 27.

⁴⁸ Там же. Л. 13, 25.

Из-за отсутствия документов приведем рассказ очевидца кижских событий лета – осени 1919 г., дочери кижского священника М. А. Русанова Марии Михайловны Русановой (1911 г. р.), записанный в 1988 г. старшим научным сотрудником музея «Кижь» Р. Б. Калашниковой.

«Во время Гражданской войны однажды обстреляли погост. Военный корабль стоял около д. Кузнецы и стрелял прямо по погосту. Корабль был наш, Красной армии, потому что накануне были белые на погосте, которые уже удрали восвояси. Около сорока было выпущено по погосту. И вот один из снарядов попал в купол Преображенской церкви. С левой стороны купол был разбит. Но отец сразу позаботился, чтобы отремонтировать купол. Ремонтировал его крестьянин из д. Мальково.

В Гражданскую войну наш остров как передовая позиция. Утром придут красные, причем нас возили туды – сюды в разные деревни. Красные придут, нас увезут в Подъельник. Смешная была война! Ну, вот там мы живем, потом опять придут [белые], красных выгонят. Причем, значит, красные придут, у них не было красного флага... придут к маме просить тряпку какую-нибудь. Там у нее был фартук большой, красный. Повесят на колокольню: Здесь красные. Ну, эти белые куда-то там уехали на север. А когда красные побудут, опять белые наступают, тогда нас везут в Серёдку... Там и живем... пока все не утихнет. Утихнет когда все – мы домой»⁴⁹.

Мы не можем установить точную дату повреждения артиллерийским огнем (белые или красные?) Преображенской церкви, но вполне возможно, что это произошло во время боев 16–21 сентября 1919 г.

Приведем выдержки из телеграмм начальника штаба Т. Е. Путилова Зиновьеву и другим от 19 сентября 1919 г.

«Мурманский участок – правый фланг. Высадившийся на Климецком батальон финского полка [шестой полк красных финнов комиссаром второй роты был Тойво Антикайнен] при активной поддержке судов Онежского флота ведет энергичную борьбу с противником: так 16.09 под прикрытием огня с канонерки сильный противник на 10 рыбацких лодках пытался произвести десант с острова Киж на северо-западную часть берега острова Климецкого, но оружейным и пулеметным огнем стрелков был отбит. В течение дня противник несколько раз обстреливал деревню Сенногубскую. Этот обстрел повторился. Причем кроме огня с судна противник вел его из береговых батарей. Под прикрытием этого огня противник несколько раз подбрасывал пехотные части на о. Климецкий у д. Гивес-Наволок»⁵⁰.

⁴⁹ НА МЗК. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2. Л. 34.

⁵⁰ НА РК. Ф. Р-575. Оп. 1. Д. 22/248. Л. 95.

Уже через три дня, 22 сентября 1919 г., Путилов шлет Г. Е. Зиновьеву телеграмму следующего содержания: «...Мурманский участок – правый фланг. Высадившийся в д. Гиве-Наволок десант противника быстрым натиском 1^й 3^й рот Финноотряда был опрокинут в озеро и на рыбачьих лодках переправился на остров Киж. Обстрелянный огнем наших судов 21 сентября противник очистил и этот остров (подчеркнуто мной. – Б. Г.)... Белые эвакуируются в глубь материка и... уже оставили деревню Боярщину и стояли в деревне Липовицы»⁵¹.

Так что вполне можно допустить, что Преображенская церковь на острове Киж пострадала именно во время этих боев.

12 октября 1919 г. англичане и сербы покинули Мурманск. Военная интервенция на Севере России завершилась. По данным военного ведомства Великобритании, с июня 1919 г. из Северной области было эвакуировано 42,2 тысячи военнослужащих.

Без поддержки интервентов белогвардейцы на Севере России не могли серьезно сопротивляться Красной армии⁵².

В начале октября [на Мурманском участке] у белых имелось 4000 штыков, 18 орудий, 35 пулеметов, 47 автоматов. Белые войска поддерживала канонерка «Сильный» (захваченная у красных 3 августа 1919 г.) и четыре катера-истребителя.

Линия фронта в северной части Онежского озера проходила по его восточному берегу, в 20 км севернее Пудожа.

Весь Заонежский полуостров, кроме Климецкого острова, находился в руках белых⁵³.

Военные действия в районе острова Киж продолжались и в октябрь-ноябре 1919 г.

Насколько они были серьезны, говорит тот факт, что Кижский военный комиссариат в начале осени действовал в д. Серёдка, 31 октября переехал в д. Лонгасы (Сенная Губа)⁵⁴, а 15 ноября военкомат был вынужден эвакуироваться в Петрозаводск⁵⁵. В это же время в губернский город эвакуируются и все остальные заонежские советские учреждения, включая военкоматы: Шунгский, Толвуйский, Кузарандский, Типиницкий, Великогубский, Сенногубский⁵⁶.

⁵¹ Там же. л. 146.

⁵² История Карелии... С. 421.

⁵³ Морозов К. А. Онежская флотилия... С. 84.

⁵⁴ НА РК. Ф. Р-575. Оп. 1. Д. 22/252. Л. 35.

⁵⁵ Там же. Л. 42.

⁵⁶ Там же. Д. 22/249. Л. 279.

В конце октября – начале ноября 1919 г. 6 и 9 стрелковые полки при поддержке кораблей Онежской флотилии завязали бой за владение Повенцом и Медгорой, которые окончились неудачей. Командование не располагало точными данными о противнике и недооценило его силы и возможности. К тому же боевые операции проходили в труднейших условиях поздней осени, наступивших заморозков, пурги и шторма. Командование вынуждено было в ноябре 1919 г. вывести 6 финский полк в Петрозаводск, 9 стрелковый полк отошел на свои позиции в район Челмужей⁵⁷.

Обстановка в деревнях Заонежья в середине ноября 1919 г. характеризуется в докладе уездного военного комиссариата 20 ноября 1919 г. следующим образом:

«В прошлом докладе по состоянию с 10 по 25 октября указывалось, что в Заонежье выехали все эвакуированные волвоенкомы для восстановления Советской власти, а теперь в силу сложившихся военных обстоятельств все войска из Заонежья сняты, а потому все волвоенкомы... эвакуированы в Петрозаводск.

Настроение граждан в эвакуированных местностях подавленное и не определенное ввиду полнейшего там безвластия. Мы оттуда эвакуировались и сняли войска, но белогвардейские банды еще не успели занять этого полуострова [Заонежский полуостров] и восстановить свою белогвардейскую власть»⁵⁸.

Белогвардейцы в Заонежье не вернулись. Фронт в северной части Карелии стабилизировался до середины февраля 1920 г., до нового наступления Красной армии.

А 16 марта 1920 г. части Красной армии вступили в Мурманск. Вся Мурманская железная дорога и большая часть Северного края были освобождены от белогвардейцев⁵⁹.

⁵⁷ История Карелии... С. 421–422.

⁵⁸ НА РК. Ф. Р-575. Оп. 1. Д. 22/249. Л. 279.

⁵⁹ История Карелии... С. 113.

Л. Б. Афонина, Е. С. Афонина

**РАЗМИНИРОВАНИЕ ЗАОНЕЖЬЯ.
ЖЕНЩИНЫ-МИНЕРЫ КАРЕЛИИ
(НА ОСНОВЕ МАТЕРИАЛОВ НАЦИОНАЛЬНОГО
АРХИВА РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ
И ВОСПОМИНАНИЙ А. А. ИВАНОВОЙ)**

В ноябре 2019 г. исполняется 75 лет полного разминирования Заонежского района.

В конце июня 1944 г. части 32 армии под командованием генерал-лейтенанта Ф. Д. Гореленко освободили Медвежьегорск и повели наступление в западном и юго-западном направлениях. Финские части заблаговременно без боев покинули Заонежский район. Из эвакуации стали возвращаться местные жители. Надо было восстанавливать колхозы, сеять хлеб. Финскими оккупантами были заминированы деревни, поля, берега озер и рек, дороги. Для восстановления мирной жизни необходимо было разминировать значительные территории, поэтому задолго до окончания военных действий в республике началась подготовка минеров из числа гражданского населения.

В соответствии с постановлением СНК и ЦК КП(б) Карело-Финской ССР от 21 марта 1944 г. началось формирование районных команд Осоавиахима из минеров-добровольцев, каждая численностью от 25 до 50 человек в возрасте от 15 лет и старше¹. В программу обучения входили подрывное дело, разминирование мин советского и иностранного производства, а также строевая подготовка. Всего на обучение отводилось около 70 часов, из них 12 часов уходило на практические занятия. Обучались в течение двух недель в вечернее время без отрыва от основной работы, затем сдавались экзамены по билетам специальной комиссии.

---

¹ НА РК. Ф. 2264. Оп. 7. Д. 13/116. Л. 141.

В зависимости от полученных оценок комиссия решала, как использовать курсанта: рядовым, младшим инструктором, помощником командира взвода или отделения².

К июлю 1944 г. на курсах Осоавиахима было подготовлено 44 младших инструктора по разминированию и свыше 1200 бойцов³.

Командный состав (начальники команд, командиры взводов и отделений) и инструктора готовились по особой 300-часовой программе.

Сложность работ по разминированию Заонежского района, да и по всей республике, заключалась в том, что территория, в основном, была покрыта лесами, болотами, с обилием островов, преобладал каменистый грунт. Между населенными пунктами не было хорошей связи.

Трудности возникали из-за отсутствия документов о минных заграждениях финнов. После успешной партизанской операции на Большом Клименецком острове в январе 1942 г. финны значительно укрепили его восточное побережье. Были построены блиндажи, дзоты, заминировано побережье и подступы к гарнизонам, сделаны проволочные заграждения и светоракетная сигнализация. Мины ставились на дорогах и по обочинам, в селах и деревнях и вокруг них. Были заминированы мосты, хозяйственные постройки, входы в жилые дома, печи, поля и огороды.

Финские саперы были большими мастерами по установке мин-сюрпризов. Ими минировались кресла, комоды, сапоги и даже детские куклы.

В Заонежском районе было занято 3 осоавиахимовских команды, всего 80 человек⁴. Команда минеров состояла в среднем из 25 бойцов.

Одна из команд – это взвод под руководством Зинаиды Владимировны Шустиковой. Он состоял из трех отделений по 7 бойцов в каждом. Во главе отделения – командир. Также в отряде находились сандружинник и корреспондент газеты «Ленинское знамя». Всего 27 человек, из них 23 женщины. Возраст минеров-добровольцев был от 15 лет до 21 года. Самой Зинаиде Владимировне в 1944 г. было всего 20 лет⁵.

Каждый член команды переносил на себе миноискатель и щуп, также необходимо было иметь при себе оградительные знаки (флажки, веревки), детонаторы, саперные пилы и топоры, компасы и котелки.

---

² Из акта от 4 июля 1944 г.: «Комиссия в составе... составила акт, что провели испытания сборной команды Осоавиахима, прошедших 70-часовую программу минеров – разградителей – трофейщиков. По плану на трофейную службу дано 21 час, фактически затрачено 20 часов. На разминирование дано 49 часов, фактически затрачено 52 часа, из них на практические работы – 12 часов». (НА РК. Ф. 2264. Оп. 7. Д. 9/71. Л. 32.)

³ НА РК. Ф. 2264. Оп. 7. Д. 13/116. Л. 141.

⁴ Там же. Д. 6/41. Л. 11.

⁵ Там же. Д. 9/71. Л. 33.

О том, в каких условиях работали молодые женщины-минеры, лучше всего характеризует письмо, написанное З. В. Шустиковой командир-инструктору по разминированию Центрального совета Осоавиахима КФССР, хранящееся в Национальном архиве РК⁶.

«Ц. С. Осовиахима Т. Белову, копия ЧК КП (б).

...Живем сейчас все по-старому. Ходим на работу каждый день. Сейчас ездим на проверку островов. Проверили 2 острова и с 13/VIП проверим 3-й речной остров. Здесь обнаружили 3 минных поля. Мины в большинстве случаев финские трубчатые и осколочные. Осколочные со взрывателем ZZ-42 и трубчатые со взрывателем В2-1. Со вчерашнего дня работали только с 2-мя отделениями, первым и третьим.

Второе отделение с лейтенантом Мошиниковым вышло в Великую Губу для разведки. Работали все хорошо, есть правда некоторые, которые еще боятся, но думаю, что и они все привыкнут. Это же не так страшно, как казалось раньше. Помните девушку, которая бежала с поля в деревню после поджога зажигательной трубки, и та тоже работает и неплохо. В первый день разминировали 52 штуки мин, из них трубчатых 17 и осколочных 35. Во 2-й день примерно 70 мин, и все трубчатые. Почему я пишу примерно, да потому что протащить их было невозможно, так [как] оводы заели всех, что некоторые просто плакали, а взять все мины в лодку мы не могли, т. к. они очень тяжелые. Вы конечно сами испытали это удовольствие на 16-м разъезде, но на острове это просто была пытка, я например еще никогда не видала столько оводов и таких разъяренных. И я вынуждена была вернуть людей обратно, т. к. при такой опасной работе и с такой обувью как у наших, работать было невозможно. У людей отсутствует обувь и поэтому полностью 2-мя отделениями ходить на работу нельзя. Каждый день остаемся дома до 5 человек, к тому же 3-е в Беломорске, 2-е за хлебом и 1 в больнице, работать почти не с кем. Сейчас с нами работает один мальчик деревенский, звать его Сашиа. Вчера он был 1-й раз с нами на минном поле, мы ему показывали как разминировать и как и где искать мины. И вместе с Володей Залаяжным он обезвреживал мины.

Лейтенант нам нисколько ни в чем не помогает. Только одно что посылает работать. Уезжаем на лодках в 8–9 часов утра и возвращаемся в 10 вечера. Нет выходных, даже постирать нет время. Ездим на деревянных лодках, тогда как есть возможность достать хорошие. Вот, например, вчера. Пришла я к председателю за лодкой, а лейтенант и говорит: «Ничего, можете и на тех уезжать». Но ехать нам не 700 м и не 1 км, а примерно 5–7 км. И еще с минами.

⁶ НА РК. Ф. 2264. Оп. 7. Д. 9/73. Л. 2.

С продуктами тоже можно бы было все устроить хорошо ... председатель говорил, что могли бы помочь, если похлопотал бы лейтенант. Но он ничего не хочет делать. Сама сходить не могу т. к. с утра до вечера на работе, а председатель в деревне с 10 до 6–7 ч. вечера, а живет он, говорят, на 10 км. Сегодня посылаю к председателю М. Ритто на счет продуктов и вообще поговорить с ним.

Тов. Белов. Если возможно, то прошу Вас обеспечить команду обувью и брюками т.к. в скором времени, дней через 5–7, никто из них не сможет выйти на работу из-за отсутствия обуви. Даже сейчас уже некоторые ходят в лес босиком, что в здешних условиях невозможно.

Привет от всего личного состава.

С комсомольским приветом З. Шустикова.

Ком. взвода

15/VII–44 года».

Работа осложнялась еще и тем, что очищенные территории кто-то снова минировал. «... В районе Клименецкого острова за время нашей работы по разминированию были замечены случаи установления мин ПДМ-6 в проверенном нами районе. Например, в дер. Сельга, при проверке во второй раз этой деревни, были обнаружены мины ПДМ-6, которые сняты нашими минерами в кол-ве 5 шт. и в дер. Петры обнаружены 8 мин ПДМ-6.

По дороге с пос. Сенная Губа до дер. Лонгасы снято и обезврежено 15 шт. ПДМ-6, кроме этого в деревне Косельга были обнаружены финские листовки, расклеенные на домах. Не доходя деревни Косельга были обнаружены листовки с подписями „минное поле“. После проверки этого места мин не оказалось. Листовки были сняты нами, но на следующий день они снова висели на этом месте...», – пишет в своем донесении З. В. Шустикова⁷.

Пришлось вторично обследовать деревни Сельга, Мигуры, Моталово, Петры, Голиково, Лонгасы, Дальняя и Ближняя Любосельга, Кургеницы, Войнаволок. В районе деревни Клименцы были обнаружены 4 минных поля, разминированных на месте. На одном из них снято 10 зажигательных шашек⁸.

Доставляли хлопоты и местные жители, которые, не обращая внимания на оставленные минерами знаки, самовольно проходили в запретную зону, чтобы осмотреть свои дома, ходили в лес за ягодами и грибами и подрывались на минах⁹.

⁷ НА РК. Ф. 2264. Оп. 7. Д. 6/41. Л. 22.

⁸ Там же. Л. 26.

⁹ Там же. Л. 21.

Несмотря на трудности, потери товарищей, работа по разминированию района продолжалась. С 15 июля по 25 сентября 1944 г. в Заонежском районе была обследована и разминирована территория 12 сельских советов¹⁰. К концу октября 1944 г. была проверена и разминирована от взрывных единиц площадь в 2200 кв.км, обнаружено 80 минных полей, разминировано 19 населенных пунктов, проверено 474 населенных пункта, где не было обнаружено взрывоопасных единиц. За это время было обезврежено: мин Т-35 – 29, трубчатых финских – 6720, осколочных ПДМЗ – 1367, мин сюрпризов – 113, полевых фугасов – 156, подводных фугасов – 162, камнететов – 74, противопехотных мин, снарядов, бомб – 119¹¹.

Как свидетельствуют сохранившиеся архивные списки команд минеров¹², основную часть гражданского населения, привлеченного к этой опасной работе, составляли девушки и молодые женщины. Работа в составе команд по разминированию не засчитывалась в трудовой стаж и не записывалась в трудовые книжки. Даже нагрудные знаки «Отличный минер», грамоты Президиума Верховного Совета КФСР и Центрального совета Осоавиахима не давали права на социальные льготы, которые имели ветераны Великой Отечественной войны. Их вклад в восстановление республики во время еще продолжавшейся войны не был оценен государством по достоинству. Только спустя полвека после окончания войны минеров приравнивали к ее участникам.

Не все дожили до этого дня. Многие погибли при разминировании, их могилы по всему Заонежью – хоронили в лесах, на обочинах дорог. Выжившие перенесли колоссальные нагрузки, как физические, так и эмоциональные.

И все же разминирование было завершено, 5 ноября 1944 г. был составлен акт о том, «...что территория Заонежского района полностью очищена от мин, неразорвавшихся авиабомб и всякого рода боеприпасов и безопасна для пользования. Начальник по разминированию района Мошников К. П. – гвардии лейтенант»¹³.

Взвод Зинаиды Шустиковой разминировал остров Клименецкий¹⁴, на котором находятся деревни Воробы, Середка и Гарницы. Это

¹⁰ Там же. Ф. 2264. Оп. 7. Д. 6/41. Л. 88.

¹¹ Там же. Л. 109.

¹² Там же. Д. 9/73. Л. 26.

¹³ Там же. Д. 6/41. Л. 114.

¹⁴ Из акта от 30 августа 1944 г. (Сенная Губа): «Мы, ниже подписавшиеся, начальник команды минеров разградителей Заонежского р-на Шустикова З. В. ... составили настоящий акт о сдаче м/властям Клименецкого острова. С 10 /VIII по 28 /VIII ... были обследованы след. деревни Клименецкого острова ... Воробы, Потаневшина, Середки ... Считаем, что выше указанные деревни можно использовать для расселения в них жителей». (НА РК. Ф. 2264. Оп. 7. Д. 9/73. Л. 24.)

родина Александры Воронцовой (в замужестве Ивановой), нашей мамы и прабабушки. В д. Воробьи она родилась, отсюда происходит известный в Заонежье род Воронцовых. А в д. Западные Гарницы родилась ее мама Пелагея Ивановна, дочь известного сказителя Ивана Герасимовича Рябинина – Андреева. Сама Александра Воронцова тоже была минером, командиром взвода и в составе Беломорского отряда минеров участвовала в разминировании Сегозерского района. Ей было в это время 16 лет.

Ниже приводятся воспоминания А. А. Ивановой, записанные ее правнучкой Е. Афонинной, об обучении на курсах минеров и разминировании Сегозерского района Карелии.

Моя бабуля

Александра Воронцова
(фото конца 1940-х гг.)

Когда началась война, моей прабабушке Шуре, или, как мы зовем ее в семье, бабуле, было 13 лет. К тому времени она окончила только 5 классов. Ее семью эвакуировали из Петрозаводска в поселок Камбарка в Республике Удмуртия. В Камбарке Шура закончила седьмой класс и сразу стала работать учеником электрика на военном заводе. Но ей очень хотелось учиться дальше. В школе занятия проходили во вторую смену. Поэтому Шура договорилась, что с семи утра она будет работать на заводе, а к двенадцати ходить в школу. До четырех часов шли уроки, а потом она опять бежала на завод и продолжала работать, пока не выполнит задание. Успевала и в художественной самодеятельности поучаствовать,

очень любила и прекрасно читала стихи, танцевала. Старалась узнавать как можно больше нового.

В феврале 1944 г. семья переехала в город Беломорск. Там уже жила старшая сестра бабули Анна. Шура поступила в столовую учеником повара. Но не по душе была ей эта работа. Когда она увидела объявление о том, что набирают на курсы минеров, то пошла туда учиться. В 16 лет Шура Воронцова окончила курсы минеров-трофейщиков. Был июль 1944 г.¹⁵

¹⁵ Из акта от 4 июля 1944 г.: «... Воронцова Александра Афанасьевна, 1928 г.р., б/п, 6 классов, ученик повара. Подрывное дело – 5, Разминирование, мины отечеств. – 5, Разминирование, мины противника – 4, Общий балл – 5...» (НА РК. Ф. 2264. Оп. 7. Д. 9/71. Л. 32).

В составе Беломорского отряда минеров¹⁶, в котором были такие же 15–16-летние ребята, Шура прибыла в город Сегежу, а оттуда по заданию они отправились в Евгору. Почти всю дорогу добирались пешком. Настроение было приподнятое. Они еще слабо представляли себе, что их ждет.

Бабуля вспоминает, что навстречу им попались телеги с солдатами. Солдаты спросили ребят, куда они едут. «Минеры мы», – отвечали. А солдаты предупредили: «Минер ошибается один раз». И открыли пологи в телегах, а там лежали трупы минеров. Сразу сбили спесь с них.

Разминировать надо было Сегозерский район. Из оборудования имели миноискатели, щупы, крюки для снятия мин. Сначала все несли на себе, потом нашли телегу, сложили все на нее. Командиром отряда была Лиза Лембинен, с ними также шли старший лейтенант, медсестра, сандружинница. За Евгорой был большой спуск. Часть отряда ушла вперед. Ребята с телегой скрылись из вида, и вдруг раздался оглушительный взрыв. На обочине дороги были сложены снятые мины. Колесо телеги наехало на мину, она взорвалась, а следом сдетонировали другие. Погибло семь человек, пятерых ранило. Соорудили носилки, тяжелораненых несли, кто мог, шли сами. Это были первые потери. Все тяжело переживали случившееся.

Отряд остановился в Терманах. Отсюда уходили на задания, обычно на несколько дней. Однажды нужно было разминировать мост и местность вокруг. У моста обнаружили и обезвредили 12 танковых мин. Потом нашли еще две, но не обезвредили, остановились передохнуть. По дороге в финских блиндажах нашли пакет с галетами. Этими галетами решили перекусить. Расположились у реки. Мимо проходили солдаты, их пригласили присесть, угостили галетами, пообщались, потом они отправились дальше. Двое ребят из отряда: Юра Иванов и Саша Мошников, не дожидаясь остальных, вернулись к оставленным минам и стали вытаскивать их руками. Правила разминирования запрещали трогать мины руками. К одной из них проволокой был прикреплен донный взрыватель. Раздались взрывы, один за другим. Образовались две воронки. Когда подбежали остальные, то увидели обезглавленный труп Юры и две ступни от Саши. Юре было 15 лет, Саше – 16. Ребят похоронили. Место запомнили.

После войны бабуля ездила на их могилу с мамой одного из ребят, показывала место, где похоронен ее сын.

---

¹⁶ Список Беломорского отряда, отправленного в Сегозерский район, с отметками «убит», «ранен» (НА РК. Ф. 2264. Оп. 7. Д. 9/71. Л. 39).

Много мин было заложено в Карелии. Пришлось немало поработать отрядам минеров. Много их погибло. Нам повезло. Наша бабуля осталась жива. Перенесла и голод, и холод, и тяжелые потери друзей и товарищей. Она не любила вспоминать те страшные и тяжелые дни. Сразу расстраивалась, иногда плакала.

В сентябре 1944 г. Александра Воронцова пишет в штаб разминирования просьбу, где просит освободить ее от работ по разминированию в связи с поступлением на учебу в среднее учебное заведение¹⁷, но только в декабре 1944 г. она была отпущена из отряда¹⁸.

После войны Александра окончила архитектурное отделение Архитектурно-строительного техникума, училась в Высшей профсоюзной школе в Минске. В 1953 г. вышла замуж за Бориса Иванова. Работала в республиканской проектной конторе, на комбинате строительных конструкций, на пенсию вышла из «Главсевзапстроя». Где бы она ни трудилась, работала с полной отдачей сил.

Александра Афанасьевна была награждена юбилейными медалями по случаю 30, 40, 50 и 70-летия победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.

---

¹⁷ НА РК.Ф. 2264. Оп. 7. Д. 9/71. Л. 32.

¹⁸ Там же. Д. 12/106. Л. 27.

Л. С. Харебова

О «ФОНДЕ СТАРОГИНА» И ЕГО СОЗДАТЕЛЕ

*Посвящается 125-летию со дня рождения
Анатолия Владимировича Старогина-Фрейндлинга*

Многим исследователям народного деревянного зодчества известна коллекция материалов, хранящаяся в Национальном архиве Республики Карелия, названная специалистами «Фондом Старогина». Его ценность и информативность высоко оценивают архитекторы и реставраторы, краеведы и знатоки народной архитектуры, однако о самом создателе фонда и его составе известно крайне мало, что и заставило обратиться к этой теме¹.

Анатолий Владимирович Старогин-Фрейндлинг² родился 18 сентября (1 октября по новому стилю) 1893 г. в г. Лодейное Поле. Начальные сведения о его предках относятся к Роберту Яковлеву Фрейндлингу (1823–1903), выходцу из Восточной Пруссии. Получив медицинское образование, Р. Я. Фрейндлинг в 1860-х гг. содержал вольную аптеку в Вытегре, затем служил фармацевтом врачебного отделения Олонецкого губернского правления. Его старший сын Роберт (1856–1927) стал юристом, в 1890-х гг. занимал должности земского начальника и городского головы Повенца, продолжил службу в Петербурге, где получил личное дворянство. Владимир Робертович

---

¹ Статья является дополненным вариантом доклада «Материалы А. В. Старогина-Фрейндлинга в Национальном архиве Республики Карелия», который был озвучен автором 21 сентября 2018 г. на IV Международной научно-практической конференции «Документальное наследие: новый век», организованной Национальным архивом Карелии и состоявшейся в Петрозаводске (URL: <http://www.rkna.ru/index.php/component/content/article/57-deyatelnost/konferentsiiseminary/2407-mezhdunarodnaya-ploshchadka-2018>). Сердечно благодарю за помощь, оказанную мне при подготовке доклада и статьи, краеведа Т. А. Мошину, а также родственников А. В. Старогина-Фрейндлинга: племянника Александра Федоровича Фрейндлинга, его жену Людмилу Павловну Сюневу и их дочь Татьяну.

² Вторая фамилия Старогин, по-видимому, стала использоваться А. В. Фрейндлингом впоследствии как псевдоним – театральный и литературный.

Фрейндлинг (1857–1920), отец Анатолия Владимировича, выпускник Императорского Санкт-Петербургского университета, служил податным инспектором в Кадниковском уезде Вологодской губернии, затем в Петрозаводске. В 1886 г. он женился на дочери купца Никиты Павловича Румянцева Анне (1863–1945)³. Их семья была многодетной, все дети получили образование в гимназии, а некоторые – и в высших учебных заведениях северной столицы. Анатолий Фрейндлинг окончил Петроградскую школу прапорщиков инженерных войск, участвовал в боевых действиях Первой мировой войны, был ранен. Его сестра Мария Владимировна (1891–1953), спасавшая раненых на той же войне, впоследствии стала биологом, научным сотрудником Карело-Финского филиала Академии наук⁴. Их младший брат Борис (1898–1942) окончил Ленинградский университет искусств в 1929 г., работал в издательстве Ленинградского филиала Академии наук⁵.

Семьи братьев Роберта Робертовича и Владимира Робертовича Фрейндлингов в Петрозаводске. 1911–1912 гг. Стоит крайний справа Анатолий Владимирович Старогин-Фрейндлинг
(семейный архив А. Ф. Фрейндлинга)

³ НА РК. Ф. 25. Оп. 22. Д. 370. Л. 104 об. (Метрическая книга Кафедрального собора г. Лодейное Поле. 1886 г.)

⁴ Фотографии прапорщика А. В. Фрейндлинга и сестры милосердия М. В. Фрейндлинг опубликованы в издании: Дубровская Е. Ю., Кораблев Н. А. Карелия в годы Первой мировой войны. СПб., 2017. С. 70. Фотографии семьи братьев Фрейндлингов – Владимира Робертовича и Роберта Робертовича – опубликованы в книге: Три века Петрозаводска / Авт.-сост. Ю. В. Шлейкин. Петрозаводск, 2003. С. 128–129.

⁵ Архив СПФАРАН. Ф. 18. Оп. 004. Д. 120. (Издательство АН Ленинградское отд. 1899–1973. Личные дела уволенных сотрудников.)

**А. В. Старогин-Фрейндинг в роли
Ивана Грозного**
(1918 г. Национальный архив РК)

А. В. Старогин-Фрейндинг
(семейный архив А. Ф. Фрейндинга)

А. В. Старогин-Фрейндинг был разносторонне одаренной личностью. Его профессиональная деятельность была связана с театром, в том числе Петрозаводским театром русской драмы. Он успешно занимался режиссурой, был художественным руководителем Карельского радиокомитета, первым председателем правления Карело-Финского театрального общества. В зрелом возрасте Анатолий Владимирович обратился к литературному творчеству. В журнале «На рубеже» был напечатан ряд его публицистических и художественных произведений: воспоминания о театральной жизни Петрозаводска в первые годы советской власти, очерки о революционере А. М. Кузьмине и известном кижском плотнике Михаиле Мышеве, рассказ «В Заонежье», отрывок из повести «Две судьбы»⁶. В 1960 г. в Карельском книжном издательстве вышла из печати повесть А. В. Старогина-Фрейндинга «Ровесники», посвященная событиям, происходившим в Карелии в годы Гражданской войны. В рецензии на повесть ей была дана неоднозначная оценка, но, несмотря на критику, книга была переиздана дважды – в 1964 и 1973 г. Иллюстрировал первое издание карельский художник-график Всеволод

⁶ На рубеже. 1957. № 6. С. 144–145; 1963. № 4. С. 103–109; 1961. № 4. С. 101–105; 1946. № 4. С. 44–51; 1954. № 2. С. 17–38.

Николаевич Вахрамеев, в оформлении последнего издания принимал участие и его сын Евгений Всеволодович, ставший, как и его жена Татьяна Ивановна, авторитетным специалистом в области реставрации памятников деревянного зодчества.

А. В. Старогин-Фрейдлинг активно занимался просветительской деятельностью, связанной с распространением знаний об истории и культуре Карелии. В качестве члена Общества краеведения Карело-Финской ССР он принимал участие в подготовке издания «Путешествие на Кивач» (1952 г.), был одним из составителей путеводителя «Кижский погост» (1957 г.). Эти брошюры стали первыми попытками научно-популярных изданий о достопримечательных местах Карелии. Потребность в путеводителях, описывающих хотя бы ряд основных маршрутов экскурсий по республике, признавали в те годы карельские краеведы. К тому времени уже был создан заповедник «Кивач», проводились обмерные и реставрационные работы на памятниках деревянного зодчества, начался процесс формирования экспозиции музея под открытым небом на острове Кижи. В 1948 г. в республике была организована научно-реставрационная мастерская, где А. В. Старогин-Фрейдлинг исполнял обязанности архитектора по охране памятников и был привлечен к работе по изучению литературы и архивных источников с целью сбора информации о памятниках архитектуры.

Материалы, собранные А. В. Старогиным, включены в фонд Р-30, в котором сосредоточены документы, касающиеся деятельности Архивного управления и архива Карелии. Они насчитывают около двух тысяч листов машинописного текста, объединенных общим названием – «Выписки из книг, газет, журналов и подлинных документов, собранные в книгохранилищах Карело-Финской ССР, отражающие историю возникновения и пути развития зодчества на территории Карелии»⁷. Их содержание оказалось гораздо шире указанной темы, фактически это комплекс материалов универсального характера по истории, экономике и культуре края. Состав фонда не был тематически структурирован автором, поскольку комплектовался, видимо, в процессе поступления новых материалов и был оформлен в виде сборников, включающих одиннадцать выпусков. В тексте каждого выпуска, снабженного описанием состава, выделены два раздела. В первой части собраны выписки из печатных изданий, во втором – цитаты из архивных документов или их копии. Материалы сопровождаются перечнями использованных источ-

---

⁷ НА РК. Ф. Р-30. Архивное управление Республики Карелия и Национальный архив Республики Карелия (1921–2016). Оп. 3. Документальные материалы постоянного срока хранения (1941–1988). Д. 15/156–164.

ников с указанием места их хранения, краткими библиографическими сведениями о процитированных изданиях, перечнями имеющихся в них иллюстраций, ссылками на архивные фонды с комментариями о чертежах или фотографиях, в них обнаруженных.

Составителем фонда были использованы многочисленные документы конца XVIII – начала XX в. из Государственного архива КФССР, книжные собрания Государственного краеведческого музея, библиотеки Учительского института, Публичной библиотеки, включая коллекции справочных и периодических изданий («Памятные книжки Олонецкой губернии», «Вестник Олонецкого губернского земства», «Олонецкие епархиальные и губернские ведомости»). В послевоенные годы сотрудники музеев, библиотек и архивов Карелии испытывали огромные трудности, пытаясь воссоздать книжные и документальные фонды, частично утраченные в условиях военного времени, систематизировать сохранившиеся собрания, предоставить посетителям условия для научной работы. Судя по значительному количеству личных дел исследователей, работавших в это время в Государственном архиве Карело-Финской ССР, можно сделать вывод о том, что документальные фонды были востребованы. Личное дело исследователя А. В. Старогина – одно из самых объемных, оно включает 580 листов в трех томах. Первая заявка на выдачу архивных дел датирована 14 апреля 1947 г., последняя – 17 июля 1953 г. Перечислить все архивные материалы, им изученные, представляется затруднительным в связи с их широким тематическим охватом и значительным объемом, поэтому остановимся на кратком обзоре использованных печатных источников и выделении отдельных документов.

Хронологические рамки печатных изданий, использованных исследователем, – от книг, изданных в начале XIX в., до советских изданий, включая тома Большой советской энциклопедии. Работа по теме была начата автором с просмотра отдельных томов изданий дореволюционной страноведческой литературы, содержащей характеристику региона: «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества» (Т. 3. СПб., 1900); «Русская земля: Природа страны, население и его промыслы (Т. 2. СПб., 1899); «Описание Российской Империи в историческом, географическом и статистическом отношениях» (Т. 1. Кн. 3. СПб., 1845). Среди привлеченных к изучению изданий – книги в жанре путевых очерков: «Путешествие академика Н. Озерецковского по озерам Ладожскому, Онежскому и вокруг Ильменя» (1812), В. В. Сулова «Путевые заметки о Севере России и Норвегии» (1888), М. А. Круковского «Олонецкий край» (1904), В. Н. Майнова «Поездка в Обонежье и Корелу» (1877), Н. Березина «Пешком к карельским водопадам» (1903). Следующей группой изданий были

книги историко-краеведческого характера известных писателей-этнографов Е. В. Барсова, В. А. Дашкова, Н. С. Шайжина и других. Не обошел вниманием А. В. Старогин и первый краеведческий учебник «Краткое описание Олонецкой губернии», составленный К. М. Петровым и изданный в Петрозаводске в 1881 г. Книга П. Е. Холостова 1874 г. издания, посвященная горнозаводскому делу Олонецкого края, выписки из которой вошли в состав материалов А. В. Старогина, и сегодня имеется только в научно-справочной библиотеке Национального архива Карелии. Следует отметить то, что преимущественная часть изученных Старогиным книг находилась на хранении именно в библиотеке Госархива, что едва ли объясняется только удобством использования составителем и книжных изданий, и архивных документов, сосредоточенных в одном учреждении. Несмотря на то что фонд архивной библиотеки за годы Великой Отечественной войны потерял половину состава, перечень книг, нашедших отражение в материалах Старогина, убеждает в том, что в ее книжном собрании сохранилось достаточное количество редких и ценных изданий, порой отсутствующих в других хранилищах республики.

Конкретная информация об истории создания и судьбе того или иного памятника архитектуры была извлечена А. В. Старогиным из архивных документов. Колоссальный массив просмотренных им дел не поддается даже краткому обзору. Основными источниками в числе разнообразных исторических документов стали церковно-приходские ведомости, содержащие отчеты о состоянии церкви и монастырей епархии, факты строительства новых и ремонтах действующих храмов, описи церковного имущества и другие ценные сведения. Особенно значительное количество материалов А. В. Старогин собрал о реставрации Богоявленской церкви в Челмужах, выполненной в 1913 г. по проекту выдающегося архитектора Д. В. Милеева. В них нашли отражение прошения местного причта и старосты прихода, документы Повенецкой уездной земской управы и Олонецкой духовной консистории, переписка по поводу проекта земского инженера А. М. Гриневича, предлагавшего полную переборку храма, заключение Д. В. Милеева о ее нецелесообразности и обоснование своего проекта реставрации, его же доклад о завершении работ⁸. В изданной недавно коллективной монографии, посвященной деятельности Д. В. Милеева, материалы А. В. Старогина неоднократно процитированы, что подтверждает их непреходящую ценность⁹.

⁸ НА РК. Ф. Р-30. Оп. 3. Д. 15/163. Л. 41–63.

⁹ Ёлиин Д. Д., Мелюх Е. А., Ходаковский Е. В. Дмитрий Васильевич Милеев (1878–1914). Архитектурная археология и реставрация в России в начале XX в. СПб., 2015.

В архивном деле о постройке церкви Водлозерско-Ильинского прихода во имя пророка Илии А. В. Старогин выделил наиболее ценные документы конца XVIII в., копии которых были включены им в один из сборников материалов фонда в сопровождении указания на то, что в деле имеются эскизные чертежи плана и фасада будущего храма¹⁰. В листе использования архивного дела сохранилась первая запись об изучении этих документов, сделанная А. В. Старогиным 25 апреля 1953 г. Заметим, что следующая запись появилась лишь через 27 лет, в январе 1980 г., когда к нему обратились современные исследователи В. Г. Платонов и Г. И. Фролова. 10 января 1951 г. А. В. Старогин обращался к архивным документам о пребывании в Олонецкой губернии в августе 1886 г. «классного художника 1-ой степени Сулова для исследования сохранившихся памятников древнерусского искусства»¹¹. В их составе – рапорты священнослужителей Александро-Свирского монастыря, Колодозерской церкви в Пудожском уезде, олонецкого Никольского собора, Кондушского, Мегрецкого и Юргильского приходов о храмах и находившихся в них предметах старины, удостоенных внимания В. В. Сулова. Об интересе А. В. Старогина к работе своих предшественников, изучавших отечественное историко-культурное наследие, говорит и замеченное им в «Олонецких губернских ведомостях» за 1850 г. обращение к читателям Императорского Археологического общества: «Русские древности доселе обращали на себя менее внимания, чем инородческие, находимые в России, поэтому Археологическое общество предположило разрабатывать русскую археологию во всех ее видах, по наличным памятникам, сохранившимся от древних времен. Общество с полной уверенностью обращается к соотечественникам и просит их о принятии участия в обозрении памятников русской древности, рассеянных в разных местах нашего отечества»¹².

Помимо комплекса информационных материалов, собранных А. В. Старогиным, в отдельном архивном деле выделены документы, проливающие свет на его участие в розыске живописных полотен И. Н. Крамского и художников «Артели свободных художников», ранее находившихся в кончезерской Троицкой церкви¹³. Это вырезка из газеты «Ленинское знамя» с заметкой Старогина «Невежественная отписка», которая была опубликована

¹⁰ НА РК. Ф. 25. Оп. 16. Д. 6/17. Л. 5–6. (О постройке новой во имя пророка Илии церкви Водлозерско-Ильинского прихода. 1797–1798 гг.); Ф. Р-30. Оп. 3. Д. 15/157. Л. 54–57.

¹¹ Там же. Ф. 25. Оп. 1. Д. 66/15. (О командировании Академией Художеств в Олонецкую епархию художника Сулова для исследования сохранившихся памятников древнерусского искусства. 1886 г.)

¹² Там же. Ф. Р-30. Оп. 3. Д. 15/159. Л. 180.

¹³ Там же. Д. 15/161а.

в рубрике «Письма в редакцию». Речь в ней идет о попытке автора обратиться в Совет Министров КФССР с предложением рассмотреть вопрос об организации поисков утраченных картин. Ответ им был получен от председателя Комитета по делам культурно-просветительских учреждений и содержал заключение о том, что данное дело «не представляет ценный исследовательский материал, а также не имеет прямого отношения к системе культурно-просветительских учреждений». В деле есть и два письма И. Э. Грабаря, адресованные А. В. Старогиной, в одном из которых он выражает готовность опубликовать в «Сообщениях» Института истории искусств АН СССР статью о пропавших из Кончезерской церкви уникальных ценностях и сетует на равнодушие чиновников. Заканчивается письмо прощальной фразой с выражением надежды на изменение отношения власти к культуре в будущем: «В ожидании лучших времен»...

Обеспокоенностью судьбой культурного наследия была вызвана и еще одна публикация А. В. Старогиной-Фрейндлинга. Это его рецензия на изданную в 1955 г. книгу А. В. Ополовникова «Памятники деревянного зодчества Карело-Финской ССР»¹⁴. Высоко оценивая вклад автора монографии в дело исследования и реставрации памятников народной архитектуры, А. В. Старогин пытался привлечь внимание общественности к возникшим в то время проблемам. Его беспокоит ситуация с кадрами, обострившаяся в связи с ликвидацией Научно-реставрационной мастерской Управления по делам архитектуры при Совете Министров КФССР, отсутствие публикаций о памятниках деревянного зодчества, а также не востребованность обмерных, реставрационных и других материалов, которые покрываются пылью на полках управления.

Сегодня мы можем прояснить судьбу коллекции архитектурной графики Управления по делам архитектуры, о которой писал А. В. Старогин. Это уникальное собрание после неоднократных перемещений из одного учреждения в другое с 1976 г. находится в фондах музея-заповедника «Кижы». Все чертежи и графические работы на сегодняшний день оцифрованы, часть из них опубликована на сайте музея, продолжается научно-фондовая работа по их атрибуции и систематизации. Не только чертежи памятников деревянной архитектуры Карелии из музейных фондов являются объектом исследования для специалистов, изучающих и восстанавливающих творения народных зодчих. В архиве музея хранятся многочисленные научно-технические материалы по реставрации и изучению

---

¹⁴ Старогин-Фрейндлинг А. В. Сохраним ценные памятники! // На рубеже. 1955. № 4. С. 149–151.

памятников архитектуры, указатель которых также опубликован на сайте музея-заповедника «Кижы»¹⁵. Коллекции чертежей, фотоматериалов и документов из кижского собрания являются ценнейшими источниками по истории становления и развития реставрационного дела в Карелии. С конца 1940-х гг., когда А. В. Старогин приступил к составлению материалов, освещающих архитектурное наследие, в республике уже занимались его воссозданием специалисты, в будущем прославившие отечественную реставрацию, – А. Н. Буйнов, Л. М. Лисенко, Б. В. Гнедовский, А. В. Ополовников. Совместно с московскими архитекторами обмерные и проектные работы выполняли в это время начинающие карельские специалисты В. А. Крохин, А. Я. Кривонкин, Д. Г. Сафонова, Э. В. Ильин. В начале 1950-х гг., будучи еще студентом Московского архитектурного института, к исследованию деревянного зодчества приступил В. П. Орфинский, ныне – доктор архитектуры, профессор, действительный член Российской академии архитектуры и строительных наук.

А. В. Старогина-Фрейндлинга не стало 18 августа 1965 г. В семье его племянника Александра Федоровича Фрейндлинга бережно сохраняются домашний архив, многочисленные фотографии и реликвии, связанные с жизнью и многогранной деятельностью родственников, каждый из которых отражен в родословной. «Фонд Старогина» продолжает привлекать внимание специалистов, а имя его создателя по праву занимает достойное место среди персоналий энтузиастов, посвятивших свою жизнь сохранению, изучению и популяризации историко-культурного наследия.

---

¹⁵ *Сергеева О. Н.* Указатель документов Научного архива музея-заповедника «Кижы». [Электронный ресурс] URL: <http://kizhi.karelia.ru/library/ukazatel-dokumentov-nauchnogo-arhiva-muzeya-zapovednika-kizhi>. Дата обращения: 24.12.2018.

Ю. Н. Кожевникова

РЫБОЛОВНЫЕ УГОДЬЯ ТРОИЦКОГО КЛИМЕНЕЦКОГО МОНАСТЫРЯ В XVI – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.¹

Троицкий Клименецкий монастырь, основанный в первой четверти XVI в.², располагается на южной оконечности острова Большой Клименец³ в Онежском озере – втором по величине пресноводном водоеме Европы. В конце XV – начале XVIII в. вместе с многочисленными островами Кижского архипелага и частью Заонежского полуострова (историческое название – Заонежье) монастырские земли и угодья входили в состав Спасского Кижского погоста-округа Обонежской пятины.

Археологические и письменные источники свидетельствуют о том, что во все исторические эпохи озерное рыболовство играло важную роль в жизни местного населения. Самые ранние фрагменты костяных рыболовных крючков были обнаружены в ходе раскопок Оленеостровского могильника (VI тыс. до н. э.)⁴. Писцовые и переписные книги XVI–XVII вв. представля-

---

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания ФГБУ «Национальный парк „Водлозерский“» № 051-00132-18-00.

² Первым упоминанием Клименецкого монастыря и его Троицкой церкви считается запись в рукописном Евангелии, датированном началом XVI в.: «В лето 7029-го (1521. – Ю. К.) месяца июня 12 купил сие Евангелие себе старец Харитон пустынный с Онега озера от Троици Живоначальные ис Климячь в Фералонтовы пустыни на Беле озере у Тимоф[е]я у Тимофиева сына. А писал сие Евангелие Тимофей сам своею рукою. А хто учнет сие Евангелие у себе держати, и вы, господине, Господа ради помяните в святых своих молитвах. А дал на нем рубль». См.: Пигин А. В. Памятники рукописной книжности Олонецкого края: учебное пособие. Петрозаводск, 2010. С. 215.

³ Остров Большой Клименец, или Большой Клименецкий остров, располагается между Малым и Большим Онего. В этом районе зафиксированы самые глубокие точки (110, 114 и 125 м). См.: Осиновский В. И. Современный рыбный промысел Карелии // Рыбное хозяйство Карелии. Л., 1936. Вып. 3. С. 19.

⁴ Мельников И. В. Рыболовный промысел в Заонежье (краткий исторический очерк) // Кижский вестник. Петрозаводск, 2000. № 5. С. 122–134.

ют информацию о разнообразных рыболовных снастях заонежских крестьян, тонях и размерах казенного оброка за их использование⁵.

В отечественной историографии есть отдельные работы, посвященные рыболовству в Заонежье, однако вопросы монастырского рыбного промысла (расположение тоней Клименецкого монастыря, состав рыболовных снастей, организации добычи и обработки рыбы, ее сбыта) в них подробно не освещаются⁶.

В наши дни по оценке специалистов в Онежском озере насчитывается не менее 36 пород рыб, относящихся к 15 семействам⁷. Наиболее ценные из них – озерный лосось, паляя⁸, форель и сиг. Промысловое значение, как и ранее, имеют ряпушка, щука, налим, плотва, судак, лещ, хариус, карась, окунь, корюшка⁹. По этнографическим данным, во второй половине XIX в. крестьяне заонежских деревень, расположенных на острове Большой Клименец, успешно ловили рыбу тех же пород круглый год¹⁰. Весной начинался лов корюшки и налима. С конца июня в сети попадался судак, подходивший на нерест. Паляю залавливали с июля, но основные ее уловы приходились на осень, когда она устремлялась к лудам¹¹. Нерестовый лосось добывался главным образом в первую половину лета, нагульный – в осеннее и раннезимнее время¹². Сиг постоянно держался в Клименецком проливе и отличался упитанностью. Ряпушку, которая и сейчас принадлежит к числу наиболее распространенных

⁵ Значимость новгородских писцовых книг для изучения рыболовного промысла подчеркивал А. В. Куза. См. его работу «Рыбный промысел в Древней Руси» (М.; СПб, 2016).

⁶ Пушкарев Н. Н. Рыболовство на Онежском озере. СПб., 1900. Ряд материалов опубликован в сборниках «Рыбное хозяйство Карелии» (1932–1939. Вып. 1–5). Из современных работ следует отметить монографию и научную статью: *Логоинов К. К.* Материальная культура и производственно-бытовая магия русских Заонежья. СПб., 1993; *Мельников И. В.* Рыболовный промысел в Заонежье...

⁷ Сельговые ландшафты Заонежского полуострова: природные особенности, история освоения и сохранение. Петрозаводск, 2013. С. 147–149.

⁸ Паляя (*Salvelinus lepechini*) – представитель семейства лососевых, озерный голец средних и крупных размеров. Обитает в глубоких водах Ладожского и Онежского озер.

⁹ При этом антропогенное воздействие приводит к количественному и качественному изменению рыбного сообщества: уменьшению численности сиговых и лососевых, увеличению окуневых и карповых видов рыб.

¹⁰ О бывших объемах улова ценных рыб говорят записанные этнографами данные: «По рассказам местных рыбаков, в прежнее время в Чорга-губе был большой мережный лов паляи и сига, отправлялась рыба на соймах в Петербург. Уловы бывали по 300–400 штук паляи и сигов за один раз». См.: *Зборовская М. Б.* Рыболовство в северо-западном районе Онежского озера // Рыбное хозяйство Карелии. Л., 1936. Вып. 3. С. 83–84.

¹¹ *Смирнов А. Ф.* Паляя Онежского озера. Биология, промысел и разведение // Рыбное хозяйство Карелии. Петрозаводск, 1933. Вып. 2. С. 118.

¹² *Александров Т. Н., Гуляева А. М., Кудерский Л. А.* О нагульном лососе Онежского озера // Сырьевые ресурсы внутренних водоемов Северо-Запада. Петрозаводск, 1968. Т. V. Вып. 1. С. 279.

рыб в озерах Карелии¹³, добывали в течение лета и осени (в июне – «кирзовую», в июле-августе – «меженную», в октябре – «листопадку»). Во время ее нереста в осенний период на местах икрометания скапливалось большое число рыбаков. Одним из участков нерестовых миграций ряпушки был район острова Большой Клименец, его западное побережье¹⁴. Окунь и плотва ловились в мелководных лесных озерах на самом острове.

Важнейшими из рыболовных снастей в Заонежье были озерные сети так называемого отцеживающего¹⁵ типа. В писцовых книгах при описании рыболовных угодий в Спасском Кижском погосте упоминается невод – универсальная сеть, пригодная для круглогодичной ловли¹⁶, одно из древнейших и специфических славянских рыболовных орудий¹⁷. Невод состоял из двух крыльев с «приводами»¹⁸, в середине помещалась более дорогая, прочная и мелкочейстая «мотня» (матка, ядро)¹⁹. Низ сети утяжелялся каменными грузилами, а верх поддерживался крупными берестяными поплавками. Лов неводом был коллективной работой, требовавшей не менее троих человек (один работает на нижней тетиве, второй – на верхней и третий – на веслах)²⁰. Невод обязательно дубили и смолили во избежание гниения, однако он служил не более сезона. Его расшивали, а наиболее хорошо сохранившиеся куски пускали на другие снасти²¹. О размере неводов, бытовавших в Заонежье в XVI в., сообщает писцовая книга 1563 г. Андрея Лихачева и Ляпуна Добрынина – в длину такие сети имели по 90 сажень.

Мужской монастырь, основанный на землях «в черной волости» местночтимым святым, преподобным Ионой Клименецким, сразу же активно включается в процесс хозяйственного освоения Заонежья. Ко времени создания монашеской общины земли Спасского Кижского погоста были уже хорошо обжиты черносошными крестьянами. По сведениям петрозаводского исследователя И. В. Мельникова, в писцовой книге 1563 г. зафиксирована наибольшая плотность крестьянского населения на острове Большой Клименец: на нем находились 37 поселений²². Их основная часть располага-

¹³ Покровский В. В. Ряпушка Онежского озера // Рыбное хозяйство в Карелии. Петрозаводск, 1933. Вып. 2. С. 91.

¹⁴ Покровский В. В. Ряпушка озер Карелии. Петрозаводск, 1939. С. 42.

¹⁵ Их передвигали, сводили концами и вытаскивали на берег или в лодку. Сети второго типа – объецаивающие – ставятся неподвижно поперек или вдоль течения рек, в заливах и озерах.

¹⁶ Куза А. В. Рыбный промысел в Древней Руси. М.; СПб., 2016. С. 76.

¹⁷ Там же.

¹⁸ «Приводы» – длинные веревки, с помощью которых забрасывали и вытягивали невод.

¹⁹ Куза А. В. Рыбный промысел в Древней Руси... С. 77.

²⁰ В XIX в. обычная неводная артель насчитывала 12–16 рыбаков.

²¹ Куза А. В. Рыбный промысел в Древней Руси... С. 79.

²² Мельников И. В. Рыболовный промысел в Заонежье... С. 124.

лась в районе волостки Сенная Губа, в северной части острова, поэтому монастырь строился преподобным Ионой на его южном незаселенном конце («в Ужном наволоке»). Ближайшая к мужской обители д. Конда²³ была на юго-восточном побережье – на расстоянии четырех верст (ок. 4,2 км).

Озерная и морская рыба была основным продуктом питания насельников севернорусских монастырей, а рыболовный промысел относился к числу повседневных монашеских занятий. В древнерусских литературных географических памятниках часто встречаются сцены «ловитвенного труда»²⁴. Разные святые благословляют мирян на удачное ужение рыбы, исцеляют и спасают попавших в беду рыбаков. Не случайно преподобный Иона Клименецкий почитался жителями Заонежья небесным покровителем рыболовов. По просьбам отправлявшихся на рыбную ловлю приходские священники служили молебен этому заонежскому святому с обязательным прибавлением слов к молитве: «*да подаст нам ловитву рыб изобильну*»²⁵.

Монастырские рыболовные участки. Рыбная ловля на озерных тонах изначально играла важную роль в хозяйственной деятельности Клименецкого монастыря, как и любой другой прибрежной обители. Рассмотрим подробнее, какие рыболовные участки находились в его владении, и обратимся к письменным источникам. В 1546/47 г. по жалованной грамоте царя Ивана IV (1533–1584 гг.) монашеская община во главе с игуменом Кириллом получает одновременно с прибрежными земельными угодьями в безоборочное владение водное пространство Онежского озера на пять верст от береговой линии («*вод для рыбной ловли от монастыря на пять верст во все стороны*») и внутреннее «*озерко лешее Нюхча*», расположенное на острове Большой Клименец²⁶.

В 1563 г. писец Андрей Лихачев с подъячим Ляпуном Добрыниным оставили за Клименецким монастырем его земли (на пять верст к северу и на две версты до Нятиной губы) и подтвердили право монашеской общины на безоборочную рыбную ловлю в Онежском озере (на этот раз без уточнения количества верст) и трех мелких лесных озерах²⁷ на острове Большой Клименец: «*Да у того же манастыря угодья рыбных ловель по Григорьеву писму Волосатого да подьячего Федора Нестерова на Климетцком острове в озере в Онеге, ловят на манастырь лоткою, а в нем неводы и сетки; а оброку на*

²³ В наши дни урочище Конда с развалинами каменной церкви.

²⁴ См.: Пигин А. В. Памятники рукописной книжности Олонецкого края...

²⁵ К-в. Климецкий монастырь // ОГВ. 1887. № 63.

²⁶ См.: Барсов Е. В. Олонецкий монастырь Клименцы, с приписными к нему пустынями, царскими и иераршими грамотами. М., 1871. С. 8.

²⁷ Указанные в писцовой книге 1563 г. топонимы на современных картах обнаружить не удалось. По всей видимости, за прошедшие столетия озера заросли лесом.

нево не положено, потому что ему дано в угоде. Да они ж ловят мелкую рыбу окуни и плотицу в леших озерах: в озерке в Сусанге, в озерке в Естьянском, в озерке в Рогмо-наволоке на Комлю малыми невоцы; а оброку на те озера не положено, потому что не удобны»²⁸.

Из приведенного отрывка ясно, что озерные тони были закреплены за Клименецким монастырем еще в годы правления великого князя Московского Василия III Ивановича (1505–1533 гг.) – отца Ивана IV. Упомянутые в документе писец Григорий Волосатый и подьячий Федор Нестеров описывали дворцовые рыбные ловли в Заонежской половине Обонежской пятины в 1524/25 г. Составленная ими писцовая книга сохранилась в неполном виде в двух списках XVII в., и нужное нам описание рыболовных участков в Спасском Кижском погосте, к сожалению, в них отсутствует²⁹.

В 1582/83 г. писец Андрей Васильевич Плещеев и подьячий Семейка Кузмин повторяют лаконичную информацию о рыбных ловлях Клименецкого монастыря из прежнего описания земель Спасского Кижского погоста: *«рыбных ловель на Климетцком острове в Онеге озере, ловят на монастырь лоткою, а в нем неводы и сетми безоброчно. Да у того ж монастыря угодья рыбные ловли в леших озерах: в озерке в Кусанге, в озерке в Естьянском, в озерке в Рогмонаволоке на Комлю малыми невоцы, а ловят на монастырь мелкую рыбу окуни и плотицу безоброшно ж»³⁰*. Как видим, клименецкий игумен Тихон с братией снова получили подтверждение своих прав на безоброчный рыбный промысел в Онеге и на внутренних озерах.

В дозорной книге, составленной в 1593 г. на пустующую монастырскую вотчину *«на черном лесу на Някиной губе»*, сообщается о совместном владении клименецкими монахами и местными крестьянами рыболовными участками в Нятиной губе: *«А в черте того Климяцкого монастыря старцам два неводы рыба им промеж государевы крестьяны по государеве грамоте ловити, чим им в монастыри питатися»³¹*. На каких условиях чернецы и миряне пользовались тонями в Нятиной губе, неизвестно.

В материалах судебного разбирательства, начатого по челобитной клименецкого игумена Филиппа в 1596/97 г. о спорных монастырских деревнях Рокса и Осиповщина на острове Большой Клименец, уточняется, что совместные рыбные ловли располагались и на Онежском озере, и на

²⁸ Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Материалы по истории народов СССР. Л., 1930. Вып. 1. С. 134.

²⁹ Писцовые книги Новгородской земли. СПб., 1999. Т. 2. С. 3–7.

³⁰ История Карелии XVI–XVII вв. в документах. Петрозаводск; Йоэнсуу, 1993. Т. 3. С. 163.

³¹ Материалы по истории Карелии XII–XVI вв. Петрозаводск, 1941. С. 341.

внутреннем озерке Нюхчеозере: «а на Нюхчеозере рыба ловити с волостными людьми монастырским вместе; а по онежским губам и берегам монастырским людям с волостными людьми вместе ловити рыба...»³².

Скупая информация о новом рыболовном участке появляется в письменных источниках после разорения Клименецкого монастыря в годы Смуты, когда в 1613/14 г. была сожжена деревянная Никольская церковь. В переписной книге 1628–1631 гг. впервые сообщается о тони, принадлежавшей монашеской общине в длинном узком заливе Чорга (Черга, Лижемская губа) Онежского озера: «Да того ж монастыря угодыя, рыбных ловель на Клименском острове в Онеге озере, да в леших озерках: в озерке Сусалге, в озерке в Естынском³³, в озерке в Рогмо наволке, да в Черги, а ловят на монастырь неводы и сетми безоброчно»³⁴.

Рыболовные угодыя в удаленном на 40 верст (ок. 43 км) от Клименецкого монастыря заливе Чорга имели особо важное значение для его насельников: глубокая и холодноводная Лижемская губа была богата ряпушкой и ценной палией, через нее на нерест в реку Лижму шел онежский лосось³⁵. Пострадавший в Смутные годы мужской монастырь, получив незадолго до описания земель Спасского Кижского погоста право безоброчной рыбной ловли в Чорге, смог значительно улучшить свое благосостояние и восстановить уничтоженную «немцами» Никольскую церковь.

Из писцовой книги 1563 г. следует, что рыбная ловля «в губе на Черке» в период новгородской независимости (до 1478 г.) принадлежала «в вопчих водах» двум знатным новгородским боярам Луке Федорову и Микифору Хмелеву, представлявшим в Спасском Кижском погосте «пруско-плотницкую группировку» Великого Новгорода – «а ловят лососи и мелкую рыбу»³⁶. В первой половине XVI в. тонями в заливе Чорга пользовались чернососные крестьяне из прибрежных деревень, располагавшихся в устье реки Лижмы («на Коневом острову», «в Чоболакше», «на Корельском острову», «на Лукине острову»).

Из материалов спорного дела 1640-х гг., когда монахи и сенногубские крестьяне взаимно обвиняли друг друга в нарушении владельческих прав на угодыя, узнаем о двух конкретных рыболовных участках Клименецкого монастыря в Онежском озере – тонях Рускит-наволока на

³² Там же. С. 373.

³³ Е. В. Барсов приводит название «Рестынском». См.: Барсов Е. В. Олонецкий монастырь Клименцы... С. 15.

³⁴ РИБ. Т. 2. № 169.

³⁵ Покровский В. В., Смирнов А. Ф. Очерк рыболовства Онежского озера // Рыбное хозяйство Карелии (сборник статей). Л.; М., 1932. С. 59.

³⁶ История Карелии XVI–XVII вв. в документах... Ч. 3. С. 129, 132.

острове Большой Клименец, в одной версте (ок. 1,06 км) от монастырской усадьбы и на небольшом острове Сосновец³⁷, в двух верстах (ок. 2,1 км) от мужской обители.

В отечественной краеведческой литературе встречаются сведения о рыболовных участках Клименецкого монастыря в 1720 г.: *«Рыбных ловель две: одна в Онеге, в 5 верстах, где ловятся лососи в осеннюю пору, редкими сетями и неводами, а другая в Онежской губе Череди, в 40 верстах от монастыря, где ловится ряпушка частыми сетями»*³⁸. Известно, что в тот год монастырь отправил на ярмарочную продажу большое количество рыбы и икры – 150 пудов свежих и соленых лососей, 230 пудов палей «мелкой руки» и 5 пудов ряпушной икры на четырех лошадях³⁹. Также во владении Клименецкого монастыря до его упразднения по секуляризационной реформе 1764 г. по-прежнему оставались два небольших внутренних озера на острове Большой Клименец – Сусанно и Ястынское. В конце XVII – начале XVIII в., по сообщению Е. В. Барсова, ими пользовались крестьяне Сенногубской волости Викула Никитин и Савва Артемьев⁴⁰.

После восстановления Клименецкого монастыря, закрытого при Екатерине II (в 1860 г. он получил самостоятельный статус), на основании сохранившихся царских грамот рыболовные участки были возвращены монахам, но не в полном объеме: *«Воды для рыбной ловли имеется на три версты от берега против всей монастырской земли, на протяжении по берегу озера около 8 верст. В значительном количестве здесь ловятся иногда щуки, окуни, лососей же вылавливается очень мало»*⁴¹. Как и в XVI–XVII вв., монастырь зорко следил за неприкосновенностью границ своих рыболовных угодий: *«Климецкий монастырь, основываясь на жалованной грамоте царя Иоанна Грозного, подтвержденной указом Петра Великого, не позволяет ловить при берегу своей дачи в губе Нятинной до мыса Широкого-наволока и в губе Конда до острова Карноша, считая все эти воды своими и отдавая их в аренду»*⁴².

Конфликты монастыря и крестьян из-за рыболовных участков. Отечественные историки обращали внимание на длительные и напряженные конфликты, происходившие между Клименецким монастырем и сенногубскими крестьянами во второй половине XVI–XVII вв. Первым о них

³⁷ Не следует путать с островом Сосновец при входе в Лижемскую губу.

³⁸ Барсов Е. В. Олонекский монастырь Клименцы... С. 63.

³⁹ Там же. С. 62.

⁴⁰ Там же. С. 61.

⁴¹ Е. М. Путевые заметки // ОЕВ. 1906. № 22. С. 830.

⁴² Пушкарев Н. Н. Рыболовство на Онежском озере. С. 97.

сообщает Е. В. Барсов в 1871 г.⁴³ Красной нитью в его работе, посвященной Клименецкому монастырю, проходит тема нескончаемых споров монахов и живших по соседству с ними черносошных крестьян из-за смежных рыбных угодий. Цитаты, приведенные Е. В. Барсовым из челобитных клименецких чернецов и материалов судебных разбирательств, содержат много красочных подробностей об опустошении монастырских тоней и жестоких нападениях на братию. Тем не менее исследователь справедливо отмечает, что, несмотря на враждебное отношение части окрестных крестьян к клименецким монахам, большинство монастырских вкладчиков были родом из Сенной Губы и Кижей⁴⁴.

Советские историки, в частности И. У. Будовниц, видели в частых конфликтах, разгоравшихся между Клименецким монастырем и мирским населением из-за рыболовых участков, проявление «длительной и острой» классовой борьбы⁴⁵.

В современной историографии указывается на ограниченность числа удобных рыболовных участков в Спасском Кижском погосте во второй половине XVI в., что и приводило к серьезным разногласиям и стычкам: по писцовой книге 1582/83 г. насчитывается 52 тони в пользовании крестьян прибрежных деревень и причта Преображенской церкви⁴⁶. Пожалование Клименецкому монастырю пятиверстной водной зоны вызвало недовольство деревенских жителей, привыкших «по старине» ловить в этих местах рыбу на свой стол и на продажу. В царских жалованных грамотах, данных Клименецкому монастырю, отсутствовало четкое описание границы монастырских водных угодий и режима их использования, что стало дополнительной причиной многолетних споров чернецов с крестьянами Сенногубской волости.

Предметом длительной тяжбы были тони на острове Сосновец, в Конда-губе и Рускит-наволоке на острове Большой Клименец. При клименецком игумене Иоасафе (1643–1647 гг.) продолжалось разбирательство из-за рыбных ловлей, которыми издавна в силу традиции пользовались жители соседней д. Конда (*«угодья их и рыбная ловля близ самага монастыря и ловецкие станы в верстах в трех, четырех и больше»*⁴⁷). Суть конфликта

⁴³ Барсов Е. В. Олонецкий монастырь Клименцы...; Кожевникова Ю. Н. Е. В. Барсов (1836–1917) как исследователь истории Клименецкого монастыря и Андрусовой пустыни // Краеведческие чтения. Материалы IX научной конференции. Петрозаводск, 2017. С. 69–273.

⁴⁴ Барсов Е. В. Олонецкий монастырь Клименцы... С. 52.

⁴⁵ См.: Будовниц И. У. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян. М., 1966. С. 332–333.

⁴⁶ Мельников И. В. Рыболовный промысел в Заонежье... С. 123. Писцы также зафиксировали орудия рыбной ловли – 52 невода по 90 сажений, 29 сетей и гарв по 40 сажений, 13 сиговых сетей, 41 плотичья. См.: Писцовая книга Заонежской половины Обонежской пятины. 1582/83 г.: Заонежские погосты... С. 162.

⁴⁷ Барсов Е. В. Олонецкий монастырь Клименцы... С. 8.

сводилась к упорному стремлению кондинских крестьян полностью вернуть себе прибрежные рыболовные участки, лежавшие рядом с родной деревней и вошедшие в монастырскую пятиверстную зону. Одним из активных участников спорного дела в 1640-е гг. был Гришка Максимов «с товарищи», который требовал справедливого размежевания земельных и рыбных угодий. Присланные из Великого Новгорода межевщики Петр Змеев и Надежа Кулебакин обвинялись кондинскими крестьянами в неверном разделении рыболовных участков. Отводчик из Москвы Гаврило Островской разрешил спор в пользу Гришки Максимова, предоставив Клименецкому монастырю две, а не пять верст водного пространства⁴⁸.

Во второй половине XVII в. Клименецкий монастырь продолжал бороться за свои права на озерные тони в окрестностях д. Конда. В 1651 г. игумен Илия (1648–1660 гг.) составляет челобитную на имя царя Алексея Михайловича (1645–1676 гг.) с тем же требованием наказать кондинских крестьян Гришку Максимова «с товарищи» за незаконный лов рыбы в монастырских водах и вернуть братской общине пятиверстное озерное пространство для рыболовства. Возобновленная им тяжба с крестьянами безуспешно тянулась при его приемниках игумене Гедее-не (1661–1664 гг.)⁴⁹ и строителе⁵⁰ Иоасафе (1664–1675 гг.)⁵¹.

Другими спорными участками, как уже указывалось, были тони «в Сосновце» и Рускит-наволок на острове Большой Клименец. Клименецкий игумен Иоасаф в 1644/45 г. выступал против непокорного дворцового крестьянина Сенногубской волости Куземки Третьякова, который «с товарищи», по свидетельству истца, в течение 16 лет незаконно рыбачил в монастырской двухверстной зоне, получая от продажи рыбы по 40 рублей ежегодно: «в их монастырских водах насилством ловят рыбу на продажу и ставят на той их монастырской земле станы и на приезд избы»⁵². Игумен Иоасаф требовал взыскать с Куземки его долю 232 рубля 24 алтына 1 ½ деньги, так как два других сенногубских крестьянина Симанко и Пронка Игнатьевы уже рассчитались с монастырем «не ходя в суд». Монахи смогли доказать справедливость своего обвинения Куземки, но Клименецкий монастырь так и не получил от него полагавшейся компенсации⁵³. Спустя два десятилетия, в 1665 г., новые чело-

⁴⁸ Карелия в XVII веке: сборник документов. Петрозаводск, 1948. С. 142–143; Барсов Е. В. Олонецкий монастырь Клименцы... С. 34–35.

⁴⁹ Барсов Е. В. Олонецкий монастырь Клименцы... С. 39.

⁵⁰ С 1664 г. монастырем управляли не игумены, а строители.

⁵¹ Барсов Е. В. Олонецкий монастырь Клименцы... С. 40–41.

⁵² Карелия в XVII веке: сборник документов... С. 194.

⁵³ Барсов Е. В. Олонецкий монастырь Клименцы... С. 35–36.

битные писались в Москву от имени клименецкой братии, дело снова затягивалось и не решалось ни в чью пользу⁵⁴. В январе 1669 г. строитель Иоасаф получил в Москве царскую грамоту на имя олонецкого воеводы Замятни Федоровича Леонтьева (1667–1669 гг.), по которой повелевалось взыскать положенные деньги с Куземки Третьякова. Тяжба длилась уже 25 лет, а *«рыбными теми ловлями крестьяне и по ся мест владеют»*, – сокрушался настоятель монастыря⁵⁵.

В 1667 и 1670 г. клименецкий строитель Иоасаф безуспешно подавал жалобу на сенногубских обельных крестьян Бутора Трофимовича с братьями по поводу «многострадальной» тони на Сосновце: те *«ловили рыбу на монастырском острове на Сосновце с 1647 по 1667 г., выручая на рыбе в год по 7 руб., всего 140 руб., сгноили монастырский стан ценою в 12 руб., да ссекли 300 бревен на новый стан ценою на 16 руб., а всех убытков причинили на 167 руб.»*⁵⁶. Царский указ, посланный в 1677 г. на Олонец стольнику и воеводе Якову Стрешневу и дьяку Андрею Чернаго, предписывал им обозреть рыбные ловли Клименецкого монастыря по писцовой книге 1628–1631 гг. и *«дозреть ловили ль крестьяне рыбу в пятиверстном монастырском владении и всему учинить чертеж подлинный и прислать к Москве, а монастырских денег править не велено до государева указу»*⁵⁷.

Права Клименецкого монастыря на рыболовные угодья в Спасском Кижском погосте последний раз до упразднения мужской обители по секуляризационной реформе 1764 г. были подтверждены царями Петром и Иваном Алексеевичами в 1684 г.⁵⁸ Непрекращавшиеся многолетние тяжбы непрерывно истощали монастырскую казну, так как требовали существенных расходов на составление челобитных, длительные поездки в Москву и судебные издержки. В первой половине XVIII в., когда государственная политика в отношении российского православного монашества постепенно ужесточалась, Троицкий Клименецкий монастырь прекратил спорные дела о рыбных ловлях с крестьянами Сенногубской волости и сосредоточился на вопросах выживания в новых условиях.

Итак, рыболовные участки Троицкого Клименецкого монастыря располагались в средней части Онежского озера, в прибрежной зоне южной части острова Большой Клименец. Единственная удаленная от

⁵⁴ Там же. С. 40–41.

⁵⁵ Там же. С. 44.

⁵⁶ Там же. С. 41, 44.

⁵⁷ Там же. С. 49.

⁵⁸ Там же. С. 143.

монастырского комплекса озерная тоня находилась в заливе Чорга (Лижемская губа). Монастырь владел ею вплоть до своего уничтожения в советский период. Рыболовные участки на мелких водоемах внутри острова Большой Клименец не играли особой роли в монастырском хозяйстве и не приносили существенного дохода. Богатые тони в пятиверстной зоне на Онежском озере монахи делили с черносотными сенокубскими крестьянами; именно они были предметом длительных судебных споров в XVI–XVII в. Настоятели неизменно отстаивали пожалованные русскими царями права на водное пространство, что само по себе свидетельствовало о важности озерных тоней для монастырского благосостояния.

В заключение скажем несколько слов о характере рыбного промысла и рыболовных орудиях Клименецкого монастыря. Обращает на себя внимание исключительно экстенсивная форма монастырского рыболовства, которая основывалась на промысле нерестующейся рыбы, шедшей в определенные месяцы на отмельные места в северной части Онежского озера. Клименецкие монахи ловили разную рыбу во время навигации при помощи снастей, традиционных для крестьянской культуры Заонежья. Все они – для промысла в озерах, так как речных тоней мужская обитель никогда не имела: неводы, «малые невогцы», сетки, «сети редкие» для лососей и «частые» для ряпушки. Если судить по сообщениям писцовых книг, во второй половине XVI в. монастырские насельники пользовались неводом с берега Онежского озера при помощи одной лодки⁵⁹, а в лесных озерах острова Большой Клименец применяли «малые невогцы». Во второй половине XVII в. монастырские судна были гребными и парусно-гребными для выхода в открытое озеро⁶⁰.

Вопросы организации рыбного промысла Клименецкого монастыря, касающиеся не только снастей, но и состава монастырской рыболовной артели, объемов добычи рыбы, ее обработки, хранения и сбыта, требуют более подробного изучения с привлечением новых письменных источников.

---

⁵⁹ Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. ... С. 134. Закрепив конец невода на специальном колу на онежском берегу, сеть постепенно выметывали с лодки в воду, а затем возвращались к исходному пункту. Здесь вручную или воротом, или конской тягой невод выволакивали на берег. При лове на открытой воде в Онежском озере монастырским насельникам потребовались бы две лодки.

⁶⁰ В 1701 г. по сведениям, полученным от клименецкого строителя Александра, «было у них малое полукарбасье, но и то продано Бутенанту⁶⁰ ради Государевых припасов громады ядер весть в Новгород». См.: Барсов Е. В. Олонецкий монастырь Клименцы... С. 61.

И. Арьява

ОТХОЖИЙ РЫБНЫЙ ПРОМЫСЕЛ*

(Перевод Т. Ю. Дудиновой)

Однажды, 60 лет назад, мне довелось услышать, как эвакуированный с Карельского перешейка лодочных дел мастер Вильям Лаулайнен рассказывал моему отцу о том, что на Ладоге объявились чужие рыбаки, которые используют быстроходную лодку с одним парусом только для попутного ветра (Laulajainen, 1945–52)¹. Рыбаки оставались на рыбной ловле настолько долго, что успевали дожидаться попутного ветра для того, чтобы вернуться домой. Лаулайнен был хорошо известным лодочным мастером. Особенно высоко ценились построенные им десятиметровые и двухмачтовые большие рыбацкие лодки. Как говорили, на одной из таких лодок один раз он обошел большой двухвинтовой пароход «Валаам». То, что Вильям Лаулайнен говорил о лодках с парусом для попутного ветра, как о лодках, которые были быстрее его собственных лодок, действительно свидетельствует об их быстроходности.

Лаулайнен не знал, откуда чужие рыбаки пришли на «финскую Ладогу». Намного позже мне удалось получить интересную фотографию из архива Элины Лоппери. На фотографии была изображена лодка рыбацкой артели из ингерманландской д. Нижняя Микула, которая находилась на старой финской границе с Советским Союзом (рис. 1). Фотография была сделана в 1935 г., на ней именно такая лодка, как описывал Лаулайнен. Хорошо знавший эту территорию и ее населенные пункты петербургский врач Алексей Крюков рассказывал мне, что в деревне, которая находилась

---

* Настоящий материал является переводом с финского языка статьи, опубликованной в сборнике общества Сайманского музея парусников (Финляндия): *Arjava J. Kansojen välistä kaukokalastusta // Kavassi IX, Saimaan Purjehdusmuseoyhdistys. Savonlinnan maakuntamuseo, 2013.* О Йоуни Арьяве см. статью Ю. М. Наумова в настоящем сборнике (*прим. ред.*).

¹ Список источников приводится в конце статьи.

южнее д. Морья, до революции жили русские рыбаки (Ktjukov, 2005). В ежегоднике Морского музея Финляндии в статье о ладожских лодках, с определенной долей осторожности, я назвал «путешествующих по ветру» «морьялайненами»². Главный врач Пентти Ахтиайнен, живущий в Уусикаупunki, рассказывал об интервью своего деда рыбака Антти Ахтиайнена, в котором говорилось о тех же самых рыбаках. Жители Карельского перешейка называли их «тоускейненами» (Ahtiainen, 2006). Время рыбной ловли было продолжительным, на промысле рыбаки находились вместе со своими семьями, иногда дети появлялись на свет в лодке, в которой жили рыбаки. Главной промысловой добычей для этих рыбаков был сиг.

*Рис. 1. Лодка рыбацкой артели. Нижняя Миккула, 1935.
Ладожское озеро (архив Элины Лоннеру)*

Антти Ахтиайнен высказал предположение о том, что рыбаки могли быть с берега реки Волхов, из тверских карел или из других мест, например, с озера Пейпси (Чудского), из Эстонии с реки Нарвы. На Ладогу они добирались через Финский залив и Неву, предположение могло быть сделано на основании языка, на котором говорили рыбаки. Путь по реке Волхов до Старой Ладоги был хорошо известен представителям рода Антти Ахтиайнена. Рыбаки из этой семьи много раз проделывали его.

² *Arjava J. Laatokan vene // Nautica Fennica 2005–2006. Helsinki, 2006. S. 60.*

После того как я начал изучать этот вопрос, выяснились некоторые обстоятельства. Дело в том, что кузен моего деда земледелец и рыбак Юха Матинпойка Ламберг из Сортавальских шхер, рассказывал о тех же самых рыбаках своему внуку Янне Ламберту (Lambert J.), а именно о том, что «чужие рыбаки» говорили на карельском языке. Революция и признание независимости Финляндии не полностью закрыли проходившую по Ладоге водную границу³. Между государствами была достигнута договоренность о взаимном использовании этих рыболовных территорий. И вплоть до 1930-х гг. в финских водах можно было встретить «гостей».

Итак, основной путь лежал в направлении Волхова, однако откуда разговор о районе озера Пейпси? В книге «История ингерманландских финнов» говорится о том, что рыбаков, которые приходили на рыбный промысел на Ладогу через Неву, ингерманландцы называли «сомракойненами» или «сыреницейнами», по названию места, откуда они приходили, то есть с берегов озера Сомраярви (западная Ингерманландия), а также из Сёренецы или Васкарны на озере Пейпси⁴. Таким образом, рыбаки могли приходиться с территорий восточной Эстонии и западной Ингерманландии, поэтому я начал изучать эстонские источники⁵. В них подтверждалась информация о ежегодной рыбной ловле в Кронштадском заливе и на Ладоге. Весной рыбаки приходили в Усть-Лугу с озера Сомраярви по реке Луга, а также с озера Пейпси по реке Нарва и маленькой речке Росона. Существует информация о том, что рыбаки с озера Пейпси доставляли в зимне-весеннее время на лошадях рыболовные снасти – до 100–150 сеток на лодку и необходимое продовольствие в Васкарну. По позднему весеннему льду они приходили пешком, арендовали грузовые лодки и спускались до верхних порогов реки Нарва. Оттуда путь продолжался на лошадях до железнодорожного вокзала Нарвы и на поезде до Ораниенбаума, далее добирались на лошадях до ингерманландской д. Куккуси, где осенью ими были оставлены под присмотром лодки и часть снаряжения. Если на море не было льда, то сразу же продолжали путь на лодках до Кронштадта, если же на море стоял лед, то ожидали его схода в д. Куккуси. Рыбу ловили сетками, 4–5 рыбаков в лодке, 30 сеток на человека. Вопросы о сетях, сбыте рыбы, о проживании и питании, распределении доходов между членами артели решали сообща. Совместным было содержание лодок, также вместе несли все необходимые издержки. В Кронштадте жили в сараях, спали на деревянных настилах. Часть рыбаков уходила по Неве на Ладогу.

³ Säteri K. Rajavartioloitoksen historia. 2 osa. Mikkeli, 1969. S. 164–165.

⁴ Lohi A. Hailinnolliset ja taloudelliset olot // Inkerin suomalaisten historia. Jyväskylä, 1969. S. 144.

⁵ Manninen I. 1931. Die Sachkultur Estlands I, Tartu, 1931. S. 101–106; Ränk G. Peipsi kalastusest. Tartu, 1934. S. 155, 181–182; Moora A. Peipsimaa etnilisest ajaloost. Tallinn, 1964. S. 238–240; Toots H. Peipsimaa etnilisest ajaloost // Eesti kalanduse minevikust. II koguteos. Stockholm, 1985. S. 211–217.

Промысловый период на Ладожском озере продолжался с мая до зимнего праздника Св. Николы (6.12). Доход составлял 100–150 рублей на мужчину, за приготовление еды женщине платили 25 рублей, мужчине – 30. Почему рыбаки уходили на рыбный промысел на Ладожское озеро?

В семье Ахтиайненов сохранились сведения о том, что еще между мировыми войнами финские жители морского побережья Карельского перешейка уходили летом на рыбный промысел с Финского залива на Ладогу, к лучшим тоням в более глубоких и холодных водах Ладожского озера (Ahtiainen, 2006).

Вместе с тем нет письменных источников о рыбном промысле «жителей земли Пейпси», как и о рыбаках, приходивших с реки Волхов, о них сохранились только отдельные сведения. На расстоянии 300 км, в южном направлении от Ладоги, за водоразделом находится озеро Селигер, на берегу которого расположен Осташков монастырь во имя великого монаха-отшельника Нила Столобенского (монастырь Нилова пустынь) (Jääskinen, 2008; Saarikivi, 2008). Монастырь и православная община нуждались в большом количестве рыбы во время постов, что способствовало процветанию на этой территории рыболовства. Окрестности Валдайской возвышенности и Тверской губернии были опустошены во время Литовской войны, и на эти земли монастырь призвал новое население – православных карел с Ладожской Карелии и Олонца⁶. Таким образом, многие православные жители Ладоги воспользовались этой возможностью, чтобы покинуть родные места. Эти события происходили в XVII в. во время усиления влияния шведской короны.

Годовые странствия рыбаков с озера Селигер описывают так: «Веснами они тащили лодки и сани по земле на озеро Ильмень и спускались по реке Волхов до Ладоги»⁷.

Так как прямой наземный путь из монастыря к месту ловли составляет 150 км, то я начал изучать карты. Они показывают, что ближайший водный путь для спуска по реке мог быть немного севернее, в 4,5 км. Более точные карты дают основания предполагать, что небольшие порожистые ручьи с крутыми берегами невозможно было использовать для судоходства, однако в 30 км протекают реки Ява и Пола, которые выглядят весьма подходящими для такого мероприятия. Исследователь музея-заповедника «Кижский» Юрий Наумов ссылается на сведения академика Н. Я. Озерецковского о том, что совсем рядом, на расстоянии 80 км на реке Ловати был

⁶ *Virtaranta H. ja P. Kauas läksit karjalainen.* Porvoo, 1986. S. 316–317; *Saloheimo V.* Entisen esivalian alle, uusille elosijoille. Tampere, 2010. S. 23.

⁷ *Manninen I.* Die Sachkultur Estlands. S.103.

важный порт Холм. Попробуем предположить, как мог пролегать данный маршрут путешествия. На лошадях по весеннему насту тащили большие плоскодонные лодки со снастями от своего берега поближе к пригодной для судоходства реке, впадающей в озеро Ильмень. По ней спускались до Ильменя и далее по реке Волхов, по древнему торговому пути Великого Новгорода, шли к Ладожскому озеру. Часть рыбаков оставалась там, а часть оправлялась на промысел к морю через Неву, территория рыбной ловли простиралась от берегов Ингерманландии в западном направлении до Рижского залива. С приближением зимы рыбаки возвращались через Нарву к озерам Пейпси и Псковскому. Лодки и снасти продавали местным рыбакам. Из Пскова возвращались домой по суше, шли в юго-восточном направлении, проделывая путь около 300 км. Зимой строили новые лодки и делали снасти, сначала для своего использования, а потом для продажи.

Таким образом, на Неве встречались рыбаки, которые приходили на промысел по двум направлениям. Со второй половины XVII в. в эстонских источниках есть сведения об «осташковцах», но о рыбаках, пришедших на Ладогу с озера Пейпси, они появляются только с XIX в.⁸

В России господствовало крепостное право, в Эстонии крестьяне были зависимы от господ, говорящих на немецком языке, однако в России положение рыбаков было немного легче. Из-за большого числа православных постов требовалось большое количество рыбы, поэтому к рыбакам относились благосклонно, им было проще «оправдывать свою свободу». В Эстонии, напротив, право на рыбную ловлю долгое время было строго ограничено⁹. Издавна осташковцы, которые серьезно занимались рыбным промыслом, привносили новые традиции рыбной ловли и типы лодок на озеро Пейпси. Их слава настолько широко была распространена, что даже шведский король просил у Петра I разрешения отправить 2–3 рыбаков в Стокгольм для демонстрации своих умений¹⁰. Анти Ахтиайнен также вспоминал, что «тоуски» осуждали финнов, если кто-то в угоду «хорошим правилам» забывал об опыте использования традиционных «рыболовных снастей» (Ahtiainen, 2006). Долгие годы опыт многих поколений был основой для обучения рыбной ловле. Оптовая торговля рыбой и снастями на расстоянии сотни километров от Петербурга была «сферой влияния» семей, выходцев из Тверской губернии¹¹. С расширением их деятельности тех, кто приходил с других территорий, стали называть осташковцами, точно так же, как и выходцев с озера Селигер. По реке Сясь,

⁸ *Toots H. Peipsimaa etnilisest ...* S. 213.

⁹ *Ibid.*

¹⁰ *Ibid.* S. 212.

¹¹ *Manninen I. Die Sachkultur Estlands.* S. 104.

вероятно, добирались рыбаки с Тихвинского направления. Организацией торговли занимались агенты из разных мест. Очень хорошо был известен крупный рыбак Сууронен (очевидно, Юхан – сын Якова Сууронена, 1840–1898), посредник по поставке продукции осташковцев¹².

Мой интерес к этой теме, касающейся отхожего рыбного промысла, берет начало с рассказа об особых лодках, которые видели на Ладогe (Laulajainen, 1945–52). Можем ли мы в настоящее время сказать, как они выглядели? О пятиметровых лодках с озера Пейпси есть отдельная информация, чертежи и фотографии (рис. 2–5)¹³. Также есть фотографии рыбацких лодок такого же типа, но в два раза длиннее, они происходят с побережья Ингерманландии (рис. 6)¹⁴. Эти лодки полностью отличаются от западных эстонских морских лодок. У этих лодок плоское дно без киля, за счет чего они хорошо приспособлены для того, чтобы их можно было тащить по суше с помощью лошадей, особенно по весеннему насту. На них было также легко ходить по южной Ладогe и мелководному побережью Ингерманландии и озера Пейпси. Вместе с тем я удивляюсь, как их могли использовать на волнах в открытом море. Дно лодки сужалось к носу, и его дугообразная форма была достаточно острой, так что нос лодки во время движения «резал волну по верхнему краю». Использовать же парус можно было только при попутном ветре, что являлось существенным недостатком. Правда, путешествие на веслах и ожидание подходящего ветра были в то время привычным делом. Единственная мачта и расположение паруса в носу облегчали управление лодкой при попутном ветре¹⁵.

Отличительной чертой этих лодок был нос и корма. Передняя часть была прямая, с хорошим наклоном, поднимающаяся достаточно высоко и сильно загибающаяся кверху. Почти такие же профили носов были у больших рыбацких сойм на Ладогe (рис. 7), на Онежском озере у кижанок всех размеров (рис. 8), а также у некоторых лодок на Белом море и в Поморье¹⁶. Русские называли такую «кокору» карельским или поморским носом, а упомянутый в начале статьи мастер-лодочник Лаулайнен, называл ее донскотти-носом. Корма, напротив, более пологая, как у лодок с Ладоги и Онего, по форме она в большей или меньшей степени напоминает нос.

¹² Manninen I. Die Sachkultur Estlands. S. 104.

¹³ Moora A. Peipsimaa etnilisest ... Taulu XIII ja XV, Ränk 1934 kuvat 5, 6, 8, 9, 36, 45, 75, 120, 121.

¹⁴ Tšistov K. V. Venäläinen perinnekuulttuuri. Helsinki, 1976. Kuva 18a.

¹⁵ Moora A. Peipsimaa etnilisest ... Taulu XV 1.

¹⁶ Arjava J. Laatokan vene; Nabokova I.I., Naumov Ju. M. Stroiteljstvo lodki-kizhanki, näyttelyesite. 2005; Paulaharju S. Wanhaa Lappiaja Peräpohjaa. 2 painos. Helsinki, 1963; Galenko V. Poljarnyi Odissei. M., 1992; Реконструкция шитой кольской шняки. Традиционная форма штевней (носовой и кормовой «кокору»). URL: www.sewboat.narod.ru/shnjaka.

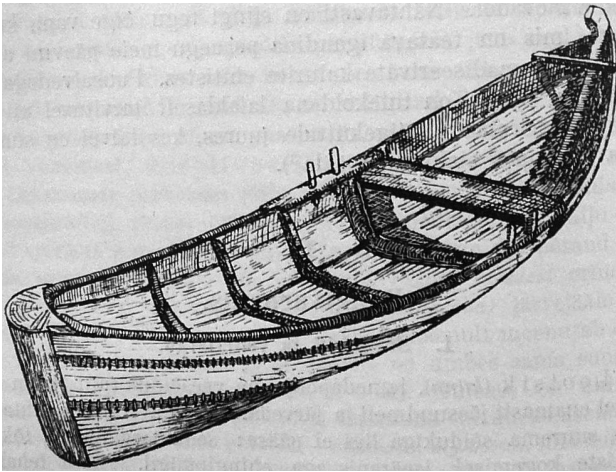

Рис. 2. Рыбацкая лодка. Озеро Пейпси (Чудское) (Ränk 1934, фото 5)

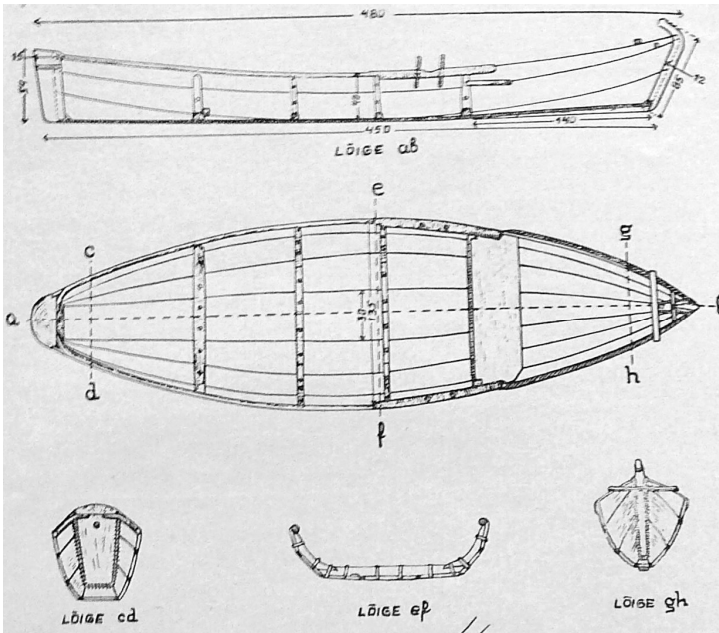
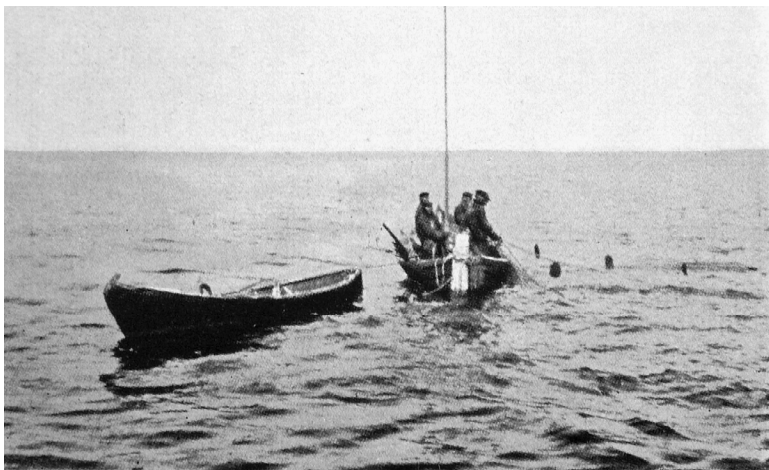

Рис. 3. Чертеж рыбацкой лодки. Озеро Пейпси (Чудское) (Ränk 1934, фото 9)

Рис. 4. Тяга невода на тоне (Ränk 1934, фото 7)

Рис. 5. Лодочный мастер у лодки в д. Поплиппе. Восточный берег озера Пейпси (Moora 1964, Taulu XIII, фотография Н. Еелта 1958)

Рис. 6. Большие рыбацкие лодки. Западный берег Инкеримаа (Чистов 1976)

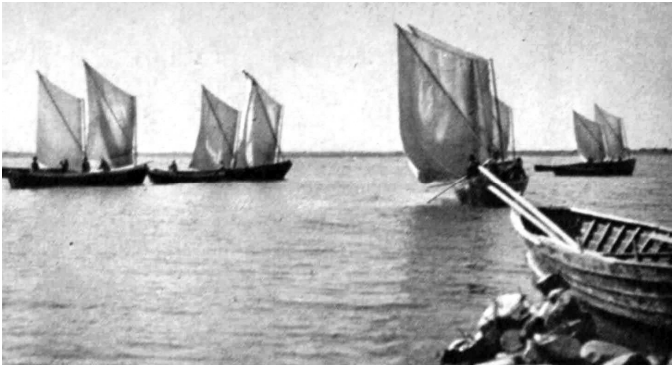

Рис. 7. Ладожские соймы в Сааройнен

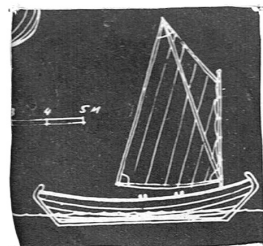
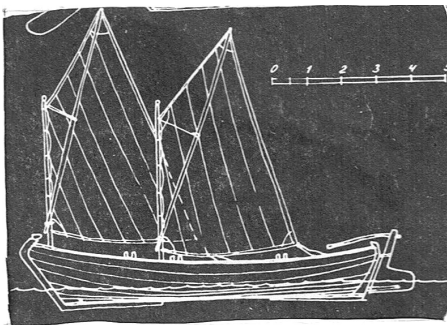

Рис. 8. Большая и маленькая онежская кижанка

Корма пейпсиарвинских и осташковских лодок низкая, прямая и широкая, почти такая же, как и у наших весельных лодок района Саво. Если сравнить материалы, известные нам, о лодках рыбаков, приходивших с реки Волхов, с одной стороны, и о лодках с озера Пейпси, с другой, то получится, что все лодки имели одну модель. Так как их столетиями продавали в Эстонии, причина общей формы лодок очевидна.

Насколько редкими были эти регулярные и длительные по времени промысловые сезоны далеко от родных берегов? На сотни километров вокруг у финнов были в общем пользовании места рыбной ловли, охоты и подсечного земледелия, которые являлись их главными занятиями. У жителей Хяме были постоянные места рыбной ловли в Финском заливе, из района южной Эстерботнии ходили на рыбную ловлю в Кваркенский пролив в шхерах Миккели. Ежегодно, во время путины, перемещались к северным рекам на Калласаари. Традиционными были походы на лыжах в зимне-весеннее время к местам рыбной ловли на побережье Норвегии и Северного ледовитого океана¹⁷. Оттуда возвращались домой пешком только к началу сенокоса. Известно, что немецкие рыбаки с южных берегов Балтийского моря совершали походы к финским берегам, ловили рыбу на полуострове Иберия и в Ново-Скотии (Канада)¹⁸. Мне представляется, что история отхожего рыбного промысла из Тверской губернии на Ладогу и в Эстонию включает столько различных особенностей, это могло бы стать предметом серьезного научного исследования.

Кто были эти люди, среди которых традиции рыбного промысла зародились, и кто их развивал? Когда было образовано Новгородское государство в 862 г., часть его жителей принадлежала к финно-угорскому племени. Об этом говорится в текстах на старом финском языке¹⁹. Постепенно с южной стороны проникали славяне, они смешивались с местным населением²⁰. Петербург был основан на территории, где проживали финны, ингерманландцы, воль, до революции в Петербурге часто звучала финская речь. Петербург даже называли «самым большим финно-язычным городом в мире» (Ikonen, Lamberg P., Lamberg J., Mäntynen).

Какая доля в описанной выше традиции рыбной ловли имела прибалтийско-финские корни и как на нее повлияло переселение православного карельского населения из Северного Приладожья в Тверскую губернию четырьмя годами назад? Территория распространения карельского языка на карте

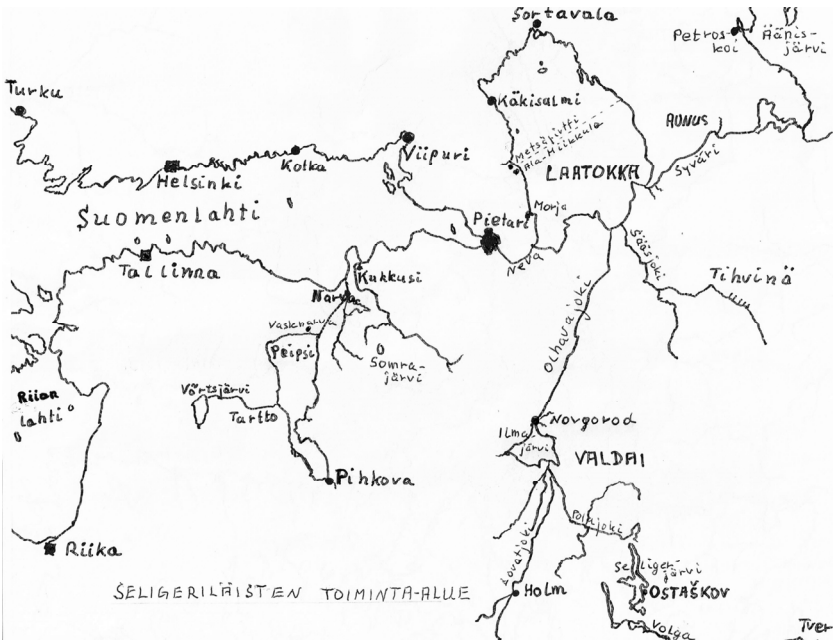
¹⁷ *Ervasti A. V.* Suomalaiset Jäämeren rannalla, Matkamuuistelmia. Oulu, 1884. S. 245–260, Paulaharju S. Wanhaa Lappiaja ... S. 88–100.

¹⁸ *Henriksson M.* Toineen aalto, Eurooppalaiset rosvo-ja löytöretket Amerikassa. Tampere, 1997. S. 19.

¹⁹ *Haavio M.* Tuohikirje nro 292. Vanha suomalainen muinaisuskonnon lähde // Virittäjä. 1964. 1. S. 2.

²⁰ *Toots H.* Peipsimaa etnilisest ... S. 211, 212.

в XIX–XX вв. совсем не ограничивалась только границами озера Селигер, напротив, на картах отражено переселение карел с Ладожской Карелии и Олонца на Валдайскую возвышенность и в Тверскую губернию в XVII в. В значительной мере переселенцы доходили, например, западнее Осташкова, до Старой Руссы, по реке Ловати до г. Холм²¹.

Территория отхожего рыбного промысла тверских рыбаков
(рис. автора)

Естественно, что когда артель рыбаков не находила на Селигере и малых водоемах в его окрестности хорошего улова, который удовлетворил бы их нужды, то переселенцы с Ладоги могли предлагать рыбакам известные им тони. Возможно, что у них были общие права на пользование этими водоемами (Kuzmin, 2012). Вихри истории разбросали карел в разные стороны.

²¹ Kennen P. Карта расселения новгородских и тверских карел 1834 г. // Этнографическая карта европейской России. СПб., 1851. Рис. 12; Lallukka S. The breakdown of Tver' Karelian demographic continuity // Ethnic and racial studies. V. 19,2. 1996. S. 321; Härkönen I. Karjalaisten ja Vepsäläisten asuma-alueet. Karjalan Kirja. Porvoo, 1932, karttaliite; Saloheimo V. Entisen esivalian ... S. 96, 100, 102, 104, 105, 116, 119, 125.

На новых местах проживания, в большей или меньшей степени, они сохраняли традиции промыслов, одновременно перенимая материальный и духовный опыт жителей новой местности, которая стала им домом. Осташковцы не были первыми или последними, но сфера их деятельности была обширной, а ее значение для того времени удивительно большим.

Источники

- Ahtiainen Antti – Ахтиайнен Антти, земледелец, рыбак. Месяпиртти
Ahtiainen Arvi – Ахтиайнен Арви, земледелец, рыбак, Месяпиртти/Усуикаупунки
Ahtiainen 2006 – Ахтиайнен Пентти, лицензиат в области медицины. Усуикаупунки, электронная почта
Ikonen – Иконен Ааро, оптовый торговец. Миккели, рассказ родственника
Jääskinen, 2008 – Яяскинен Ауне, профессор. Хельсинки, устная информация
Kuzmin 2012 – Кузьмин Денис, лицензиат в области филологии. Петрозаводск/Хельсинки, устная информация
Krkjokov 2005 – Крюков Алексей, врач, Санкт-Петербург
Lamberg Juho Matinpoika – Ламберг Юхо Матинпойка, земледелец, рыбак. Сортавала/Ханкасалми
Lamberg Juho Pekanpoika – Ламберг Юхо Пеканпойка, сапожник. Сортавала/Пори, устная информация
Lamberg P. – Ламберг Пекка Антинпойка, сапожник. Сортавала, рассказ родственника
Lambert J. – Ламберт Янне, лицензиат в технической области. Ювяскуля, устная информация
Laulajainen 1945–52 – Лаулайянен Вильям, лодочный мастер. Пухьярви, Союз чиновников/Падакоски, устная информация
Mäntunen – Мянтюнен Тиитус, дипломированный фэготист, капельмейстер. Миккели, устная информация
Saarikivi, 2008 – Саарикиви Янне, профессор. Хельсинки, электронная почта

Ю. М. Наумов

О ЙОУНИ АРЯВЕ И ЕГО СТАТЬЕ «ОТХОЖИЙ РЫБНЫЙ ПРОМЫСЕЛ»

Автор настоящего комментария лично знаком с автором предыдущей статьи «Отхожий рыбный промысел» Йоуни Арявой – известным в Финляндии исследователем истории судостроения. Нам довелось общаться в 2014 г. в рамках круглого стола на фестивале традиционного судостроения и судоходства «Кижская регата», где Й. Арява сделал интересное сообщение.

Йоуни Арява родился в 1930 г. в г. Хельсинки. По специальности инженер-судостроитель, работал главным инженером морской (пограничной) охраны. Всегда уделял много внимания истории финского судостроения, после института начал изучать историю судоходства, вошел в управление Морского исторического общества Финляндии, в комиссию по регистрации традиционных судов Музейного ведомства, был сотрудником Государственного научно-технического института.

Сам Й. Арява сообщает о том, что корни его рода в Северном Приладожье. До войны 1939–1940 гг. несколько раз бывал в гостях у родных в Сортавале. В 1938 г. его отец приобрел лодку на сортавальском рынке. «Это была пятиметровая весельная лодка ... С этого момента я начал интересоваться «ладожскими» лодками. Позже много раз конструировал и сам шил паруса „по-ладожски“ („на ладожский манер“), – сообщает Й. Арява о происхождении интереса к традициям народного судостроения и судоходства на Ладожском озере¹. В 1946 г. он познакомился с главным лодочным мастером рыбацкой деревни Сортавальских шхер на Ладоге, который «строил лодки 11 метров длиной с двумя мачтами, и они были хорошими лодками под мотор».

---

¹ Здесь и далее приводятся устные сообщения Й. Арявы, записанные автором в ходе личных бесед.

Важным показателем тщательности Й. Арявы в изучении данной темы является его комментарий к фотографии (рис.), которую он любезно предоставил для публикации в моей книге о карельском судостроении². Приведу его полностью: «Эта фотография сделана мной летом 1946 г. Большая лодка и есть „Nogrra“, к этому времени она только была построена. В лодке стоит мой отец Вяйно. На небольшом причале сидят моя мать Кайса и сестра Ритва. Так как меня нет на фотографии, очевидно, я фотографирую. Тогда мне было 15 лет. Мы находимся на даче, на озере Пяйянне, район Падасйоки. Лодка поменьше и есть та самая лодка, которую купили в Соргавале в 1938 г. Большая лодка была сделана лодочным мастером Вильямом Лаулайненом из Падасйоки, однако большую часть жизни он работал на Карельском перешейке в районе Пухьярви (Отрадное), в рыбацкой деревне Сортанлахти (Владимировка)».

Фотография из книги Ю. М. Наумова „Veneh“ – лодка по-карельски»
(фото Й. Арява. 1946 г.)

На протяжении всей жизни Й. Арява собирал материал о лодках и лодочниках северной Ладоги. «Мною двигало сильное желание сохранить традиции для будущего поколения», – говорит он о главной цели своей работы. Сведения по обозначенному в статье району (оз. Ладожское – Финский залив – оз. Псковское – р. Волхов) были почерпнуты Й. Арявой из разных источников. Его материалы представляют большой интерес

---

² Наумов Ю. М. «Veneh» – лодка по-карельски: О народном судостроении и судоходстве карел в районах их традиционного проживания и ведения хозяйства. Петрозаводск, 2017. С. 86. Рис. 27.

для изучения истории традиционного рыболовства. В статье есть информация по организации артелей и обеспечение лодками и снастями, о местах и принципах сбыта пойманной рыбы, распределения и размерах доходов артельщиков. Интересна информация о влиянии межгосударственных соглашений на рыболовство на Ладоге в послереволюционный период «между двумя мировыми войнами», когда активные русские «гости» рыбачили в территориальных водах Финляндии.

В статье автор впервые высказал предположение об участии тверских карел в рыболовном промысле на Ладожском озере, однако Й. Арьява допускает некоторые неточности в описании этнической истории южных карел. В частности он считает, что на опустошенные «во время Литовской войны и в Смутное время» земли Валдайской возвышенности и Тверской губернии Осташков монастырь «призвал православных карел с Ладожской Карелии и Олонца». Между тем это была не церковная, а государственная политика, благодаря которой в XV–XVII вв. «во время усиления влияния шведской короны» карелы, пострадавшие от пограничных войн, были переселены на новые удобные для занятия земледелием места. Район проживания и промыслов южных (тверских) карел в бассейне северных притоков Волги примыкал к древнему Тихвинско-Мстинскому водно-волоковому пути, который с XVIII в. с каналами и шлюзами стал одной из важнейших водных систем. Безусловно, к концу XIX в. промыслы карел могли значительно развиться благодаря близости к важным водным путям и растущему потребительскому рынку столицы России. Вместе с тем нельзя забывать, что указанный Й. Арьявой так называемый селигерский путь уже со второй половины I тыс. н. э. был освоен славянами. Позже водно-волоковой путь служил важнейшей торговой дорогой, связывающей Балтийский регион с рекой Волгой, восточными рынками, и основой для торгово-промышленного обмена Новгорода с Владимиро-Суздальским, а позднее с Московским великими княжествами. По этой причине все удобные земли, примыкающие к этому и другим магистральным водным путям, были плотно заселены жителями Новгородской феодальной республики и Тверского княжества. Здесь активнее развивались ремесла и распаивались земли, строились города-крепости и монастыри, поэтому в XVI–XVII вв. южные карелы могли расселиться только в верховьях рек северной части Волжского бассейна, что подтверждается известными границами так называемого Карельского края. В экспедициях по Тверской области у местных жителей, карел и русских, автор настоящих комментариев собрал материал о народном лодкостроении и судоходстве, который подтверждает такое расселение³.

³ Наумов Ю. М. «Veneh» – лодка по-карельски ... С. 172–185.

С озера Селигер, на берегу которого вырос г. Осташков, на запад к Волхову и на восток к Волге, проходили летние и зимние сухопутные и водные пути. С весны торговцы и рыбаки тащили лодки на санях по земле и русям рек в бассейн реки Мсты и далее по полой воде проходили на озеро Ильмень и по реке Волхов спускались до Ладожского озера. Осташковские артели рыбачили по найму для монастыря Св. Нила Столобенского, имевшего свои рыбные тони, за которые издревле с переменным успехом шла борьба с местным населением. Работа осташковских рыбаков по найму на монастырь была экономически выгодна для обеих сторон. Хороший способ для зимнего заработка осташковцев – строительство лодок и плетение сетей, которые после путины продавались в Приладожье, приводит Й. Арьява в своей статье, но необходимо помнить, что г. Осташков и деревни вокруг озера Селигер были уже сотни лет основаны и заселены русскими, что подтверждается историческими документами и материалами экспедиций автора.

Интересной для этнографов является информация о промыслах эстонских рыбаков с Чудского (Пейпси) озера и реки Нарвы в Финском заливе до Кронштадта. Можно также добавить, что рыбный промысел в Финском заливе использовался не только жителями его побережий, но и русскими рыбаками с озера Ильмень и других больших озер: Псковского, Чудского, Ладожского и, возможно, даже Онежского. Упоминаемые в тексте «лодки озера Пейпси» – это известные в российской литературе лодки-«гдовки» Чудского озера, которые отличались бортами, сшитыми из досок, причерченных боковыми кромками «вгладь», с уплотнением конопатки стыков «ластовыми» планками и скобками, что видно на фотографиях и рисунках, приведенных в статье.

Обитатели малых озер Карельского перешейка, жители бассейнов рек Нарва и Луга, даже бассейнов реки Свирь и Онежского озера организовывали рыбацкие артели, привлекаемые большим рынком Санкт-Петербурга. Необходимо отметить, что на севере Новгородской (современная Тверская обл.) и в Олонецкой губерниях не было крепостного права, а утверждения о национальной принадлежности к карелам рыбаков-осташковцев, рыбачивших на Ладожском озере, бездоказательны. Из опубликованных источников можно заметить некоторое сходство лодок озер Чудского и Селигер, что подтверждается полевыми исследованиями. По мнению автора комментариев, с учетом продвижения новгородцев на восток, более вероятно, что традиции Чудского озера могли оказать влияние на селигерское лодкостроение. Известно также, что в России центры судоходства больших озер имели свои потенциалы местного судостроения, необходимые для развития промыслов

и перевозок, поэтому дешевая осенняя распродажа уже не нужных лодок приезжающими на сезон рыбаками не могла влиять на рынок ладожского лодкостроения. К сожалению, Й. Арьява не приводит источники информации о том, что форштевни из ели с корнем лодок – «кокоры» – русские называли «карельским или поморским носом», а в финских архивах нет письменных источников, подтверждающих сведения, полученные от рыбаков и жителей Карельского перешейка.

В заключение настоящего комментария хочу затронуть дискуссионный вопрос о происхождении судового термина «сойма». Й. Арьява считает этот термин финским, который в специальной финской литературе в разное время употребляется для лодок и различных типов судов: большая лодка, небольшая яхта, деревянные баржи на Ладожском озере и так далее.

В 1875 г. А. П. Андреев в книге о Ладожском озере дает описание ладожских сойм и уверенно определяет: «... сойма – наше родное судно!»⁴. Это подтверждает и ареал распространения судового термина «сойма» исключительно в районах, где проживет русское население: на озерах Ильмень, Псковское, Ладожское и Онежское, на реке Онеге и в Поморье⁵. Из многих источников известно, что ладожские соймы строились в устьях рек Свирь, Паша, Сясь и Волхов. А. П. Андреев сообщает о том, что на Ладожском озере все лодки называются «сойма», и перечисляет их типы: легкая, крючная, мережная, просольная или грузовая⁶.

В результате экспедиционной работы по изучению судостроения Ладожского озера автору комментариев удалось получить сведения о том, что в XX в. в карельских деревнях на севере Ладоги даже коренные карель-рыбаки никогда не пользовались соймами. В регионе проживания приладожских карел этот судовый термин не использовался, у карел никакие лодки так не назывались⁷. Только несколько старых местных рыбаков вспомнили, что лодки-соймы были на юге Ладожского озера и в устье

⁴ Андреев А. П. Ладожское озеро. СПб., 1875. Ч. 1. С. 35–37.

⁵ «Сойма – единственное прибрежное судно, употребляемое на пресных водах в северо-восточной России» (Андреев А. П. Указ. соч. С. 37).

⁶ «Легкая сойма, самая малая, и имеет длину от 15 до 20 футов (4,5–6 м). Крючная – около 25 (7,5 м). Мережная – около 30 (9,0 м). Просольная – доходит до 40 футов (12,0 м); просольная сойма иначе называется живорыбка, имеет крытую верхнюю палубу с люком, а в середине соймы сделан садок для живой рыбы. Последний род сойм бывает и более, тогда она называется грузовой... На ярмарке, бывающей в половине января и 17 марта, в селе Сяские Рядки, при устье р. Сяси, их привозится для продажи иногда очень много. Продаются соймы и в летнее время на ярмарке в Новой Ладоге; на заказ же эти суда приготавливаются во всякое время и весьма тщательно. (Там же.)

⁷ Наумов Ю. М. «Veneh» – лодка по-карельски ... С. 80; *Он же*. Экспедиционные дневники. НА МЗК. Ф. 1. Оп. 3. № 4114. Л. 49.

реки Свирь. Очевидно, что соймы были распространены в более оживленных районах судоходства с русским населением как на юге Ладожского озера, так и на Онежском озере и других внутренних водоемах Русского Севера. Финнам этот термин мог быть известен благодаря активной торговле хлебом, который перевозился в г. Сортавала и деревни Северного Приладожья на мореходных судах и соймах с юга Ладожского озера – пристаней в устьях рек Свирь и Волхов.

Судовой термин «сойма» в русском языке, как и в финском, объединяет группу различных по назначению, размерам, конструктивному набору и оснастке озерных судов. Сведения о соймах на Северо-Западе России из источников XIX в. и полученные в экспедициях автора позволяют сделать вывод о том, что соймы не использовались карелами в их промыслово-хозяйственной деятельности, а изначально являлись славянскими судами. О происхождении термина от славянского «сойм (сейм), суем», что означает «сбор, собрание», можно высказать два предположения. Первое – это лодка, полностью «сшитая» или «собранная» из досок, в отличие от долбленых или набойных плавсредств. Второе – это общинная или артельная лодка, на Белом море зафиксирована обратная связь – малая промысловая артель из 3–4 человек называется «лодка». Учитывая все приведенные выше аргументы, соймы можно исключить из списка традиционных лодок приладожских карел и тем более финнов.

Несмотря на высказанные замечания, необходимо отметить, что статья Й. Арявы очень важна для изучения истории и современного состояния традиционного судостроения финнов, карел и русских бассейна Ладожского озера. Предложенные Й. Арява гипотезы и представленные иллюстративные материалы ранее на русском языке не публиковались, поэтому не могли быть известны в России. Ценность статьи состоит в том, что в ней затронуты вопросы развития и распространения культуры народного судостроения и судоходства, общие для регионов России и Финляндии с указанием опубликованных научных работ финских исследователей. Автор настоящих комментариев благодарен Й. Аряве за его интерес к теме и надеется на дальнейшее сотрудничество и совместную работу российских и финских специалистов по изучению народно-го судостроения.

А. П. Може

К ВОПРОСУ О ЗАСЕЛЕНИИ ЗЕМЕЛЬ В РАЙОНЕ ОЗЕРА САНДАЛ

Предметом данного исследования стало хозяйственное освоение земель вблизи озера Сандал (Кондопожский район, Республика Карелия). Выбор темы связан с нашей работой по изучению истории формирования материальной и духовной культуры кондопожских карел-людиков, в этнический ареал которых входит рассматриваемая территория.

Основные источники информации для исследования – это, во-первых, документы, хранящиеся в фондах Национального архива Республики Карелия, а именно: фонд № 4, включающий документы Олонецкой казенной палаты за 1765–1921 гг., в том числе и ревизские сказки с 4 (1782 г.) по 10 (1858 г.) ревизии; фонд № 24 «Олонецкое губернское по крестьянским делам присутствие» (1857–1920 гг.), фонд № 37 «Олонецкое горное правление» (1765–1920 гг.), фонд № 126 «Петрозаводское уездное духовное правление Олонецкой епархии» (1793–1898 гг.), фонд № Р-659 «Госкомстат РК» (1918–1992 гг.) и другие. Также в работе были использованы публикации следующих источников: писцовых книг Обонежской пятины 1496 и 1563 гг.¹, писцовой книги Заонежской половины Обонежской пятины (заонежские погосты) 1582/83 г.², писцовых и переписных книг XVII в.³ В работе привлекались Списки населенных мест по Олонецкой губернии и Карелии 1905, 1926, 1933

---

¹ Писцовые книги Обонежской Пятины 1496 и 1563 гг. / Под ред. М. Н. Покровского. Л., 1930.

² Писцовая книга Заонежской половины Обонежской пятины 1582/83 г.: Заонежские погосты // История Карелии XVI–XVII вв. в документах. Т. III. Петрозаводск; Йозенсуу, 1993.

³ *Коновалов И. А.* Писцовые и переписные книги Заонежья XVII в.: Материалы к истории Заонежья. Петрозаводск, 2004.

и другие годы⁴. Среди прочих изданий особо выделяется работа М. В. Витова и И. В. Власовой⁵. Здесь авторы используют прием картографирования поселений по данным нескольких писцовых и переписных книг, материалов ревизий и планов Генерального межевания конца XVIII в. Такой подход, как признают сами авторы, чреват погрешностями ввиду того, например, что очень часто деревни меняли свои названия. Действительно, на примере известных нам деревень такие погрешности в указанном исследовании выявляются, однако это не умаляет научной ценности данных географических материалов. Оригиналы планов генерального межевания Олонецкой губернии хранятся в Российском государственном архиве древних актов в Москве, но сейчас карты доступны и в электронном виде (рис. 1)⁶. Ознакомившись с вышеуказанными архивными источниками и литературой, мы скорректировали и дополнили приведенные в сборнике М. В. Витова таблицы поселений и их расположение на карте. В статье мы помещаем сводную таблицу поселений, когда-либо существовавших на рассматриваемой территории (табл. 1), и карту, на которую нанесли поселения, находившиеся здесь в конце XVIII в. (рис. 2а, б). Названия некоторых из упоминаемых нами поселений в разное время отличались, но тождество различных по наименованию деревень подкреплено достаточно вескими основаниями. Для определения деревень, носящих в разных писцовых книгах различные названия, использовалось сопоставление состава крестьянских дворов, например, сравнение имен и прозвищ жителей по предшествующему описанию, а также принимался во внимание порядок перечисления деревень в разных документах, который, как правило, оставался неизменным. Мы уже опробовали этот метод в работе, посвященной истории д. Кавгоры⁷. В данной статье предпринята попытка изучить историю заселения всего района, прилегающего и тяготеющего к озеру Сандал.

Опишем основные этапы хозяйственного освоения данной территории финно-угорскими племенами в общем контексте этнической истории Карелии. Как известно, дофинно-угорский этап истории Карелии ученые

---

⁴ Список населенных мест Олонецкой губернии по сведениям за 1905 год. Петрозаводск, 1907; Список населенных мест Карельской АССР: (по материалам переписи 1926 г.). Петрозаводск, 1928; Список населенных мест: по материалам переписи населения 1933 г. Петрозаводск, 1935.

⁵ *Витов М. В., Власова И. В.* География сельского расселения Западного Поморья в XVI–XVIII вв. М., 1974.

⁶ Электронный ресурс. URL: http://www.etomesto.ru/map-kareliya_pgm-petrozavodskogo-uezda/

⁷ *Макарова А. П.* Историко-этнографический очерк деревни Кавгора // Кижский вестник. Петрозаводск, 2017. Вып. 17. С. 30–45.

определяют рамками VII – I тыс. до н.э. Ему на смену пришел период, который традиционно определяют как саамский (середина I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.). Карелы и вепсы существуют как самостоятельные этносы уже в конце I тыс. н.э., они проживают: на Карельском перешейке и в Северном Приладожье – карелы (корела), между Ладожским и Онежским озером – вепсы (весь) и далее на север – саамы (лопь)⁸.

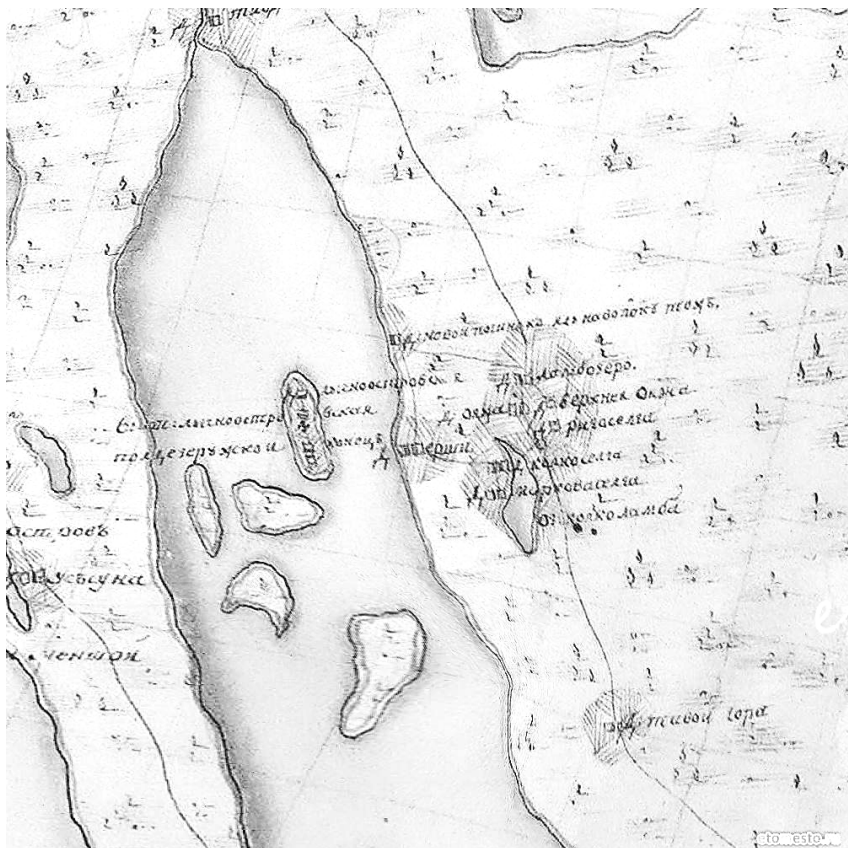

Рис. 1. Фрагмент Плана генерального межевания Олонетской губернии (около 1790 г.)

⁸ Кочуркина С. И. Народы Карелии: история и культура. Петрозаводск, 2004. С. 55–56, 65, 95–97.

Сводная таблица поселений в округе озера Сандал в XVI –XX вв.

1782	Д. Северного конца Савина Лычно-островского 16 чел.	1720	Д. дьячка Савина Лычного Сиверного конца, 1 дв. поном., Д. Сиверного конца дьячка Савина Лычноостровского, 5 дв. кр.	1696	Д. близ погоста на Сандале озере на Лычном острове Лычном острове Савина 14 дв. кр.	1678	Д. на Сандале озере на Лычном острове дьякова Савина, 17 дв. кр., 1 дв. пуст.	1646–47	Д. на горе на Сандале озере на Лычном острове дьяка Савина, 7 дв. кр.	1628–29	Д. на Сандале озере на Лычном острове дьячка Савина, 13 дв. кр.	1616–17	Д. на Сандале озере на Лычноострове дьякова Савина, 7 дв. кр.	1583	Д. в Лычном о-ве дьячка Савина, 4 дв.кр., 2 дв. пуст., 2 обжи	1563	Д. на Сандал-озере в Лычном о-ве, 7 дв. Кр., 2 обжи (в т.ч. дв. Демьянко Савин)
Д. Южного конца 116 чел.	Д. в Лычном острове в Ужном концы 14 дв. кр.	Д. в Лычном острове на озере Сандале в Ужном конце, 17 дв. кр., 2 дв. боб., 2 дв. пуст.	Д. в Лягчеве на острове на Сандале озере в Ужном конце, 1 дв. поп., 1 дв. поном., 4 дв. кр., 1 дв. боб., 1 дв. вд.	Д. на Ланчей озере на озере Сандале в Ужном конце 1 дв. церк., 16 дв. кр., 1 дв. боб.	Д. в Лычном на острове на озере Сандале в Ужном конце, 6 дв. кр., 1 дв. боб., 7 м. дв. после разорения	Д. в Лычне о-ве на Сандал-озери в Ужном концы, 7 дв.	Д. на горе на Сандале озере, 4 дв. кр., 1 дв. боб.	Д. на горе на Сандале озере, 4 дв. кр., 1 дв. боб.	Д. на горе на Сандале озере, 4 дв. кр., 1 дв. боб.	Д. на горе на Сандале ж озере, 5 дв. кр., 1 дв. пуст	Д. на Лычном о-ве на Сандал-озери в Ужном концы, 7 дв.	Д. на горе на Сандале озере, после разорения 1 дв. кр., 1 м. дв.	Д. на Лычном острове словёт на горе, 6 дв.				

-	-	-	-	-	-	Пуст., что б. д. в Ленкиеве на наволоке на Сандале озере (пашут из д. Лячных остров)	Пуст., что б. д. в Ленкиеве на наволоке на Сандале озере	Д. в наволоке в Ленкиеве на Сандале озере, 2 дв. кр.	Д. в наволоке на Сандал озери, 1 дв.
-	-	-	-	-	-	Пуст., ч. б. д. в Наволоке на сандале озере в северном конце	Пуст., ч. б. д. в Наволоке на сандале озере в северном конце, 3 м. дв.	Д. на волоке на Сандале озере в Северном конце, 4 дв. кр.	Д. в наволоке на Сандал озери словёт в сиверном конце, 5 дв.
-	-	-	-	-	-	-	-	Д. на Сандале озере пуста, 1 дв.	Починок на Сандале озере, 1 дв. Яшка Григорьев Корелянин
Д. за озером Ершевская 21 дв. 200 чел.	Д. за озером у Ершов, 7 дв. кр.	Д. на Сандал же озере Ершовская 17 дв. кр.	Д. на Сандале за озером, 16 дв. кр., 1 дв. боб.	Д. на Сандале за озером, 6 дв. кр., 1 д. боб.	Д. на Сандале за озером, 6 дв. кр., 2 дв. боб.	Пуст., что б. д. в Ленкиеве на наволоке на Сандале озере (пашут из д. Лячных остров)	Д. на Сандале за озером, 6 дв. кр., 1 д. боб.	-	-
Д. у Лабозера (Владимирская) 27 чел.	-	Д. у Долгого Лабозера 2 дв. кр.	-	-	-	Пуст., что б. д. в Ленкиеве на наволоке на Сандале озере (пашут из д. Лячных остров)	Деревня пуста что был починок у Долголаамбы за оз.	-	Починок у Долгой ламбы за озером, 1 дв.

Д. на Сандале реке Сапухова 6 дв. 59 чел.	Д. того ж десятка на Сандале речки в Сопоти, 2 дв. кр.	Новый починок на Санда же речке 4 дв.кр.	Новый поч. На реке на Сандае в Никше, поселилась вновь после писцов, 1 дв. кр.	-	-	-	-	-
Д. Тавой Гора 6 дв.	Тото ж десятка д. Таве Гора, новый починок, 2 дв. кр.	-	-	-	-	-	-	-
Д. Риго Сельга 10 дв. 64 чел.	Д. Риго Сельга, 1 дв. кр.	Новый починок Ригой Сельга, 4 дв. кр.	-	-	-	-	-	-
Д. нового починку Оязи 13 дв. 43 чел.	-	-	-	-	-	-	-	-

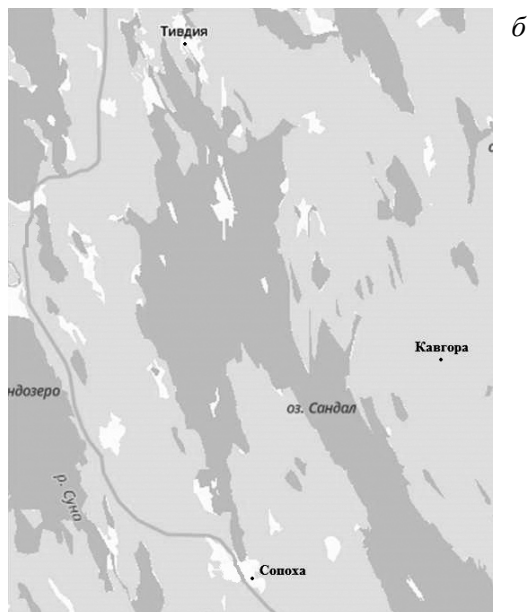
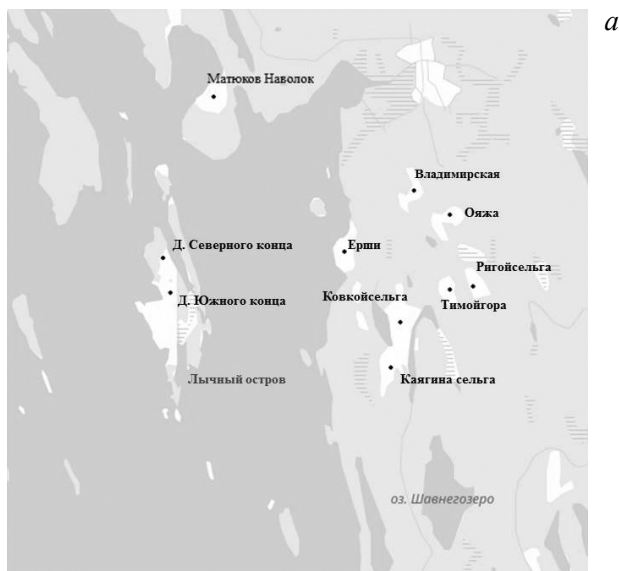

Рис. 2а, б. Округа озера Сандал в конце XVIII в.

Топонимия земель вблизи Сандаля многослойна, что свидетельствует о поэтапном освоении данного региона⁹. В ходе исследований сотрудников Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН здесь были зафиксированы разновременные пласты географических названий – топонимные модели, свойственные различным этническим и субэтническим группам, которые на разных этапах истории принимали участие в формировании этнической общности карел-людиков¹⁰. И прежде всего, следует отметить то, что топонимия обозначенного ареала сохраняет саамский след: оз. *Kotkazlambi* (Тивдия), восходит к < саам. *cukce “глухарь”, оз., деп. *Lizmejarvi* / *Lizmarv'* (Лижмозеро), оз. *Lidzmindarvi* (Лижма), р. *Lizmajogi* / *Lizmanjogi* / Верхняя Лижма (Лижмозеро), уг. *Lizmanjovennurmet* / *Lizmand'ogel* (Лижмозеро), деп. *Lidzmi* / *Lidzminkyla* (Лижма) восходят к < саам. *lisme* ‘ил, тина’; р. *Nivad'ogi* (Карташи), зал. *Nivanguba* (Карташи), уг. *Nivannurmet* (Карташи) < саам. *njavve, njaa'vv* ‘стремнина, место с течением; небольшой порог’; бол. *Ruoksuo* (Тавойгора) < саам. *ruokse* ‘мох’; оз. *Viiksijarvi* (Лижмозеро), р. *Viiksinjogi* (Тивдия), зал. *Viikсилаhti* (Тивдия), оз. *Viikсилами* (Тивдия) < саам. *veksi ‘небольшая река, соединяющая два водоема; пролив’ и др.¹¹

На смену саамам на данную территорию пришло прибалтийско-финское население, и первенство здесь принадлежало древним вепсам, которые начали осваивать территории к северу от Присвирья в первые века II тыс. н. э. В процессе колонизации древними вепсами Онежско-Ладожского перешейка их этнический ареал к XV в. охватил обширные земли, включающие территорию современного расселения людиков и ливвиков, сформировавшихся в результате последующего этнического взаимодействия вепсов и пришлых «корельских выходцев» из Северного Приладожья¹². Подтверждением былого вепского присутствия в западных районах перешейка служит бесспорный вепский субстрат в ливвиковском и особенно в людиковском диалектах карельского языка, распространенных сейчас на Олонецком перешейке¹³. Известный исследователь истории Карелии Д. В. Бубрих утверждал, что речь

⁹ Муллонен И. И. О формировании населения Южной Карелии по топонимическим свидетельствам // Язык и народ. Социолингвистическая ситуация на Северо-Западе России. СПб., 2003. С. 101.

¹⁰ Захарова Е. В., Кузьмин Д. В. Историко-культурный потенциал людиковской топонимии // Локальные исследования Южной Карелии: опыт комплексного анализа. Сб. ст. Петрозаводск, 2015. С. 40–51.

¹¹ Там же. С. 29.

¹² Там же. С. 32–33.

¹³ Муллонен И. И. Территория расселения и этнонимы вепсов в XIX–XX вв. // Прибалтийско-финские народы России. М., 2003. С. 345.

карел-людиков так же, как и речь ливвиков, мало отличается от речи вепсов и резко отличается от речи собственно карел¹⁴.

Говоря об этнической идентификации населения рассматриваемого района, интересно было бы выяснить, когда и откуда карелы пришли на Сандал. Материалы писцовых книг XVI–XVII вв. в этом отношении малопоказательны¹⁵, но известно, что карелы появились в средней и южной Карелии относительно рано. Территории первоначального формирования карельского этноса – Карельский перешеек и соседние земли Северо-Западного Приладожья – зависели от Древнерусского государства, а впоследствии входили в состав Новгородской феодальной республики и находились под их социально-экономическим и культурным влиянием. Корела как определенная этническая общность сформировалась на этой территории примерно в XI–XII вв.¹⁶: в это время связи карелы с древнерусскими городами были значительнее, важнее и весомее по степени воздействия в политической, экономической и духовной сфере, чем западноевропейские. Как отмечает С. И. Кочкуркина, уже в XII в. корела выступает как самостоятельная этническая общность со своей оригинальной, ярко выраженной материальной культурой, своим эпосом и языком¹⁷. Противостояние Руси и Швеции стало тем фактором, который окончательно сблизил Русь и корелу. К середине XIII в. Швеция захватила земли, где проживали сумь и емь, а основная территория расселения карелы – Северо-Западное Приладожье – оказалась в пограничье и была быстро вовлечена в орбиту внешней и военной политики Новгорода¹⁸. Именно корела первой принимала на себя удары Швеции, и с самого возникновения шведского давления, еще с XIII в., началось систематическое переселение карел из Приладожья в глубь русских земель¹⁹. Большие и малые группы карелы стали двигаться на запад, север, восток, заселяя и осваивая все новые и новые территории. На востоке корела распространяется на Онежско-Ладожском перешейке, в сторону Онежского озера, и с течением времени сливается с живущей там весью²⁰.

¹⁴ Бубрих Д. В. Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947. С. 5–6.

¹⁵ Муллонен И. И. О формировании населения Южной Карелии ... С. 97.

¹⁶ Шаскольский И. П. Шведская интервенция в Карелии в начале XVIII в. Петрозаводск, 1950. С. 16.

¹⁷ Кочкуркина С. И. Корела и Русь. Л., 1986. С. 16, 17, 23.

¹⁸ История Карелии с древнейших времен до наших дней / Под общ. ред. Н. А. Кораблева, В. Г. Макурова и др. Петрозаводск, 2001. С. 98.

¹⁹ Там же. С. 38

²⁰ Шаскольский И. П. Указ. соч. С. 16.

Диалектологические данные отмечают три основных волны переселения корелы в современную среднюю и северную Карелию. Первая волна ныне представлена в диалектах, тянущихся от реки Суна до озера Сегозеро – район озера Сандал. Есть основания полагать, что волна эта была относительно ранней: первые сведения о кореле в данных областях относятся к началу XV в.: было ее здесь еще немного, и как нечто характерное для местного этнографического ландшафта она еще не воспринималась²¹. Первые упоминания о деревнях на Сандале встречаются в писцовой книге Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. В то время эти земли находились во владении новгородских бояр Марка Панфилова и Ивана Девятого и административно относились к Кижскому погосту. Анализ этой писцовой книги показывает, что в первой половине XVI в. Кижский погост входил в один из районов активного освоения и роста новых поселений²². В приведенном документе находим сведения о семи поселениях на озере Сандал, три из которых считаются прибывшими после предыдущей переписи, а именно: «деревня на Сандал-озере в Лычном острове», починок у Долгой ламбы «за озером» и починок на Сандале озере. Соответственно, остальные четыре деревни уже фигурировали в более ранних документах: деревня в Лычном острове «словёт в ужном конце», деревня в Лычном же острове «словёт на горе», деревня «в наволоке на Сандал же озере» и деревня «в наволоке на Сандал же озере словёт в северном конце»²³. Примечательно, что в одном из починок стоит двор крестьянина Яшки Григорьева Корелянина: «корелянами», «корельскими выходцами» называли карел, переселявшихся из Корельского уезда. В означенный период они, в большинстве своем, не задерживались в Заонежских погостах по причине уже достаточно высокой плотности населения²⁴. И действительно, писцовая книга 1583 г. отмечает эту деревню как пустующую.

Выявленное передвижение карел из Корельского уезда в дальнейшем усилилось, когда со второй половины 1560-х гг. в результате Ливонской войны (1558–1583 гг.) и опричнины там разразилась подлинная хозяйственная и демографическая катастрофа²⁵. А Заонежские погосты, в том числе и Кижский, в 1560–1580-е кризисные годы переживали большой хозяйственный подъем: ученые не располагают прямыми свидетельствами о ведении здесь военных действий. В этот район шел значительный приток

²¹ Бубрих Д. В. Указ. соч. С. 37–39.

²² История Карелии с древнейших времен ... С. 136.

²³ Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. ... С. 127–128.

²⁴ Чернякова И. Н. Карелия на переломе эпох. Петрозаводск, 1998. С. 107

²⁵ История Карелии с древнейших времен ... С. 136.

населения – начался процесс активного восстановления края, а в Лычно-островской выставке наблюдается даже увеличение числа дворов²⁶. Район озера Сандаля был одним из наиболее густо населенных в Кижском погосте, что могло быть обусловлено выходом на поверхность шунгита, увеличивающего плодородие почв²⁷. Однако в конце XVI – начале XVII в. в связи с пограничным положением, набегами иноземцев, а затем и прямой интервенцией шведов наряду с «литвой» и «русскими ворами казаками» на данной территории отмечается запустение. Еще по писцовой книге 1616–1619 гг., когда уже был очевиден набирающий силу процесс восстановления, пустые земли в отдельных Заонежских погостах составляли до 97%, а живущие нигде не превышали пятой части освоенного земельного фонда²⁸. В Лычноостровском Петропавловском приходе в этот период запустевает деревня «в наволоке на Сандале озере в северном конце», однодворная деревня Яшки Корелянина, деревня в Ленкиевом наволоке и починок у Долгой ламбы, разорена деревня на горе на Сандале озере, во многих уцелевших селениях появляются пустующие дворы: например, в Лычном острове в Ужном конце разорены семь дворов из семнадцати²⁹.

С 20-х гг. XVII в. во всех волостях Кижского погоста шел процесс увеличения числа дворов. Перепись 1628–1629 гг. фиксирует в Петропавловском приходе Лычноостровской выставки 43 двора (в 1616 г. их насчитывалось всего 15), в том числе и новую деревню «на Сандале озере за озером», которая позже будет именоваться Ершами или Ершёвской³⁰. В отличие от источников конца XVI – начала XVII в., упоминающих «пустоши, что были деревни», в источниках конца XVII в. все чаще встречаются «деревни, что были пустоши». В 1678 г. здесь впервые упоминаются новый починок Ковко сельга, деревня Тивдия, починок на Келть Сельге, который позже будет именоваться Кавгорой³¹, починок Маркова Сельга, впоследствии – Каягина Сельга, починок на реке Сандале в Никше – будущая Сопоха. К 1696 г. появляются деревни Ковкойсельга, Ригойсельга и деревня у Долгого Лабозера (возможно, более позднее название «Владимирская»). В целом вторую половину XVII в. характеризует быстрый процесс восстановления края, засе-

²⁶ Жербин А. С. Переселение карел в Россию в XVII в. Петрозаводск, 1956. С. 53. Витов М. В., Власова И. В. География сельского расселения ... С. 174. Писцовая книга Заонежской половины Обонежской пятины 1582/83 г. ... С. 159–160.

²⁷ Чернякова И. А. Указ. соч. С. 92

²⁸ Там же. С. 72–74.

²⁹ Витов М. В., Власова И. В. Указ. соч. М., 1974. Приложение: табл. 3.

³⁰ Там же.

³¹ РГАДА. Ф. 1209. Кн. 8573. Ч. 2. Л. 392. Цифровые копии документов РГАДА, используемых в данной статье, были предоставлены автору С. В. Воробьевой, за что автор благодарен ей.

ления и разработки пустующих земель, и уже к концу 70-х гг. XVII в. количество дворов и численность населения резко возрастает. Там, где ранее отмечалась убыль населения, вновь заселяются пустые дворы³². Этот процесс интенсивно шел по всей территории Кижского погоста, и по соседству с Лычноостровской возникает новая волость – Тивдийская. К XVIII в. людиковская среда уже относительно сформировалась³³, однако в округе Сандада продолжают появляться новые поселения. Переписью 1720 г. впервые зафиксирована деревня Тавойгора в нескольких километрах к востоку от озера. К 1782 г. возникают сележные деревни Ояжа и Ояжа Верхняя. Чуть позже, в 1785 г., уже упоминается Матюков наволоок (Матюки)³⁴.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что первыми заселялись земли вблизи озера, тогда как во второй половине XVII в. в характере расселения возникают явные изменения: заметно возрастает число деревень, расположенных «на черном лесу» и «при колодцах», то есть заселяются участки земли внутри лесных массивов, хотя по-прежнему преобладает прибрежный тип. Такое преобладание деревень вблизи водоемов над сележными было обусловлено почвенно-географическими факторами: пригодные для сельского хозяйства земли располагались вблизи рек и озер, которые были к тому же практически единственными путями сообщения. Дефицит сельскохозяйственных угодий вынуждал крестьян осваивать менее продуктивные и труднодоступные земли на водоразделах, но количество сележных поселений находилось в прямой зависимости от степени развитости сети сухопутных дорог, позволявших осваивать удаленные от водоемов территории³⁵. Из документов следует, что к середине XVII в. уже довольно остро ощущалась земельная теснота. Было, конечно, еще много неосвоенных земель, но главным образом из числа непригодных для земледелия или представлявших большие трудности для обработки³⁶. В акте от 30 сентября 1882 г. «О замене чересполосных участков на окраины лесной дачи по селениям Лычному, Тивдии, Лижмозера Малого и Большого острова, Ершевской, Владимирской, Ковкой сельги, Кондезеру, Ригосельги, Матюкову наволоку, Кавгоре Петропавловского общества Кондопожской волости Петрозаводского уезда»³⁷ находим информацию о том, что чересполосные

³² Чернякова И. А. Древняя история села Суйсарь // Село Суйсарь: история, быт, культура. Петрозаводск, 1997. С. 46–47.

³³ Муллонен И. И. О формировании населения Южной Карелии ... С. 91.

³⁴ Медведев П. П. Старинная карельская деревня Лычный остров: страницы истории // Кондопожский край в истории Карелии и России. Петрозаводск, 2000. С. 73.

³⁵ Орфинский В. П., Гришина И. Е. Традиционный карельский дом. Петрозаводск, 2009. С. 42–49.

³⁶ Карелия в XVII в. Сборник документов / Сост. Р. Б. Миллер. Петрозаводск, 1947. С. 389.

³⁷ НА РК. Ф. 24. Оп. 9. Д. 3/34. Л. 25 (Акт от 30.09.1882 г. о замене чересполосных участков...).

участки располагались внутри казенного леса, тогда как присельное пространство леса представляло совершенно непригодную в хозяйстве площадь. В этом же документе находим карту района вблизи указанных поселений (рис. 3). Почва пахотных земель в данном районе суглинистая и песчаная, в низких местах болотистая, а на высоких чрезвычайно каменистая; урожайность на подсеках была гораздо выше, чем на пашнях, и, очевидно, возделывание подсек оставалось жизненно важным фактором благосостояния местного населения³⁸. К 1892 г. в приходе Лычноостровской церкви появляется «выселок из деревни Лычного Кондий наволоок» на Кондозере³⁹.

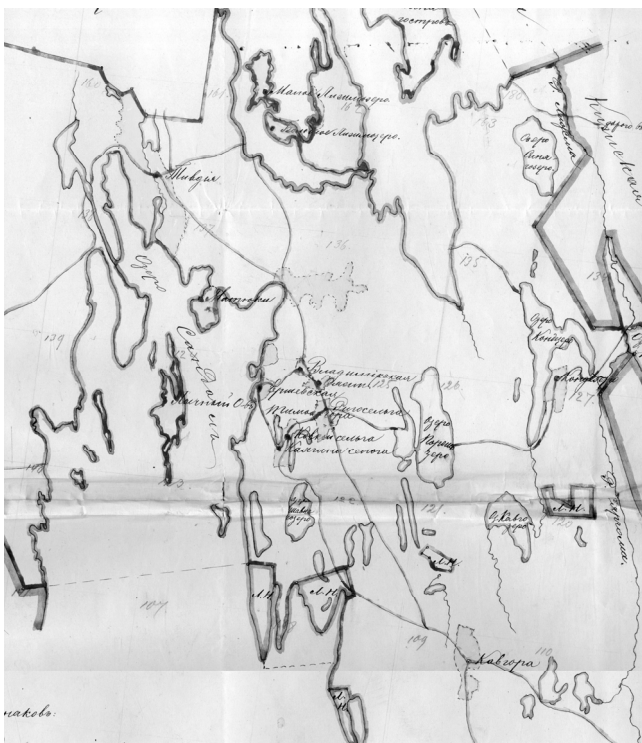

Рис. 3. Фрагмент чертежа селений Петропавловского общества.
 НА РК Ф. 24. Оп. 9. Св. 3. Д. 34. Л. 25
 (Акт от 30.09.1882 г. о замене чересполосных участков...)

³⁸ Макарова А. П. Историко-этнографический очерк деревни Кавгора ... С. 33.

³⁹ Медведев П. П. Указ. соч. С. 71.

Необходимо отметить, что на Сандале явно преобладал гнездовой тип расселения. Под «гнездом» («кустом») обычно понимается группа расположенных поблизости, более или менее тяготеющих друг к другу деревень, имеющих общее название при сохранении самостоятельного названия каждой из них. При этом гнездо осознается его жителями как единое поселение. В карельских гнездах отдельные селения часто имеют русские наименования, а обобщающее название может отражать географию их местоположения. Так, семь деревень вблизи озера Сандал входили в состав куста Сележи, и среди прочих (Ковкойсельга, Ояжа и др.) встречаются названия Ершевская и Владимирская. Этот куст деревень выражен не очень четко, что проявляется в достаточной обособленности деревень, так как местные ландшафтные условия мешали их слиянию.

Таким образом, к концу XVIII в. уже практически окончательно сформировалась сеть расселения на землях в округе озера Сандал. Здесь располагались деревни Лычный Остров (Северного и Южного конца), Тивдия, Ерши, Ковкойсельга, Каягинасельга, Ригосельга, Тимойгора, Ояжа, деревня у Лобозера (Владимирская), Матюков Наволок, Кавгора, Тавойгора, Сопоха, Кондезеро. Большинство жителей относились к этнической группе карелы-людики. Интересен тот факт, что во второй половине XIX в. фиксировались случаи перехода финнов из княжества Финляндского на постоянное проживание в Петропавловское общество: в 1864 г. в указанных деревнях их насчитывалось порядка 70 человек, многие из которых переходили из лютеранского вероисповедания в православное⁴⁰. Во многих селениях имелись часовни, относящиеся к приходу лычноостровской церкви Святых апостолов Петра и Павла: часовня во имя Владимирской иконы Божией Матери в деревне Владимирской, во имя Святого священномученика Антипы в Ригойсельге, во имя Святого священномученика Дмитрия в Ершах, во имя Святого великомученика Георгия Победоносца в Матюкове Наволоке, во имя Трех Святителей Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста в Ковкойсельге, во имя Преображения Господня в Кавгоре, во имя Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня в Сопохе⁴¹. Православная культура, а также многовековое проживание на русско-карельском пограничье и активное русское внедрение в связи с промышленным освоением края оказали огромное

⁴⁰ НА РК. Ф. 122. Оп. 1. Д. 5/155. Л. 143. (Ведомость о числе лютеран, проживающих в разных селениях Петропавловской волости.)

⁴¹ НА РК. Ф. 126. Оп. 1. Д. 4/46. Л. 49. (Клировая ведомость по 3-му Благочинническому округу Петрозаводского уезда за 1874 г.)

влияние на формирование культуры карел-людигов: эта этническая группа карельского народа оказалась наиболее русифицированной. Контакты карел-людигов с русским населением в XVIII–XIX вв. усиливались, сохранялись брачно-родственные, экономические и культурные связи между карелами и русскими, однако явного смешения карельского и русского населения в районе Сандаля не было. Еще в 1959 г. местные жители в подавляющем большинстве случаев были карелами⁴². Исключением является деревня Тавойгора, которая, по свидетельству местных жителей, в начале XX в. делилась на русскую и карельскую половины.

К сожалению, лишь немногие из упомянутых нами деревень сохранились до настоящего времени. Статус жилых поселений имеют Тивдия, Сопоха и Матюков Наволок, переименованный в Антипинскую в 1953 г.

---

⁴² НА РК. Ф. Р659. Оп. 4. Д. 38/196. Л. 79. (Численность наличного и постоянного населения по переписи 1959 и 1970 гг.)

В. А. Гущина

ЕЩЕ РАЗ ОБ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ЦЕРКВИ ПОКРОВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОМАТЕРИ КИЖСКОГО ПОГОСТА

В 2001 г. на страницах «Кижского вестника» № 6 автором была опубликована статья, посвященная вопросу датировки Покровской церкви на острове Кижь¹. Полученные с тех пор новые материалы позволяют обратиться к этой теме еще раз, тем более что в 2017–2018 гг. на уровне федеральных органов исполнительной власти произошли знаменательные события – был издан приказ Министерства культуры РФ и вышло распоряжение правительства о внесении официальных изменений в перечень объектов культурного наследия, которые коснулись и датировки Покровской церкви в Кижях.

Начало наших исследований по истории создания церкви Покрова Богородицы относится к 1974 г., когда совместно с Б. А. Гущиным был подготовлен запрос в РГАДА о наличии в «Переписи Кижского погоста 1696 г.» сведений о кижских церквях. В ответе сообщалось, «... что в фонде 137 (Боярские и городовые книги), в кн. № 16 „Олонца города переписная книга волостям, селам, деревням, пустошам...“ имеются следующие сведения:

Л. 4-а. „Погост Спасский в Кижях на Онега озере на Кижском острове, а на погосте строит церковь новую, теплую, клетчки, во имя Покрова Богородицы. Да в той же церкви построен предел во имя Николы Чюдотворца, настоящая церковь Преображения господня и прежняя Покрова Богородицы в прошлом 7206 (1697/1698 гг.) сгорели от молнии“».

---

¹ *Гущина В. А.* Об уточнении датировки церкви Покрова Богородицы и колокольни Кижского архитектурного ансамбля // *Кижский вестник*. Петрозаводск, 2001. Вып. 6. С. 138–150.

К сожалению, дата сотрудниками РГАДА была установлена неточно (в связи с некорректностью прочтения цифр). В дальнейшем историки И. А. и О. В. Черняковы уточнили эту дату. По свидетельству «Переписной и отказной книги крестьянских и бобыльских дворов Спасского Кижского погоста, приписанных к железным заводам Бутенанта фон Розенбуша», составленной стольником А. Б. Брянчаниновым и подъячим П. Курбатовым в конце 1695 – начале 1696 г. (РГАДА. Ф.137. Оп. 1. № 16) удалось выяснить, что обе нижеописанные церкви «сгорели от молнии» в 7202 (1693/94) г.²

Таким образом, датировка была скорректирована на 4 года (с 7206 г. на 7202 г.), или, с 1697/98 на 1693/94 г.

И. А. и О. В. Черняковы отметили, «... что большинство исследователей изучали писцовые и переписные книги лишь как источник по социально-экономической истории и исторической географии. ... В. А. и Б. А. Гуцины предприняли попытку привлечь материалы писцовых книг в качестве источника по истории кижских церквей»³.

В 1974 г. доклад по теме «Писцовые книги Обонежской пятины как исторический источник для датировки памятников народного деревянного зодчества» был представлен на конференции «Чтения по истории литературы и культуры Древней Руси», организованной Институтом русской литературы Академии наук СССР и Петрозаводским государственным университетом в Петрозаводске. Чтения проходили под руководством Д. С. Лихачева.

В 1976 г. была опубликована статья В. А. и Б. А. Гуциных «Когда построены Кижы?»⁴.

В 1978 г. напечатан материал В. А. и Б. А. Гуциных «Новое об истории Кижского архитектурного ансамбля»⁵.

События, связанные с новыми данными по датировке знаменитых построек Кижского архитектурного ансамбля нашли широкое отражение в местной и центральной прессе.

Данные архивные материалы помогли многое прояснить в истории создания Кижского архитектурного комплекса. Полученная информация позволила впервые установить следующее:

---

² Чернякова И. А., Черняков О. В. Писцовые и переписные книги 16–17 вв. как источник по истории деревянного зодчества Карелии // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Русского Севера. Петрозаводск, 1988. С. 71.

³ Там же. С. 55.

⁴ Гуцин Б., Гуцина В. Когда построены Кижы? // Север. 1976. № 10. С. 105–107.

⁵ Гуцин Б. А., Гуцина В. А. Новое об истории Кижского архитектурного ансамбля // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1978. Вып. IX. С. 347–351.

1. Выявить причину и время возгорания предшественниц кижских церквей: 1693/94 г.
2. Определить первоочередность построения новых церквей Кижского погоста. Согласно документу, первой после пожара начали строить Покровскую (зимнюю), а не Преображенскую (летнюю) церковь, как было принято считать прежде. Это позволило предположить, что Покровская церковь была построена не в 1764, а в 1694 г., то есть на 70 лет раньше и является не младше Преображенской церкви на 50 лет, а старше ее на 20 лет.
3. Впервые установить изначальный клетский тип Покровской церкви.
4. Впервые получить сведения о наличии в помещении Покровской церкви придела Николая Чудотворца. Как известно, придел – это дополнительная церковь во имя какого-либо святого, устроенная внутри основного здания или пристроенная к нему. Что именно представлял собой Никольский придел, где он располагался, каково было его иконостасное убранство, удалось определить позднее в соответствии с архивными изысканиями и натурными исследованиями.
5. Кроме того, Преображенская церковь в данном документе упоминается как «настоящая», что позволяет предположить, что она сгорела не полностью, в отличие от Покровской церкви, названной «прежней».

Впервые Спасский погост в Кижях был описан в 1496 г. писцом Юрием Константиновичем Сабуровым, хотя в числе семи погостов, дошедших до нас в его записи, он не значится. Лишь при описании погоста по более поздней писцовой книге 1563 г. Андрея Лихачёва обращают на себя внимание повторяющиеся в разных местах семь раз пояснения в тексте, которые позволяют сделать этот вывод. Так, после подробного описания деревень Кижского погоста и поименного перечисления тяглецов, живущих в них, имеется следующая запись: «... Да у погоста же писаны по Юрьеву писму Константиновича 3 двory Онтушка Тороканова да Михалка да Федка Поповых, да Бориска Белкова, и те дворища пусты и дворов нет»⁶. Как видно из приведенного текста, в момент описания Сабуровым в 1496 г. погост существовал.

В это время погост представлял собой вполне сложившийся населенный пункт. Значит, здесь были и церкви, появившиеся не позднее конца XV в.

---

⁶ Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Л., 1930. С. 126.

Кижский приход издавна считался одним из самых древних в Заонежье.

После пожара в 1694 г. Покровская церковь строилась как теплая, клетская – простейшего типа, с приделом Николы Угодника. Таким образом, прежде зимняя (теплая) Покровская церковь превратилась в летне-зимнюю или «тепло-холодную» церковь, так как теперь она состояла из холодного храма (собственно церковного помещения) и теплой трапезной, где располагался Никольский придел, алтарь которого частично захватывал юго-западный угол кафаликона церкви. Наличие алтарного придела, расположенного в основном, собственно церковном помещении, крайне редкое явление.

В Описи 1830 г., составленной священником Иоанном Феодуловым, о Покровской церкви и приделе Св. Николая, размещенного внутри ее, определены его размеры: «Длина 1 сажень 2 $\frac{1}{4}$ аршина и ширина 1 сажень 2 $\frac{1}{2}$ аршина. Между приделом Св. Николая и церковью Покрова Богоматери находится капитальная стена. Ее длина 4 сажени 1 $\frac{1}{2}$ аршина и ширина такая же, как у основной церкви. В приделе размещается довольно большая печь, два клироса (места для певчих) и перед клиросом с левой стороны находится стол для сбора денег, так что для молящегося народа остается очень мало места. Алтарное помещение является тесным. Необходимо объединить церковь и боковой алтарь, убрав боковой придел Св. Николая с алтарным престолом и ликвидировать стену, которая отделяет боковой придел от основной церкви так, чтобы церковь стала больше и красивее, чем она есть сейчас»⁷.

Архивные исследования показали, что Никольский придел был разобран «за теснотой» в 1865 г. Об этом свидетельствует запись, сохранившаяся на иконе «Покров Богородицы»⁸.

Итак, в ныне существующей Покровской церкви Никольский придел был разобран в 1865 г. Значит, в 1694 г. строили именно эту церковь. Следы расположения придела убедительно свидетельствуют о ее создании в клетском варианте сразу после пожара.

Была ли церковь с шатровым завершением и когда?

В 1972 г. архитектор Л. М. Лисенко представил реконструкцию, основанную на детальных обмерах, исследовании и изучении Покровской церкви в натуре, анализе гармонического построения пропорций высотной части северного фасада, создав общее представление об исчезнувшем облике шатра Покровской церкви⁹.

⁷ НА РК. Ф. 699. Оп. 1. Д. 1/5. Л. 23–29.

⁸ Икона Покров Богородицы. КП-100. Описание. Составитель Беляев А. Т. Петрозаводск, 1968.

⁹ Лисенко Л. М. О реконструкции Покровской церкви в Кижях // Архитектурное наследство. М., 1972. Вып. 20. С. 94–99.

Предположение В. А. и Б. А. Гуциных, сделанное на основе исторического анализа старинных деревянных церквей клетского и шатрового типа с характерным для этих церквей трехстенным алтарем, в отличие от более позднего пятистенного алтарного помещения, и возможная их замена, нашло подтверждение при использовании пропорциональных соотношений предполагаемых архитектурно-конструктивных объемов Покровской церкви клетского и шатрового типов, произведенных В. А. Крохиным. В результате предполагаемые образы клетской и шатровой церкви Покрова предстали в совсем иных пропорциональных соотношениях: с более соответствующим им трехстенным алтарем¹⁰.

В этом исследовании архитектор-реставратор В. А. Крохин признает ранее опровергаемые им предположения В. А. и Б. А. Гуциных об этапах создания Покровской церкви и соответствующих им последовательным периодам ее реконструкций: от клетского, через шатровый тип, к многоглавию.

Благодаря комплексным исследованиям последних лет с применением методов дендрохронологического анализа древесины и датирования, А. Т. Яскеляйнен определил три строительных периода Покровской церкви: 1. Конец XVII в. 2. 1710–1720 г. 3. С 1749 г.

В 1999 г., через 25 лет, А. Т. Яскеляйнен подтверждает ранее высказанные доводы исследователей-историков В. А. и Б. А. Гуциных и архитектора-реставратора В. А. Крохина: «... можно предположить, что почти сразу же после пожара 1694 г. был выстроен четверик новой Покровской церкви с отапливаемым Никольским приделом...»¹¹.

В отличие от А. Т. Яскеляйнена, архитектор В. А. Крохин видит более реальными следующие строительные периоды: 1. 1694–1720 гг. 2. 1720–1749 гг. 3. С 1749 г.¹².

В. А. Крохин утверждает: в 1694 г. построена клетская церковь, вероятно, с двускатной кровлей, увенчанной над центральным объемом главой и трехстенным алтарем с двускатной кровлей с бочкой и главой. Обоснование: бревна до 1694 г. в нижней части сруба до уровня верха кровли над трапезной, четверика и продольных стен алтаря. Это дает основание считать датой постройки Покровской церкви 1694 г.¹³

¹⁰ НА МЗК. Ф. 1. Оп. 3. ед. хр. 1845. (Крохин В. А. Покровская церковь Кижского погоста. Научно-исследовательская документация. Раздел: Историческая справка с графической реконструкцией памятника на 17 век // ЗАО «Лад» Петрозаводск, 1998. С. 27, 28, 30.)

¹¹ Яскеляйнен А. Т. Новый взгляд на историю церкви Покрова Богородицы Кижского погоста // Народное зодчество. Петрозаводск, 1999. С. 133, 135.

¹² Крохин В. А. Новое в формообразовании Кижского ансамбля. Петрозаводск, 2006. С. 8.

¹³ Там же. С. 9. Рис. 6.

В отличие от В. А. Крохина, утверждающего, что в дальнейшем церковь перебиралась и при этом был разобран рубленый шатер, А. Т. Яскеляйнен, подтверждая факт переборки церкви клетского типа, не согласен с существованием в прошлом на церкви шатрового завершения¹⁴.

Таким образом, в результате исследований В. А. Крохина и А. Т. Яскеляйнена подтвердилось мнение В. А. и Б. А. Гуциных о времени постройки Покровской церкви в первоначальном клетском варианте в 1694 г., то есть на 70 лет раньше официальной, общепринятой даты – 1764 г., с последующими изменениями ее образа в связи с дальнейшим формированием архитектурного ансамбля.

В результате творческих комплексных исследований специалистов разных профилей: архивных изысканий, натурных исследований, обмеров, гармонических пропорциональных измерений, методов дендрохронологического датирования древесины удалось заглянуть в глубь истории создания церкви Покрова Богоматери и ее сопричастности к Кижскому архитектурному ансамблю на протяжении нескольких веков.

Подробное рассмотрение особенностей трех строительных периодов дано в работе В. А. Крохина¹⁵. Архитектор предполагает, что первоначальный образ церкви клетского типа имел клинчатую двускатную кровлю. Причину перестройки клетской церкви в шатровую В. А. Крохин объясняет композиционными решениями: достижением выразительной гармонии, художественным и монументальным единством ансамбля с вновь построенной в 1714 г. 22-главой Преображенской церковью. Причиной второй перестройки Покровской церкви (шатровой) в 9-главую, предполагает В. А. Крохин, явилось также стремление к лучшему варианту художественной выразительности двух погостских церквей.

В 1978 г. изучение бревенчатых срубов Покровской церкви архитектором В. А. Крохиным, подтвердило мнение архитектора Л. М. Лисенко, знавшего кижские объекты и имевшего их детальные чертежи с 1940, 1945, 1947, 1948 и 1966 гг., о шатровом завершении церкви. К сожалению, Л. М. Лисенко тогда были неизвестны архивные данные о первоначальном клетском типе церкви Покрова.

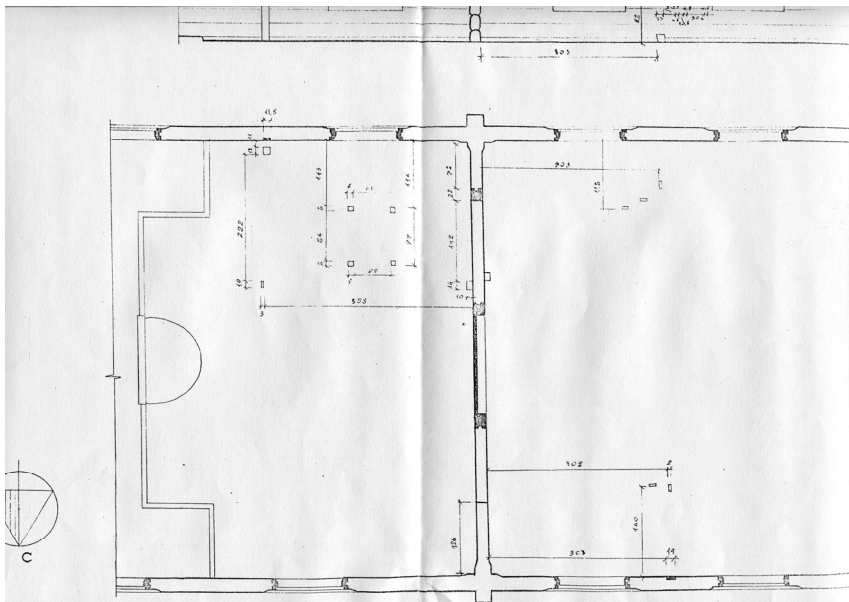
В дальнейшем за свою историю церковь претерпела несколько реконструктивных периодов.

Наличие на погосте «двухкомплектной» приходской церкви, вероятно, и позволяло не спешить с возведением небывалой, многоглавой Преображенской церкви.

¹⁴ Яскеляйнен А. Т. Новый взгляд... С. 127–128.

¹⁵ Крохин В. А. Новое в формообразовании...

В 1943 г. План расположения Никольского придела был представлен финским исследователем Ларсом Петтерссоном (рис. 1).

Рис. 1. План Покровской церкви с Никольским приделом (по Л. Петтерссону)

В 1983 г. архитектурно-археологическое обследование интерьера Покровской церкви выявило следы месторасположения придела Николы Чудотворца¹⁶.

Последняя фотофиксация сохранившихся следов от придела представлена сотрудником музея «Кижы» Б. Москиным (рис. 2, 3).

В настоящее время следы от шпонок алтаря и клиросов на полу, штраба на южной стене от уровня потолка, следы тяблового иконостаса фиксируют расположение Никольского придела. Сохранившиеся следы в существующей Покровской церкви являются убедительным свидетельством о создании Покровской церкви в клетском варианте с отапливаемым Никольским приделом сразу после пожара в 1694 г.

¹⁶ НА МЗК. Ф. 1. Оп. 3. ед. хр. 192. (Покровская церковь на о. Кижы. Фиксация следов 2-го престола. Исследовательские и проектные работы. Т. 2. Петрозаводск, 1983. НПО «Росреставрация». Карельская СНРПМ.)

*Рис. 2. Следы Никольского придела в интерьере Покровской церкви
(фото Б. Д. Москина, 2018 г.)*

*Рис. 3. Следы престола
Никольского придела
в полу собственно
церковного помещения
Покровской церкви
(фото Б. Д. Москина, 2018 г.)*

Представленные материалы явились убедительными для пересмотра официально принятой даты постройки Покровской церкви. На основании экспертного заключения и последовавшим за ним приказом Министерства культуры РФ № 1305 от 4 августа 2017 г. «О внесении изменений в Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации» дата строительства Покровской церкви определена: 1693 г., 1720–1749 гг.

К сожалению, это ошибка экспертного заключения: правильнее считать датировку не 1693, а 1694 г., уже неофициально утвердившуюся в исследованиях с 1974 г.

Данные сведения внедрялись в сознание музейных сотрудников не просто – почти 44 года (с момента выявления исторического документа в РГАДА в 1974 г.).

Неторопливо накапливались и долго вызревали знания, прежде чем обрести уверенность в таком ответственном решении относительно объекта Всемирного наследия ЮНЕСКО – Кижского архитектурного ансамбля.

И. В. Мельников, К. Э. Герман

ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «КИЖИ» НА ВНУТРЕННИХ ВОДОЕМАХ КАРЕЛИИ

В 2013–2017 гг. в рамках разработки научно-исследовательской темы археологическая экспедиция музея-заповедника «Кижь» проводила полевые исследования на внутренних водоемах Карелии, прежде всего, на территории Заонежья. Их целью было выявление новых памятников археологии первобытной эпохи, а также изучение особенностей расселения древнего человека на участках, которые в настоящее время удалены от побережья Онежского озера и приурочены к побережью внутренних озер и рек. На территории Заонежья (Медвежьегорский район Карелии) исследовались берега озер Космозеро, Ванчозеро, Ладмозеро, Падмозеро, за пределами Заонежского полуострова работы были проведены на Лижмозере, а также в среднем течении реки Суна (район озер Гимолампи и Суналампи), на территории, частично входящей в состав природного заповедника «Кивач» (Кондопожский район Республики Карелия).

В 2011–2012 гг. работы проводились на озере Лижмозеро. Это крупный (площадью более 100 кв. км) водоем, через который протекает река Лижма, посредством озер Кедрозеро и Тарисмозеро соединяющая Лижмозеро с Лижемской губой Онежского озера. Удаленность Лижмозера от Лижемской губы составляет чуть менее 20 км. Абсолютная высота Лижмозера 68 м (около 35 м от современного уровня воды в Онежском озере).

В ходе исследований на Лижмозере были обнаружены семь памятников археологии (Лижмозеро 2–8¹), шесть из которых располагаются на

---

¹ Местонахождение Лижмозеро 1 было открыто на западном берегу Лижмозера археологом Ю. А. Саватеевым в 1977 г.

восточном берегу острова Большой, седьмой памятник выявлен на южном берегу озера (рис. 1). Материалы исследований были опубликованы².

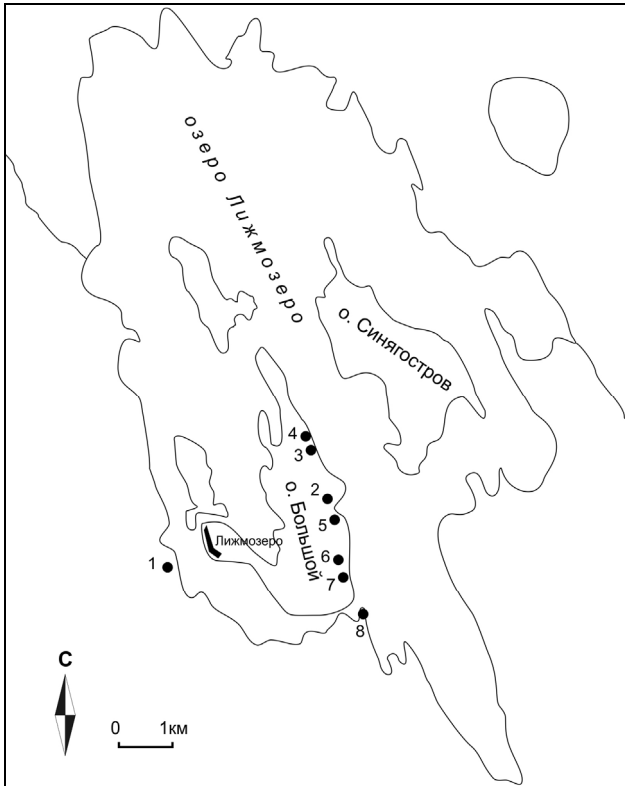

Рис. 1. Расположение поселений Лижмозеро 1–8 на озере Лижмозеро

Три открытых поселения (Лижмозеро 3–5) относятся к эпохе мезолита, в ходе их раскопок были найдены предметы из кварца, сланца и кварцита. Одно поселение (Лижмозеро 7) датируется неолитом и содержит комплекс инвентаря, включающий предметы из камня, а также фрагменты неолитической ямочно-гребенчатой керамики. Два поселения включали смешанный комплекс инвентаря неолита-энеолита. На поселении

² Герман К. Э. Новые археологические исследования музея-заповедника «Кижь» на озере Лижмозеро // Кижский вестник. Петрозаводск, 2015. Вып. 15. С. 302–311.

Лижмозеро 2, кроме каменного инвентаря, были обнаружены фрагменты неолитической ямочно-гребенчатой и гребенчато-ямочной керамики, а также энеолитической асбестовой керамики. На стоянке Лижмозеро 6 найдены три типа керамики: сперрингс, ямочно-гребенчатая и асбестовая, а также каменный инвентарь. Еще одно поселение – Лижмозеро 8 – содержит смешанный комплекс неолита (ямочно-гребенчатая керамика), энеолита (асбестовая керамика) и раннего железного века. В целом проведенные на Лижмозере работы показывают перспективность дальнейших разведочных исследований в этом районе. Имеется большая вероятность открытия новых памятников на восточном берегу озера, а также в устьях и истоках впадающих и вытекающих из озера рек. Судя по полученным археологическим материалам, озеро Лижмозеро посещалось древним населением с периода мезолита до раннего железного века включительно. Интересна также отмеченная закономерность в высотном расположении памятников мезолита, характерная для древних поселений бассейна Онежского озера. Она выражается в удалении их от современного уреза воды на расстояние 35–55 м и расположении на ярко выраженных древних береговых террасах высотой до 5 м. Более поздние памятники залегают на участках берега меньшей высоты (1,5–2 м) и находятся вблизи современного уреза воды.

В 2014–2016 гг. исследования проводились в среднем течении реки Суна, на территории, частично входящей в состав заповедника «Кивач». В ходе исследований было открыто 20 поселений каменного века – раннего металла, одно из которых находится в черте поселка Кивач, остальные – в четырех километрах ниже по течению реки Суна, в районе озер Гимолампи и Суналампи (рис. 2)³. Из двадцати памятников на тринадцати обнаружены бескерамические комплексы, что позволяет предположительно отнести их к эпохе мезолита. Одно поселение относится к раннему неолиту с керамикой сперрингс, одно – к неолиту с ямочно-гребенчатой керамикой, еще одно – к энеолиту с асбестовой керамикой, на четырех памятниках получены смешанные комплексы. Бескерамические поселения располагаются на абсолютных высотных отметках от 46,8 до 57,3 м, раннеэнеолитические с керамикой сперрингс – 43,8–47,3 м, с ямочно-гребенчатой керамикой – 43,8–51,8 м, с гребенчато-ямочной керамикой – около 43,8 м, с асбестовой керамикой – 42,8–45,3 м. В каменном инвентаре преобладают изделия из кварца, также найдены предметы из сланца, лидита

³ Ранее исследования в районе водопада Кивач проводил археолог А. Я. Брюсов, который в 1931 г. собрал на крестьянском поле кремневые и сланцевые орудия (см.: Брюсов А. Я. История древней Карелии. М., 1940. С. 221. Рис. 33–34. (Труды Государственного исторического музея. Вып. IX.)

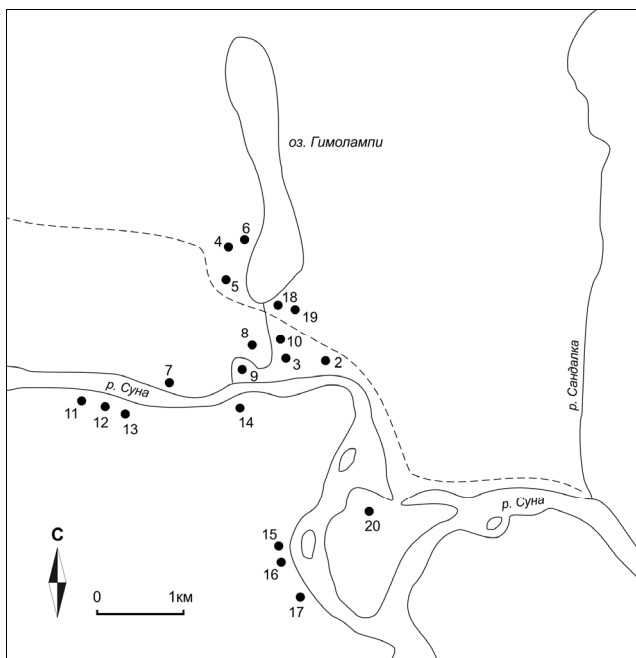

Рис. 2. Расположение поселений Кивач 2–20 на реке Суна

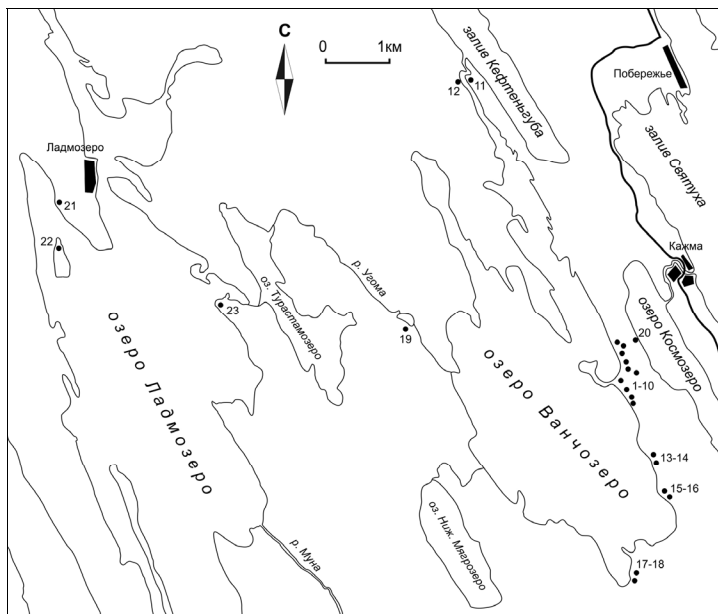
и кремня. В целом инвентарь открытых памятников типичен для поселений камня – раннего металла бассейна Онежского озера. На семи памятниках (Кивач 3,8–10, 15, 16, 20) зафиксированы жилищные впадины. Интересно, что на шести были выявлены углежогные кучи, связанные с производством угля для располагавшегося в 10 км южнее Кончезерского чугуноплавильного завода (XVIII–XIX вв.). Краткие сведения о результатах работ были опубликованы⁴.

Палеогеографические данные свидетельствуют о том, что в период бытования открытых на Суне древних поселений уровень Онежского озера был существенно выше современного и колебался в районе абсолютных отметок от 44 до 50 м, а в отдельные отрезки времени мог быть еще

⁴ Герман К. Э., Мельников И. В. Археологические исследования в заповеднике «Кивач» в 2014–2015 гг. // Труды государственного природного заповедника «Кивач». Петрозаводск, 2016. Вып. 7. С. 166–174; Герман К. Э., Мельников И. В. Археологические исследования экспедиции музея-заповедника «Кижы» в 2013–2016 гг. // Самарский научный вестник. Т. 6. № 3 (20). Самара, 2017. С. 203–205.

выше. Таким образом, древние поселения при существенном удалении от современной береговой линии Онежского озера (около 19 км), в период своего бытования находились вблизи Онежского озера и располагались на берегу древнего залива или в устье впадающей в него реки Суна.

Актуальность работ на территории Заонежского полуострова определялась тем обстоятельством, что на его береговой линии известно несколько крупных скоплений археологических памятников мезолита – раннего металла (Вожмариха, Ширийнаволок, Клим, Ажепнаволок, на берегу Лижнаволока – Пегрема)⁵. В то же время берега внутренних водоемов оставались практически неизученными. По этой причине в 2013–2017 гг. археологическая экспедиция музея-заповедника «Киж» проводила на этой территории свои исследования. Всего за время работы было открыто 25 древних поселений периода камня – раннего металла (рис. 3).

Рис. 3. Расположение поселений на озерах Ладмозеро, Ванчозеро и Космозеро (1–19 – Ванчозеро 1–19, 20 – Космозеро 1; 21–23 – Ладмозеро 1–3)

⁵ Журавлев А. П. Заонежье в эпоху камня – раннего металла. Петрозаводск, 1994. 108 с.; Мельников И. В., Герман К. Э. Древние поселения южного Заонежья (мезолит – энеолит). Петрозаводск, 2013. 406 с.

Одно крупное поселение было обнаружено на озере Космозеро, которое находится в центральной части Заонежского полуострова и вытянулось с северо-запада на юго-восток почти на 31 км. При этом озеро довольно узкое – максимальная ширина в южной части составляет около 2,1 км, минимальная – около 200 м. Абсолютная высота – 38,5 м (около 5,5 м над уровнем Онежского озера). Почти на самой северной оконечности озера имеется протока, соединяющая Космозеро с заливом Онежского озера Святуха. Напротив этой протоки, на противоположном западном берегу озера, была открыта стоянка Космозеро 1. Она имеет большую площадь – не менее 10 тыс. кв. м (высота над уровнем воды в Космозере – 1–2 м) и содержит смешанный комплекс инвентаря – неолита с ямочно-гребенчатой керамикой и энеолита с асбестовой и пористой керамикой. Среди каменного инвентаря представлены сланцевое тесло, рыболовный груз, кварцевый скребок, а также осколки и отщепы кварца, сланца и кварцита. Судя по составу керамического материала, поселение функционировало в течение длительного времени, вначале в IV тыс. до н.э. (ямочно-гребенчатая керамика), затем во второй половине III тыс. до н.э. (асбестовая и пористая керамика). Его нахождение в районе протоки, соединяющей озеро Космозеро с заливом Святуха Онежского озера, возможно, свидетельствует о прохождении здесь древнего пути, соединяющего побережье Онежского озера с внутренней частью Заонежского полуострова⁶.

Озеро Ванчозеро находится в северо-западной части Заонежского полуострова и отделено от северо-западной оконечности озера Космозеро перешейком шириной около 380 м. Его основная часть вытянута с северо-запада на юго-восток на протяжении 5,1 км, максимальная ширина (в центральной части) составляет около 2,4 км. Абсолютная высота озера Ванчозеро – 35,9 м (2,9 м над уровнем Онежского озера). Как и Космозеро, Ванчозеро соединено с Онежским озером мелководной протокой. Всего на Ванчозере было открыто 19 поселений, из которых два памятника (Ванчозеро 11, 12) располагаются в северной части озера Ванчозеро, вблизи упомянутой протоки, соединяющей его с заливом Онежского озера Кефтеньгуба. Еще один памятник (Ванчозеро 19) находится примерно в 500 м от западного берега Ванчозера, вблизи небольшой реки Угома, соединяющей Ванчозеро и Турастамозеро. Остальные памятники залегают на песчаных береговых террасах на восточном, юго-восточном и южном берегах Ванчозера. Материалы исследований были опубликованы⁷.

⁶ Мельников И. В., Герман К. Э. Новые открытия древних поселений на озерах Ванчозеро и Космозеро в Заонежье (Медвежьегорский р-н Карелии) // Кижский вестник. Петрозаводск, 2017. Вып. 17. С. 156–159.

⁷ Там же. С. 153–182.

Полученные материалы свидетельствуют о принадлежности памятников к эпохам камня – раннего металла. В шести случаях представлены бескерамические комплексы (Ванчозеро 2, 5, 9, 13, 16, 17), в одном (Вожмариха 15) найдена раннеолитическая керамика сперрингс, в четырех – раннеолитическая ямочно-гребенчатая керамика (Ванчозеро 1, 6, 14, 19), в четырех – позднеолитическая гребенчато-ямочная керамика (Ванчозеро 3, 7, 8, 12), еще в трех случаях – керамика позднего энеолита с примесью асбеста в глиняном тесте (Ванчозеро 7, 11, 18). На одном из поселений (Ванчозеро 6) раннеолитическая ямочно-гребенчатая и позднеэолитическая асбестовая керамика залегали совместно. Еще на двух (Ванчозеро 4 и 10) тип неолитической керамики из-за плохой сохранности найденных фрагментов не был определен. Абсолютные высотные отметки расположения стоянок существенно различаются и имеют тенденцию к повышению по мере удревления поселений. Наиболее поздние стоянки с энеолитической асбестовой керамикой зафиксированы на высоте около 37–39 м, неолитическая гребенчато-ямочная, ямочно-гребенчатая керамика и керамика сперрингс залегали на высоте около 40–44 м. Наибольшая высота отмечена у отдельных бескерамических поселений, видимо, относящихся к эпохе мезолита, – 44–46,5 м.

Западнее Ванчозера находится Ладмозеро, которое соединяется с ним речкой Угома, проходящей через небольшое озеро Турастамозеро. Ладмозеро – это крупный внутренний водоем протяженностью с северо-запада на юго-восток 18,9 км, наибольшая ширина составляет 2,9 км. Высота над уровнем моря – 48,4 м (15,4 м над уровнем Онежского озера). В северной части озера в районе протоки между озерами Ладмозеро и Турастамозеро в 2016 г. были открыты три бескерамические стоянки (Ладмозеро 1–3), данные которых ранее не публиковались.

Поселение Ладмозеро 1 располагается на северном берегу Ладмозера, в 0,5 км юго-западнее д. Ладмозеро, 3 км северо-западнее протоки из Ладмозера в Турастамозеро. Памятник расположен на ровной площадке, полого спускающейся в сторону озера, высотой 2–2,5 м над уровнем водоема. Территория поросла редкими сосновыми деревьями. Западная часть памятника ограничена берегом озера, северная, южная и восточная – небольшим понижением береговой террасы. Площадь составляет около 200 кв.м. В шурфе (1 x 1 м) была прослежена следующая стратиграфия: дерн – 3–5 см, подзол (культурный слой) – 18–20 см, желтый песок (материк). Находки включали тесло из сланца (рис. 4:1), скребло из кварца (рис. 4:2), 2 отщепы кварца со следами использования (рис. 4:3,4), 6 отщепов кварца и 7 – сланца. На основании высотного расположения время бытования поселения можно отнести к мезолиту.

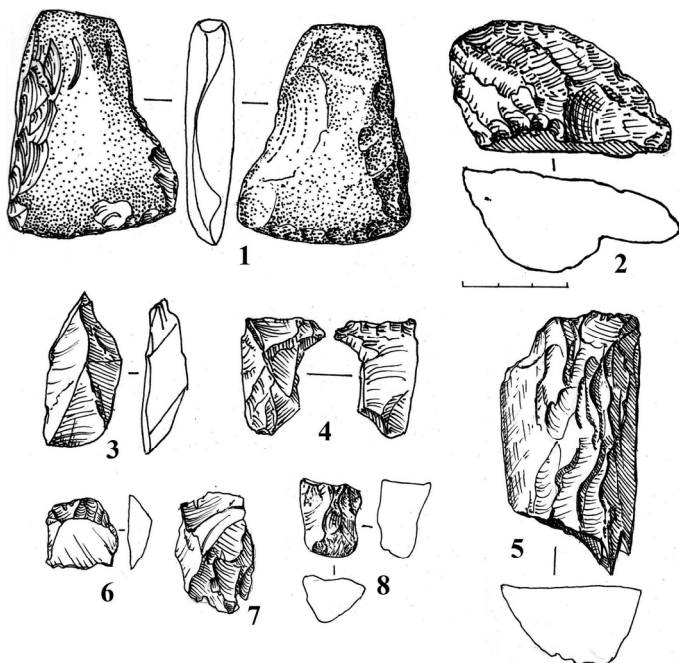

Рис. 4. Находки из поселений Ладмозеро 1 (1–4), 2 (5,6), 3 (7,8)

Поселение Ладмозеро 2 находится на безымянном острове в северо-западной части озера Ладмозеро, в 0,7 км южнее поселения Ладмозеро 1 и в 2,8 км северо-западнее протоки из Ладмозера в Турастамозеро. Памятник располагается на ровном мысовидном выступе в северной оконечности острова высотой 4–4,9 м над уровнем водоема. Территория распространения культурного слоя со всех сторон ограничена скальной поверхностью и поросла редкими сосновыми деревьями. Площадь составляет около 150 кв. м. В северной части памятника был заложен шурф (1 x 1 м), который выявил следующую стратиграфию: дерн – 4–6 см, подзол – 8–10 см, коричнево-желтый песок (культурный слой) – 8–10 см, желтый песок (материк). Находки: обломок заготовки орудия из лидита (рис. 4:5), кварцевый скребок (рис. 4:6), 13 отщепов из сланца и 3 – из кварца. На основании высоты расположения памятника его можно отнести к мезолиту.

Поселение Ладмозеро 3 находится на восточном берегу Ладмозера, в 0,4 км западнее протоки из Ладмозера в Турастамозеро. Памятник располагается на небольшом возвышении, примыкающем к берегу озера, высотой

2 м над уровнем водоема. Территория поросла смешанным лесом и кустарником. Западная часть памятника ограничена берегом озера, восточная, северная и южная – болотистым понижением рельефа. Площадь составляет около 230 кв. м. В шурфе размерами 1 х 1 м была выявлена следующая стратиграфия: дерн – 5–7 см, подзол (культурный слой) – 15–25 см, желтый песок (материк). Находки включали отщеп со следами использования из кремня (рис. 4:7), скребок из кварца (рис. 4:8) и 20 отщепов сланца. Высота расположения поселения свидетельствует о его бытовании в эпоху мезолита.

В восточной части Заонежского полуострова находится озеро Путкозеро, в ходе разведки на котором было открыто два памятника (Путкозеро 1,2), содержащих бескерамические комплексы, предположительно относящиеся к эпохе мезолита (рис. 5). Путкозеро вытянулось с северо-запада на юго-восток, его протяженность примерно 24 км, максимальная ширина в северной части около 2 км. Абсолютная высота озера 37 м (4 м над Онежским озером), в восточной части из Путкозера вытекает мелководная река Путка, соединяющая его с Онежским

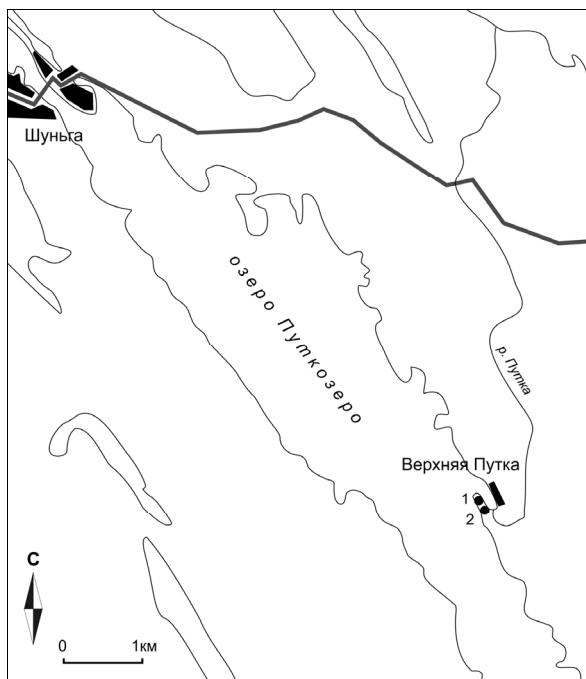

Рис. 5. Расположение поселений Путкозеро 1–2 на Путкозере

озером. Оба памятника расположены на восточном берегу озера, на небольшом полуострове, вблизи истока реки Путка. Ближайший населенный пункт – д. Верхняя Путка – находится в 0,2–0,3 км к юго-востоку, на противоположном берегу небольшого залива. Ранее материалы исследования стоянок не публиковались.

Поселение Путкозеро 1 занимает ровный участок прибрежной береговой террасы, сужающийся в северо-западном и юго-восточном направлениях. Поселение располагается в наиболее широкой части террасы. Высота около 7–7,5 м над уровнем воды в Путкозере. Площадь памятника составляет до 720 кв. м. На поселении был заложен шурф (1 x 1 м) и сделана зачистка обнажения культурного слоя. Стратиграфия: 1. Дерн – около 5 см. 2. Супесь красновато-коричневого цвета (культурный слой) – 12–24 см. 3. Поверхность скалы (материк). Находки включали обломок кварцитового абразива со следами использования для шлифования и пиления (рис. 6:9), 29 отщепов и осколков сланца, кварца и лидита, в том

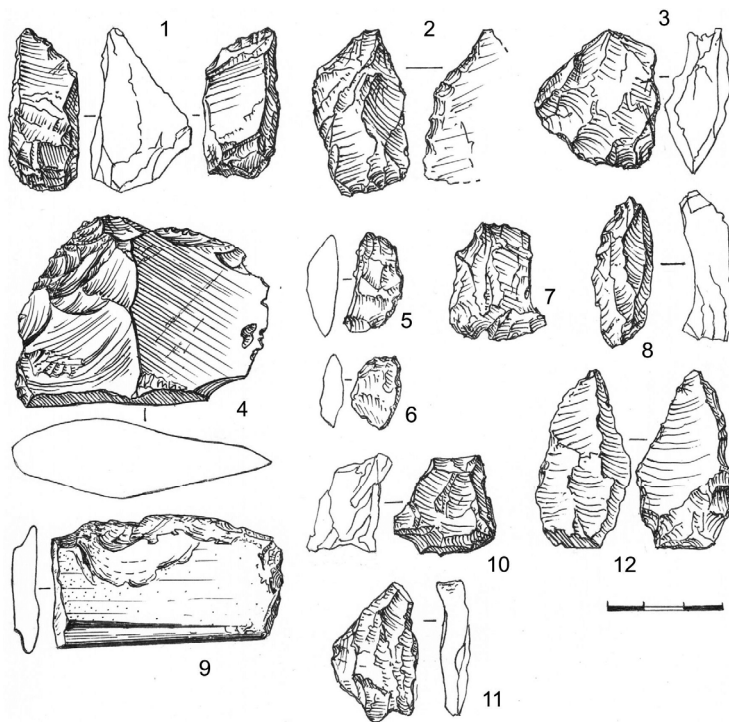

Рис. 6. Находки из поселений Путкозеро 1 (4–6, 8–10, 12), 2 (1–3, 7, 11)

числе со следами обработки и использования (рис. 6:4–6, 8, 10, 12). Судя по составу находок, отсутствию керамики и высотному расположению, памятник может быть отнесен к эпохе мезолита.

Поселение Путкозеро 2 находится в 190 м к юго-востоку от поселения Путкозеро 1 и занимает ровный участок прибрежной береговой террасы, сужающийся в северо-западном и расширяющийся в юго-восточном направлениях. Поселение располагается в наиболее возвышенной и расширенной части террасы. Высота около 7–7,5 м над уровнем воды в Путкозере, площадь примерно 1500 кв.м. На поселении было заложено два шурфа (1 x 1 м) со схожей стратиграфией: 1. Дерн – до 7 см. 2. Супесь красновато-коричневого цвета (культурный слой) – 10–18 см. 3. Суглинок (материк). В шурфах были найдены кварцевый скребок подтрапещиевидной в плане формы с дугообразным лезвием, грубо сформованным с одной стороны мелкими сколами (рис. 6:3), 17 отщепов и осколков кварца (в том числе с обработкой), а также один отщеп сланца (рис. 6:1, 2, 7, 11). Как и поселение Путкозеро 1, памятник предположительно относится к эпохе мезолита.

Таким образом, проведенные в 2013–2017 гг. полевые археологические исследования на внутренних водоемах Карелии позволяют сформулировать выводы об особенностях расселения древнего населения в бассейне Онежского озера. Прежде всего, было установлено, что в эпохи мезолита, неолита и энеолита население предпочитало осваивать побережья заливов, глубоко вдававшихся в материк и имевших устойчивую связь с основной частью Онежского озера. Впоследствии, по причине понижения уровня водоема, эти заливы превратились во внутренние озера и даже, в некоторых случаях, полностью заболотились (как, например, древний залив Вожмариха, где исследован крупный комплекс древних поселений мезолита–энеолита⁸). Наиболее удобными для устройства поселений были участки песчаных береговых террас, образовавшихся в результате отступления берега Онежского озера. В таких местах в настоящее время фиксируются скопления древних поселений. Примером являются группировки памятников на восточном, юго-восточном и южном берегах Ванчозера (Ванчозеро 1–10, 13–18). Подобные скопления памятников археологии известны и в других местах Заонежья (Вожмариха, Пегрема). В случае с изученным комплексом поселений на реке Суна понижение уровня воды было столь существенным, что сейчас древние поселения оказались удалены от берега Онежского водоема на расстояние до 19 км.

⁸ Мельников И. В., Герман К. Э. Древние поселения южного Заонежья...

Осваивались также берега внутренних озер, соединенных с Онежским озером полноводными и, видимо, пригодными для навигации протоками. В этом случае поселения устраивались поблизости от таких протоков как на участках берега, сложенных песчаными или песчано-гравийными отложениями, так и на ровных скалистых берегах. Примером могут служить поселения Ванчозеро 11,12 вблизи протоки, соединяющей Ванчозеро с заливом Кефтьеньгуба, и поселение Космозеро 1 у протоки между Космозером и заливом Святуха. Аналогичное расположение имели поселения на Путкозере, находившиеся вблизи истока реки Путка, впадающей в Онежское озеро, а также на Ладмозере.

Нахождение на Путкозере и Ладмозере только наиболее древних мезолитических поселений позволяет предполагать, что по мере понижения уровня водоемов и связанного с этим нарушения устойчивой связи между внутренними озерами и Онежским озером эти водоемы переставали посещаться древним населением. Этим может быть объяснено отсутствие на Путкозере и Ладмозере более поздних нео-энеолитических поселений. Видимо, они утратили непосредственную связь с Онежским озером раньше всего. Их обособление произошло еще в мезолите, и в последующие периоды времени здесь древнее население не селилось.

В некоторых случаях, как, например, на Лижмозере, видимо, на протяжении всей первобытной эпохи имевшем устойчивую связь с Онежским озером, могли возникать целые комплексы древних поселений разных археологических эпох, что было установлено в ходе наших исследований.

Говоря о расселении древнего населения, следует отметить, что поселения могли устраиваться на берегах рек, соединявших заливы с внутренними озерами. Примером является поселение Ванчозеро 19, находящееся на берегу реки Угома, которая соединяет Ванчозеро с Турастамозером и далее с крупным озером Ладмозеро. Судя по высоте расположения стоянки Ванчозеро 19 (6–7 м над уровнем Ванчозера), возможно, в период бытования поселение находилось в устье данной реки, в месте, где река впадала в Ванчозеро, которое было тогда заливом Онежского озера.

В целом проведенные полевые исследования еще раз подчеркнули значение Онежского водоема как основного источника жизнеобеспечения древнего населения. Возможность выхода к Онежскому озеру, наличие устойчивой связи с ним являлось условием освоения тех или иных внутренних территорий, побережья озер и рек. Отсутствие связи с Онежским озером было основным фактором, препятствовавшим освоению «глухих» внутренних озер, которые не привлекали внимание древнего населения.

А. В. Пигин*

КНИЖНЫЕ СОБРАНИЯ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ МОНАСТЫРЕЙ НА ОНЕЖСКОМ ОЗЕРЕ

На побережье и островах Онежского озера в разные века существовало более десяти монастырей: в северной части, включая Заонежский полуостров и острова Кижских шхер, – Палеостровский Рождества Богородицы, Шунгский Никольский-Ильинский, Вашеостровская (Вышеостровская) Спасская пустынь, Клименецкий Троицкий монастырь, Нятина пустынь, Сунарецкая (Сунская) Виданская Троицкая пустынь; на восточном берегу – Муромский Успенский монастырь; на западе – Соломенская Петропавловская пустынь, Брусненский Никольский монастырь; на юге – Вознесенский Свирский монастырь, Кедринская (Кедрова) Пятницкая, Лобанова Петропавловская, Лужандорская Троицкая пустыни¹. Наиболее важное значение в истории и культуре Обонежья имели Муромский Успенский (согласно житию основателя монастыря Лазаря Муромского – XIV в.) и Палеостровский Рождественский (начало XV в.) монастыри. Остальные обители возникли в XVI–XVII вв.², большинство из них были

---

* *Пигин Александр Валерьевич*, Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН; Национальный парк «Водлозерский». Работа выполнена в рамках государственного задания ФГБУ «Национальный парк „Водлозерский“» (№ 051-00132-18-00) и государственного задания Карельского научного центра РАН (тема № АААА-А18-118030190094-6).

¹ См. карту Олонецкой губернии с указанием месторасположения находившихся на ее территории монастырей: *Кожевникова Ю. Н.* Монастыри и монашество Олонецкой епархии во второй половине XVIII – начале XX в. Петрозаводск, 2009 (вклейка между с. 64 и 65, перечень монастырей на с. 292).

² Несколько раньше, вероятно в XV в., возникла Нятина пустынь на Большом Клименецком острове. Когда в первой четверти XVI в. здесь был основан Троицкий Клименецкий монастырь, Нятина пустынь уже существовала (см.: *Зверинский В. В.* Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. СПб., 1897. Т. 3. С. 119 (№ 1845)).

малоллюдными и заметного следа в истории края не оставили. Троицкая Сунарецкая пустынь известна, прежде всего, в связи с историей старообрядческого движения в Обонежье³.

С 2016 г. в национальном парке «Водлозерский» (Петрозаводск) осуществляется научно-исследовательская работа по теме «Три монастыря на Онежском озере и их святые основатели Корнилий Палеостровский, Лазарь Муромский и Иона Клименецкий». Цель исследования заключается в комплексном изучении литературных памятников (житий, повестей, стихов, произведений гимнографии и т. д.), посвященных этим монастырям и их основателям, и разнообразных архивных источников по истории обитателей.

В предлагаемой публикации предпринимается попытка обобщения имеющихся сегодня в распоряжении автора сведений о памятниках книжности этих монастырей.

***

Актовый и другой архивный материал, относящийся к истории Муромского Успенского монастыря, был систематизирован и изучен каргопольским краеведом К. А. Докучаевым-Басковым⁴. В основном ученый использовал документы из архива Палеостровского монастыря, опубликованные Е. В. Барсовым, и частично – из архивов Муромского и Спасо-Преображенского каргопольского монастырей.

Согласно одному из этих источников (писцовые книги 1628–1629 гг.), в Муромском монастыре в начале XVII в. имелось около 40 книг – все рукописные: «Евангилье на престольное апракос, писмено, в десть, евангелисты и середина медные... Евангилье тетр писменное в десть, евангелисты медные... Да в обых церквах книг: Псалтырь, два Охтая в десть, двенадцать Миней мисячных, полууставье, две Триоди – постная да цветная, Псалтырь с следованьем, Служебник, Апостол тетр в полдесть, Евангилье толковое в десть, да три книги евангелисты толковые Марк, Лука, Матвей в полдесть, Евангилье толковое, Патерик, Златострун (sic! – А. П.), книга Авва Дорофей, житие святых отец, книга Ефрема Сирина в десть, два сборника, Апостол апракос, Потребник, книга Григорья Богослова в полдесть, два Пролога в десть, Евангилье толковое в десть – все книги писменные»⁵.

Во второй половине XIX в. в монастыре хранились три рукописи («О преводe книги свягата Исаака Сирина с елинногреческаго на словенский язык», «Житие Корнилия новгородского чудотворца», «Слова и речи

³ См.: Пашков А. М. Троицкая Сунарецкая пустынь в истории России // Кондопожский край в истории Карелии и России. Петрозаводск, 2000. С. 77–80.

⁴ Докучаев-Басков К. А. Муромский монастырь // Христианское чтение. 1886. № 1/2. С. 163–207.

⁵ Там же. С. 186.

духовныя разных образцовых писателей»), а также 62 печатные книги XVII–XIX вв.⁶ Две печатные книги XVII в., отмеченные в монастырской описи 1891 г., были даны в Муромский монастырь вкладом боярыней Еленой Борисовной Хворостининой, о чем сообщают полистные записи: «Лета 7192 (1684) марта в 10 день дана сия книга Апостол в заонежской Муромской монастырь Успения Пресвятыя Богородицы для поминовения душ рабов Божиих дому боярыни княгини Елены Борисовны Хворостининой по людем ее по Стефане, по Марфе, по Иоанне и поминать навсегда имена их в сенодики» (Апостол. М., 1679)⁷; «Лета 7192-го (1684) февраля в 9 день сия книга глаголемая Минея всех святых общая положила Пресвятыя Богородицы честнаго и славнаго ея Успения в Муромской монастырь, что в Заонежии, боярыни княгини Елены Борисовны Хворостинины по родителей своего дому боярских боярынь Божиих иноки схим. Маремьянии, Анны, Пераскевии в вечное» (Минея общая, место и год издания не указаны)⁸.

По крайней мере пять рукописей из библиотеки Муромского монастыря сохранились до наших дней: Евангелие от Луки с толкованиями Феофилакта Болгарского, конец XVI в. (БАН, 33.5.2)⁹; Минеи служебные на апрель и май – две рукописи под одним переплетом, 3-я четверть XV в. (БАН, 33.6.5)¹⁰; Часослов с Канонником, 1-я треть XVI в. (РГБ, Музейное собр., № 3469)¹¹; Евангелие от Матфея и от Марка с толкованиями Феофилакта Болгарского, середина XVI в. (НА РК. Ф. 889. Оп. 1. Д. 22)¹². Все эти рукописи имеют однотипные владельческие записи, свидетельствующие об их принадлежности Муромскому монастырю. Так, в последней из названных рукописей на л. 5–32 читается скрепа XVI в.: «Евангелие толковое святого апостола Матфея Успения Богородицы домовая Муромсково острова с Онега озера. А хто из манастыря похитит, суди ему Бог».

Муромский монастырь – единственная обитель на Онежском озере, истории которой посвящено древнерусское сочинение. В рукописях оно имеет следующие заглавия: «Начало святыя обители Успения Пречистыя Богородицы да Рожества великаго во пророцех Предтеча Господня Иоан-

⁶ НА РК. Ф. 127 (Муромский монастырь). Оп. 1. Ед. хр. 1/16. Л. 79–88 («Опись книгохранилища и письменности» Муромского монастыря).

⁷ Там же. Л. 82.

⁸ Там же. Л. 82–82 об.

⁹ Рукопись описана: *Срезневский В. И.* Описание рукописей и книг, собранных для Императорской Академии наук в Олонецком крае. СПб., 1913. С. 4–5.

¹⁰ Рукопись описана: Там же. С. 29–30.

¹¹ Рукопись описана: Музейное собрание. Описание. М., 1997. Т. 2: № 3006 – № 4500. С. 162.

¹² Рукопись описана: Памятники книжной старины Русского Севера: коллекции рукописей XV–XX вв. в государственных хранилищах Республики Карелия / Сост., отв. редактор и автор предисловия А. В. Пигин. СПб., 2010. С. 76–78.

на и преподобного чудотворца Афанасия <...>. Духовная грамота священноинока игумена Муромского монастыря Лазаря» (ГИМ, собр. А. С. Уварова, № 542-4^о); «Повесть о Муромском острове» (ИРЛИ, коллекция В. Н. Перетца, № 223 и др.); «Повесть о Муромском монастыре, иже есть близ Онега озера» (БАН, собр. В. В. Лукьянова, № 220); в поздних списках – «Житие преподобного Лазаря Муромского чудотворца» (БАН, собр. текущих поступлений, № 610 и др.).

Согласно «Повести о Муромском острове» (выберем для удобства это название), монастырь был основан в XIV в. греком Лазарем, посланным из Константинополя в Новгород для передачи новгородскому архиепископу Василию Калике (ум. в 1352 г.) святительского головного убора – белого клобука. «Повесть...» известна сегодня в 15 списках XVII–XIX вв., которые представляют 3 ее редакции: Пространную в списке из собрания В. М. Ундольского (РГБ, собр. Ундольского, № 146, сер. XVII в.), Пространную в списке из собрания А. С. Уварова (ГИМ, собр. Уварова, № 542-4^о, сер. XVII в.) и Краткую (ГИМ, Музейское собр., № 1510; РНБ, собр. Волковского молитвенного дома, № 88; РНБ, собр. Михайловского, Q. № 384; и др.). Пространные редакции известны каждая в единичных списках; наиболее широкое распространение в рукописях получила Краткая редакция, вошедшая также в старообрядческую выговскую книжность (ГИМ, Музейское собр., № 1510 и др.). Рукописную традицию «Повести...» изучали Н. Н. Литвинова (Барминская)¹³ и Т. В. Крылова¹⁴, однако научное издание текста на основе текстологического анализа всех его списков пока отсутствует, а сами выводы исследователей нуждаются в существенной корректировке.

Первоначальный текст «Повести...» отразился в Пространной редакции по списку Ундольского: особенностью этой редакции является гораздо более подробный, нежели в других вариантах текста, рассказ о пребывании Лазаря в Новгороде и о новгородских владыках Василии Калике и Моисее (ум. в 1362 г.). К сожалению, список Ундольского содержит текст «Повести...» не в полном объеме: из-за утраты листов здесь отсутствует большая часть повествования о пребывании Лазаря на Онежском озере. В редакции по списку Уварова «новгородские» эпизоды «Повести...» оказались по какой-то причине значительно сокращены, но зато

¹³ Барминская Н. Н. Повесть о Муромском острове // Устные и письменные традиции в духовной культуре Севера. Сыктывкар, 1989. С. 129–149; Литвинова Н. Н., Прохоров Г. М. Житие Лазаря Муромского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Ч. 1: А–К. С. 288–290.

¹⁴ Крылова Т. В. О тексте жизнеописания Лазаря Муромского // AION slavistica (Annali dell' Istituto universitario Orientale di Napoli). 1995. Т. 3. P. 391–414.

последующий текст сохранился без механических утрат. Краткая редакция, созданная, по-видимому, в конце XVII в., представляет собой очень лаконичный пересказ текста одной из Пространных редакций, но при этом здесь читается отсутствующая в них грамота новгородского посадника Иоанна Захарьевича, передающая во владение монастырю земли на восточном побережье Онежского озера. Датированная в Житии 1182 г. грамота никак не соотносится с основным историческим фоном повествования (XIV в.) и признается историками фальсификатом¹⁵.

«Повесть...» была написана, по-видимому, в Великом Новгороде в первой трети XVII в., в период развития литературного регионализма, когда писатели-«краеведы» самых разных российских культурных центров создавали жития святых, повести о чудотворных иконах, летописцы, пытаясь тем самым сохранить память об историческом прошлом своего края¹⁶.

***

Письменные памятники Палеостровского монастыря (подлинники и списки), имевшиеся в обители в XIX в., были описаны и опубликованы Е. В. Барсовым в 1860-е гг.: царские жалованные, иераршие и прочие грамоты, памяти и наказы воевод и других начальных лиц, закладные крепости и кабалы, различные записи и т. д. (XVI–XIX вв.)¹⁷. Палеостровские грамоты XV в. из фондов РГАДА были изданы С. Н. Валком¹⁸ и В. И. Корецким¹⁹. Наиболее ранней из них является данная Толвуйской земли Палеостровскому монастырю на Палий остров с малыми островами (1415–1421 гг.).

Согласно описи монастырского имущества за 1803 г. (более ранние нам пока были недоступны), монастырская библиотека на рубеже XVIII–XIX вв. состояла из 83 томов – преимущественно печатных книг

---

¹⁵ См.: *Валк С. Н.* Начальная история древнерусского частного акта // *Вспомогательные исторические дисциплины.* М.; Л., 1937. С. 285–318; *Янин В. Л.* Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. М., 1991. С. 358–359. Высказывалось, впрочем, и другое мнение (см.: *Мусин А. Е.* К проблеме подлинности данной грамоты посадника Ивана Фомина прп. Лазарю Муромскому // *Новгород и Новгородская земля: история и археология (материалы научной конференции).* Новгород, 25–27 января 2000 г. Великий Новгород, 2000. Вып. 14. С. 315–324).

¹⁶ Обоснование этой точки зрения см. в: *Пигин А. В.* Известия о новгородском архиепископе Василии Калике в Житии Лазаря Муромского // *Древняя Русь: вопросы медиевистики.* 2018. № 3. С. 110–117.

¹⁷ См.: *Барсов Е. В.* Палеостров, его судьба и значение в Обонежском крае // *ЧОИДР.* М., 1868. Кн. 1. С. 50–204.

¹⁸ *Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под редакцией С. Н. Валка.* М.; Л., 1949. С. 147, 301–302.

¹⁹ *Корецкий В. И.* Новгородские грамоты XV в. из архива Палеостровского монастыря // *Археографический ежегодник за 1957 г.* М., 1958. С. 437–450.

XVII–XVIII вв. общественного и частного богослужения²⁰. Запись приведена при описании только одной книги – «Триодиона в лист, 1688 г., октября»: «По сему 197-го (1689) февраля в 18 по указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексиевича, Петра Алексиевича и великия государыни благоверныя царевны княжны Софии Алексиевны всея великия и малыя и белыя России самодержцов» (запись разнесена по листам). В библиотеке имелись в это время только две рукописные книги: лицевой помянник и служба Корнилию Палеостровскому («Служба преподобнаго отца Корньилия чудотворца во осмуху листа, писменная, полууставом, с красной прописью»)²¹. В дополнениях к описи за 1806 г. и последующие годы отмечены переданные в монастырь книги из личной библиотеки палеостровского настоятеля Пахомия (1805–1809 гг.), среди них две рукописи: «О толковании иностранных речей» Т. В. Баландина (послушника Палеостровского монастыря, первого петрозаводского писателя-краеоведа) и Старчество («Предание старческое новоначальным иноком»)²². Книги поступали в монастырь и от других лиц. Так, новгородский митрополит Амвросий (Подобедов) прислал в обитель издание своих проповедей на воскресные и праздничные дни в трех частях²³.

Поступление новых книг в библиотеку продолжалось и позднее. В описи 1867 г. перечислены 366 книг²⁴, в том числе труды естественнонаучного характера. Список «описи книгохранилища и письменности» за 1904 г., хранящийся в НА РК, остался, вероятно, недописан, поскольку здесь отсутствует перечень книг по разделам «Писания святых отец», «Книги исторические», «Прочие книги духовного содержания»²⁵. Зато в этой описи кратко перечислены 11 рукописей на бумаге: «Служба Одигитрии; Служба преподобному Корнилию (2 списка); Служба митрополиту московскому Филиппу; Соловецкий летописец; Житие Николая Чудотворца; Повесть о чуде бывшей от иконы Богородицы; Книга душевнаго врачевства; Жизнь и подвиги преподобнаго Димитрия чудотворца; Служба на Рождество Богородицы; Синодик»²⁶.

²⁰ НА РК. Ф. 65 (Палеостровский монастырь). Оп. 1. Ед. хр. 1/7 (Опись имущества Палеостровского монастыря 1803 г.). Л. 16–19 об.

²¹ Там же. Л. 19.

²² Там же. Л. 24 об.

²³ Там же. Л. 28 об.

²⁴ Там же. Ед. хр. 10/228. Л. 5–14 («Опись книгам, находящимся в церковной библиотеке заштатного Палеостровского монастыря»).

²⁵ Там же. Оп. 4. Ед. хр. 1/5. Л. 65–77 об. («Опись книгохранилища и письменности Палеостровского монастыря»).

²⁶ Там же. Л. 67.

К собственно литературным памятникам Палеостровского монастыря принадлежат в первую очередь сочинения, посвященные его основателю св. Корнилию Палеостровскому: краткое «Сказание о жизни преподобного отца Корнилия» и молитва (иногда она разделена на две отдельные молитвы); к ним в рукописях добавляются служба или тропарь с кондаком. Согласно этим текстам, Корнилий был родом из Пскова, после долгих странствий он поселился в пещере на каменном берегу острова Палей в Онежском озере. Через некоторое время к нему стали приходить «любители уединения, изволяющие монашествовати». Корнилий построил для иноков келью, возвел храм Рождества Богородицы. После устройства монастыря он «обложил свое тело железными веригами и поясом» и вернулся в свою пещеру, где и умер. Ученик Корнилия Авраамий Палеостровский перенес его тело в храм Рождества Богородицы и предал земле. В молитве отмечены два посмертных чуда Корнилия: исцеление девицы Агафьи от слепоты и некоего Бориса, ставшего потом монахом, от «расслабленныя болезни». «Сказание...» и молитва были созданы, по видимому, вряд ли ранее середины XVIII в. на Палеострове²⁷. Служба, возможно, имеет дониконовское происхождение, поскольку использовалась выговскими старообрядцами (см. ниже).

Данные сочинения переписывались иногда вместе и известны по единичным спискам XVIII – первой половины XIX в.: ГИМ, собр. Барсова, № 862, 863 (вместо службы тропарь и кондак); ИРЛИ, Северодвинское собр., № 809; БАН, собр. текущих поступлений, № 466 (вместо службы тропарь и кондак); Саратовский государственный университет, коллекция И. А. Шляпкина (вместо службы тропарь и кондак)²⁸. Еще один список конца XVIII в. был частично опубликован в 1906 г. М. Преображенским²⁹. Два списка «службы и жития Корнилия Палеостровского» XIX в., согласно описи В. И. Малышева 1940 г., хранились в Петрозаводске в республиканском архиве (современное местонахождение этих списков неизвестно)³⁰. В рукописях встречаются также отдельно служба (ГИМ, собр. Уварова, № 253; РНБ, Q.I.1106), тропари и кондаки святому (РНБ, собр. Титова, № 143/1906; БАН, 33.15.179). В последней из указанных рукописей (БАН,

²⁷ «Сказание...» и молитва опубликованы: *Пигин А. В.* Памятники рукописной книжности Олонецкого края. Петрозаводск, 2010. С. 212–213; Новый Олонецкий патерик / Сост., отв. редактор и автор предисловия А. В. Пигин. СПб., 2013. С. 193–198.

²⁸ См.: *Перетц В. Н.* Описание собрания рукописей проф. И. А. Шляпкина, принесенного в дар владельцем Саратовскому государственному университету // Археографический ежегодник за 1959 г. М., 1960. С. 394.

²⁹ *Преображенский М.* Несколько слов о житии преподобного Корнилия Палеостровского чудотворца // Олонецкие епархиальные ведомости. 1906. № 2. С. 70–72.

³⁰ См.: Памятники книжной старины Русского Севера. С. 31.

33.15.179) на первом листе содержится, кроме того, начало молитвы, переписанной с большим числом ошибок, в которой св. Корнилий упоминается в числе других святых: «Преподобных и богоносных отец наших Антония и Федосия, Ефрема Силена (т. е. Сирина. – А. П.), Корнилья Палестроскаго (*sic!*), преподобных угодники отцы Сергее и Реманей (вероятно, Сергий и Герман Валаамские. – А. П.), молитв Бога о насъ! Преподобных угодники отцы Зазима и Саватия Солавецкия чудотворцы, молитв Бога о насъ! Николая чудотворцы, Беседнецкой (т. е. Беседный. – А. П.)³¹ угодник, Тифеньская Божия...» (на этом текст обрывается).

Служба и молитвы Корнилию вошли и в старообрядческую выговскую книжную традицию (РГБ, собр. Егорова, № 2044, 1750-е гг., почерк выговского книжника Василия Данилова Шапошникова). Причем часть песнопений (стихиры) в указанной выговской рукописи распета на крюках: следовательно, служба Корнилию Палеостровскому использовалась на Выгу в XVIII в. в богослужебной практике. Песнопения св. Корнилию со знаменной нотацией включались и в более поздние поморские стихирари³². Примечательно, что после утраты списка службы во время пожара в монастыре в начале 1790-х гг. палеостровские монахи получили новый список именно от выговских старообрядцев³³.

Раннее Житие Корнилия Палеостровского, если и было написано, до наших дней не сохранилось или пока не обнаружено³⁴. В конце XVIII–начале XIX в. Т. В. Баландин составил «Повесть о Палеостровском монастыре»³⁵. В цикл сочинений о св. Корнилие входит и позднее стихотворное сочинение «Стих Корнилия Палеостровского чудотворца». «Стих...» известен сегодня в двух вариантах в составе рукописного стиховника 1920–1930-х гг. (ИРЛИ, Новгородско-Псковское собрание, № 49). Он составлен

³¹ Имеется в виду Николо-Беседный монастырь в Тихвинском уезде Новгородской губернии.

³² См.: Певческие книги выголексинского письма: XVIII–первая половина XIX в. / Сост. Ф. В. Панченко. СПб., 2001. С. 319.

³³ Этот факт отмечен в письме петрозаводского краеведа, послушника Палеостровского монастыря Т. В. Баландина (около 1748–1830) к митрополиту Новгородскому и Санкт-Петербургскому Амвросию (Подобедову) от 6 сентября 1805 г. (см.: Баландин Т. В. «Петрозаводские северные вечерние беседы» и другие сочинения и письма. СПб., 2016. С. 245). В письмах Баландина митрополиту Амвросию содержится и другой ценный материал к изучению истории Палеостровского монастыря (см.: Пигин А. В. «Древнейшая в севере состоящая» обитель: Т. В. Баландин и Палеостровский монастырь (конец XVIII – начало XIX в.) // Вестник церковной истории. 2015. № 1/2 (37/38). С. 87–129).

³⁴ См.: Понырко Н. В. Житие Корнилия Палеостровского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1992. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1: А–З. С. 368–369.

³⁵ В настоящее время известен лишь краткий вариант (или самое начало) этой повести (см.: Баландин Т. В. «Петрозаводские северные вечерние беседы»... С. 215, 338–339).

на основе популярных кантов «Время радости настало...» и «Там уныло занывает / тонный звон колоколов...» и представляет собой своеобразное поэтическое Житие Корнилия Палеостровского³⁶.

Ценным источником по истории Палеостровского монастыря является синодик этой обители (ИРЛИ, собр. отдельных поступлений, оп. 23, № 53). Рукопись форматом в 4-ку, на 62 листах, принадлежит к типу синодиков-помянников; ранняя ее часть датируется 1640-ми гг., а поздние записи относятся к началу XIX в. Обстоятельное историко-краеведческое исследование этого памятника принадлежит петрозаводскому историку Е. Д. Сусловой³⁷. Согласно наблюдениям исследовательницы, в синодик занесены имена 66 вкладчиков (с перечнем имен их родственников), среди них 32 крестьянина, 12 представителей духовенства, 10 жителей посада; 9 человек состояли на государственной службе в приказах (6) и полках (3). Вкладчиками Палеостровского монастыря являлись Григорий Дмитриевич Строганов (1656–1715) – крупный землевладелец и промышленник, Алексей Семенович Чоглоков – олонецкий комендант (до 1707 г. – вице-комендант) и начальник Олонецких Петровских заводов (1705–1711 гг.), а также упомянутый уже Т. В. Баландин – чиновник канцелярии начальника Олонецких заводов, петрозаводский краевед. Не исключено, что синодик находился какое-то время в личном распоряжении Баландина, поскольку два последних листа (л. 61 и 62) исписаны его рукой.

Еще один памятник письменности, связанный своим происхождением с Палеостровским монастырем, – скорописная толковая азбука, составленная в 1717 г. монахом Иоасафом (НА КарНЦ РАН. Разряд I. Оп. 2. Д. 92). Толковые азбуки (или азбуки-акростихи, азбуки-границы) известны в русских рукописях с XIV–XV вв. Их содержание составляют «душеполезные» тексты (молитвы, изложение библейских сюжетов, поучения и т. д.), в которых каждое новое предложение начинается с очередной буквы алфавита. Созданные первоначально как памятники вероучительного характера для христиан всех возрастов, толковые азбуки постепенно вошли в учебную практику, стали применяться для обучения детей грамоте. Так, уже в первом русском печатном учебнике – Букваре Ивана Федорова (Львов, 1574) – была помещена азбука «Аз есмь всему миру свет». Толковые азбуки заучи-

³⁶ Исследование и публикацию текста см.: *Пигин А. В.* «Стих Корнилия Палеостровского чудотворца» // Федосовские чтения: материалы научно-практической краеведческой конференции, посвященной 190-летию со дня рождения И. А. Федосовой. Петрозаводск, 27–28 апреля 2017 г. Петрозаводск, 2017. С. 66–72.

³⁷ *Сусллова Е. Д.* Палеостровский монастырь и локальное сообщество в раннее новое время (по записям синодика и актам приказного делопроизводства) // Вестник Тверского гос. ун-та. Серия «История». 2013. Вып. 4. С. 44–61.

вались наизусть и служили одним из способов для запоминания алфавита или же для закрепления этих знаний. Нередко азбуки записывались на свитках, склеенных из нескольких листов бумаги и достигающих в длину 9–10 м. Как отмечает исследователь этих памятников Е. А. Мишина, самые ранние списки азбук-свитков датируются 20-ми гг. XVII в., а в употреблении они сохранялись на протяжении всего XVIII в.³⁸

«Палеостровская азбука» (такое название за ней закрепилось в науке)³⁹ представляет собой свиток, разворачивающийся почти на 6 м. Азбука составлена в форме поучения опытного мудрого человека к «юноше», еще только вступающему в жизнь. Главная ее тема – необходимость учиться: «ученых людей слушай наказания», «доброму всякому учению внимай», «емлися учению, чтению, пению» и т. д. Одновременно автор заповедует «юноше» избегать тех соблазнов, пороков (особенно пьянства) и «злых людей», которые отвращают от учения и ведут к гибели души: «злаго обычая не держися, со юношами, и с блудники, и с корчемники, и со младыми женами не водися», «не спи долго, не гуляй безгодно» и др. Важная мысль азбуки-поучения заключается также в том, что доброе учение возможно только при полном послушании родителям. К сожалению, без тщательного источниковедческого и текстологического анализа русских толковых азбук невозможно судить о степени самостоятельности составителя азбуки: был ли Иоасаф автором азбуки или только переписал ее. Очевидно вместе с тем, что своим настойчивым призывом к учению азбука вполне соответствует духу Петровской эпохи – начала русского Просвещения. В том же 1717 г. в С.-Петербурге была издана и знаменитая книга для дворянских детей «Юности честное зеркало», с которым «палеостровская азбука» перекликается некоторыми своими идеями. По всей видимости, Иоасаф составил эту азбуку для кого-то из мирян, проживавших в расположенном неподалеку старинном селе Толвуя. Во всяком случае в 1724 г. она принадлежала, согласно владельческим записям, жителю Толвуйского погоста Семену Семенову Колмакову. «Палеостровская азбука» интересна, таким образом, как ценное свидетельство культурного влияния севернорусских монастырей на местное крестьянство⁴⁰.

³⁸ См.: Мишина Е. А. Азбуки-свитки XVII–XVIII вв. // От Средневековья к Новому времени: сборник статей в честь Ольги Андреевны Белобровой. М., 2006. С. 419–431.

³⁹ См.: Старостина Т. В. Народные этические представления и палеостровская азбука 1717 г. // Научная конференция по итогам работ за 1965 г. Май 1966 г. Секция исторических наук. Тезисы докладов. Петрозаводск, 1966. С. 78–81; История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 177.

⁴⁰ Подробнее см.: Пигин А. В. Азбука-свиток из Палеостровского монастыря // Вестник Карельского краеведческого музея. Петрозаводск, 2011. Вып. 6. С. 63–71.

Некоторые сведения можно сообщить и о создателе этой рукописи монахе Иоасафе. Свое имя он указал в конце свитка: «Лета от Рождества Христова 1717. Написана бысть в Палеостровском монастыре рукою инока Иоасафа» (рис. 1). Как удалось установить недавно, перу этого книжника принадлежат еще три рукописи, в каждой из которых он оставил свои писцовые записи: 1) Страсти Христовы (БАН, собр. Александро-Свирского монастыря, № 14, 1713 г.); 2) Житие Александра Свирского (ГРМ, др. гр. 26, 1715 г.); 3) Страсти Христовы (БАН, собр. Археологического института, № 24, 1717 г.). Из записей Иоасафа выясняется, что он уроженец Москвы, принял постриг в Александро-Свирском монастыре, исполнял в этой обители должность канонарха, между 1715 и 1717 г. был переведен в Палеостровский монастырь или был отправлен сюда временно с каким-то поручением. Приведем текст этих записей:

«Лета 7221, а от Рождества Христова 1713 г. месяца ианнуария в день совершися сия богодухновенная книга, рекомая Страсти Господа нашего Иисуса Христа. А писал сию книгу Александрова монастыря крылошанин монах Иоасаф, постриженник того ж монастыря, родом московский, по верному своему обещанию в дом Пресвятыя Троицы и преподобнаго отца Александра в прочитание всем православным христианом» (БАН, собр. Александро-Свирского монастыря, № 14. Л. 178 об.)⁴¹.

Рис. 1. Подпись Иоасафа в конце «Палеостровской азбуки» (1717 г.)

⁴¹ Рукопись кратко описана: *Викторов А. Е.* Описи рукописных собраний в книгохранилищах северной России. СПб., 1890. С. 182. Лист с текстом этой записи см. в кн.: Свято-Троицкий Александро-Свирский монастырь. Художественное наследие и историческая летопись. СПб., 2008. С. 96.

«А писавы сие Житие Александрова монастыря по обещанию своему в дом Пречистые Троицы и чудотворца Александра некто от убогих крылошанин канонарх монах Иоасаф, постриженник тоя пречистыя обители, родом московский, своею рукою недостойною, лета 1715, сентября дня 20-го» (ГРМ, др. гр. 26. Л. 314 об.)⁴².

«Писал сию книгу рекомую Страсти Христовы крылошанин монах Иоасаф Александровец по обещанию в дом Рожества Пресвятыя Богородицы Палеостровского монастыря своей рукою» (БАН, собр. Археологического института, № 24. Л. 101 об.); «Л<ета> 1717-го февраля дня 18 совершися. Писах Александрова монастыря Свирского крылошанин монах Иоасаф в бытии Палеостровскаго монастыря по своему обеща- нию» (Там же. Л. 123). Рис. 2.

Рис. 2. Подпись Иоасафа в рукописи «Страсти Христовы»,
(18 февраля 1717 г.)

⁴² Рукопись также находилась в библиотеке Александро-Свирского монастыря, кратко описана: Викторов А. Е. Описи рукописных собраний... С. 183–184. Об этой рукописи см.: Свято-Троицкий Александро-Свирский монастырь. С. 211.

Почерк этих записей не оставляет сомнений в том, что все они сделаны одной рукой. Таким образом, Иоасаф был опытным писцом, владевшим каллиграфическими почерками и техникой книжного декора (в рукописях имеются изящные по исполнению заставки и пышные инициалы поморского стиля). Все четыре известные сегодня рукописи Иоасафа по праву могут быть названы памятниками книжного искусства.

Записи с упоминанием Палеостровского монастыря содержатся в некоторых старопечатных изданиях и рукописях, включающих различные памятники древнерусской письменности. Так, в 1690 г. в Палеостровский монастырь был отправлен печатный Пролог на март–август (М., 1677) «по указу великого господина святейшаго кир Иоакима Московского <...> патриарха»⁴³. Рукопись конца XVII в. с Соловецким патериком (РНБ, Софийское собр., № 452) в 1725 г. была продана соловецким монахом Евфимием «иеродиакону Авраамию в Палеостровский монастырь в казну...» (л. 1)⁴⁴. В 1701 г. монах Палеостровского монастыря Макарий продал рукопись Ирмология на линейных нотах конца XVII в. некоему Ивану Попову и «цену взял всю сполна по зговору своему» (РГБ, Музейное собр., № 4194. Л. 1–15)⁴⁵.

Две однотипные вкладные записи игумена Палеостровского монастыря Антония (являлся настоятелем в 1668–1674 гг.)⁴⁶ читаются в печатном издании Служебника (М., 31.08.1655) (БАН, 1251. СП.). Согласно одной из них, эта книга была дана в декабре 1670 г. в Спасский Вашеостровский монастырь «за себя вкладом и по своих родителех...»⁴⁷. Во второй – недатированной – записи, выполненной другим почерком, местом вклада указан уже Шунгский Никольский-Ильинский женский монастырь: «... в Никольской Шунской Ильинской девичь монастырь при игумени Неониле поминати родителей своих еже о Христе сестрами...»⁴⁸. Оба монастыря,

⁴³ См.: Книги кириллической печати в хранилищах Республики Карелия (1569–1830 гг.). Каталог / Сост. Л. С. Харебова. Петрозаводск, 2013. С. 101–102.

⁴⁴ См.: *Севастьянова С. К.* Патерик Соловецкий // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. СПб., 1998. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 3: П–С. С. 17–18.

⁴⁵ Рукопись описана: Музейное собрание. Описание. Т. 2. С. 334.

⁴⁶ См.: *Строев П. М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877. Стб. 997.

⁴⁷ См.: Корпус записей на старопечатных книгах. СПб., 1992. Вып. 1: Записи на книгах кириллического шрифта, напечатанных в Москве в XVI–XVII вв. С. 97.

⁴⁸ См.: Там же. Игуменья Шунгского монастыря Неонила известна в связи с тем, что в 1684 г. она просила перевести свой монастырь в Вознесенский Свирский или Муромский Успенский, поскольку, согласно ее челобитью, архимандрит Тихвинского монастыря Макарий «ту их монастырскую землю справил за себя и монастырь отнял» (*Зверинский В. В.* *Материал для историко-топографического исследования...* Т. 3. С. 213 (№ 2233); *Кожневникова Ю. Н.* *Николаевская Андрусова пустынь. XVI–XX вв.* Петрозаводск, 2017. С. 121–123).

Вашеостровский и Шунгский, находились недалеко от Палеострова, в Зонежье. Трудно сказать, что заставило палеостровского игумена переменить свое решение, если дело обстояло именно так.

По убедительному предположению Е. Д. Сусловой, Палеостровскому монастырю принадлежал рукописный Службник середины XVII в. (РНБ, Софийское собр., № 936) со следующей вкладной записью: «184-го (1675/1676) году Шунского погоста поп Артемей Андреев отдал в дом Богородицы сию книгу Службника по своей души грешной. Подписал своею рукою, по смерти поминать» (л. 5–18). Название монастыря в записи не указано, однако известно, что поп Шунского погоста Артемий Андреев являлся вкладчиком Палеостровского Рождества Богородицы монастыря – его имя упомянуто в Палеостровском синодике⁴⁹.

Вероятно, в Палеостровском монастыре хранилась и рукопись конца XIX в. с Житием Василия Нового (БАН, собр. Александро-Свирского монастыря, № 23): на л. 2–7 здесь содержатся записи 1885–1888 гг. о выплатах разным лицам, нанятым в Палеостровский монастырь работниками.

Наконец, в Палеостровском монастыре имелись и, вероятно, переписывались рукописи с вышеназванными сочинениями о Корнилии Палеостровском. Так, в списке ГИМ, собр. Барсова, № 863 содержатся запись 1839 г. о принадлежности рукописи Палеостровскому монастырю и краткий список монашествующих.

***

Троицкий Клименецкий монастырь на Большом Клименецком (Климецком) острове в Онежском озере был основан около 1520 г. новгородцем Иоанном Климентовым (св. Иона Клименецкий). Исследование истории монастыря на материале документов монастырского архива (царских, иерарших и других грамот, вкладной книги, писцовых книг, челобитных и др.) принадлежит Е. В. Барсову⁵⁰. В достаточно богатом архиве Клименецкого монастыря хранились и документы, освещающие события общероссийской государственной и церковной истории, а также некоторых других обителей Олонецкого края (Машезерской, Солоненской, Яшеозерской пустыней и др.).

Е. В. Барсов не обошел вниманием и монастырскую библиотеку: в период его работы в обители здесь находилось 16 богослужебных рукописных книг. Шесть из них – служебные минеи на август, сентябрь, ноябрь, декабрь, январь и февраль – были даны в монастырь вкладом «на память

⁴⁹ См.: Сулова Е. Д. Палеостровский монастырь и локальное сообщество... С. 52.

⁵⁰ См.: Барсов Е. В. Олонецкий монастырь Клименцы, с приписными к нему пустынями, царскими и иераршими грамотами. М., 1871.

своей души и по своих родителей в вечный поминок» в 1552 г. Евфросинией Федоровой Валуевой, женой воеводы Ивана Замыцкого. По крайней мере одна из этих миней, сентябрьская, с записью Евфросинии Валуевой, сохранилась до наших дней (БАН, 33.6.18, середина XVI в., в 4-ку, 438 листов, запись вкладчицы на л. 2–2об.)⁵¹. Остальные 10 богослужебных книг поступили, по предположению Е. В. Барсова, от той же вкладчицы, на что указывают «одинаковое письмо, одинаковая бумага и одинаковый формат»⁵² (к сожалению, Е. В. Барсов не приводит названия этих книг). Кроме этих рукописей, в монастыре хранились 4 печатных книги конца XVI–XVII вв. (два Евангелия, Апостол и Треник)⁵³.

Наиболее ранней из известных сегодня книг с упоминанием Клименецкого монастыря является рукописное Евангелие начала XVI в. (РНБ, собр. Погодина, № 153) со следующей записью: «В лето 7029-го (1521) месяца июня 12 купил сие Евангелие себе старец Харитон пустынный с Онега озера от Троицы Живоначальные ис Климячь в Ферапонтовы пустыни на Беле озери у Тимоф[е]я у Тимофиева сына. А писал сие Евангелие Тимофеи сам своєю рукою. А хто учнет сие Евангелие у себе держати, и вы, господине, Господа ради помяните в святых своих молитвах. А дал на нем рубль» (л. 269 об.)⁵⁴. Запись фактически современна основанию Клименецкого монастыря, содержит имя одного из первых его насельников, сподвижников Ионы – старца Харитона, а также свидетельствует о том, что в 1521 г. храм Троицы уже существовал. Об освящении алтаря Троицкого храма упоминается в другой записи, сделанной 9 октября 1541 г. при священноиноке Кирилле (л. 1)⁵⁵. В декабре 1640 г. эту рукопись «починивал и переплетал» игумен Клименецкого монастыря Варлаам⁵⁶ (запись на л. 271 об.).

⁵¹ Рукопись описана: *Срезневский В. И.* Описание рукописей и книг... С. 32–33. В конце рукописи, на л. 437 об.–438 имеются также две вкладные записи в Клименецкий монастырь 1619 г.: первая с точным указанием даты – 26 марта 7127 г.; вторая только с указанием года, но сделаны, вероятно, одновременно. Вкладчиками являются братья «Ждан Савельев сын Попов, дячек» и «Шестак Савельев сын Попов». В записях упоминаются настоятель монастыря Арсений, келарь Тихон, казначей Павел и другие насельники Клименецкого монастыря.

⁵² *Барсов Е. В.* Олонецкий монастырь Клименцы... С. 5.

⁵³ Там же. С. 80.

⁵⁴ Рукопись описана: Рукописные книги собрания М. П. Погодина. Каталог. Л., 1988. Вып. 1. С. 111. Как отмечает М. Д. Каган, эта рукопись связана со скрипторием Ферапонтова монастыря, но в его библиотеке не была (*Каган М. Д.* История библиотеки Ферапонтова монастыря // Книжные центры Древней Руси. XI–XVI вв. Разные аспекты исследования. СПб., 1991. С. 123).

⁵⁵ У П. М. Строева игумен Клименецкого монастыря Кирилл отмечен под 1547 г. (*Строев П. М.* Списки иерархов и настоятелей... Стб. 999).

⁵⁶ Варлаам являлся игуменом Клименецкого монастыря в 1639–1642 гг. (Там же. Стб. 1000).

Ряд записей 1530–1540-х гг. о вкладах в Клименецкий монастырь находится на последних листах рукописного Апостола первой четверти XVI в. (БАН, 33.8.8, л. 220–221)⁵⁷. Наиболее ранняя из них датируется 7 января 1534 г.: вклад был сделан неким Ортемием при «строителе Ионе» – то есть, вероятно, при Ионе Клименецком, умершем спустя полгода (6 июня 1534 г.). Среди вкладчиков в других записях встречаются имена жителей Толвуи, Тубозера, Сенной Губы, Лычного Острова, Остречин и других поселений Обонежья. В рукописи содержатся также расписки о займе денег: «Се яз, Кижского погоста Кижского конца деревни Олуферовской житель <нрзб.>, занял есми я, заемщикъ, Андомского погоста у Офонасия Иванова денег пять рублевъ прямых бес приписи, а в тех деньгах заложилъ я, заемщикъ, ему Офонасию свои деревенской участок, что есть в деревни Дмитриевской и с сево, что сеяно севу в тое деревни. А заплатит мне, заемщику, те денги на срокъ на Ро[ждес]тво Исус Христово нынешнего 710-го. А буде я, заемщик, не заплачу тех выше писанных денег на вышеписанной срокъ...» (обклейка верхней крышки переплета, XVIII в.); «Се аз, Кижского погоста Кижского конца деревни Олуферовской житель Григоре Андреевъ, занял есми я, заемщикъ» (там же, XVIII в.)⁵⁸.

К внутренней стороне верхней крышки переплета рукописной Триоди постной (БАН, 33.2.15, 3-я четв. XVI в.)⁵⁹ приклеено письмо XVII в. с указанием имени игумена Троицкого Клименецкого монастыря Варлаама⁶⁰: «Дати ся грамотка у Живоначальный Троицы оныи обители Троицкого Клименского монастыря игумену Варламию» (текст самой «грамотки» находится, вероятно, на той стороне листа, которая приклеена к переплету).

Три печатные книги с записями об их принадлежности Клименецкому монастырю сохранились в Петрозаводске в НА РК и НМ РК: Триодъ постная (М., 1589), Апостол (М., 1638), Евангелие (М., 1640)⁶¹. Апостол и Евангелие содержат вкладные записи: Апостол был дан вкладом князем

⁵⁷ Рукопись описана: *Срезневский В. И.* Описание рукописей и книг... С. 7–8. См. также: *Амелина Т. П.* К вопросу об основании и основателях монастырей Прионежья и Онежско-Ладожского перешейка в XV–XVII вв. // *Православие в Карелии. Материалы 2-й международной научной конференции, посвященной 775-летию крещения карелов.* Петрозаводск, 2003. С. 62.

⁵⁸ Благодарю М. В. Корогодину за возможность ознакомиться с подробным описанием этой рукописи, выполненным ею совместно с А. Е. Жуковым.

⁵⁹ Рукопись описана: *Срезневский В. И.* Описание рукописей и книг... С. 27.

⁶⁰ В XVII в. в Клименецком монастыре было два настоятеля с этим именем: один из них управлял монастырем в 1639–1642 гг., другой – в 1690–1694 гг., однако второй Варлаам являлся строителем, а не игуменом (см.: *Строев П. М.* Списки иерархов и настоятелей... Стб. 1000), хотя В. И. Срезневский полагал, что письмо адресовано именно ему.

⁶¹ См.: *Книги кириллической печати в хранилищах Республики Карелия...* С. 18, 43–44, 46–48.

Иоанном Шейдяковым (запись не датирована), а Евангелие – Федором Максимовичем Матюшкиным, сыном посольского дьяка М. Г. Матюшкина (запись 1642 г.).

Сохранились, кроме того, синодики-помянники XVII–XVIII вв., составленные насельниками Клименецкого монастыря: перечень имен для поминания в них начинается с «начальника святых обители сия Ионы схимника и сродников его» (НМ РК, КГМ-1359/1, КГМ-1359/10)⁶².

История строительства Клименецкого монастыря излагается в Житии его основателя св. Ионы (ум. в 1534 г.), созданном, по всей видимости, в XVIII в., не позднее 1766 г.⁶³ Согласно этому сочинению, Иона был сыном новгородского посадника Иоанна Климентова, в «святом крещении» получил имя Иоанна (Иона – монашеское имя). Троицкий монастырь он основал после того, как едва не погиб во время бури, возвращаясь по Онежскому озеру из Повенца в Новгород на нагруженном солью насаде. Чудесным образом, после молитв, он получил спасение: «принесоша его ко оному острову». Иоанн принял постриг в одном из новгородских монастырей, после чего возвел на острове Троицкий и Никольский храмы и создал монастырь⁶⁴. Житие Ионы Клименецкого представляет собой очень краткий текст, напоминающий агиографические статьи из Пролога. Оно известно в единичных списках XIX в.: ГИМ, собр. Е. В. Барсова, № 861; РНБ, собр. П. Н. Тиханова. Оп. 3. № 445; собрание русских рукописей в Валаамском монастыре (Финляндия)⁶⁵.

В 1840 г. Игнатий (Семенов), архиепископ Олонецкий, сочинил «Краткое сказание о монастыре преподобного отца Ионы Климецакого...», в котором использовал «краткое рукописное житие» преподобного Ионы, грамоты и «другие памятники, в монастыре отыскавшиеся»⁶⁶. История жизни святого Ионы изложена архиепископом Игнатием в соответствии с Житием, но текст расширен, превращен в украшенную проповедь.

Таковы основные известные сегодня памятники книжности и литературы монастырей на Онежском озере.

⁶² См.: *Воробьева С. В., Пигин А. В.* Материалы к изучению истории крестьянских семей Заонежья (синодики-помянники XVII–XIX вв.) // *Церковь Преображения Господня: 300 лет на заонежской земле.* Петрозаводск, 2014. С. 260, 265.

⁶³ См.: *Барсов Е. В.* Преподобные обонежские пустынножители: материалы для истории колонизации и культуры Обонежского края // *Памятная книжка Олонецкой губернии за 1868–1869 гг.* Петрозаводск, 1869. С. 41.

⁶⁴ Житие Ионы Клименецкого опубликовано: *Пигин А. В.* Памятники рукописной книжности... С. 214–218; *Новый Олонецкий патерик.* С. 199–204.

⁶⁵ См.: *Беловолова (Украинская) Т. Н.* Валаамское собрание рукописей в Финляндии // *ТОДРЛ.* СПб., 1993. Т. 48. С. 399.

⁶⁶ См.: *Игнатий (Семенов), архиепископ.* Краткое сказание о Климецком монастыре. СПб., 1846.

М. Г. Бабалык

ОБ ИСПОЛНИТЕЛЯХ БЫЛИН И СКАЗОК ОЛОНЕЦКОГО КРАЯ В ЗАПИСЯХ Н. Н. БАРТ (1880-е гг.)

В 2017 г. мной была опубликована статья¹, где представлены неизвестные ранее сказки из Прионежья или, как указано в статье, Заонежья, поскольку в записях собирателя именно так определен этот район. Напомню, что рукопись с не изданными и не исследованными ранее фольклорными текстами хранится в Зональной научной библиотеке Саратовского национального исследовательского государственного университета в коллекции известного ученого XIX – начала XX в. профессора Ильи Александровича Шляпкина. Свою библиотеку он собирал более сорока лет, формируя ее состав приобретениями из букинистических лавок, с аукционов и распродаж, из коллекций других собирателей, а также принимая книги в дар. В 1895 г., согласно желанию Ильи Александровича, библиотека должна была перейти Высшим женским курсам в Санкт-Петербурге, но курсам досталась лишь часть коллекции, а вторую часть ученый завещал во вновь открытый Императорский Николаевский университет г. Саратова². Именно по этой причине рукопись с фольклорными записями³, сделанными в конце XIX в. в Олонецком крае, оказалась на хранении на юге России. В рукописи всего 26 листов, исписанных аккуратной скорописью 80-х гг. XIX в. По всей видимости,

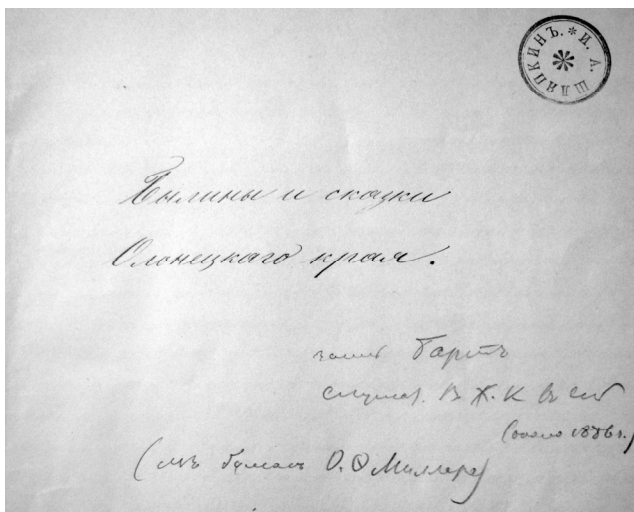
---

¹ *Бабалык М. Г.* Сказки Аксёна Лябишного в составе рукописи из коллекции И. А. Шляпкина с записями фольклора Олонецкого края // Традиционная культура. 2017. № 3 (67). С. 97–108.

² *Востриков А. В., Лейбова А. В., Лейбов К. Г.* Библиотека бестужевских курсов: книжное собрание И. А. Шляпкина // Невский архив: Историко-краеведческий сборник. М.; СПб., 1995. Вып. 2. С. 398–413.

³ Согласно описанию В. Н. Перетца, это рукопись № 28 из подборки № 568 коллекции И. А. Шляпкина. См.: *Перетц В. Н.* Описание собрания рукописей профессора И. А. Шляпкина, принесенного в дар владельцем Саратовскому государственному университету // Археографический ежегодник за 1960 г. М., 1962. С. 475–482.

тетрадь представляет собой «беловик», настолько правильно и хорошо переписаны тексты, полевого же их вариант не сохранился. Записи сделаны в Карелии, а именно в Петрозаводском уезде, в деревне Ужесельга. Поскольку эти места фольклористами не обследовались в начале 80-х гг. XIX в.⁴, данный источник представляет особый интерес. Ценны как сами фольклорные тексты – три былины и пять сказок, так и записи-примечания И. А. Шляпкина. Например, проанализировав его помету на л. 1 «*запись Бартъ, слушат. В. Ж. К. в СПб., около 1886 г. (изъ бумагъ О. Ф. Миллера)*», удалось выявить, что данная рукопись принадлежала профессору Оресту Федоровичу Миллеру, ученому-филологу и педагогу, много лет отдавшему воспитанию молодежи⁵, а запись сделана его ученицей Надеждой Барт (рис.).

На Высших женских курсах в Санкт-Петербурге О. Ф. Миллер читал курс русской литературы⁶. Былины и сказки записывала Надежда Николаевна Барт, в замужестве Татлина, мать известного художника Владимира

⁴ Исключение составляет экспедиция 1886 г. О. М. Истомина и Г. О. Дютша, но маршрут ее не пролегал через Ужесельгу, кроме того, собирателей интересовал преимущественно песенный материал.

⁵ Шлякин И. А. Очерк научной деятельности профессора О. Ф. Миллера : С приложением описания празднования 25-летнего юбилея / Сост. И. Ш[ляпкин]. СПб., 1889.

⁶ Анненский А. Н. Исторический очерк возникновения и деятельности «Общества для доставления средств Высшим Женским Курсам в Санкт-Петербурге» за 25 лет // С.-Петербургские Высшие Женские Курсы за 25 лет (1878–1903). Очерки и материалы. СПб., 1903. С. 96.

Евграфовича Татлина. Ее имя упоминается в написанном 11 января 1880 г. письме Ф. М. Достоевскому от некоей курсистки (А. Н. Курносовой)⁷. Надежда Барт была известна в поэтических кругах того времени, сохранились публикации ее стихотворений в изданиях «Новое время» и «Читальня народной школы»⁸. Со своим мужем Евграфом Никифоровичем Татлиным (железнодорожным инженером-технологом) Надежда Николаевна познакомилась, вероятно, в 1881 г. на похоронах Ф. М. Достоевского, на смерть которого написала стихи⁹. В воспоминаниях В. Е. Татлина ошибочно утверждается, что родители познакомились на похоронах поэта Я. П. Полонского, «где мать читала на смерть поэта свои стихи» (однако Полонский умер в 1898 г.). Объясняется этот анахронизм тем, что своего первенца, будущего художника, Надежда Николаевна родила в 1885 г., но уже в 1889 г. умерла¹⁰. Владимир Татлин рос с отцом и мачехой, его воспоминания о детстве не могли быть детальными, а о встрече отца с матерью он мог знать только со слов отца и ближайших родственников. Согласно «Памятной книжке окончивших курс на С.-Петербургских Высших женских курсах», Надежда Николаевна завершила обучение в 1883 г.

Несмотря на помету И. А. Шляпкина о том, что запись сделана около 1886 г., курсистка собирала фольклор несколько раньше. Шляпкин не мог знать точной даты, так как был принят на работу в качестве лектора на Высшие женские курсы в 1891–1892 уч.г.¹¹, в то время как Надежда Барт обучалась с 1879 по 1883 г. Согласно программе истории русской словесности Высших женских курсов, фольклор изучался на 1 курсе¹², то есть поездка в Петрозаводск и Ужесельгу, скорее всего, состоялась в промежутке с 1880 по 1883 г. (вероятнее всего, в 1880 или 1881 г. летом).

Почему именно Ужесельга стала местом, куда отправилась собирать фольклор Надежда Барт, на данный момент неизвестно, однако записи, оставленные курсисткой, представляют несомненный интерес. Например, перечисленные в рукописи информанты не значатся в известных

⁷ Волгин И. Последний год Достоевского. М., 1990. С. 132, 628; Алексеева Л. В. Анонимные письма в архиве Достоевского // Неизвестный Достоевский. 2014. № 1–2. С. 51–65.

⁸ См.: Барт Н. На смерть Достоевского // Новое время (газета). 1881. № 1770; Она же. Цветы и бабочки. Стихотворение // Читальня народной школы. СПб., 1888. Вып. 31. С. 15–16.

⁹ Барт Н. На смерть Достоевского // Новое время (газета). 1881. № 1770.

¹⁰ Терехович М. Л. Тайновидец из отряда солнцеловов. К 125-летию со дня рождения В. Е. Татлина // Архитектура, строительство, дизайн. 2010. № 04(61). 22.03.17. URL: <http://www.archjournal.ru/rus/04612010/tainovidec.htm> Дата обращения: 13.12.2018 г.

¹¹ Шляпкин И. А. Исторический обзор преподавания научных дисциплин на ВЖК в 1878–1903 гг. // С.-Петербургские Высшие Женские Курсы за 25 лет (1878–1903): Очерки и материалы. СПб., 1903. С. 35.

¹² Там же. С. 28–31.

фольклористам перечнях. По этой причине пришлось предпринять поиски указанных имен в архивных источниках. Здесь представлю те немногочисленные сведения об исполнителях, которые на сегодняшний день удалось найти в Национальном архиве Республики Карелия.

Итак, Надежде Барт в деревне Ужесельга удалось записать три былины, среди которых редкий сюжет – «Королевичи из Крякова», а также более распространенные тексты «Ставёр Гудинович» и «Добрыня Микитич», и пять сказок («Сказка про Фалелея Фалелеича», «Сказка про тридевять сыновей», «Сказка про поповы проказы», «Сказка про названого батюшку», «Бывальщина»¹³).

Былина «Королевичи из Крякова» записана от Марьи Захарьевны Калининой, уроженки Ялгубы, проживавшей в деревне Ужесельга Петрозаводского уезда. Вот что пишет о ней Н. Н. Барт на л. 2 своей тетради¹⁴:

«Марья Захарьевна Калинина, родом с Ялгубы, из Заонежья»¹⁵. Это женщина лет 55, веселая, словоохотливая и довольно зажиточная. Она знает только одну былинку, которой выучилась будучи 16-летней девочкой от Михайлы Васильева, деревни Тюрмины (тоже в Заонежье). Михайло Васильев (давно умерший) уже тогда был стариком, занимался крестьянством, а по зимам ходил портняжничать в соседние деревни. „И так эта мне старинка прилюбилась, – говорит Калинина, – что я у матери два яйца украла и тому старику снесла, чтобы меня выучил. А вот теперь и сгодились, ты ю в книжку списала”, – заключила она. Марья Калинина поет былинку вместе с своей племянницей, девицей Натальей Калининой, но записывать пришлось со слов. Рассказывает Калинина очень внятно, не повторяя одного и того же и не припоминая, видимо, хорошо помнит слова и размер, иногда вставляет от себя замечания, но на мои вопросы относительно некоторых непонятых мною слов отвечала, что „так поется”».

По сведениям документа из Национального архива Республики Карелия «Ревизская сказка 1858 г. марта 15 дня Олонецкой губернии Петрозаводского уезда Остречинской волости Деревянского мирского общества о состоящих мужского и женского пола крестьянах приписных к Олонецким заводам» (Ф. 4. Оп. 18. Д. 75/729. Л. 65), в деревне «Ужасельга» действительно проживала Марья Захарова, жена Андрея Калинина, которой на момент переписи исполнилось полных 35 лет. В записях Н. Барт говорится, что родилась информантка в Ялгубе. В состав Ялгубы входили

¹³ Подробнее о сказках из этого сборника см.: *Бабалык М. Г.* Указ. соч. С. 97–108.

¹⁴ При цитировании сохранена авторская орфография.

¹⁵ Так определяет территорию Н. Н. Барт со слов исполнителей. В настоящее время Ужесельга, Деревянное, Ялгора, Ялгуба относятся к Прионежью.

деревни Окуловская, Емельяновская и Анхимовская. В Метрической книге Ялгубского прихода за 1822 г. (Ф. 25. Оп. 22. Д. 53) на л. 84 записано, что 2 апреля 1822 г. у крестьянина деревни Окуловской Захара Елизарова родилась дочь Марья. В другом документе, «*Ревизской сказке 1834 г. февраля 20 дня. Олонецкой губернии Петрозаводского уезда Шуйской вотчины Ялгубской волости*» (Ф. 73. Оп. 1. Д. 2/8) на л. 83 об. – 84, среди жителей деревни Окуловская в записи № 20 перечислены имена семьи Захара Елизарова Попова 53 лет и его жены Аксеньи 48 лет. Среди детей указаны сын Нефед 20 лет, дочери Катерина 23 лет, Варвара 19 лет и Марья 11 лет. Данный документ позволяет установить девичью фамилию информантки, а также ее происхождение и имена ближайших родственников. Марья Захарьевна Калинина (в девичестве Попова) родилась 02.04.1822 г. в деревне Окуловская в многодетной семье Захара Елизаровича Попова. В Метрической книге этого же прихода за 1823 г. (Ф. 25. Оп. 22. Д. 54. Л. 95) указано, что у государственного крестьянина Захара Елизарова 26 апреля умерла дочь Параскева четырех лет отроду. То есть, между Варварой и Марьей был еще ребенок, умерший от болезней в раннем возрасте. В переписи деревень Емельяновская и Анхимовская не нашлось крестьян с именем Захар, у которых была бы дочь Марья, следовательно, этот факт может свидетельствовать о правильности найденных сведений о рождении исполнительницы. На момент встречи с Надеждой Барт Марье Захарьевне Калининой (Поповой) было 58 или 59 лет (в зависимости от предполагаемого времени записи).

Вторую былинку «Ставёр Гудинович» Н. Н. Барт записала от Матрены Архиповны Калининой, невестки Марьи Захарьевны, также уроженки Ялгубы, проживавшей в Ужесельге. О ней собиратель пишет следующее: «*Матрена Архиповна Калинина (невестка предыдущей певицы и мать Натальи Калининой) родом с Ялгубы из Заонежья, училась у старика Михайлы Ефимовича, вероятно у того же, которого Марья Калинина называет Михайлой Васильевичем, потому что, по словам Матрены Калининой, Михайло Ефимович жил в деревне Тюрьминой и по зимам портняжничал. Калинина выучилась былинке про Ставра еще в детстве, знала прежде и другая, но перезабыла, рассказывает, останавливаясь и припоминая, и вставляет очень много прозаических пояснений. Матрене Калининой около 50 лет, но голос у нея приятный и свежий, а симпатичное, подвижное лице с выразительными глазами придает особую прелесть ея пению*» (л. 5 об.)

В уже указанной Ревизской сказке 1858 г. (л. 65) есть сведения и о Матрене Архиповой, жене Василия Калинина, которой во время переписи было полных 23 года, из чего следует, что исполнительница родилась около 1834/35 г. О дочери Матрены – Наталье (племяннице Марьи Захарьевны),

разумеется, в данном документе сведений нет, так как рождена она была позже, но из всех данных можно составить ее полное имя в девичестве – Наталья Васильевна Калинина. Мужья исполнительниц, жители Ужесельги, были родными братьями. Всего братьев было трое: Филипп Калинин (род. ок. 1790–1853), Андрей Калинин (род. ок. 1814 г.) и Василий Калинин (род. 1 января 1828 г.). Андрей и Василий привезли жен из деревни Окуловская (Ялгуба). В Ревизской сказке 1834 г. Ялгубской волости была сделана попытка отыскать и родственников Матрены Архиповой. Из возможных вариантов нашелся лишь один (л. 78 об. – 79), это семья Никиты Нефедова Мугандина (ум. в 1818 г.), у которого было три сына – Филипп, Иван и Авраам. У Ивана среди детей названы сын Архип 31 года (род. ок. 1803 г.) с женой Дарьей 25 лет (род. ок. 1809 г.), сын Наум 29 лет с женой Пелагеей 20 лет, приемный сын Петр Иванов Косолапов, отданный в 1829 г. в рекруты. Таким образом, предполагаемыми родителями Матрены могут быть Архип Иванович Мугандин и его жена Дарья. В данной Ревизской сказке у семьи не указаны дети (напомним, Матрена родилась позже). В Метрической книге Ялгубского погоста за 1834 г. (Ф. 25. Оп. 22. Д. 80. Л. 972 об.) записано, что 11 марта 1834 г. у крестьянина Архипа Иванова и его жены Дарии Андрониковой родилась дочь Матрона. А в Метрической книге того же погоста за 1835 г. (Ф. 25. Оп. 22. Д. 84. Л. 489) сохранились сведения о рождении у Архипа Иванова и его жены Дарии Андроновой 1 ноября 1835 г. еще одного сына – Михаила. Эти данные подтверждают гипотезу происхождения Матрены Архиповны Калининой, в девичестве Мугандиной. На момент встречи с Н. Н. Барт ей было около 46–47 лет.

Итак, обе былины имеют прионежское происхождение: исполнителем, передавшим традицию Калининым, по их воспоминаниям, был Михаил Ефимович Васильев (либо Михаил Васильевич Ефимов), житель деревни Тюрьмина, известной также как Янгора или Ялгора¹⁶. Согласно записи на л. 17 об. «*Ревизской сказки 1834 г. Олонецкой губернии Петрозаводскаго уезда Ялгубской волости*», в деревне Ялгора проживал один Михайла Ефимов, которому на момент переписи был 41 год, из чего можно заключить, что родился он около 1793 г. У Михайлы в 1834 г. была жена Марфа 30 годов и дочь Ирина трех лет. Можно рассчитать приблизительное время встречи его с Марьей Захарьевной, тогда шестнадцатилетней девушкой, получившей урок от Михайлы. Если информантка правильно помнит свой возраст, то случилось это в 1838 г., когда Михайле Ефимову было около 45–46 лет. В ее воспоминаниях он назван «стариком», а в 1880–1881 гг. – «давно умершим». Если учесть низкий уровень продолжительности жизни в то время, то девуш-

¹⁶ Олонецкая губерния: Список населенных мест по сведениям 1873 г.. СПб., 1879. ХСV.

ка вполне могла воспринимать мужчину этого возраста стариком, и если к тому же он умер в 40-е гг.¹⁷, то к 80-м гг. действительно прошло уже много времени. Кроме этого документа, встречается имя Михайлы Ефимова и в других. Например, в Метрической книге Ялгубского прихода за 1824 г. (Ф. 126. Оп. 2. Д. 4/82. Л. 13 об.) говорится о том, что 21 марта у крестьянина деревни Ялгора Михайлы Ефимова родилась дочь Матрена. Или в Метрической книге Ялгубского прихода за 1827 г. (Ф. 25. Оп. 22. Л. 60. Л. 87) сказано, что родился «в октябре 1 числа деревни Ялгоры обельнаго крестьянина Михайлы Ефимова сын Алексей». В Метрической книге того же погоста за 1834 г. (Ф. 25. Оп. 22. Д. 80. Л. 979 об.) говорится о рождении у обельнаго крестьянина деревни Ялгора Михаила Ефимова 19 декабря сына Ефима. Других сведений об этом крестьянине на данный момент найти не удалось.

Примечательным фактом является локальная самоидентификация исполнительниц: обе они родом из Заонежья, как и Михайло Ефимов. Согласно современному территориальному делению деревни Ялгуба, Ялгора наравне с Ужесельгой и Деревянным относятся к Прионежью. Объясняется такое расхождение, видимо, тем, что жители деревень, удаленных от Петрозаводска, могли воспринимать себя заонежанами.

Третья былина «Добрыня Микитич» записана от уроженки Деревянного Минодоры Федоровой там же в Ужесельге. Об этой исполнительнице на л. 7 тетради Н. Н. Барт пишет: *«Минодора Федорова, родом из деревни Деревянного в 23 верстах от Петрозаводска, от роду больше 50 лет, бедная и на первый взгляд забитая. Голос и память у Минодоры не особенно тверды, но она, как видно, придает большое значение размеру былины, потому что, когда Матрена Калинина пробовала подсказывать ей пропущенное, она говорила: „Постой, ты меня со складу собьешь, старина все равно что песня“»*.

В Ревизской сказке 1858 г. на л. 60 об.–61 обнаружилось сведения и об этой исполнительнице. Это была Минодора Кондратьева, жена Дмитрия Федорова Сенькина, которой во время переписи был 31 год, то есть родилась она в 1827 г., а на момент записи былины ей было около 53–54 лет. В Метрической книге Деревянского прихода за 1827 г. (Ф. 25. Оп. 22. Д. 60. Л. 78 об.) говорится о том, что 10 сентября 1827 г. в деревне Верхней у крестьянина Кондрата Малафеева родилась дочь Минодора. Кроме того, в других документах находим сведения о семье Минодоры. Согласно Метрической книге того же прихода за 1823 г. (Ф. 25. Оп. 11. Д. 12/86), 1 ноября 1823 г. у Кондрата Малафеева родился сын Георгий. А в Метрической книге 1836 г. (Ф. 25. Оп. 22. Д. 86. Л. 205 об.) есть запись о рождении 4 февраля 1836 г. у Кондрата Малафеева и жены его Афиимии Акакиевой

¹⁷ На данный момент сведения о смерти Михайлы Ефимова не найдены.

сына Сидора. В Ревизской сказке за 1858 г. на л. 45 об.–46 сказано, что Кондратий Малафеев умер в деревне Деревянное в 1855 г., а на момент переписи в 1858 г. отмечены его жена Агафья(!) Акакиева 51 года, сыновья Сидор 21 года (37 года рождения), Федор 9 лет по переписи прошлых лет (умер в 1853 г.), Егор (1844 г. р.), Ефрем (1847 г.р.), а также брат Кондрата Семен Малафеев 39 лет и его сын Киприян 4 лет. Следовательно, полное имя информантки – Минодора Кондратьевна Федорова.

В заключение хотелось бы внести уточняющую правку к моей упомянутой выше статье, посвященной анализу сказок из записей Н. Н. Барт, где было указано имя еще одного информанта – Аксёна Лябишиного. Это имя было вынесено в заглавие статьи, ведь именно от Аксёна Александровича были записаны все пять сказок. Сведений об исполнителе, к сожалению, очень мало. Курсистка характеризует его лишь в заглавии на л. 9 об.: «Сказки, рассказанные слепым стариком Аксёном Александровым Лябишным»¹⁸. Несмотря на аккуратный правильный почерк Надежды Барт, фамилия исполнителя прочитывается неоднозначно, а происходит это от того, что в ее записи допущена ошибка: вместо гласной «е» записана «и», поскольку курсистка писала, вероятно, «на слух». Со времени публикации В. Н. Перетца за Аксёном Александровичем закрепилась фамилия Лябишный¹⁹. В той же Ревизской сказке 1858 г. на л. 65 об.–66 удалось найти имя крестьянина Аксёна Александрова Лябегина, которому в момент переписи было около 54 лет. Как выяснилось, Аксён Александрович вместе с родителями Александром Ивановичем и Евдокией (Авдотьей) Силиной (уроженкой Сунской волости) приехал в Ужесельгу около 1811 г. из Кондопожской волости деревни Новинки Гольшевой²⁰. В Новинке Гольшевой он и родился 14 февраля 1804 года²¹. Указаны также сын Зотик 20 лет (род. 21.12.1837), жена Акулина Петрова 54 лет, его дочь Пелагея 13 лет и жена Зотика Авдотья Егорова 19 лет. Именно Аксён Лябегин и является исполнителем сказок. Согласно другим документам можно частично восстановить биографические сведения об Аксёне Александровиче. Например, благодаря записи на л. 77 в Метрической книге Деревянского прихода за 1822 г. узнаем, что 26 января 1822 г. «деревянского прихода деревни Ужасельги государственный крестьянин Аксень Александровъ сочетался первым за-

¹⁸ Правильное прочтение – Лябигиным (Лябегиним).

¹⁹ Перетц В. Н. Описание собрания рукописей профессора И. А. Шляпкина, принесенного в дар владельцем Саратовскому государственному университету // Археографический ежегодник за 1960 г. М., 1962. С. 480–481.

²⁰ Ревизская сказка Ялгубской волости государственных крестьян за 1811 г.: НА РК. Ф. 4. Оп. 18. Д. 23/226. Л. 110.

²¹ Метрическая книга Кондопожского прихода за 1804 г.: НА РК. Ф. 25. Оп. 22. Д. 25. Л. 248 об.

конным бракомъ тогожь прихода деревни Нижней съ крестьянской дочерью девицею Акилиною Петровою, отъ роду изъ нихъ жениху 18-ть летъ, а невесты 21-нъ годъ». Следовательно, жена Акилина (Акулина) Петрова была старше мужа на 3 года. В Метрической книге Деревянского прихода за 1824 г. (Ф. 126. Оп. 2. Д. 4/82. Л. 5 об.) оставлена запись о рождении 19 марта 1824 г. в деревне Ужасельга у крестьянина Авксентия Александрова дочери Дарии, а в Метрической книге за 1834 г. (Ф. 25. Оп. 22. Д. 80. Л. 246) говорится о рождении 8 ноября 1834 г. у Аксёна Александрова и законной его жены Акилины Петровой дочери Матрены. В год встречи с Н. Н. Барт ему было около 76–77 лет: к тому времени Аксён Александрович Лябегин был уже «слепым стариком».

Таким образом, паспорта информантов, составленные Надеждой Барт, представляют собой ценный материал для исследователей. В них отражены живые портреты, переданы манеры и привычки исполнителей. Например, Матрена Архиповна плохо помнит былинку, останавливается, досказывает и в то же время пытается помочь Минодоре Федоровой вспоминать другую былинку, сбивая с ритма. Минодора же дает точную характеристику исполнению былин – *«старина все равно что песня»*, нельзя останавливаться. Понятна и методика записи, характерная для того времени: *«записывать пришлось со слов»*, то есть после того, как информантки исполнили былинку, начинался процесс записи в тетрадь. Насколько точно передано исполнение, сказать сложно. Думается, что в представленной записи опущены все повторы, характерные для жанра былин: *«Разсказывает Калинина очень внятно, не повторяя одного и того же»*. Важно и то, что в научной среде того времени закрепился термин «былина», в то время как исполнители продолжали называть их «старинами». Сожалеть остается лишь о том, что курсистка не оставила и намека на те комментарии, которые исполнители давали к своему исполнению фольклорных текстов: *«иногда вставляет от себя замечания»*, *«разсказывает, останавливаясь и припоминая, и вставляет очень много прозаических пояснений»*, *«пробовала подсказывать ей пропущенное»*; а также не описала особенности исполнения Аксёна Лябегина, хотя и сохранила черты живой речи в самой записи, стараясь запечатлеть индивидуальный стиль исполнителя.

Несмотря на данные недостатки, рукопись из коллекции И. А. Шляпкина, несомненно, является ценным источником для фольклористов: благодаря ей пополнился список имен собирателей фольклора в XIX в. (Надежда Николаевна Татлина (в дев. Барт), а также список имен исполнителей (Марья Захарьевна Калинина (в дев. Попова), Матрёна Архиповна Калинина (в дев. Мугандина), Наталья Васильевна Калинина, Михайла Ефимов, Минодора Кондратьевна Федорова, Аксён (Авксентий) Александрович Лябегин).

В. Г. Платонов

**ПРАВОУЧИТЕЛЬНЫЕ
ЛИТЕРАТУРНЫЕ СЮЖЕТЫ
В ЖИВОПИСИ ЗАОНЕЖЬЯ ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЫ XVII – НАЧАЛА XVIII в.**

В коллекции Музея изобразительных искусств Республики Карелия хранятся два редких произведения древнерусской живописи второй половины XVII – начала XVIII в. – «Двоесловие живота со смертью» и «Двоесловие живота со смертью. О черноризце Мартирии» на сюжеты литературных памятников – повестей «Прение живота со смертью»¹ и «О черноризце Мартирии, како Христа носи на плещу своею»². Уникальность этих произведений, связь с духовной культурой северного крестьянства послужили основанием для их изучения и публикации.

Первое из этих произведений – «Двоесловие живота со смертью» – происходит из церкви Пророка Ильи села Великая Губа Медвежьегорского района Республики Карелия и датируется второй половиной XVII в. (1660-ми гг.)³. На втором тот же сюжет объединен с повествованием о черноризце Мартирии. Это живописное произведение из часовни Св. Георгия в деревне Усть-Яндома того же района и датируется концом

---

¹ Повести о споре жизни и смерти / Исследование и подготовка текстов Р. П. Дмитриевой. М; Л.: Наука, 1964.

² *Жданов И. К* литературной истории русской былевой поэзии. Киев, 1881. С. 187, 188.

³ Инв. И-28. Размер 75 x 49 x 3 см. Цельная сосновая доска, ковчег, две врезные сквозные шпонки, паволока частичная, левкас, темпера. Вывезена в 1950 г. В. Г. Брюсовой. В МИИРК поступила в 1961 г. из Карельского государственного краеведческого музея. Раскрыта в 1983–1984 гг. А. И. Наумовым в институте Спецпроектреставрация, г. Москва.

XVII – началом XVIII в.⁴. Оба памятника экспонировались на выставках, неоднократно упоминаются в литературе⁵.

Пространство «Двоесловия живота со смертью» из села Великая Губа в пределах ковчега разделено на две части (рис. 1, 2). Вверху помещено изображение, а под ним дан обширный фрагмент текста литературного памятника. Таким образом, это произведение, исполненное как обычная икона темперой на доске с ковчегом, напоминает в то же время гравированную лубочную картинку с текстом в 25 строк. Название сюжета указано в левом верхнем углу (здесь и далее утраченные и реконструированные места текста даются курсивом и заключены в скобки): *(Двоесловие ж(иво)та с (сме)ртию*. Статус «иконы» в собственном смысле этого слова придает данной композиции образ Спасителя, который размещен вверху, в розовом полуовале. В левой руке Спаса – раскрытое Евангелие с текстом: «Не на лица зря суд судите сынове человечестию». Правой рукой Христос благословляет двуперстно.

На светло-зеленом фоне изображены противостоящие друг другу Жизнь в образе молодого воина и Смерть в виде человекоподобного существа. Воин облачен в рубаху, доспехи, красный плащ, коричневые порты и черные сапоги. В поднятой правой руке он держит саблю, кисть левой прижата к груди. За спиной виднеется древко со стягом, а у груди – щит с личиной. Смерть обнажена, волосы тремя прядями спускаются на плечи, суставы рук как бы вывернуты, из раскрытого рта высовывается длинный красный язык. В руках Смерть держит косу и коромысло с висящим берестяным коробом, в котором видны орудия пыток. Над головой надпись: «аз емь смер(ть)». Опущенное полотно косы одновременно воспринимается как длинная ладья, в которой сидят люди – девять фигур в белых саванах и трое в цветных одеждах, причем на голове одного из последних персонажей видны фрагменты утраченного венца (верхние части голов двух других персонажей не сохранились).

⁴ Инв. И-481. Размер 39 x 112,5 x 4,5. Цельная доска лиственной породы, ковчег, две врезные сквозные шпонки, паволока не просматривается, левкас, темпера. Вывезена в период Великой Отечественной войны финскими войсками. После войны передана в Карельский государственный краеведческий музей, откуда в 1963 г. поступила в МИИРК. Раскрыта в 1945 г. В. Г. Брюсовой и в 1989 г. И. Н. Куспак.

⁵ История Карелии с древнейших времен до середины XVIII в. / Под ред. А. Я. Брюсова. На правах рукописи. Петрозаводск, 1952. С. 283; Живопись древней Карелии. Кат. выставки / Сост. Г. В. Жаренков, С. В. Ямщиков. Петрозаводск, 1964. С. 11; *Брюсова В. Г.* По Олонцевой земле. М., 1972. С. 26, 27; Древняя живопись Карелии. Экспозиция Музея изобразительных искусств КАССР. Каталог / Сост. Л. Н. Белоголова. Петрозаводск, 1973. № 33 по порядку. Ил. 17; *Брюсова В. Г.* Русская живопись 17 в. М., 1984. С. 163, 164. Ил. 170, 203; Выставка новых поступлений (МИИРК). Каталог. Петрозаводск, 1985. С. 7; *Платонов В. Г.* Живопись Обонежья XVII–XVIII вв. / Автореф. дис. ... канд. иск. Л., 1987. С. 15. 18; *Платонов В. Г.* Литературные назидательно-аскетические сюжеты в иконописи Заонежья XVII–XVIII вв. // Православие в Карелии. Материалы республиканской научной конференции. Петрозаводск, 2000. С. 122–125.

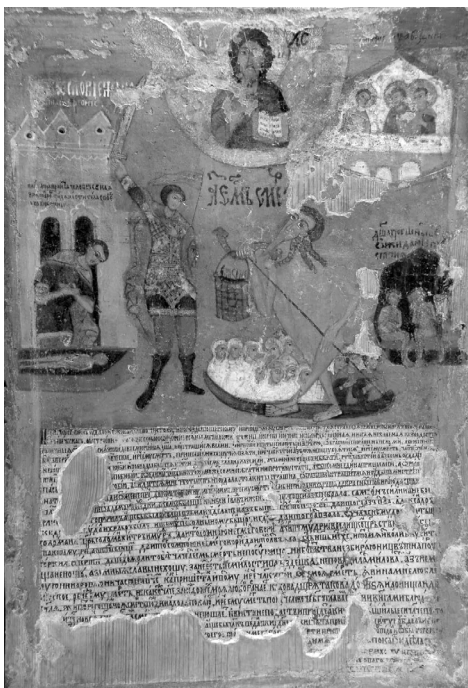

Рис. 1. «Двоясловие живота со смертью». Общий вид. (Инв. № И-28)

Рис. 2. То же произведение – фрагмент: текст

Слева от этой основной группы, на фоне палаты, помещена фигурка в синей одежде и красном плаще, склонившаяся над гробом с останками человека. Надпись поясняет изображение: «пл(аче)тца красота человеческая || зря во гроб видя кости тела своего || обнажены». В правой части изображены праведники в раю и грешники в аду. Рай показан в виде ограниченного шестиугольником пространства с белым фоном и столом, за которым сидят три фигуры с нимбами. Крайние мужи юны и безбороды, у среднего, кажется, есть короткая борода. На белом фоне видны красивые райские деревья. Стол уставлен посудой. От первоначальной надписи сохранился небольшой фрагмент: «дш...пр...». При реставрации иконы сохранена более поздняя надпись, частично перекрывающая первоначальную: «души праведнии...». Судя по внешности мужей, это не могут быть ветхозаветные патриархи Авраам, Исаак, Иаков, которых обычно помещали в раю в сюжете «Лоно Авраамово»⁶. Это также и не пророк Илия с праотцем Енохом, которых также изображали в раю⁷. Скорее всего, три фигуры олицетворяют души безымянных праведников, как и сказано в надписи.

Адская бездна изображена в виде черного провала пещеры. На скамье сидят три грешника, ожидающие суда Господня. Над изображением имеется надпись: «дша грешны... ожидают п(рише)ствии...».

Второе публикуемое произведение написано на доске горизонтального формата и включает два сюжета – «Двоесловие живота со смертью» и повесть «О черноризце Мартирии, како Христа носи на плещу своею» (рис. 3,4). Мы считаем возможным именовать и это произведение «иконой», хотя использование данного термина носит здесь еще более условный характер.

«Двоесловие живота со смертью» размещено в средней части доски, справа дан обширный текст. Иконография обнаруживает очевидное сходство с иконой из Великой Губы. В то же время некоторые важные коррективы были произведены в верхней части композиции, где отсутствует полуовал с благословляющим Спасом. Некоторые изменения внесены в изображениерая. Здесь за длинным столом размещены пять фигур, причем четыре персонажа обращены попарно друг к другу. Руки всех фигур согнуты перед грудью, что, видимо, передает беседу праведников. Крайне правый муж с длинной бородой облачен в хитон и милоть. Вероятнее всего, это пророк Илья. Из беседующих персонажей центральной группы безбородый юноша

⁶ См., например, изображение «Лона Авраамова» на северной алтарной двери начала XVIII в. иконостаса церкви Преображения Кижского погоста. (Древняя живопись Карелии. Фонды музея «Кижы». Каталог / Сост. И. М. Гурвич. Петрозаводск, 1980. С. 22.)

⁷ Икона «Сошествие во ад» конца XVI в. в ГТГ (Антонова В. И., Мневa Н. Е. Каталог древнерусской живописи. Опыт историко-художественной классификации. Т. 2. XVI – начало XVIII в. М., 1963. С. 224. № 647).

с венцом на голове похож на царя Давида, а другой одеждой и типом лика напоминает пророков Еноха, Моисея, Елисея. Скорее всего, это Енох, который изображался в раю вместе с пророком Ильей. В левой группе бородастый средовек в венце походит на царя Соломона, а юноша в зеленой одежде и красном плаще – на мученика (например, Георгия или Дмитрия Солунского), а также на пророков Аввакума, Захарию Серповидца, Даниила (но без его головного убора). Все фигуры изображены без нимбов. На верхнем поле размещена поясняющая надпись: «души праведных в светле месте».

Рис. 3. «Двоесловие живота со смертью. Сказание о некоем иноке Мартирии». Общий вид (инв. № И-481)

Рис. 4. То же произведение – фрагмент: фигура смерти

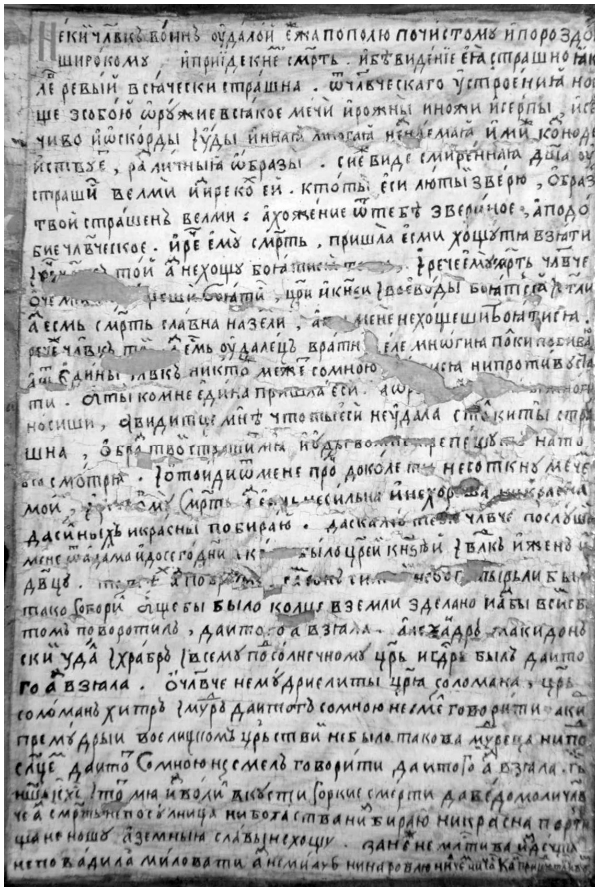

Рис. 5. То же произведение – фрагмент: текст

Группа грешников очень похожа на фигуры соответствующего фрагмента иконы из Великой Губы. Она сопровождается надписью: «души грешных сидящи в темнем месте (о)ж(и)да(ху) при(шестви)я».

Количество фигур над косой (одновременно как бы в лодке) увеличилось до 11 персонажей в белых одеждах и куколях. Кроме того, две фигуры изображены в цветных одеждах и венцах. В изображении «Красоты человеческой» изменен жест рук: правая рука согнута перед грудью, а левая поднята и прижата к горлу. Эту композицию сопровождает надпись: «Плачется красота || человеческая зря во || гроб видя кости тела || своего обнажены».

Другие отличия носят второстепенный характер: рисунок доспехов воина и горок, положение рук тела в гробе, характер палат, тип плетения бересты короба в руках смерти. На фоне сохранилась надпись: «Двоесловие живота || (со) смертию».

Обратимся к анализу приведенных на иконах отрывков из литературного памятника. Эти тексты очень близки друг к другу и восходят к шестой редакции «Прения живота со смертию» по классификации, данной в исследовании Р. П. Дмитриевой. Вместе с тем тексты имеют некоторые особенности, не встречающиеся ни в одном из опубликованных в указанном исследовании вариантов шестой редакции. Текст на иконе из села Великая Губа обозначается в сносках буквой А, текст на иконе из деревни Усть-Яндома – буквой Б, текст шестой редакции – буквой В. Ниже при воспроизведении текста за основу взята икона из села Великая Губа с более пространным отрывком. Не совпадающие с ним места текста второй иконы (из деревни Усть-Яндома) даются в сносках, утраченные и реконструированные по второй иконе (в случае утрат – по шестой литературной редакции) фрагменты текста даны курсивом и заключены в квадратные скобки.

Некий человек воин удалой ежжа по полно⁸ чистому и по роздолю широкому, и прииде к нему смерть. И бе видение ея страшно, яко лев ревьий всячески страшна. || От человеческого устройства (нос)яще с⁹ собою оружие всякое: мечи, ножи и рожны¹⁰ и серпы и сечиво и оскорды¹¹ и иная многая незнаемая¹², кознодеству(ет) || различныя о(бразы). Сия же виде¹³ смиренная душа и устращися¹⁴ велми и изрекох ей: «Кто ты еси лютый зверю? Образ твой страшен велми¹⁵, а хождение от (те) || бе зве(риное, а подобие чело)веческое». И рече ему смерть: «Пришла есми хошу тя взяти». И рече человек той: «Аз тя не хошу боятися»¹⁶. И рече ему смерть: «Человече, о чем || (мя не)хощ(еши боятис цари) и князи и воеводы боятся и святители. (Аз) есмь¹⁷ славна на земли, а ты мене не хощеша боятися». Рече же человек той: «А аз есмь удалее(ц в ра) || тнем (деле многия полки) побивая, а от единых человек никто же может со мною братис, ни противу стати, а ты ко мне едина пришла еси, а ору(жия) || (и запасы носиши с) собою.

⁸ Доб. по Б.

⁹ з Б.

¹⁰ мечи и рожны и ножи Б.

¹¹ Д об. и уды. Б.

¹² Доб. ими же Б.

¹³ сие же виде Б.

¹⁴ усташис Б.

¹⁵ велми Б.

¹⁶ Доб. тебя Б.

¹⁷ Доб. смерть Б.

А видится мне, что ты есть¹⁸ не удала столки ты страшна, образ твой страшит мя и уды во мне треп(еицут) || на т(обя смотря. Ото)иди от мене проч доколе ты не соткну мечем моим. И рече ему смерть: «(Аз е)смь не силна ни хороша¹⁹ да красных и силных²⁰ побираю. Да ска(жу тебе), || чел(овече, послушай ме)не. От Адама и до сего дни сколко было царей, и князей, и владык, и жен (и деви)ц, то всих аз побрала. Самсон силний не бо(гаты || рь ли был, тако) говорил: « Аще бы было колце в земли зделано и аз бы (всем с)ветом поворотил», да и того взяла. Александр (Ма) || кид(онский) удал и храбр был и всему подсолнечному был царь и государь²¹ да и того аз взяла. О человече, не мудр(ие ли) ты ц(аря) || Соломана? Царь Соломан хитр и мудр, да и тот со мною не смел говори(ти). Акир Премудрии, во Елицком царств(иш не) бы(ло) || такова мудреца ни под солнцем, да и тот со мною не смел говорити, да и того взяла. Господь наш Исус Христос и тот мя изволил вкусит(и) || горкия²² смерти. Да ведомо ли тебе, человече, аз есмь смерть не посулица, ни богатства не²³ збираю ни цветна порт(и)|| ща²⁴ не ношу, а з(е)мная славы не хошу. Занеже есть не милостива, издечка не повадилась миловати, аз не м(и) || люю, ни наровлю ни часю ни в чем²⁵, как пришед, так и возму²⁶. И реч человек той: «Г(оспоже) моя смерть, яви на мне любле || ние свое». Рече ж ему (с)мрть: «Н(и)како ж человече, зане ж до всех моя любовь равна ес, к(ак)ова до царя, такова до (к)нязя, и до нища, и до || святителя»²⁷. Живот реч: «Госпож моя смерть пожди мало да покаюс». И рече ему смерть: «По(неже) человече Бог гла(гола) вам с(вятыми) книгами: блюдите || (и мол)итес на всяк (день и час, ва)м сме(рть ни грамоты) не пошлет и висти не подаст и приидет аки (татъ. И слы)шил лы(?) еси человече во (свя)том // (евангелии Господь рече: Братие, блюдитесь и будите готови). Аще бы человек ведал в кий день (или в) кий час татъ прии(дет, и он бы) в ту ноц бдел и (сте || рехся бояся крепко не дал бы подкопати храмины св)оего т(ако) мене го(ркия сме)рти при(шествия кт)о ведал и он бы (крепко того часа ждал и боялся и готовился)»²⁸.

¹⁸ а видитце мне что ты еси Б.

¹⁹ Доб. ни красна Б.

²⁰ силных и красных Б.

²¹ царь и государь был Б.

²² горкие Б.

²³ ни Б.

²⁴ ни красна портища Б.

²⁵ ни в чем ни в час Б.

²⁶ На этом месте заканчивается текст на иконе из деревни Усть-Яндом.

²⁷ Далее следует большой пропуск текста шестой литературной редакции памятника.

²⁸ Далее следует пропуск части текста шестой литературной редакции литературного памятника.

(Живот рече: «В великих есмь нуждах. О смерть, пощади мя (до утра, покаюс) и дела (своя исправлю и спокаюся)»²⁹.

На основе изучения текста «Прения» шестой редакции можно сделать вывод о том, что иконописцы иллюстрируют начало диалога, когда воин еще полон задора и презрения к смерти, и его конец, где в завершающей части, перед поучением, имеются такие слова: «Душу праведную ангели Божии несут в рай, а грешную душу несут беси в муку, понеже сама уготова»³⁰.

Сложнее объяснить появление в левой части изображения «Красоты человеческой», оплакивающей останки во гробе. Тема покаяния сокрушенного человека звучит уже в тексте и иллюстрациях к первым трем кратким редакциям «Прения живота со смертью», которые начинаются с описания двух персонажей – стоящего с оружием и стоящего (или сидящего) «с сокрушенным сердцем и унылым образом»³¹. В иллюстрациях к тексту списка «Двоесловия живота со смертью» второй редакции в сборнике XVI в. имеются две миниатюры. На первой изображен человек, сидящий с удрученным видом, и воин с мечом. На второй миниатюре – смерть с косой и лежащими под ней людьми³². Примечателен текст из рукописи первой группы третьей редакции, где в описании сокрушенного и скорбящего человека говорится: «...и стоя сокрушенным сердцем, зря на тело свое»³³. Таким образом, традиция изображения человека, оплакивающего останки и кающегося, восходит к кратким редакциям текста.

Есть еще одна, на наш взгляд, более важная причина появления на иконе фигуры «Красоты человеческой». Она связана с влиянием «Сказания о некоем человеке богобоязниве», которое в некоторых рукописях примыкает к «Прению». Так, в сборнике конца XVI в. из Соловецкого монастыря содержатся как «Прение живота со смертью» (третьей редакции), так и «Сказание о некоем человеке богобоязниве» («Человек некий богобоязнив бяше...»)³⁴. Р. П. Дмитриева указывает на то, что в пяти рукописных сборниках эти тексты расположены рядом, а в пяти других даже переплетаются³⁵. Имеются и прямые текстуальные совпадения «Сказания» и надписей на иконах. В одном из сборников в тексте первой группы третьей редакции «Прения», к которому непосредственно примыкает «Сказание», читаем: «...Зрю тя гробе и ужасаюся твоего видения. Слезы проливаю от

²⁹ Конец текста сильно утрачен.

³⁰ Повести о споре жизни и смерти... С. 185.

³¹ Там же. С. 141, 143, 145, 148.

³² Там же. Ил. на с. 21. 74.

³³ Там же. С. 145, 148.

³⁴ Там же. С. 80, 81.

³⁵ Там же. С. 46, 47.

сердца каплющая»³⁶. Еще ближе к надписям на иконах следующий отрывок из «Сказания»: «И нача человек тот плакаться и убиваться над гробом, смотря на тело, ано червами ядом глаголя: Смотрите, братие, где красота человеческая? Но в красоты место смрад исходит из гроба того»³⁷. Приведенные данные говорят о том, что автору иконной композиции «Прения» были известны оба текста – «Прение живота со смертью» и «Сказание о некоем человеке богобоязливем». Скорее всего, они находились в одном рукописном сборнике сюжетов нравоучительного содержания или в Синодике³⁸.

Образ удалого воина, спорящего со смертью, был хорошо известен в русском народном творчестве. Прежде всего, это Аника-воин³⁹, богатырь Самсон⁴⁰, имя которого упоминается и в тексте «Прения». Автор иконографии образа воина на иконах из Карелии знал, очевидно, лубки с Аникой-воином, а также миниатюры к «Прению» в рукописных сборниках. Уже в иллюстрациях к кратким редакциям «Прения» появляется человек с поднятым мечом⁴¹. Особенно интересны иллюстрации из синодиков XVII в. Так, в одном из них изображение воина близко к его облику на иконах, однако воин помещен справа от смерти⁴². Воин всегда изображается стоящим, как и на публикуемых иконах, хотя в распространенных редакциях «Прения» говорится о всаднике, едущем «по чистому полю».

Образ смерти в кратких и распространенных редакциях «Прения» рисуется несколько по-разному. В первых трех редакциях это «страшный зверь», ревуший как пантера и полный «червей и змиев»⁴³. Начиная с четвертой редакции, смерть сравнивается со львом («яко лев ревый»). Воин говорит смерти: «Кто ты еси, лютый зверь? Образ твой страшен велми: подобие у тебя человеческое, а хождение звериное»⁴⁴. В списках четвертой редакции есть и такое описание смерти: «И бе видением явися страшна зело, яко лев рыкая, всяческих страшнее, седа на звере лютом, а подобие человеческо являя на себе неусроино и страшно.

³⁶ Там же. С. 147.

³⁷ Там же. С. 194, 195.

³⁸ Петухов Е. В. Очерки из литературной истории Синодика. СПб., 1895. С. 103–106.

³⁹ Жданов И. К. К литературной истории русской былевой поэзии... С. 76; Ровинский Д. Русские народные картинки. Посмертный труд напечатан под наблюдением Н. Собко. СПб., 1900. Т. II. С. 297–299, табл. XXIV; Он же. Русские народные картинки. Кн. III. Притчи и листы духовные. СПб., 1881. С. 126, 127. № 751; Лубок: Русские народные картинки XVIII–XIX вв.. Л., 1984. Ил. 10.

⁴⁰ Жданов И. К. К литературной истории русской былевой поэзии... С. 163, 164.

⁴¹ Повести о споре жизни и смерти... С. 74, 87, 91, 97, 98, 99. Ил. на с. 21, 76, 77.

⁴² Там же. С. 97, 98. Ил. на с. 53.

⁴³ Там же. С. 141, 143, 145, 154, 158.

⁴⁴ Там же. С. 164.

Носящее на себе она, смерть, великий кошель всяких оружия полон: мечи, ножи, пилы, серпы, уды, стрелы, теслы, бритвы, сечива, оскорды, рожны, копия и ина незнаема...»⁴⁵.

В русском фольклоре смерти придается различный облик: хищной птицы, охотника за птицей-душой, людоеда, косаря, жнеца⁴⁶. В древнерусской живописи изображение смерти встречается на иконах «Едиnorodный Сыне». Например, на известной «Четырехчастной» иконе середины XVI в. из Благовещенского собора Московского Кремля указанный сюжет помещен в правой верхней четверти. Смерть имеет облик обнаженного существа с короткими волосами. Она восседает на апокалиптическом звере, с косой в руке и колчаном со стрелами за плечами. Из открытой пасти зверя свисает язык. Рядом со смертью – лежащие тела людей, поедаемые хищными зверями и птицами⁴⁷. Образ смерти-косаря общепринят в западноевропейской гравюре Средневековья и Возрождения. Уместно вспомнить, что «Спор жизни и смерти» пришел на Русь из Германии в виде короткого текста, сопровождаемого иллюстрацией со смертью-косарем⁴⁸.

На книжных иллюстрациях к текстам «Прения» смерть изображается с косой в руках, ее фигура обнажена. Внизу обычно помещаются фигуры умерших⁴⁹. Изображения смерти встречаются и на других иллюстрациях и народных картинках, темой которых является бренность жизни⁵⁰. Особенно интересны лубки, иллюстрирующие «Сказание об Анике-воине». Сидящему на коне Анике противостоит смерть, изображенная в виде обнаженного существа, с короткими волосами и высунутым языком. В левой руке смерти коса, за спиной короб с орудиями пыток⁵¹.

Приведенные примеры показывают, что иконография смерти на иконах из Заонежья имеет сложное происхождение и сформировалась на основе нескольких источников. Привычные жизненные детали приобрели в изображении смерти на иконах странный облик. Изображая обнаженную фигуру, иконописцы придают ей черты неестественности, показывая вывернутые суставы и странную походку на прямых коротких ногах. Высунутый красный язык, возможно, подсказан изображением апокалиптического

⁴⁵ Повести о споре жизни и смерти... С. 168, 169.

⁴⁶ Жданов И. К литературной истории русской былевой поэзии... С. 215, 218, 219, 221, 222.

⁴⁷ Подобедова О. И. Московская школа живописи при Иване IV. Работы в Московском Кремле 40–70-х гг. XVI в. М., 1972. С. 50. Ил. 12.

⁴⁸ Повести о споре жизни и смерти... С. 11.

⁴⁹ Там же. С. 21, 76, 77. 53. Описания см. на с. 74, 87, 91, 97, 98, 99, 107, 111.

⁵⁰ Ровинский Д. Русские народные картинки... Т. II. С. 296. Т. III. С. 125, 126.

⁵¹ Он же. Т. II. Табл. XXIV. Т. III. С. 126, 127. № 751.

зверя в композициях «Единородный Сыне». Противоестественно выглядит и изогнутое в виде коряги «коромысло» в руке смерти. Столь обычный для северного крестьянина заплечный берестяной короб (кошель) наполнен страшными орудиями убийства и пыток.

Интересен вопрос о происхождении наименования данного сюжета на заонежских иконах – «Двоесловие живота со смертью». Как известно, это название носят только тексты первой и второй редакций⁵². Дальнейшие редакции именуются иначе: «Прение живота и смерти», «Прение живота со смертью»⁵³, иногда с добавлениями, например: «Прение живота смертию, егда виде живот пришедшу часу смертному»⁵⁴. Много вариантов имеет и название текста четвертой редакции: «Прение живота со смертию», «Слово о смерти и о животе», «Слове о некоем человеке и о воине и о злой смерти благословится», «Повесть о смертном часу всякому человеку», «Слово о страшном и горком смертном дни», «Повесть о смерти и толкование», «Слово и сказание, како приде смерть к человеку, како душу его разлучит от тела», «Повесть о храбром воине, об могучем богатыре, како езда по чисту полю...» и другие⁵⁵. Р. П. Дмитриева отмечала, что, начиная со списков третьей редакции, «необычное для русского читателя наименование диалога «Двоесловие» заменено более знакомым и более точным названием самого существа этого диалога, представляющего собой не просто беседу, а спор – «Прение живота и смерти»⁵⁶. Таким образом, наименование сюжета на иконах является архаическим для текстов шестой редакции. Это обстоятельство ставит новые вопросы о том оригинале, который послужил основой для иконных изображений.

Прежде всего, необходимо установить, связаны ли иконы друг с другом по методу копирования, или же они восходят к неизвестному и общему для них образцу. На иконе из Великой Губы изображение размером 42 x 46 см выходит за пределы ковчега на поля. На иконе из Усть-Яндымы оно вписано в прямоугольник размером 31,5 x 46,5 см. Из сравнения видно, что если по ширине изображения на обеих иконах практически равны, то по высоте изображение на первой иконе значительно больше, с соответственным увеличением размера фигур. Следовательно, речь идет не о точном копировании, а о более свободном подходе с изменением деталей, или же, что более вероятно, об использовании общего не сохранившегося образца, с которого, видимо, композиция и была заимствована

⁵² Там же. С. 73, 74, 141, 143.

⁵³ Там же. С. 80, 83, 84, 85, 95, 101, 102, 145, 152, 154, 158 и др.

⁵⁴ Там же. С. 86.

⁵⁵ Там же. С. 101, 102, 104–108, 110.

⁵⁶ Там же. С. 25.

в готовом виде. На это указывает то обстоятельство, что изображение не умещается в пределах ковчега и выходит на поля до опуши. Эта особенность композиции великогубской иконы может свидетельствовать об определенном несоответствии размера иконной доски и использованного образца, которым могла быть другая икона, прорись или гравированное изображение (лубок). Правда, лубки с изображением «Прения живота и смерти» не были известны такому знатоку и собирателю народных картинок, как Д. Ровинский. Вместе с тем сама композиция иконы – вверху изображение, под ним текст – напоминает лубочные гравюры с обширным текстом. К тому же, как указывалось выше, сам текст на иконе из Великой Губы написан не обычной скорописью XVII в., а шрифтом, напоминающим резанные по дереву буквы.

Тексты на публикуемых иконах имеют мало различий. Они, в основном, заключаются в перестановке слов, замене их близкими по значению. Из сравнения текстов опубликованных списков шестой редакции и текстов на иконах видно, что ни один из известных списков не идентичен полностью иконным вариантам. Наиболее близкое сходство иконные тексты имеют со следующими списками шестой редакции, датируемыми концом XVII – началом XVIII в. (указываются в соответствии с обозначениями, принятыми в исследовании Р. Н. Дмитриевой): список Х (Харьковский университет), список К (Калининский областной архив, № 697), список О (Калининский областной архив, № 682), список Б (БАН, 33.15.153)⁵⁷. Таким образом, в распоряжении заонежских иконописцев был неизвестный, но близкий к указанным спискам рубежа XVII–XVIII вв. текст шестой редакции «Прения живота со смертью». Последний мог сохранить и архаическое для шестой редакции название «Двоесловие живота со смертью»⁵⁸.

Переходим к рассмотрению второго сюжета. В левой половине «иконы» из деревни Усть-Яндома ведется повествование о некоем черноризце Мартирии, носившем на плече Бога в образе нищего. Этот текст был опубликован И. Ждановым по рукописи Московской духовной академии из библиотеки Волоколамского монастыря⁵⁹. В начале

⁵⁷ Повести о споре жизни и смерти... С. 126, 127.

⁵⁸ Поскольку шестая редакция текста представляет собой компиляцию основного текста четвертой (т. е. распространенной) и третьей (т. е. краткой) редакций и церковного поучения, можно предположить, что послуживший основой для иконных текстов ныне утраченный список сохранил от третьей редакции (XVI в.?) архаическое название «Двоесловие живота со смертью», хотя известные списки третьей редакции не имеют этого названия.

⁵⁹ Жданов И. К литературной истории русской былевой поэзии... С. 187, 188. Ныне в ГБЛ. Собр. Волоколамского монастыря. № 573.

повествования говорится о боголюбивом монахе Мартирии, который имел обыкновение ходить из монастыря в соседнюю обитель к своему духовному отцу. Однажды на пути он увидел «нища лежаща и струпы слепшася, тамо же ити хотяща, и не можаша дойти недуга ради». Мартирий закутывает нищего в свою мантию и несет к монастырю. Духовный отец Мартирия повелевает открыть ворота, «ибо брат Мартирии грядет, Бога несый». После вознесения Христа духовный отец спрашивает Мартирия: где же тот, которого он нес? Мартирий рассказывает о случившемся. На вопрос: «Тяжко ли ти бе, чадо?» Мартирий отвечает: «Ни, отче, егда несях, не чюях тяготы, несях бо, рече, носящего мене и весь мир не трудно и словом всяческая держащего».

На иконе композиция делится на две равные части. Слева инок Мартирий изображен дважды – несущим Христа в образе нищего и молящимся перед Христом, благословляющим черноризца с небес. Вверху на фоне дается пространный текст: «Егда же прииде ко вратом несый нищаго || и взя сия с плещу и явися ему о || бразом якоже на иконе написан избави || тел члвческаго рода бъ и члвкъ Спас Исс || Хртос и взя ся н нбо всходя же и рече ему || «О Марьтирии ты мене не презре на земли || аз тя на небесех ты на мя ине возрехъ млостию || аз же во веки помилую» и сия || рекъ и невидим бысть».

В правой половине изображены три фигуры в монашеских одеяниях. Стоящий в центре монах благословляет подходящего слева. На фоне этой части изображены одноглавый храм и звонница с двумя колоколами. Выше расположена надпись: «Вшедше ему в || мнстырь и пове || доша всемъ || чернори || цемъ || бывшее».

Изображения Мартирия известны в древнерусском искусстве. Так, на иконе «Онуфрий Великий и Мартирий, несущий Бога» второй половины XVI в. из Кирилло-Белозерского монастыря (ГТГ) «Онуфрий поднял худые обнаженные руки к младенцу Спасу в коричневой с золотым ассистом одежде, которого держит на уровне плеч скрытыми мантией руками юный безбородый Мартирий с куколом на голове»⁶⁰. На заонежской иконе Мартирий изображен «средовеком» с короткой бородой. Христос представлен в иконографическом типе Вседержителя.

Интересно было бы проследить ход мысли иконописца, выбравшего именно эти два сюжета и объединившего их на иконе. Обращение к тексту «Прения живота со смертью» связано, видимо, с его идейным содержанием. Данный сюжет повествует о том, что жизнь человека скоротечна,

⁶⁰ Антонова В. И., Мнева Н. Е. Каталог древнерусской живописи XI – начала XVIII в. Опыт историко-художественной классификации. М., 1963. Т. II. С. 215, 216. № 635.

телесная красота преходяща, знатность, сила и мудрость человека не могут совладать со смертью, поэтому необходимо постоянно готовиться к концу земного существования. Своевременное покаяние, подаяние милостыни, молитва – вот путь к спасению, согласно заключительной части текста «Прения». Мысль о триединстве этих добродетелей пронизывает всю нравоучительную литературу. В синодиках часто приводятся притчи, говорящие о спасительном значении милостыни и нищелюбия⁶¹, поэтому вполне закономерно объединение на второй иконе двух сюжетов – «Прения живо-та со смертью» и сказания о черноризце Мартирии.

Обратимся к вопросам датировки. По живописным особенностям икона «Двоесловие живота со смертью» из села Великая Губа родственна обширной группе заонежских икон второй половины XVII в., среди которых есть несколько памятников, точно датированных по летописным записям на иконах: «Св. Параскева Пятница, с житием» 1660 г. из села Типиницы (ГРМ), «Св. Никола Можайский, с житием» 1667 г. и «Св. Параскева Пятница, с житием» 1660-х гг. из деревни Тамбицы (обе в МИИРК), «Св. София Премудрость Божия» 1674 г. из деревни Леликозера (Музей-заповедник «Киж»), «Свв. Флор и Лавр, с житием» 1677 г. из деревни Беляева Гора (?) близ села Кузаранда (МИИРК). К ним можно прибавить весьма близкие по стилистике двухрядные иконы с праздниками и пророками, северную алтарную дверь с Благоразумным разбойником из села Типиницы (МИИРК), «Деисус» из деревни Леликозеро (музей-заповедник «Киж») ⁶². Для всех икон данной группы характерны мягкая живописность исполнения с элементами скорописи, неяркий колорит, построенный в основном на сочетании темных охристых, синих, коричневых со светло-зеленым, желтым, красно-оранжевым. Своеобразным отличительным признаком почерка мастера является постоянно встречающийся на иконах данной группы рисунок лещадок на горках, напоминающий бегло очерченный силуэт ели. Многие иконы (в том числе и публикуемая) имеют очень пологую лузгу. Эта явная близость к датированным памятникам указанной стилистической группы позволяет предположить, что икона из села Великая Губа была написана в 1660–1670-е гг.

Икона «Двоесловие живота со смертью. Сказание о черноризце Мартирии» из деревни Усть-Яндома написана позднее, на рубеже XVII–XVIII вв. В ее исполнении чувствуется отход от стиля местной живописи второй

⁶¹ Петухов Е. В. Очерки из литературной истории Синодика... С. 164.

⁶² Платонов В. Г. Икона и народное искусство. Некоторые наблюдения над стилистикой заонежской живописи второй половины XVII–XVIII вв. // Международная научная конференция по проблемам изучения, сохранения и актуализации народной культуры Русского Севера «Рябининские чтения-95». Сб. докладов. Петрозаводск, 1997. С. 387, 388.

половины XVII в. и влияние новых направлений в искусстве Заонежья. Близки по стилистике иконы из иконостаса часовни деревни Вигово Медвежьегорского района, датируемые временем постройки часовни (конец XVII в.), а также «Св. Параскева Пятница, с житием», «Св. благоверный князь Борис», «Св. благоверный князь Глеб» из иконостаса часовни деревни Лижмозеро Кондопожского района (МИИРК).

В Обонежье рубежа XVII–XVIII вв. несомненно существовал интерес к созданию живописных произведений на нравоучительные сюжеты. К публикуемым памятникам можно прибавить еще две иконы из Заонежья, хранящиеся в городском музее Медвежьегорска. Некогда они составляли единую композицию, написанную на узкой горизонтальной доске, которая позднее была распилена на две части. На одном фрагменте изображен сюжет о черноризце Мартирии, причем в той же трактовке, что и на иконе из Усть-Яндомы, а на другом – «Притча о неправедном игумене» и «Св. Николай поясной». Опубликованная в свое время В. Е. Румянцевым икона «Сказание о некоем игумене» из бывшего собрания А. С. Уварова⁶³ композиционно близка к иконе из Карелии. Упомянутые выше иконы из Выго-Лексинского (Данилова) монастыря в собрании Медвежьегорского музея мы датируем началом XVIII в. Их холодный серебристый колорит близок иконам местного ряда Преображенской церкви в Кижях, датируемым этим периодом.

Все указанные памятники связаны общностью идейного содержания. Несомненно, они отвечали народному миросозерцанию и представлениям о праведности. Можно отметить особый интерес к темам покаяния и милосердия. В данном контексте следует напомнить, что крестьянство Заонежья в значительной степени придерживалось идеологии староверов-беспоповцев, имевших свой духовный центр на реке Выг в Карелии. По данным В. П. Ершова, вывозившего указанные иконы Медвежьегорского городского музея, эти произведения происходят из старообрядческого Выго-Лексинского (Данилова) монастыря. Как известно, вследствие утраты веры в святость нового священства, беспоповцы не могли совершать ряд таинств, сохранив при этом исполнение обрядов крещения и исповеди, совершаемых без участия священника⁶⁴. Возможно, с этим обстоятельством связан особый интерес к темам милосердия и покаяния.

⁶³ Румянцева В. Е. Икона с изображением монастыря и перед ним Христа в образе нищего // Древности. Труды Императорского Московского археологического общества. М., 1887. Т. II. Вып. III. С. 71.

⁶⁴ Островский Д. Выговская пустынь и ее значение в истории старообрядческого раскола. Петрозаводск, 1914. С. 124, 125.

Появление в Заонежье икон с нравоучительными сюжетами обусловлено и общими тенденциями развития в культуре XVII в. «приточного» жанра, распространения связанных с ним видов изобразительного искусства – лубка, книжной миниатюры. Само же обращение к иконописной форме воплощения нравоучительных сюжетов могло диктоваться недостаточным распространением в этом регионе Севера печатных лубков.

Таким образом, мы можем говорить о существовании в Заонежье устойчивого интереса к определенному кругу нравоучительных, религиозно-аскетических сюжетов на протяжении второй половины XVII – начала XVIII в. Это связано, на наш взгляд, с особенностями социальной и духовной жизни северного крестьянства данного времени.

Вторая половина XVII в. – время усиления социальной напряженности в Заонежских погостах, что отражало общую тенденцию развития России в эпоху крупных народных движений. Северные крестьяне активно сопротивлялись введению института «пашенных солдат» в 1649–1666 гг., участвовали в Соловецком восстании 1668–1676 гг., вели многолетнюю борьбу с монастырями против дальнейшего закабаления⁶⁵. Социальные движения нередко проходили под знаменем защиты «старой веры», которая в народном сознании олицетворяла прочность традиционных устоев жизни, в том числе и некоторых привилегий крестьянской общины. Борьба за «старую веру» иногда принимала крайние формы самосожжений, которые стали наиболее радикальной формой выражения религиозно-аскетических настроений, связанных с ожиданием пришествия антихриста и конца мира⁶⁶. В этой обстановке совершенно закономерным было повышение интереса к нравоучительной литературе, которая, в свою очередь, стимулировала создание произведений изобразительного искусства, отражающих нравственные искания эпохи – лубков, книжных миниатюр, икон. Воплощение нравоучительных сюжетов в живописи на досках и в иконописной технике – явление не очень распространенное и связанное, видимо, со специфической социальной средой (монастыри, общины староверов). Вероятно, и на Русском Севере, в частности в Заонежье, воздействие эсхатологических настроений и распростра-

---

⁶⁵ Очерки истории Карелии. Петрозаводск, 1957. Т. I. С. 140–152; *Старостина Т. В.* Борьба крестьян Карелии против феодального гнета в 70-е гг. XVII в. (массовые волнения в Заонежских и Лопских погостах. Восстание Толвуйского погоста в 1678 г.) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Т. VII. Вып. I. Исторические и филологические науки. 1957. Петрозаводск, 1958. С. 41–64; *Она же.* Волнения крестьян Толвуйского погоста в XVII в. (до конца 60-х гг.) // Вопросы истории. Сб. ст. Петрозаводск, 1961. Вып. I. С. 128–141.

⁶⁶ *Никольский Н. М.* История русской церкви. Изд. 3-е. М., 1983. С. 156–177.

нение аскетизма в быту исходило из старообрядческих скитов и Выго-Лексинского общежительства. Как показывают описи монастырской библиотеки, на Выге имелось много сборников нравоучительно-назидательного содержания, в том числе списки «Лествицы Иоанна Лествичника», Киево-Печерского патерика, Толкования на Апокалипсис св. Андрея Кесарийского, Повести о Варлааме и Иоасафе, сочинений отцов церкви, книги поучений св. Ефрема Сирина, Диоптры, Великого Зеркала, житий святых, прологов, Четых Миней, различных сборников («Собрания разных поучений») и многих других⁶⁷.

Икона из села Великая Губа свидетельствует о том, что «Прение живота со смертью» было известно в этих землях по крайней мере с 1660-х гг., то есть еще до основания старообрядческого центра на Выге. Нельзя исключать того, что икона из деревни Усть-Яндома и памятники в собрании Медвежьегорского городского музея являются созданиями старообрядческих мастеров раннего этапа существования Выго-Лексинского общежительства или же связанных с ним, но живших в Заонежье. Эти мастера могли перенять те бытовавшие в Заонежье литературные сюжеты, которые отвечали их миросозерцанию.

Публикуемые иконы расширяют наши представления о северной культуре второй половины XVII – начала XVIII в., позволяют глубже понять особенности творчества местных иконописцев, их связь с народным миросозерцанием, а некоторые тенденции развития северного искусства оценить с новых позиций.

---

⁶⁷ НА РК. Ф. 25. Оп. 20. Ед. хр. 86/976. Л. 148–184. (Список книг, печатных и писанных, оказавшихся в часовне соборной Даниловской и принадлежащей к ней библиотеке и вошедших в описи, составленные 8 мая и 9 июня 1857 г.)

Н. И. Шилов¹

**КОМПЛЕКТОВАНИЕ ФОНДОВ ДВИЖИМЫХ
ПАМЯТНИКОВ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «КИЖИ»
(1966–2016 гг.)**

Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Кижь» известен прежде всего выдающимися памятниками народного деревянного зодчества. Среди них – Кижский архитектурный ансамбль, памятник отечественного и всемирного культурного наследия. Кроме памятников архитектуры – «недвижимых» памятников, музей-заповедник на 01.01.2016 хранит свыше 53500 предметов (так называемых движимых памятников), из них более 34 тыс. предметов составляют основной фонд.

Комплектование фондов – одно из основополагающих направлений деятельности музея как социального института, суть которого заключается в выявлении, сборе, атрибуции, систематизации и научном описании предметов музейного значения с целью их превращения в музейные предметы. Комплектование – это прежде всего научная деятельность, осуществляя которую, музей опирается на знания, добытые целым комплексом научных дисциплин, а также на самостоятельные исследования. От комплектования в известной мере зависит вся деятельность музея. Этим определяется значение и место проблемы научного комплектования музейного фонда как объекта исследовательской работы.

---

¹ Шилов Николай Иванович в 1989–2017 гг. работал в музее-заповеднике «Кижь» на должностях начальника отдела учета фондов, старшего и ведущего научного сотрудника. Стоял у основ научно-фондовой работы музея-заповедника «Кижь», разрабатывал основные подходы и принципы системы учета, научного описания и регистрации музейных предметов. Автор ряда научных публикаций, в том числе каталога книг кириллической печати в собрании музея-заповедника «Кижь» (2005 г., совместно с Л. С. Харебовой), «Дневника» С. С. Медика (2014 г.) и каталога «Незаконные фотооткрытки из фондов музея-заповедника „Кижь“» (2017 г.).

Комплектование фондов музея-заповедника «Кижь» как самостоятельного государственного музея-заповедника началось в 1966 г., когда в соответствии с распоряжением Совета Министров РСФСР Государственный музей Карельской АССР² передал ему, своему бывшему (с 1961 г.) отделу, 45 коллекций (свыше 1000 предметов).

Это предметы быта, сельскохозяйственные орудия, одежда крестьян Заонежья, Прионежья, Пудожья XIX – начала XX в. В составе этих коллекций – мемориальная коллекция Ивана Михеевича Абрамова (1869–1949): принадлежности этого самобытного заонежского художника-иконописца, иконы, рукописная книга и 8 старопечатных книг. Краеведческий музей передал также 10 книг из церкви Петра и Павла села Вирма Беломорского района, собранных в 1960-е гг. экспедицией Государственного Русского музея, в том числе экземпляр самого раннего в нашей коллекции издания – Псалтири с воследованием 1632 г.

Благодаря активной исследовательской и собирательской работе сотрудников, в первые десятилетия деятельности музея были решены принципиальные вопросы комплектования его фондов. Было положено начало формированию музейных коллекций по предметам, составляющим интерьеры крестьянских домов русских и карел, традиционных хозяйственных построек, народному костюму – повседневному и праздничному, по традиционным орудиям сельского хозяйства, ремесел и промыслов, атрибутам обрядов и верований, духовной культуре коренного населения Карелии, народному декоративно-прикладному искусству. Создание коллекций позволило наглядно и убедительно воссоздать в архитектурных памятниках острова Кижь типичную жизнь крестьян Карелии на рубеже XIX–XX вв. За это музей всегда должен быть благодарен первым поколениям кижских музейщиков: А. Т. Беляеву, Н. И. Долголенко, В. А. Гущиной, Б. А. Гущину, Д. В. Богданову, В. И. Пулькину, О. А. Набоковой, Л. В. Трифоновой, С. В. Воробьевой, Р. Б. Калашниковой, Е. М. Наумовой, А. П. Никонорову и многим другим.

Одним из основных путей пополнения фондов были и остаются этнографические экспедиции. За время своей деятельности музей провел более 100 экспедиций в районы Карелии. Значительная доля поступлений шла и идет за счет активных контактов музея с населением. С целью пополнения фондов поддерживается связь с музеями России, архивами, исследователями народной культуры и коллекционерами.

Наиболее значительно фонды пополнились в 1981 г. (5787 предметов), главным образом за счет поступления материалов Комплексной экспедиции Министерства культуры (КЭМК) Карельской АССР 1979–1980 гг.

² В настоящее время – Национальный музей Республики Карелия.

по обследованию памятников деревянного зодчества Карелии, в которой принимали участие и сотрудники музея-заповедника. Благодаря раскопкам 2000–2010-х гг., количественный состав фондов заметно увеличился приемом предметов археологии – первоисточников знаний по древнейшей и средневековой истории Заонежья, и в частности окрестностей острова Кижь.

На 1 января 2016 г. в фондах музея хранятся 53579 предметов, в том числе в основном фонде – 34292, в научно-вспомогательном – 19287³.

В количественном отношении в основном фонде преобладают традиционные для музея объекты комплектования – предметы быта, этнографии и декоративно-прикладного искусства (42% всего собрания фондов; без археологии – 62%), а также предметы археологии (33%). Собрания живописи, графики, печатной продукции, редкой книги, документов, нумизматики, скульптуры, оружия составляют 15% основного фонда, 10% – это преимущественно коллекции чертежей, шаблонов, архитектурных рисунков и акварелей, карт-схем, документирующие изучение и реставрацию памятников деревянного зодчества Карелии. Подавляющее количество музейных предметов было передано безвозмездно жителями Карелии.

Основу музейного собрания составляют **вещественные памятники** – первоисточники по материальной и духовной культуре народов Карелии конца XIX–начала XX в. Это прежде всего предметы быта и этнографии ручного штучного и серийного промышленного изготовления из дерева, металла, текстиля, керамики и других материалов, которые бытовали на территории Олонецкой губернии, в частности в Заонежье, включая остров Кижь и его окрестности. Наиболее многочисленны и разнообразны коллекции предметов, принадлежавших русским Заонежья, Прионежья и Пудожья (всего не менее 30% состава основного фонда), южным карелам, а также вепсам. Мало представлены в собрании коллекции из северных и западных частей Карелии (современные Калевальский, Кемский, Луухский, Муезерский, Питкярантский, Сегежский, Сортавальский районы). Нет информации о комплектовании фондов в Лахденпохском районе.

Музейные предметы и коллекции составляют типологические ряды до деревянному зодчеству и другим компонентам материальной и духовной культуры народов Карелии.

Особую историко-культурную ценность представляют памятники, связанные с православием, – более 700 предметов коллекции **древнерусской живописи**. В ней около 500 икон XVI–XIX вв., в том числе 101 икона Преображенской церкви, 44 иконы Покровской церкви, 51 икона ча-

³ В конце 2018 г. число предметов основного фонда музея составляло 36716 предметов, научно-вспомогательного фонда – 19350 предметов (*прим. ред.*).

совни Архангела Михаила, уникальная коллекция карельских храмовых «небес»; свыше 280 предметов меднолитой пластики, в том числе раритетные отливки Выгозерья.

В фондовой коллекции «**Письменные источники**» – уникальные рукописные книги второй половины XVI – первой половины XVII в.: Минея праздничная, Соборник, Октоих, сборник со списком Повести о Черногорском монастыре. Ценным источником по истории старообрядчества признан сборник-конволют XVI–XVIII вв., центральным сочинением которого является уникальная «Жалобница» поморских старцев, датированная 1691 г. Образец страннической рукописной традиции представляет собой рукописная старообрядческая книга начала XX в.

Уникальной рукописью является дневник С. С. Медика (1941–1944 гг.), узника финского концлагеря.

Коллекция книжных памятников содержит экземпляры кириллической и гражданской печати XVII–XX вв., среди которых наиболее ценны «донионовские» издания. К ним относятся бытовавшая в старообрядческой среде Псалтирь (напечатана в Москве В. Ф. Бурцовым в 1634 г.); Псалтирь с воследованием (М.: Печатный двор, 1648) с владельческими записями представителей дворянских семей Вышеславцевых и Дохтуровых; изданная в период книжной sprawy Триодь постная (М.: Печатный двор, 1656). Особое музейное значение имеет Минея дополнительная (М., 1909), принадлежавшая Преображенской церкви на острове Киж.

Ценнейшим приобретением музея является уникальная коллекция из дома крестьян Корниловых в деревне Кургеницы, большую часть которой составляют их архив и библиотека. Коллекция свидетельствует о высоком духовном, творческом потенциале заонежских крестьян, их стремлении грамотно, на научных основах, вести хозяйство. Мемориальные коллекции представлены также книгами из библиотек заонежских иконописцев Абрамовых, священников Плотниковых.

В коллекции письменных источников имеются документы XVIII–XX вв., включающие ценные исторические материалы: Метрические книги Преображенской церкви Кижского прихода за 1864–1869 гг.; документы из личных архивов священников, крестьян и других сословий Олонецкой губернии, потомственного сказителя П. И. Рябина-Андреева, документы периода Великой Отечественной войны.

В фондовую коллекцию «**Чертежи**» входят кроки, чертежи обмерные и реставрационные, рисунки архитектурные, шаблоны, на которых зафиксированы архитектурные памятники острова Киж, памятники деревянного зодчества Карелии (в том числе утраченные к настоящему времени). Среди авторов этих работ известные отечественные исследователи:

А. Н. Буйнов, Б. В. Гнедовский, Ю. П. Гнедовский, Л. М. Лисенко, А. В. Ополовников, В. П. Орфинский. В собрании фондовых чертежей выделяется по своей значимости фиксация архитектурных памятников Заонежья времен Великой Отечественной войны, сделанная известным финским исследователем Ларсом Петтерссоном.

В коллекции **изобразительных источников** преобладают работы, воссоздающие художественный образ ландшафтов и архитектурных памятников Карелии, в том числе Заонежья и острова Кижы. Среди авторов – Г. В. Жаренков, Н. А. Ильинская, А. И. Кацеблин, Я. И. Крестовский, М. М. Мечев, А. В. Ополовников, И. К. Рыбченко, А. А. Трифонов, С. К. Фролов, Ю. С. Ушаков. Большая часть работ создана в 1940–1960 гг.

Коллекция **фотоматериалов** составляет около 6,3% от всех предметов, принятых в основной фонд. Большинство фотографий датированы началом – первой половиной XX в. На них изображены сельские и городские жители Карелии разных сословий и возрастов; солдаты Русской императорской армии в годы Первой мировой войны, уроженцы Олонецкой губернии (в том числе групповые снимки). В коллекции – уникальные фотографии из альбома Е. И. Татариновой, петрозаводчанки, служившей сестрой милосердия в госпитале великой княгини Ольги Александровны.

Ценными свидетельствами для изучения деревянного зодчества являются фотографии культовых, жилых, хозяйственных построек, многие из которых не сохранились или значительно изменены.

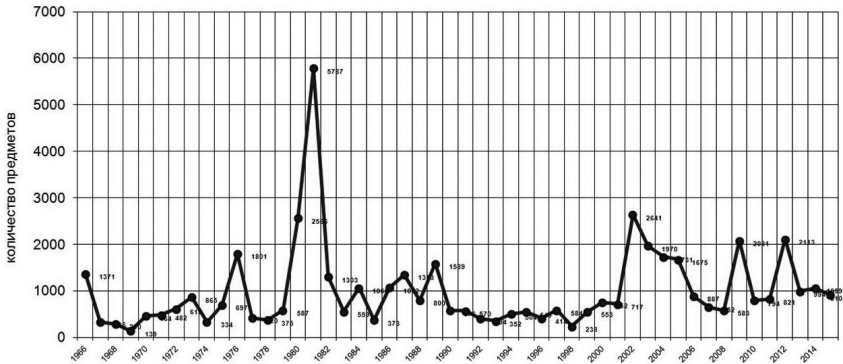
Из хроникальных фотографий можно особо выделить коллекцию с изображением процесса строительства лесопильных заводов товарищества «П. Беяева наследники» и событий в селе Сорока в 1910–1912 гг.

Среди **аудиоматериалов** фондового собрания – редкая коллекция грампластинок (30 предметов), выпущенных фирмой «Братья Пате» в 1909–1916 гг. Пластинки бытовали в заонежской деревне. В свободное от работ время они часто прослушивались в крестьянской среде на тумбовом патефоне (был приобретен музеем одновременно с пластинками). Подбор пластинок свидетельствует о влиянии на деревню городской культуры, о вкусах заонежских крестьян в предреволюционные годы.

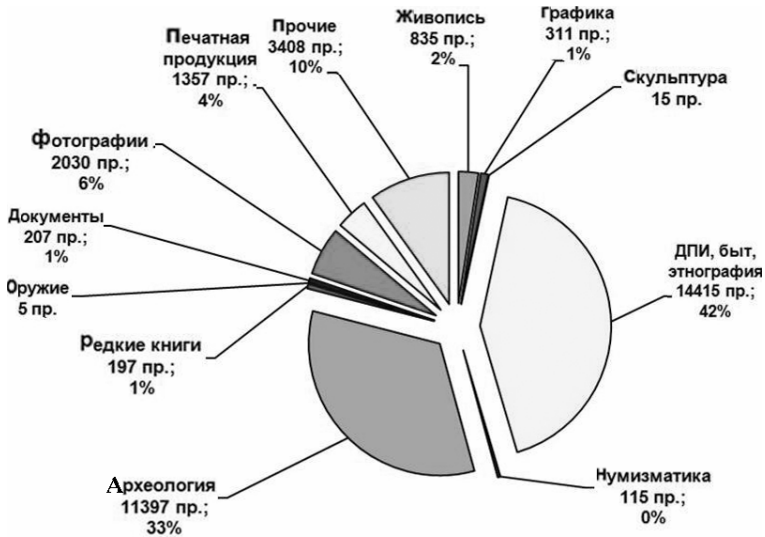
Большинство предметов фондового собрания не относятся к уникальным артефактам, они обычны, типичны для своего времени и места бытования, но содержат в себе следы конкретного исторического прошлого, являются подлинными первоисточниками наших знаний о прошлом. Они необходимы для объективного и многогранного документирования исторической действительности, равно как раритетные и уникальные памятники.

Подавляющую часть **научно-вспомогательного фонда** музея составляют фотографии (негативы) культовых, жилых, хозяйственных построек,

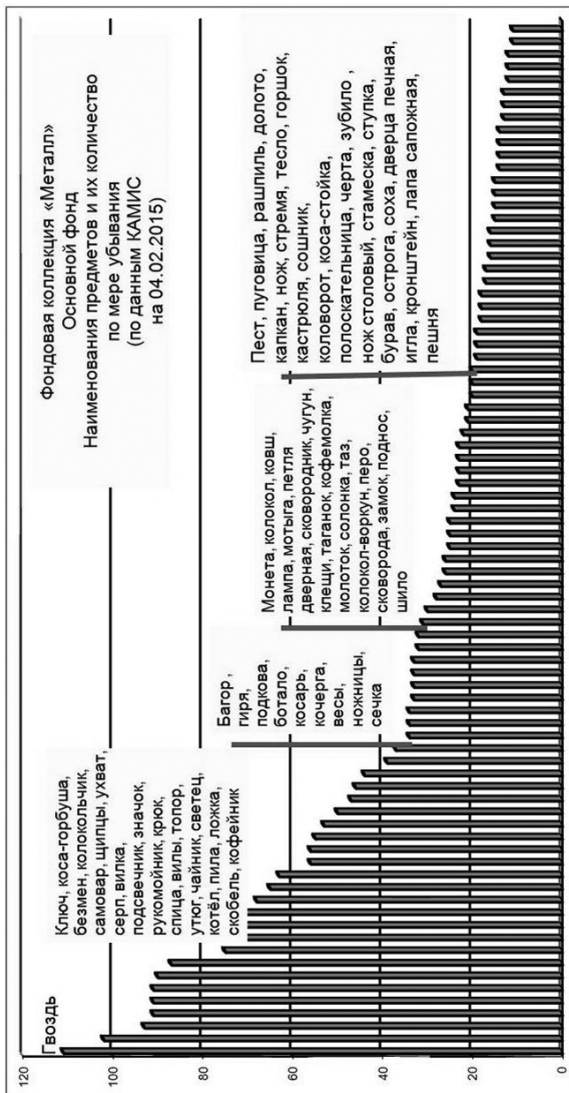
выполненные Комплексной экспедицией Министерства культуры (КЭМК) Карельской АССР 1979–1980 гг. по обследованию памятников деревянного зодчества Карелии. Фотографии представляют интерес для историков и реставраторов. Другие предметы, отнесенные к научно-вспомогательно-му фонду, имеют свойства и функции, соответствующие его статусу.

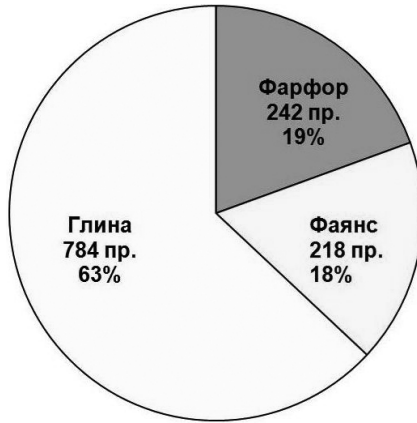
Динамика комплектования фондов музея в 1966–2015 гг.
(основной и научно-вспомогательный фонды)

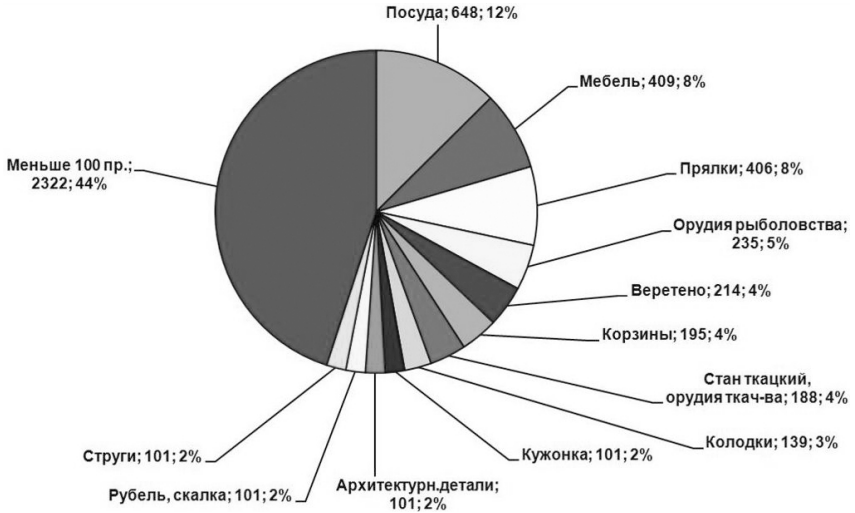
Состав основного фонда на 01.01.2016 (по форме 8-нк)

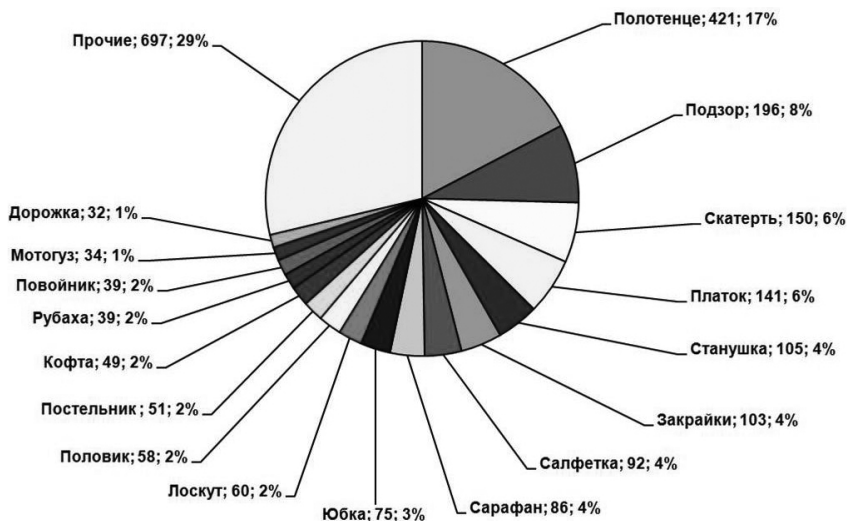
Фондовая коллекция «Металл» (основной фонд)

Фондовая коллекция керамики (основной фонд)
(по вводам в КАМИС на 31.05.2016)

Фондовая коллекция дерева (основной фонд)
(количество предметов по вводам в КАМИС на 31.05.2016)

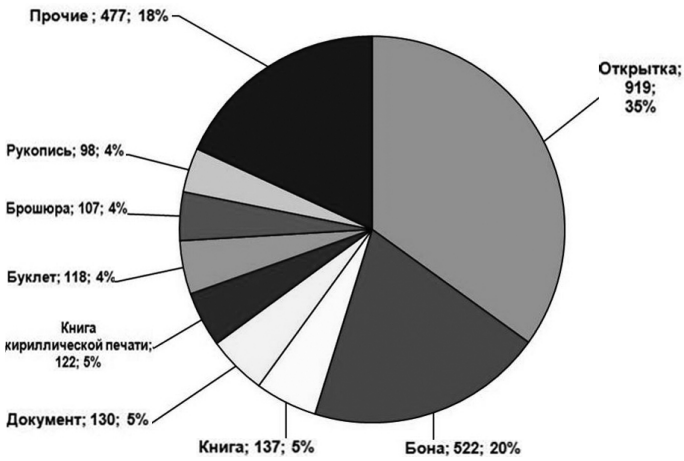
Фондовая коллекция текстиля (основной фонд)

(по вводам в КАМИС на 31.05.2016)

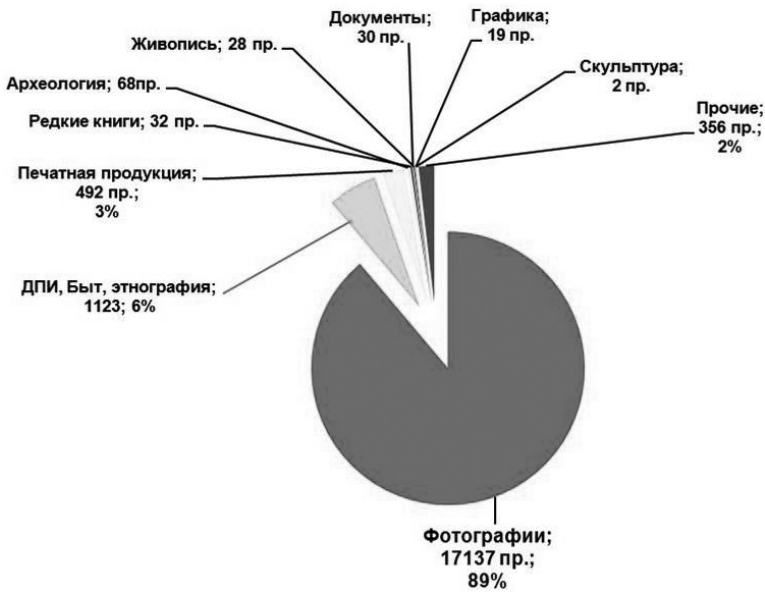

Фондовая коллекция меднолитой пластики (основной фонд)

(по вводам в КАМИС на 31.05.2016)

Фондовая коллекция «Письменные источники» (основной фонд)
(по вводам в КАМИС на 30.05.2016)

Состав научно-вспомогательного фонда на 01.01.2016. *(по ф. 8-нк)*

* * *

При отсутствии долгое время письменно зафиксированной концепции комплектования фондов музея-заповедника «Кижи»⁴ нельзя отрицать, что комплектование фондов в музее ведется осмысленно, целенаправленно и концептуально.

Как и в первые десятилетия деятельности музея, оно направлено в основном на документирование традиционной материальной и духовной культуры сельского населения Карелии, большей частью Заонежья, на рубеже XIX–XX вв., для создания тематических и типологических коллекций. Исторически сложились понятия о формах и методах комплектования, путях решения поставленных целей и задач в соответствии с профилем музея. Практически определены критерии отбора объектов в фонды, круг и объем информации, фиксируемой в документах комплектования.

Успехи музея в комплектовании фондов и по количественным, и по качественным показателям несомненны. В целом вырос профессиональный уровень научных сотрудников как за счет обогащения их практикой комплектования, так и за счет освоения ими теоретических разработок. До начала 1990-х гг. это была так называемая *собираТЕЛЬСКАЯ РАБОТА*, ее критерии выбирались в смежных областях знаний либо обосновывались индивидуальным опытом сотрудников (во многом поучительным). Как и в других музеях, она определялась сиюминутными задачами, в том числе вполне оправданными. Музейные работники обязаны были быть *«бойцами идеологического фронта»*. Независимо от профиля музея они были ориентированы на иллюстрацию официально признанных ученых трудов, высказываний «руководителей партии и правительства», должны были пропагандировать атеизм и вести антирелигиозную пропаганду, всячески пропагандировать успехи социализма и идей КПСС, *«ведущие»* социальные группы. Многие явления, события, судьбы простых людей при этом оставались за пределами внимания.

Направленность комплектования фондовых коллекций многих музеев *«свидетельствовала»* об одном: до революции крестьяне жили бедно, и чем дальше – тем хуже, а при советской власти все лучше и лучше; все было замечательно, социалистическое общество сплошь состояло из атеистов, героев, делегатов и депутатов. Если добавить к этому запретные темы, то музеи однобоко представляли исторические реалии, а, по сути, фальсифицировали историю. (К чести сотрудников музея «Кижи», они в этом не были «первыми учениками».)

---

⁴ Концепция комплектования фондов была разработана в музее-заповеднике «Кижи» и согласована Министерством культуры РФ в начале 2019 г. (*прим. ред.*). Текст концепции см. на интернет-сайте музея-заповедника «Кижи».

Это стоит подчеркнуть, ибо по существу мало что изменилось. Под влиянием социально-политических реалий последних десятилетий широко распространились попытки «пересмотреть» отечественную историю, устранить в ней «белые пятна», «разоблачить» советские мифы. Историки, музейные работники страны (не все, разумеется) оперативно поменяли плюс на минус и наоборот. На смену старым мифам родились новые: о всеобщем благоденствии крестьян до революции, о высокой грамотности населения, о набожности крестьянина, о разбогатевших своим трудом, о твердом купеческом слове, о купеческой благотворительности, о благородном изысканном дворянстве – цвете нации и так далее. Такого рода мифы, к сожалению, многими до сих пор воспринимаются как аксиомы. В практике комплектования фондов музея отдается предпочтение «положительным» факторам, игнорируются различного рода негативные явления в жизни этносов.

О направленности и уровне «собирательской работы» в 1960–1980-е гг. убедительно свидетельствуют **документы комплектования**. Достаточно ознакомиться с ними, чтобы убедиться, что в первые десятилетия работы музея качество учета при комплектовании музейных фондов было низким. Это можно объяснить как объективными, так и субъективными причинами. Научных сотрудников было столь мало, что они помещались в одной комнате. Им не доставало теоретической подготовки, не хватало времени, над ними довлел приоритет количественных показателей.

Вместе с переданными в 1966 г. документами «на выдачу из Государственного музея Карельской АССР» новообразованному музею «Кижичи» «экспонатов по истории и этнографии Заонежья в XIX–XX вв.» начинающим музейным сотрудникам фактически была передана практика их комплектования и документирования в старейшем музее Карелии. Практика эта, само собой, должна была быть воспринята и была воспринята образцовой или близкой к тому. Об этом свидетельствуют учетные документы, составленные кижскими последователями краеведов. На практике не выполнялись требования действовавшей в то время музейной инструкции по учету музейных фондов. Во многих случаях при фиксации предметов собиратели игнорировали даже большинство их основных признаков. При этом слишком много было ошибочной и неполной атрибуции. Предмет музейного значения, музейный предмет воспринимались не как первоисточники информации, а, прежде всего, как потенциальные экспонаты в ряду других экспонатов, как иллюстрации для раскрытия темы. К сожалению, такие взгляды еще значительно распространены.

Искренне увлеченные «собирательской работой», очень много сделавшие для пополнения фондов, музейные работники не осознавали в полной

мере принципиальное отличие учета хозяйственного, хозяйственной инвентаризации, от музейного учета, при котором разносторонняя информация о любом предмете, будь он уникальным, раритетным или широко распространенным, так же важна, как и сам предмет.

В первые десятилетия работы музея информационный потенциал (внутренний и внешний информационные поля) большинства предметов был выявлен и зафиксирован неполно, неточно, ошибочно или вовсе не выявлен, то есть, по сути, предметы не были подготовлены для приема в фонды. Год за годом происходило накопление неполных, неточных данных о предметах, а в результате – увеличение ошибок, безвозвратных потерь в характеристике предмета, коллекции, в целом фондовых собраний музея.

Такая практика комплектования фондов, неполноценность первичного учета были характерны не только для музея «Кижы», но и для подавляющего большинства советских музеев. Именно поэтому в 1985 г. по новой музейной инструкции была введена так называемая вторая ступень учета, преследовавшая цель по возможности устранить недостатки в учете музейных предметов, грозящие превратить музеи страны в склады старья. По сути, требования «второй ступени учета» не что иное, как элементарное, обязательное условие самой возможности приема предмета в фонды музея, условие, долгое время не соблюдавшееся в музеях. Однако я считаю, что цель нововведения в основном была воспринята музейными практиками формально, как очередное указание «свыше». Выполнение этих указаний оценивалось по необоснованно завышенным плановым количественным показателям. Отсюда, при неудовлетворительном состоянии первичного учета, предполагаемое научное исследование предмета неизбежно подменяла фактическая отписка для отчета – сделано столько инвентарных карточек, плановые показатели выполнены. Неполная, неточная, ошибочная информация в документах первичного учета и сейчас оказывает негативное влияние на качество инвентарных описаний, которые должны быть результатом научного исследования предметов, столь необходимого для изучения фондового собрания, в том числе для научного комплектования фондов.

В начале 1990-х гг. произошли этапные события в научно-фондовой работе музея-заповедника «Кижы». Был создан сектор учета фондов, сосредоточивший главные усилия на качестве работы, начиная прежде всего с полноты и качества информации при комплектовании фондов – столь важной и во многом незаменимой для музея первичной информации о каждом предмете. Был разработан и внедрен музейный компьютерный информационный банк данных (ИБД) «Наследие» (движимые

памятники истории и культуры Карелии в фондовом собрании музея-заповедника «Кижский»). ИБД «Наследие», первый проект такого рода в Карелии, был создан в короткий срок в результате совместной работы специалистов музея и Карельского научного центра РАН. Музейные специалисты учились работать на компьютере, совершенствовали компьютерную программу, в свою очередь беспристрастная программа учила их рациональному, системному подходу к каждому музейному предмету, помогала избавляться от логических ошибок и лакунов. ИБД успешно работал и развивался до тех пор, пока не появились новые, на порядки высшие возможности столь стремительно развивающейся компьютерной техники. В 2000 г. наш ИБД без осложнений и потерь был конвертирован в Комплексную автоматизированную музейную информационную систему (КАМИС), разработанную петербургской фирмой «АльтСофт». Что касается музейной стороны дела, обе системы в принципе работали по одним и тем же алгоритмам.

Осложнения в комплектовании фондов появились несколько лет назад в связи с решениями Министерства культуры РФ о приведении музейного учета в соответствие с российским законодательством. С этой целью было разработано несколько вариантов новых музейных инструкций. Последний вариант был спешно утвержден приказом министра культуры РФ в декабре 2009 г., но в марте следующего года им же был отменен. Тем не менее музеям предписываются формально оправданные, но непродуманные, далекие от реалий, бюрократические меры, крайне тормозящие процесс комплектования.

Анализ фондов показал, что, несмотря на достигнутые успехи, в том числе в системе музейного учета, исследованиях, публикациях сотрудников музея, коллекции музея изучены недостаточно и нуждаются в более современной интерпретации. Чем разнообразнее, глубже, ярче будет интерпретировано то богатство, которым музей уже владеет, тем рациональнее можно спланировать и последующее комплектование. Процессы эти, несомненно, взаимосвязаны.

Комплектование фондов – вид подлинно музейной научной работы, поэтому каждый профильный специалист музея, независимо от терминов бюрократической иерархии, обязан вести эту работу по-научному, быть, по сути, научным сотрудником, а не антикваром, кладовщиком или старьевщиком. Основными условиями для успешного комплектования фондов являются квалификация профильных специалистов музея, финансовое и материально-техническое обеспечение их деятельности, обеспечение физической сохранности и реставрации музейных предметов.

Надо признать, что до сих пор комплектование фондов носит скорее спонтанный, чем системный характер. Прежде всего, многие ошибки и недостатки музея в комплектовании фондов происходят из-за неясного понимания стратегической **цели комплектования** – реализации общественной потребности в максимально объективном документировании жизни этносов Карелии на всех этапах их существования.

Цель на практике подменяется задачами комплектования. До сих пор, как правило, в качестве цели комплектования декларируют «пополнение фондов» путем выявления и отбора предметов музейного значения для экспонирования и изучения.

Поскольку «любой музей, повествующий о человеке и его культуре, безусловно, в основе своей исторический – даже если его профилем является литература, искусство или этнография»⁵, комплектование фондов должно осуществляться на научной основе, в соответствии с принципами исторической науки. На практике об этих принципах не все достаточно осведомлены, чтобы следовать им рационально. Комплектование не всегда основано на изучении литературных, справочных и архивных источников, фондов музея, на понимании направлений комплектования, на научном исследовании конкретных явлений, событий, процессов, традиций, фактов в их совокупности, многогранности и противоречивости. Это влечет за собой субъективизм, влияние интересов, не связанных с достижением научной истины.

Фонды музея комплектуются преимущественно в тематическом направлении и определяются в основном задачами потенциальной экспозиции. Необходимое для характеристики генезиса и эволюции этнографических предметов типологическое направление комплектования, которое возможно только при условии изучения фондовых коллекций, выявление в них лакун и постановки конкретных задач в перспективном и текущем планировании, осуществляется спорадически, на интуитивном уровне.

Комплектование фондов, особенно в последние годы, определяется не столько спросом музея, сколько предложениями сдатчиков, отбор и приобретение предметов музейного значения в основном ограничен Петрозаводском и Заонежьем. Между тем практический опыт музея свидетельствует о том, что поиск конкретных предметов, даже при кажущемся их дефиците или отсутствии, приносит положительные результаты.

Критерии отбора предметов в фонды практически определены, хотя соответствие некоторых предметов критериям оспаривается, что, впрочем, естественно и оправданно. Чаще всего возникают сомнения относи-

---

⁵ Каулен М. Для чего историческому музею свинья?: музееологический статус живых экспонатов. Попытка анализа // Музей. 2009. № 2. С. 6.

тельно соответствия профилю музея предметов второй половины XX в. Возникают вопросы и об оптимальном количестве однотипных предметов в фондовых собраниях. До сих пор не изжиты соблазны пренебречь таким важным критерием отбора, как комплексность.

Распространенные сомнения в необходимости приобретения в фонды предметов середины – второй половины XX в., не говоря уже о предметах постсоветского периода, исходят из неясного понимания цели комплектования. Более того, высказываются категорические суждения о нецелесообразности комплектования фондов вещами, бытовавшими позже первой половины XX в. По сути, это противоречит одному из основных принципов научного познания – историзму, предполагающему изучение историко-этнографических факторов с точки зрения их генезиса и эволюции, их оценок на разных этапах развития, в том числе на современном этапе, фактически означает отрицание наличия этносов – объекта исследования, начиная с середины XX в. Несмотря на попытки ряда сотрудников музея преодолеть устоявшиеся хронологические рамки, наши этнографические познания и состав фондов музея фактически остановились на доколхозном периоде. Во многом для комплектования такого рода коллекций безвозвратно упущено время.

В этой связи известный этнограф академик Ю. В. Бромлей писал, что «понимание этнографии как науки об этносах не оставляет места для пессимистических представлений о прогрессирующем исчезновении ее предмета в современную эпоху. До тех пор, пока существуют народы, этнография сохраняет свой объект исследования, и не только как историческое прошлое, но и как живую действительность. Меняется лишь значимость различных зон предметной области этнографических исследований в соответствии с перемещением внутри нее этнической специфики; притом по мере общественного прогресса предмет этнографической науки усложняется, выдвигая перед ней новые познавательные задачи»⁶.

Отбор профильных предметов советского и постсоветского периода для фондового собрания требует научного обоснования. Прежде всего, это должны быть знаковые объекты, документирующие историко-культурную эволюцию этноса, существенные изменения в быту, социальном положении, культуре, самосознании, мировоззрении, мировосприятии, мироощущении «простых» людей – факторы, определившие образ жизни. *«То, без чего нас невозможно представить, еще труднее – понять»*⁷.

---

⁶ Бромлей Ю. В. К вопросу об особенностях этнографического изучения современности // Советская этнография. 1977. № 1. С. 18.

⁷ Парфёнов Леонид. ТВ-проект «Намедни. 1961–1970. Наша эра. События, люди, явления».

Отдельное значение имеет музейное документирование истории и современности острова Кижы (люди, музейная деятельность, архитектурные памятники, их реставрация).

Для комплектования фондов музея по советскому и постсоветскому периодам истории можно выделить следующие исторические рамки.

1917 г. – конец 1920–х гг.	До коллективизации и индустриализации
Конец 1920–х гг. – 1941 г.	«Великий перелом»: коллективизация, индустриализация, культурная революция.
1941–1945 гг.	Великая Отечественная война.
1945–1956 гг.	Послевоенное десятилетие.
1956–1968 гг.	«Оттепель» (от речи Хрущёва до событий в Чехословакии)
1968–1985 гг.	«Развитой социализм».
1985–1991 гг.	«Перестройка» и распад СССР.
С 1991 г.	Постсоветский период.

Научное комплектование фондов неотделимо от музейного учета – определения и фиксации внутреннего и внешнего информационного полей предмета, его научного и музейного значения. основополагающее правило музейного учета – всесторонняя информация о предмете важна так же, как и сам предмет, недостаточно атрибутированные предметы не подлежат приему в фонды. Изучение предмета, коллекции не должно заканчиваться составлением первичных документов учета и инвентарных описаний. Подобно истинному коллекционеру, профильный специалист музея должен сознательно стремиться к познанию мельчайших подробностей объектов своего коллекционирования. Только тогда фондовые собрания музея, как и музей в целом, будут в полной мере соответствовать возложенной на них общественной потребности.

Предлагаемая концепция комплектования фондов⁸ – это основной, стратегический замысел одного из основополагающих направлений деятельности музея. Концепция не рассчитана на постановку тактических задач и определение конкретных путей их решения. Это задачи перспективного, годового, текущего планирования комплектования.

⁸ Разработанный Н. И. Шиловым проект концепции комплектования фондов опубликован на сайте музея-заповедника «Кижы»: <http://kizhi.karelia.ru/library/proekt-2019-shilov>

Н. М. Мельникова

ОБЗОР ВЫСТАВОК ИЗ СОБРАНИЯ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «КИЖИ» (2013–2017 гг.)

Известно, что выставки являются одной из основных форм публикации фондового собрания музея и результатов исследовательской работы научных сотрудников. Они также служат площадкой для проведения культурно-просветительских и образовательных программ и мероприятий. Это в полной мере относится и к музею-заповеднику «Кижь», который, помимо экспозиционно-выставочных площадей на острове Кижь, располагает двумя выставочными залами и экспозиционным пространством в фондохранилище в городе Петрозаводске. В опубликованном на сайте музея «Отчете о деятельности в 2013–2017 гг.» содержится перечень из 69 выставок¹. Среди них выставки, подготовленные на основе собрания музея «Кижь», из фондов других музеев и частных коллекций, фотовыставки, а также выставки детского творчества. Настоящий материал был написан в связи с подготовкой упомянутого отчета, но из-за большого объема не был там опубликован. В то же время масштабы выставочной работы музея в указанный период времени были действительно велики и сопровождалась подготовкой подчас весьма основательных наукоемких выставок. По этой причине публикация обзора содержательной части выставок, подготовленных на основе собственного собрания, представляется целесообразной как для истории музея-заповедника «Кижь», так и для развития его выставочной работы в будущем.

В 2013–2017 гг. почти половина выставок, экспонировавшихся в залах музея, – это выставки, подготовленные на основе фондовых коллекций му-

---

¹ Отчет о деятельности Государственного историко-архитектурного и этнографического музея-заповедника «Кижь» в 2013–2017 гг. / Сост., отв. ред. Н. М. Мельникова. Петрозаводск, 2018. С. 58–66. [Электронный ресурс] URL: <http://kizhi.karelia.ru/media/info/files/attached/1810/otchet-2013-2017.pdf>. Дата обращения: 14.12.2018.

зая-заповедника «Кижи» или с участием предметов из собрания музея. Из 69 выставок 26 – это выставки с преимущественным, а зачастую стопроцентным использованием собственных фондов². Наиболее востребованы были этнографические коллекции предметов из дерева, металла, текстиля, а также коллекция древнерусской живописи. В выставочных проектах нашел отражение широкий спектр исследований научных сотрудников музея: исследования историко-краеведческого характера, этнографическое изучение традиционного хозяйства, крестьянского быта, декоративно-прикладного искусства, нематериальных компонентов историко-культурного наследия, изучение памятников деревянного зодчества, а также исследования в области фольклористики и музыкальной культуры.

Особое значение имеет такая функция выставок, как привлечение в музей посетителей и расширение состава музейной аудитории. Выставки поддерживают интерес публики к музею, формируют контингент постоянных посетителей – местных жителей³. Для музея «Кижи» с его удаленной островной экспозицией это особенно важно. Всего за 2013–2017 гг. выставки музея в Петрозаводске посетило более 151 тыс. человек⁴.

Выставки в городских залах музея в 2013–2017 гг. наглядно и ярко продемонстрировали свое значение в обогащении и разнообразии «языка музея», на котором ведется диалог с посетителем⁵. Выставочная палитра включала историческую, этнографическую, фольклорную, природоведческую тематику, что само по себе уже требовало специфических средств подачи экспозиционного материала. Широко использовались интерактивные формы, аудиовизуальные приложения. В рамках работы выставок проводились специальные лекции, мастер-классы и культурно-образовательные акции.

Частью широкого общественного празднования памятных дат и своеобразным отчетом музея о научно-исследовательской, фондовой, экспозиционной работе стали выставки, посвященные 300-летию Преображенской церкви острова Кижи, юбилеям Т. Г. Рябина и И. А. Федосовой, 100-летию начала Первой мировой войны, 50-летию музея-заповедника «Кижи». В течение пяти лет сотрудники музея создали целую серию выставок

---

² В 2013 г. музей создал 3 выставки на основе собственного собрания, в 2014 г. – 4, в 2015 г. – 3, в 2016 г. – 5, в 2017 г. – 11 выставок.

³ Музейное дело России / Под ред. Каулен М. Е. М., 2005. С. 358.

⁴ Отчет о деятельности Государственного историко-архитектурного и этнографического музея-заповедника «Кижи» в 2013–2017 гг. / Сост., отв. ред. Н. М. Мельникова. Петрозаводск, 2018. С. 76. [Электронный ресурс] URL: <http://kizhi.karelia.ru/media/info/files/attached/1810/otchet-2013-2017.pdf>. Дата обращения: 14.12.2018.

⁵ Музейное дело России ... С. 359.

по народной культуре Олонецкой губернии конца XIX – начала XX в., представив материальные и духовные аспекты традиционной культуры края. Как правило, эти выставки сопровождались масштабной публикацией музейных коллекций. Неординарными событиями культурной жизни Петрозаводска стали выставки икон, представившие уникальную коллекцию музея – коллекцию древнерусской живописи. В выставочных проектах нашло отражение одно из приоритетных направлений работы музея – сохранение природного наследия Кижей, неповторимого своеобразия ландшафтов острова. Интересным явлением выставочной деятельности стало создание детских интерактивных выставок.

Главное событие последних лет истории музея – 300-летие церкви Преображения Господня Кижского погоста (2014 г.), выдающегося памятника русского деревянного зодчества, общепризнанного шедевра мировой архитектуры, «воплощения северно-русской строительной культуры и народной эстетики»⁶. Одним из значительных мероприятий празднования юбилейной даты стала выставка **«Жизнь под покровом небес»** (автор С. В. Воробьева)⁷. Экспозиция представила Преображенскую церковь как важную составляющую традиционной культуры кижского сельского сообщества, акцентировала внимание на историко-культурной значимости церкви и высоком международном статусе Кижского погоста, рассказала о работе по сохранению и реставрации памятника, осуществляемой музеем в последние годы. Основные сюжетные линии выставки – история Преображенской церкви от момента строительства до создания музея «Кижь», роль крестьянского мира в создании и поддержании церкви в «благолепном» состоянии, роль церкви в консолидации местного сообщества, иконописное убранство храма, современная реставрация церкви⁸. Основу предметного ряда первого раздела выставки, посвященного строительству храма, составили инструменты плотников, резчиков по дереву, иконописцев – людей, создавших этот удивительный по красоте и столь отличный от других православных храмов собор, ставший признанным символом деревянного зодчества России. Второй раздел экспозиции рассказал о жизни храма после Великой русской революции до наших дней, когда он стал главным памятником музея, национальным символом, объектом всемирного наследия. На выставке было представлено 130 предметов

⁶ Церковь Преображения Господня на острове Кижь: 300 лет на заонежской земле: сборник статей / Сост. и подготовка И. В. Мельников. Петрозаводск, 2014. С. 4.

⁷ Зал на пл. Кирова, 10-а, 11.04–7.09.2014 г.

⁸ НА МЗК. Ф. 1. Оп. 3. ед. хр. 4401. Л. 2. (Воробьева С. В. Концепция и развернутая тематическая структура выставки «„Жизнь под покровом небес“». К 300-летию Преображенской церкви на о. Кижь». Петрозаводск, 2013.)

из собрания музея, связанных с историей Преображенской церкви. Многие музейные предметы экспонировались впервые. Например, облачение священников Преображенской церкви, спасенное и сохраненное сотрудниками музея в 80-е гг. XX в. Среди экспонатов выставки – деисус иконостаса Преображенской церкви, который после закрытия храма на реставрацию в 1980 г. экспонировался только один раз – на выставке в музее храма Христа Спасителя в 2006 г.

В 2016, 2017 гг. русская культура отмечала 215 лет со дня рождения сказителя Трофима Григорьевича Рябинина (1801–1885), 200 лет со дня рождения сказителя Василия Петровича Щеголёнка (1817–1894) и 190 лет со дня рождения причитальщицы Ирины Андреевны Федосовой (1827–1899). Приуроченные к юбилеям Т. Г. Рябинина и И. А. Федосовой выставки стали данью уважения к знаменитым заонежанам, чьи эпические песни и плачи-импровизации признаны выдающимся явлением народного творчества.

Памяти Т. Г. Рябинина музей посвятил выставку **«Тут славы поют, да старины скажут». Мир крестьянина – былинного сказителя**» (авторы С. В. Воробьева и Ж. В. Гвоздева)⁹. Создавая выставку авторы стремились «... раскрыть особенности национального культурного кода через сопоставление идеального мироустройства, представленного в былинах и реальности крестьянской жизни»¹⁰. Своеобразной отправной точкой в создании экспозиции стала мысль В. К. Чистова о том, что «старая фольклорная традиция была теснейшим образом связана с крестьянским бытом – повседневным трудом, чередованием труда и отдыха, повседневности и праздников и обрядов, т. е. всем образом жизни старого крестьянства, с его умением делать все, что может понадобится человеку: срубить избу, изготовить себе одежды, добыть хлеб, вырастить своими руками все, что нужно для питания семьи, спеть песню, рассказать сказку ...»¹¹. Экспозиция познакомила с основными хозяйственными занятиями крестьян-сказителей, представила предметный ряд их бытовой жизни, показала точки соприкосновения идеализированного мира былинных богатырей и повседневной жизни крестьян¹². Экспозиционный материал был представлен

⁹ Зал на пл. Кирова, 10-а, 4.03–13.06.2016 г.

¹⁰ НА МЗК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 4714. Л. 5. (Воробьева С. В., Гвоздева Ж. В. «Тут славы поют, да старины скажут». Мир крестьянина – былинного сказителя». Концепция, развернутая тематическая структура, тематико-экспозиционный план. Петрозаводск, 2016.)

¹¹ Чистов К. В. Русские сказители Карелии. Очерки и воспоминания. Петрозаводск, 1980. С. 105. Цит. по: Воробьева С. В., Гвоздева Ж. В. «Тут славы поют, да старины скажут» ... Л. 5.

¹² НА МЗК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 4714. Л. 5. (Воробьева С. В., Гвоздева Ж. В. «Тут славы поют, да старины скажут» ...).

в трех разделах, раскрывших основные стороны жизни крестьян-сказителей, сохранивших в своей памяти древнерусский героический эпос: «Их дом», «Их занятия», «Их вера». Экспонировалось 349 предметов из фондов музея, происходящих из Заонежья, Поморья, Пудожья, в том числе предметы из семей сказителей. Предметный ряд дополнили фотографии, среди них портреты сказителей, тексты былин. Репродукции произведений И. Я. Билибина, одного из лучших иллюстраторов былин, представили образы былинных богатырей. Первый раздел выставки познакомил с внешним видом и внутренним убранством крестьянского дома. Отбирая предметы для него, авторы отдали предпочтение вещам, наиболее значимым в художественном отношении, отражающим эстетические представления и архаичные верования крестьян¹³. Хозяйственные занятия были представлены земледелием, рыболовством и сапожным ремеслом. Земледелие – основное занятие крестьян Заонежья, скрип сохи Микулы Селяниновича о камни постоянно воспевался северными певцами¹⁴. Сохранению эпоса способствовало рыболовство – одно из наиболее важных занятий севернорусских крестьян. Артельная организация промысла давала возможность общаться жителям разных деревень, пополнять репертуар, осваивать сказительское искусство. Многие исполнители былин владели сапожным ремеслом, например, сапожником был сказитель Василий Щеголенок. К разделу «Их занятия» примыкал экспозиционный комплекс «Богатырский конь», основу предметного ряда которого составила праздничная конская сбруя. Конь – символ благополучия крестьянского хозяйства и важнейший атрибут богатыря – защитника родной земли. По задумке авторов выставки «богатырский конь» – «символ идеального мира былинного героя в образе синего коня, парящего над просторами воды и земли Заонежья»¹⁵. Духовную сторону жизни крестьян-сказителей, среди которых были как последователи ортодоксальной церкви, так и староверы, представил раздел «Их вера».

190-летию И. А. Федосовой музей отметил выставкой, посвященной причетной традиции Заонежья, ее роли в обрядовой культуре заонежан¹⁶. Названием выставки стала строка из федосовского причитания «Дай-ко, Господи, мне доброй путь-дороженьку» (авторы выставки

¹³ Там же. Л. 6.

¹⁴ Воробьева С. В., Гвоздева Ж. В. «Тут славы поют, да старины скажут (Мир крестьянина – былинного сказителя)» // Живая старина. 2017. № 2 (94). С. 50.

¹⁵ Там же. С. 51.

¹⁶ НА МЗК. Б/н. Л. 2. Михайлова Н. С., Анхимкова А. М. Временная стационарная выставка «Дай-ко, Господи, мне доброй путь-дороженьку». К 190-летию заонежской вопленицы и поэтессы И. А. Федосовой. Петрозаводск, 2017.)

Н. С. Михайлова и А. М. Анхимкова)¹⁷. Структура выставки как нельзя точно соответствовала репертуару Федосовой, который включал все виды обрядовой причеты – похоронные, рекрутские и свадебные причитания. Старинные предметы крестьянского быта, фотографии, репродукции художественных работ, фольклорные тексты помогли воссоздать фрагменты важнейших семейных обрядов, отмеченных обязательным исполнением причитаний. Свадебная обрядность была представлена такими элементами обряда, как «рукобитие», «хождение по гостям», «посещение бесёд», «ритуальная баня», «прощание с „волей“», «родительское благословление», «отъезд к венцу»¹⁸. Рекрутский обряд был показан с момента возвращения новобранца домой после жеребьевки и представлен такими его элементами, как «прощание с родственниками и соседями», «разгул рекрутов», «родительское благословление», «отъезд к месту сбора». Похоронные обрядовые действия, направленные на благополучный прием ушедшего на том свете и защиту участников обряда, были представлены с момента получения извещения о смерти до погребения покойного. Через тексты причитаний авторы выставки стремились раскрыть представления невесты о замужней жизни, молодого человека о солдатской, крестьян о загробной жизни¹⁹.

Размещенная рядом выставка-спутник **«Заонежская причеть»** представила материалы, посвященные другим исполнителям причитаний: Н. С. Богдановой, А. И. Палтусовой, Т. Ф. Алешинной, А. Т. Кадетовой, П. И. Гириной. На ней можно было увидеть фотографии, мемориальные вещи, публикации собирателей и исследователей заонежской причетной традиции Е. Барсова, П. Певина, Н. Шайжина, К. Чистова, Т. Краснопольской, В. Кузнецовой.

Отличительной особенностью работы выставок «Дай-ко, Господи, мне доброй путь-дороженьку» и «Заонежская причеть» стали исполнения причитаний и показ фрагментов свадебного и рекрутского обрядов участниками фольклорного ансамбля музея «Кижы». Экскурсии сотрудников отдела изучения и музейной презентации фольклорного наследия – участников фольклорного коллектива, сопровождаемые старинными обрядовыми плачами, стали уникальной формой работы музея с посетителями выставок.

Выставкой **«„За Веру, Царя и Отечество!“ Жители Олонецкой губернии на Первой мировой войне. 1914–1918 гг.»** музей отметил 100-летие начала Великой войны, как называли Первую мировую войну

¹⁷ Зал на пл. Кирова, 10-а, 4.04–12.06.2017 г.

¹⁸ НА МЗК. Б/н. Л. 3. (Михайлова Н. С., Анхимкова А. М. Временная стационарная выставка «Дай-ко, Господи, мне доброй путь-дороженьку» ...).

¹⁹ Там же.

современники. Авторы выставки – сотрудник музея «Кижь» Б. Д. Москвин и известный петрозаводский журналист Ю. В. Шлейкин²⁰. Основу экспозиции составили предметы из фондов музея «Кижь», Национального музея Республики Карелия, Историко-технического музея Санкт-Петербурга и копии документов из Национального архива Республики Карелия²¹. Выставка рассказала о судьбе жителей Олонецкого края – участниках Первой мировой войны. Альбомы с фотографиями, сохранившиеся устные семейные истории, памятные предметы поведали о жизненном пути многих заонежан, пудожан, петрозаводчан. Среди персонажей выставки – Николай Николаевич Гурьев и Федор Галактионович Миронов, одни из первых олончан, награжденные орденами Святого Георгия, сестра милосердия Екатерина Ивановна Татарина, работавшая в госпитале великой княгини Ольги Александровны, Михаил Давыдович Иссерсон и Василий Александрович Баранов, ставшие позднее известными в Карелии врачами-хирургами. Поразительны стойкость к невзгодам и удивительные перипетии в судьбах многих олончан – участников войны. Например, заонежанин Иван Александрович Рыбаков из деревни Ютнавлок Шуньгской волости служил в Русском экспедиционном корпусе во Франции, воевал в составе Французского иностранного легиона в Алжире, вернувшись на родину, участвовал в Великой Отечественной войне. В Русском экспедиционном корпусе во Франции служил и Михаил Иванович Тюрин из деревни Щельги Кузарандского прихода. В 1919 г. он вернулся на родину, жил в деревне Вороний Остров и продолжал крестьянствовать. Пудожанин Павел Эмильевич Вильчевский, поляк по национальности, участвовал в Русско-японской и Первой мировой войнах, дослужился до звания генерала. Жизнь закончил в эмиграции во Франции, приняв сан священника²². В экспозиции было представлено 243 предмета, в том числе 139 из собрания музея «Кижь», которые помогли воссоздать обстановку деревенского дома и городской квартиры, откуда уходили на войну крестьяне и мещане, военного блиндажа и лазарета, импровизированного пункта сбора средств на нужды армии. Олонецкая губерния была территорией, удаленной от театра военных действий, но со всей страной несла бремя длительной войны: в армии воевали тысячи мобилизованных олончан, а петрозаводский Александровский завод производил снаряды для армии. Выставочными средствами авторы стремились передать сложную атмосферу военного времени, когда начало войны сопровождалось

²⁰ Зал на ул. Федосовой, 19, 28.06–28.09.2014 г.

²¹ Шлейкин Ю., Москвин Б. «За Веру, Царя и Отечество!» Жители Олонецкой губернии на Первой мировой войне. 1914–1918 гг. // Кижь. 2014. № 5 (111). С. 2.

²² Там же.

подъемом патриотических настроений, но ее затяжной характер обострил экономическую ситуацию: росли цены, сокращалось число рабочих рук, увеличивалось количество семей, потерявших кормильцев.

Среди мероприятий, посвященных 50-летию музея-заповедника «Кижь», особое место занимала выставка «**#Музей#НеАнтикварныйСалон**». **Новые поступления и реставрация фондовых предметов в музее-заповеднике „Кижь“. 2008–2015 гг.**» (авторы Л. В. Трифонова и И. Г. Гашков)²³. Экспозиция представила общественности Петрозаводска собирательскую, исследовательскую, реставрационную деятельность музея за восемь лет работ. Через красоту музейных предметов выставка показала богатство культур разных народов, населявших бывшую Олонецкую губернию, – русских, карел, вепсов и их соседей – тверских карел, русских Вологодской и Архангельской областей. Были представлены новые коллекции и отдельные предметы крестьянской и городской культуры XIX – начала XX в., собранные в Пудожье, Заонежье, Олонецком районе Карелии, Весьегонском районе Тверской области, Каргопольском и Плесецком районах Архангельской области, городе Петрозаводске²⁴. Новые поступления в фонды музея в 2008–2015 гг. составили 9455 предметов, в том числе 8585 предметов основного фонда.

Среди наиболее интересных приобретений этого времени следует упомянуть мемориальную коллекцию предметов из семьи заонежского иконописца И. М. Абрамова (1869–1949), коллекцию этнографических предметов из села Волховицы Тверской области, где проживают тверские карелы, 102 предмета крестьянского быта из карельской деревни Кунилица Олонецкого района. Коллекция фарфора пополнилась изделиями фабрик братьев Кузнецовых, заводов Попова и Гарднера. Большой удачей музея было приобретение вещей из семьи заонежских учителей и священников Ржановских. Появилась в собрании музея и коллекция финно-угорских музыкальных инструментов работы петрозаводского мастера Е. Н. Мешко. Много интересных экспонатов конца XIX – начала XX в. поступило в музей от петрозаводского антиквара Э. Ю. Кяйверяйнена. Небольшие размеры выставочного зала позволили экспонировать только малую часть поступлений: всего 217 музейных предметов, поступивших в этнографические коллекции.

Одной из важных составляющих выставки стала тема реставрации музейных предметов. Экспозиция представила работу как специали-

²³ Зал на пл. Кирова, 10-а, 21.06–2.10.2016 г.

²⁴ НА МЗК. Б/н. Л. 1. (Трифонова Л. В. Выставка «Спасти и сохранить. Кижь. Новые поступления. Реставрация фондовых предметов. 2008–2015». Петрозаводск, 2016.)

рованных реставрационных организаций Москвы: Всероссийского художественного научно-реставрационного центра имени академика И. Э. Грабаря (ВХНРЦ), Межобластного научно-реставрационного художественного управления (МНРХУ), так и музейных реставраторов Игоря Кожевникова, Михаила Фролова, Натальи Серовой, Елены Наумовой, Ренаты Гашковой, Галины Фроловой, Надежды Куусела.

Цикл выставок по народной культуре Олонецкой губернии конца XIX – начала XX в., созданных в 2013–2017 гг. сотрудниками музея, можно открыть выставкой **«Традиционное искусство пряжинских карелов»** (авторы Л. В. Трифонова и С. В. Воробьева)²⁵. Экспозиция познакомила с национальным своеобразием и художественной неповторимостью произведений декоративно-прикладного искусства и архитектурной орнаментики карел-ливвиков Пряжинского района Карелии. Было представлено 147 подлинных предметов крестьянского быта из собрания музея-заповедника «Кижы», позволивших составить общее представление о крестьянской вышивке, узорном ткачестве, вязании, резьбе и росписи по дереву пряжинских карел в конце XIX – начале XX в.²⁶ Художественное решение выставки определило большое количество экспонатов из ткани: вышитых полотенец и закрайков станушек, тканых шерстяных юбок, одеял, постельников, закрайков полотенец. Бытовые предметы из дерева, бересты, сосновой щепы, луба познакомили с особенностями искусства резьбы и росписи по дереву пряжинских карел, продемонстрировав характерные для культуры данной этнолингвистической группы карел черты: архаичность, монументальность, тяготение к природным формам, древность технических приемов. Копии архитектурных чертежей и орнаментальных форм архитектуры пряжинских карел дополнили предметный ряд экспозиции и позволили более полно познакомить с народным искусством этого района Карелии²⁷.

Л. В. Трифонова стала автором еще одной выставки, представившей декоративно-прикладное искусство из собрания музея «Кижы», – **«Между модой и традицией. Женские рукоделия в городе и деревне. Конец XIX в. – 70-е гг. XX в.»**²⁸. Экспозиция познакомила с различными техниками вышивки, ткачества, вязания, кружевоплетения, бытовавшими на протяжении почти ста лет на территории Карелии. Посетители

²⁵ Зал на ул. Федосовой, 19, 18.10–15.12.2013 г.

²⁶ НА МЗК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 4403. Л. 13. (Трифонова Л. В. Документы по выставке «Традиционная культура пряжинских карелов»: паспорт экспозиции, концепция, ТЭП, вступительный текст, афиши, отзывы. Петрозаводск, 2013–2014).

²⁷ Там же. Л. 5–6.

²⁸ Зал на ул. Федосовой, 19, 16.10–16.12.2015 г.

имели возможность увидеть крестьянское рукоделие русских районов Карелии – Заонежья и Пудожья конца XIX – начала XX в. (традиционную вышивку и вышивку по городским образцам, ткачество, набойку, «золотное» шитье), городское рукоделие рубежа XIX–XX вв. (вышивку крестом и гладью, работы из бисера, кружевоплетение), рукоделие советского периода 1950–1970-х гг. (вышивку гладью, крестом, ришелье, вязание крючком). Из 203 экспонатов выставки 196 – предметы из фондов музея. Среди тем, затронутых выставкой: эстетический образ крестьянского и городского интерьера конца XIX – начала XX в., интерьер советского периода 1950–1960-х гг., предметная среда и женская мода конца XIX в. – 1960-х гг. Раскрытию этих тем способствовали воссозданные в рамках экспозиции фрагменты интерьера крестьянской горницы, городского интерьера конца XIX – начала XX в., интерьера советского периода²⁹. Отдельного упоминания заслуживают два экспонировавшихся на выставке мемориальных комплекса. Первый комплекс – это рукоделия и личные вещи Таисии Викторовны Плотниковой (1895–1984)³⁰, дочери архиепископа Венедикта (в миру Виктора Васильевича Плотникова (1872–1937). Архиепископ Венедикт был уроженцем села Лижма Петрозаводского уезда Олонецкой губернии, сыном лижемского священника Василия Иоановича Плотникова (1829–1901)³¹. Второй мемориальный комплекс – рукоделия Анны Алексеевны Гроховской (1858–1938), уроженки Петрозаводска, жены петрозаводского чиновника А. Т. Гроховского, дополненные почтовыми открытками начала XX в., адресованными семье Гроховских³².

В 2017 г. знакомство петрозаводчан и гостей города с декоративно-прикладным искусством в собрании музея «Кижы» продолжила выставка «Птица сирин, лев и другие»³³. Дуэт Л. В. Трифоновой и И. Г. Гашкова, авторов выставки, оказался творческим и плодотворным. В 2016, 2017 гг., благодаря их содружеству, были созданы прекрасные выстав-

²⁹ НА МЗК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 4499. Л. 4. (Трифорова Л. В. Документы по выставке «Между модой и традицией. Женские рукоделия в городе и деревне. Конец XIX в. – 70-е гг. XX в.»): афиша, паспорт экспозиции, концепция, ТЭП, отзывы. Петрозаводск, 2015.)

³⁰ Там же. Л. 5.

³¹ Об истории семьи Плотниковых см.: Калашикова Р. Б. Священники Плотниковы из села Лижма (устная история семьи) // Кижский вестник. Петрозаводск, 2004. Вып. 9. С. 3–47.

³² НА МЗК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 4499 Л. 6, 14–15. (Трифорова Л. В. Документы по выставке «Между модой и традицией. Женские рукоделия в городе и деревне. Конец XIX в. – 70-е гг. XX в.» ...)

³³ Зал на пл. Кирова, 10-а, 20.06–20.10.2017 г. Экспозиция была сопровождена выставкой-спутником «Художники декоративно-прикладного искусства Карелии», размещенной в помещении Инфоцентра.

ки, продемонстрировавшие большой потенциал музейного собрания. Музей впервые столь масштабно показал свою коллекцию современного декоративно-прикладного искусства, воссоздав общую картину и тенденции его развития в Карелии на протяжении более чем полувека, с 1960-х до 2016 г.³⁴ Экспозиция представила 333 произведения профессиональных и самодеятельных художников, чье творчество тесно связано с традиционным народным искусством, а также изделия мастеров трех предприятий художественных промыслов, работавших на территории Карелии в 1970–2000-х гг.: комбината «Карельские сувениры», керамического цеха Прионежского промкомбината и ООО «Заонежские узоры». Среди экспонировавшихся произведений искусств работы самодеятельных художников Василия Костылева (береста), Аино Марченко (ткачество), Алексея Беляева (резьба по дереву, береста), Владимира Просалова, Илмари Сало, Игоря Набокова (резьба по дереву), Марины Старченко (корнепластика, изготовление гобеленов, лоскутных панно), Юрия Нивина (деревянные настенные плакетки). Профессиональное прикладное искусство было представлено работами Нины Родионовой (сувениры из дерева), Николая Галушина, Владимира Бабкина, Игоря Гашкова, Александра Крылова, Дмитрия Москина (резьба по дереву), Игоря Кожевникова (резьба по дереву и кости), Александра Кузькина (береста, изготовление народных инструментов), Анатолия Мешко (изготовление народных инструментов), Юлии Гущиной (керамика), Романа Леонтьева (гончарное дело), Ирины Тиккуевой (ткачество), Владимира Баландина (резьба по кости), Анатолия Титова (дизайн, автор фантастических воздушных кораблей-светильников)³⁵. Символом выставки стала живописная работа петрозаводского художника Александра Трифонова «Птица сирин».

Тесно связана с темой прикладного искусства выставка **«Красота богданная, красота рукодельная»** (автор И.И. Набокова)³⁶. Экспозиция познакомила с технологиями изготовления традиционного женского костюма Олонецкой губернии конца XIX – начала XX в., с особенностями производства и декорирования текстильных изделий. Был представлен большой спектр старинных ремесел края: прядение льняных и шерстяных нитей, вязание, плетение многоцветных поясов, узорное («браное») ткачество, двусторонняя («досюльная») вышивка, «золотное» шитье. Демонстрировались технологии кроя сарафанов, различные техники украшения

³⁴ НА МЗК. Б/н. (Трифорова Л. В. Концепция выставки «Декоративно-прикладное искусство Карелии из фондов музея „Киж“». 1960-е – 2016». Петрозаводск, 2017.)

³⁵ Там же.

³⁶ Зал на пл. Кирова, 10-а, 19.01–26.03.2017 г.

головных уборов, бисероплетения, изготовления жемчужных украшений. Будничные и праздничные, обрядовые и возрастные костюмные ансамбли и отдельные образцы одежды различных районов Олонецкой губернии – Беломорской Карелии, Заонежья, Сегозерья, Пудожья, Каргопольского уезда, вепсских территорий – позволили увидеть общность рукодельных традиций и разнообразие местных особенностей в крое, сочетании деталей, приемах декорирования, орнаментике, цветовой гамме³⁷. Выставочное пространство было насыщено историческими фотографиями, этнографическими картами, которые позволили представить многообразие ремесленных традиций Олонецкой губернии. Большинство экспонатов выставки (134 ед.) составили подлинные старинные вещи из фондов музея «Кижь». Особенностью выставки стала живая демонстрация женских рукоделий сотрудниками сектора ремесел музея.

С традицией празднования Святков на территории Карелии в конце XIX – второй половине XX в. познакомила выставка **«Прикатило Рождество Господину на крыльцо...»** (авторы Д. Н. Пахомова и П. Б. Лёгкая)³⁸. В названии выставки нашла отражение диалектная особенность произношения названия праздника у русских Олонецкой губернии. Экспозиция представила традиции, связанные с этим особым временем в зимнем календаре, охватывающем период от Рождества Христова до Крещения Господня. Выставочное пространство включало нескольких тематических модулей, позволивших совершить своеобразное путешествие в глубь времен: от современного Нового года к Рождеству в городе в начале XX в. и к святочным традициям крестьян Карелии, уходящим своими корнями в глубокую языческую древность. Посетители могли познакомиться с разновременными традициями празднования Нового года: с неизменными детскими утренниками, елкой, Дедом Морозом и Снегурочкой в советский период и с Новым годом начала XXI в., когда он стал своеобразным микстом разноэтничных и разновременных традиций. При знакомстве с традициями празднования Рождества в городской среде в начале XX в. акцент был сделан на заимствовании европейских традиций. Как самостоятельные экспозиционные комплексы были оформлены разделы, посвященные традициям празднования Рождества Христова в Православной церкви, святочным традициям народов Карелии: христославиям, гаданиям, молодежным бесе-

³⁷ НА МЗК. Б/н. (Набокова И. И. Тематико-экспозиционный план выставки «Грани мастерства. Традиционное крестьянское искусство Карелии в собрании музея-заповедника «Кижь»). Петрозаводск, 2016.) «Красота богоданная, красота рукодельная» [Электронный ресурс] URL: <http://kizhi.karelia.ru/whatson/exhibitions/739/10484.html> Дата обращения: 14.12.2018.

³⁸ Зал на ул. Федосовой, 19, 20.12.2013 г. – 19.01.2014 г.

дам, хождениям ряженных, а также крещенской обрядности. Спецификой выставки стали ее максимальная интерактивность, поскольку она изначально создавалась преимущественно для детской аудитории, и насыщенность звуковым материалом, когда практически на каждом модуле предполагалась звуковая иллюстрация или звук в фоновом режиме³⁹. Отдельного внимания заслуживает работа экскурсоводов на этой выставке. Большинство из них были сотрудниками отдела изучения и музейной презентации фольклорного наследия. Они сопровождали свои экскурсии исполнением отрывков из текстов церковных песнопений и беседных песен, традиционных христовлавий, рождественских колядок. Это усиливало эмоциональное восприятие выставки и находило искренний и благодарный отклик у ее посетителей.

Святочным традициям, очень востребованной теме новогодних и рождественских экспозиций, была посвящена выставка **«Святки, когда маскированы ходят...»** (авторы П. Б. Легкая и А. М. Анхимкова)⁴⁰. Экспозиция представила предметный мир традиционной культуры, который позволил охарактеризовать основные элементы святочной традиции народов Карелии в XIX–XX вв.: святочные гадания и беседы, гостьба девушек на выданье у родственников в других деревнях, хождение ряженных, прославление Христа, обряды повышения девичьей «славетности» (по-карельски «*lembi*») и приближения замужества, очистительные обряды на Крещение. Особое внимание было уделено традиции святочного хождения ряженных (в Карелии их также называли «маскированы»). Авторы выставки сочли возможным познакомить ее посетителей с древним карельским праздником «кегри» (*kegri*), поскольку среди ритуалов этого праздника также было хождение ряженных. Праздник отмечался поздней осенью и был связан с окончанием осенних работ. В прошлом «кегри» был широко распространен среди карел средней Карелии и Тверской губернии. Специфической особенностью выставки стало участие посетителей в святочных играх и интерактивные экскурсии по экспозиции, которые проводили участники фольклорно-этнографического ансамбля музея. Так, для взрослой аудитории предлагался адаптированный вариант заонежской игры «Пахомушкой», для детей – поморская игра «Красоцки»⁴¹.

³⁹ НА МЗК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 4496. (Пахомова Д. Н., Легкая П. Б. Выставка «Прикатило Рождество Восподину на крыльцо». Петрозаводск, 2013.)

⁴⁰ Зал на ул. Федосовой, 19, 24.12.2015 г. – 18.01.2016 г.

⁴¹ НА МЗК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 4780. (Легкая П. Б., Анхимкова А. М. Документы по выставке о святочных традициях народов Карелии «Святки, когда маскированы ходят...». Петрозаводск, 2015.)

Одной из наиболее оригинальных в цикле выставок, посвященных народной культуре Олонецкой губернии, стала выставка «„Я во пелены пеленила, я во пояса повивала...“. Культура материнства и детства в Олонецкой губернии в конце XIX – начале XX в.»⁴² – результат работы по научной теме «Этнография детства. Традиции пестования в Заонежье и Пудожье» И. И. Набоковой⁴³. Экспозиция познакомила с восприятием темы материнства в народной среде, практикой родовспоможения, традициями пестования и опытом включения ребенка в трудовую и религиозно-обрядовую жизнь семьи и общества. Автор выставки, с одной стороны, акцентировала внимание на характерной для всех народов Карелии любви и заботе о подрастающем поколении, а с другой – подчеркнула национальный колорит обрядового и фольклорного наполнения жизни матери и новорожденного. В названии выставки использованы первые строки духовного стиха «Сон Богородицы», который был широко распространен на Русском Севере. В народе этот духовный стих воспринимался как заговор, обладающий мощной оберегающей силой, особенно в отношении рожениц и детей. Экспозиция включала три крупных тематических блока: «Ожидание материнства», «Дар чадородия» и «Традиции пестования», которые, в свою очередь, имели ряд подразделов. Предметный ряд, дополненный фотографиями девушек в свадебных нарядах различных районов Карелии, позволил ярко и наглядно представить сюжеты первого экспозиционного блока «Материнство в крестьянской культуре олонецких», «Каноны женской красоты», «Магические способы привлечения чадородия». Раздел «Дар чадородия» знакомил с родильной обрядностью, включавшей запреты и обереги, регулирующие поведение будущей матери и обеспечивающие рождение здорового ребенка. Здесь же рассматривались акушерские приемы и нормы ухода за ребенком, сопутствующие им суеверия и магические действия, меры облегчения родов и другие обрядовые действия. Финальный тематический блок, посвященный традициям пестования, повествовал об этапах взросления ребенка и принятых в народной практике закрепляющих их обрядовых действиях (первая улыбка, первый зуб, первые шаги, первая стрижка), а также знакомил с предметами, использовавшимися для ухода за новорожденными и младенцами, характеризующими возраст ребенка, «растущими» вместе с ним: обувь, игрушки. Экспонировавшийся костюм пожилой женщины Беломорского района первой четверти XX в., фотографии пестуний (старших женщин в семье, растивших и воспитывавших детей), а также детей разного

⁴² Зал на пл. Кирова, 10а, 27.12.2013 г. – 6.04.2014 г.

⁴³ См.: *Набокова И. И.* Поэзия пестования Водлозерского края // Кижский вестник. Петрозаводск, 2009. Вып. 12. С. 116–129.

возраста, типологический ряд парящих зыбок-колыбелей в центре зала способствовали раскрытию темы данного экспозиционного блока и создавали художественный образ всей выставки⁴⁴.

К открытию выставки был выпущен диск с колыбельными песнями в исполнении фольклорного ансамбля музея-заповедника «Кижи», основу которого составили экспедиционные записи сотрудников музея «Кижи» и Института ЯЛИ КарНЦ РАН.

Масштабной по публикации музейных коллекций стала выставка **«Кузнечное ремесло Олонецкой губернии»** (авторы С. В. Воробьева и И. С. Воробьев)⁴⁵. Представленные в экспозиции 276 предметов быта русского, карельского, вепсского населения Олонецкой губернии продемонстрировали широкое применение изделий кузнечного ремесла в повседневной жизни крестьянина, показали сходство и различие приемов и техники изготовления и декорирования предметов у разных народов и этнических групп, населявших территорию Олонецкой губернии. Многие экспонаты выставки являлись подлинными произведениями искусства, свидетельствовали о виртуозности мастеров кузнечного дела в конце XIX – начале XX в. Экспозиция включала несколько тематических комплексов, посвященных различным сферам крестьянской жизни: «Сельское хозяйство», «Мужские промыслы и ремесла», «Мир женщины», «Крестьянская усадьба», «Церковная утварь». В каждом разделе были представлены соответствующие орудия труда, бытовые предметы, кованые изделия церковного и часовенного убранства, изготовленные кузнецами. Например, тему сельского хозяйства иллюстрировали сельскохозяйственные орудия труда крестьян Олонецкой губернии: вилы, косы-горбуши, серпы, косари, цапки, сошники. Раздел «Мужские промыслы и ремесла» – охотничьи капканы, рогатины, рыболовные остроги, грузила, крючки, плотницкий, бондарный, сапожный инструмент. Экспозицию дополнял воссозданный интерьер деревенской кузницы с горном, наковальной, мехами, основными инструментами кузнеца⁴⁶.

Сложившуюся в музее традицию подготовки специальных выставок к новогодним и рождественским праздникам продолжила выставка **«Рождественская елка в народных школах Олонецкой губернии конца XIX – начала XX в.»** (авторы Д. Д. Абросимова, Е. В. Герасимова,

---

⁴⁴ НА МЗК. Б/н. (Набокова И. И. Концепция и тематико-экспозиционный план выставки «„Я во пелены пеленила, я во пояса повивала...“. Культура материнства и детства в Олонецкой губернии конца XIX – начала XX в.»). Петрозаводск, 2013.)

⁴⁵ Зал на ул. Федосовой, 19, 15.07 – 25.09.2016 г.

⁴⁶ НА МЗК. Б/н. (Воробьева С. В., Воробьев И. С. Концепция выставки «Кузнечное ремесло Олонецкой губернии»). Петрозаводск, 2016.)

В. Е. Кантор)⁴⁷. При создании экспозиции важную роль сыграли материалы, собранные в ходе разработки научной темы «Народные школы Кижской и Сенногубской волостей» одним из авторов выставки Дарьей Абросимовой⁴⁸. Идею создания выставки подсказали публикации 1870-х гг. в олонечских губернских периодических изданиях с описаниями праздника рождественской елки в сельских и городских школах. В них содержатся сведения о праздничном оформлении школьных интерьеров, приводятся сценарии проведения праздников, перечисляются названия звучащих музыкальных и литературных произведений. Это позволило реконструировать праздник рождественской елки в школах Олонецкой губернии в конце XIX – начале XX в. в форме музейной выставки с интерактивной программой. Экспозиционное пространство включало восемь тематических разделов. Были воссозданы интерьеры классных комнат и жилья учителей сельской и городской школ. Среди документов и фотографий следует выделить свидетельства об окончании земской школы острова Киж и школы грамоты деревни Сибово конца XIX в., неполной средней школы села Сенная Губа (1941 г.), фотографии школы в деревне Леликово (1930 г.), фотопортреты учителей школ в деревнях Выгозеро Повенецкого уезда и Шокша Петрозаводского уезда (конец XIX – начало XX в.). В разделе «Библиотека народной школы» представлены азбуки и псалтири, служившие для обучения чтению в начальных школах, тексты Нового и Ветхого Заветов, жития святых, сочинения русских классиков, учебники конца XIX – начала XX в. В «Домашней библиотеке учителя», помимо пособий по методике преподавания, учебников, ежегодных настольных календарей, подборок легкого чтения, были представлены документы, поступившие в фонды музея из семей священников и учителей: Русановых из Кижей, Петропавловских из Леликово, Плотниковых из Лижмы. Среди представленных на выставке фотографий особо следует выделить две коллекции: снимки из семьи потомственных учителей Ржановских из Вытегры и Сенной Губы и фотографии на тему школьного образования на территории Карелии в 1930–1950-е гг. Более половины экспонатов выставки – предметы из собрания музея «Киж» (135 ед.).

Симметричное построение экспозиции, где ее левая половина посвящена сельской школе, а правая – городской, было дополнено переходным разделом «Лесная дорога из села в город». Он обозначил пространственную и социальную границу между деревней и городом,

⁴⁷ Зал на ул. Федосовой, 19, 2.12.2016 г. – 31.01.2017 г.

⁴⁸ См., например: *Абросимова Д. Д.* Из истории народных школ Кижской волости (XIX – начало XX в.) // Изучение и актуализация традиционной культуры (к 50-летию музея-заповедника «Киж»). Петрозаводск, 2016. С. 25–42 и другие работы этого автора.

акцентировав внимание на различиях между ними, а также проиллюстрировал такое явление, как «сумочные библиотеки» – передвижные мини-библиотеки, которые в конце XIX в. передавались из деревни в деревню и давали возможность жителям удаленных поселений приобщаться к книжному знанию. Зачастую такие мини-библиотеки учителя рассылали своим бывшим ученикам.

Семь посвященных теме дореволюционной народной школы разделов создали своеобразный этнографический фон для размещенной в центре зала рождественской елки – смыслового центра экспозиции, объединившего все выставочные сюжеты. Выставку сопровождала специальная интерактивная программа – театрализованный Рождественский праздник в городской школе в конце XIX – начале XX в., с приглашенными на елку учениками народной сельской школы, учителями, «классной дамой», «попечителем», со стихами, песнями, танцами, играми этого времени⁴⁹.

Участию и роли крестьян Кижской волости в истории Российского государства была посвящена выставка **«Отечества достойные сыны»** (авторы С. В. Воробьева и Ж. В. Гвоздева)⁵⁰. Тематические разделы экспозиции представили такие события в жизни Российского государства XVII – начала XX в., как начало царствования династии Романовых, освоение Сибири в начале XVIII в., церковный раскол, основание Петербурга, освоение южных земель России. Ко всем этим событиям кижские крестьяне имели непосредственное отношение. Например, крестьяне Сидоровы из деревни Обельщина (Клементьевская) в Сенной Губе оказывали помощь находящейся в толвуйской ссылке инокине Марфе Ивановне, матери будущего царя Михаила Романова, за что впоследствии получили обельную грамоту. Братья Семеновы – Гаврила, Никифор и Иван – сыграли важную роль в старообрядческом движении, а также в становлении уральских металлургических заводов и разведке полезных ископаемых в Сибири в начале XVIII в. Олонецкие крестьяне внесли значительный вклад в становление и развитие Петербурга. Первыми купцами-кижанами, обосновавшимися в новой столице, были Ольхины, выходцы из деревни Ольхино (Ямка) на острове Кижы, и Никулины, чей род происходит из окрестной с Кижами деревни Потаневщина. После

⁴⁹ НА МЗК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 4781. (Абросимова Д. Д., Герасимова Е. В., Кантор В. Е. Материалы выставки «Рождественская ёлка в школах Олонецкой губернии»: научная справка, концепция, тематическая структура. Петрозаводск, 2016.)

⁵⁰ Зал на пл. Кирова, 10-а, 8.09–15.10.2017 г. Экспозиция была сопровождается выставкой-спутником «Былинные сказители Кижской волости в истории культуры России», размещенной в помещении Инфоцентра.

победы в русско-турецкой войне 1768–1774 гг. кижане участвовали в строительстве Херсона – колыбели и первой базы Черноморского флота. В самостоятельные разделы выставки были вынесены темы георгиевских кавалеров и сказителей. Они позволили познакомиться с заонежанами, участниками Первой мировой войны, и еще раз обратиться к уникальным страницам истории отечественной культуры, связанным с сохранением в Заонежье русского героического эпоса. Таким образом, выставка высветила поистине уникальные судьбы кижских крестьян и позволила испытать чувство гордости за земляков, сыгравших значительную роль в истории Российского государства⁵¹. Экспозиционные материалы включали 194 подлинных предмета из собрания музея, а также исторические тексты, копии документов, иллюстративные материалы.

В 2016–2017 гг. в городских залах музея экспонировались две выставки икон. Выставка **«Хвалите Господа все Ангелы Его»** (автор Б. Д. Москин)⁵² познакомила с образами ангелов на иконах XVIII–XIX вв. из собрания музея-заповедника «Кижь». Идею представить иконографию ангелов впервые высказала хранитель коллекции древнерусской живописи Галина Фролова. Она же подготовила концепцию выставки «Ангелология в иконописи Русского Севера». Следует отдать должное Борису Москину, который, воплощая в жизнь идею коллеги, создал все-таки свою выставку, уважительно и корректно используя первоначальный замысел. Автор сделал акцент на особенностях иконографии ангельских образов, обратил внимание на вопросы религиозного характера, раскрываемые посредством изображения ангелов, самых распространенных представителей небесной иерархии. На выставке экспонировались иконы из иконостаса кижской Преображенской церкви, иконы «неба» часовни Успения Богородицы в деревне Васильево на острове Кижь, иконы из часовен «Кижского ожерелья» на Волкострове и в деревне Корба, из церквей и часовен заонежских деревень Вегорукса, Усть-Яндома, Лычный Остров, пудожской деревни Бочилово. Экспозицию икон дополнили меднолитая пластика и церковные книги. Небольшая по количеству экспонатов выставка (48 предметов) была озарена светом высокой духовности севернорусской крестьянской культуры⁵³.

⁵¹ НА МЗК. Б/н. (Воробьева С. В., Гвоздева Ж. В. Концепция и развернутая тематическая структура выставки «Отечества достойные сыны» (Крестьянские семьи Кижской волости в истории Российского государства). Петрозаводск, 2017.)

⁵² Зал на пл. Кирова, 10-а, 7.10.2016 г. – 10.01.2017 г.

⁵³ НА МЗК. Б/н. (Москин Б. Д. Концепция и ТЭП выставки «Хвалите Господа все Ангелы Его» (Ангелы на иконах 18 в. из собрания музея-заповедника «Кижь»). Петрозаводск, 2016.)

Совместная с Музеем изобразительных искусств Республики Карелия выставка «**Писана икона сия при державе царя Алексея Михайловича**»⁵⁴ (авторы В. Г. Платонов, Б. Д. Москин) представила работы двух иконописных мастерских середины – второй половины XVII в. – Тубозерской (Пудожский край) и Заонежской (Заонежский полуостров). Выставка была сопровождена научным каталогом⁵⁵. Село Тубозеро располагалось на берегу одноименного озера, недалеко от восточного берега Онежского озера. В XVII в. эти земли входили в состав заонежского Толвуйского погоста, хотя и находились «за озером»⁵⁶. На выставке впервые были рассмотрены вопросы творческой преемственности между иконописцами этих районов Обонежья, а также выявлено своеобразие искусства обеих мастерских. Экспонировались 47 икон из церквей и часовен современных Пудожского и Медвежьегорского районов Карелии: церкви Успения и пророка Ильи Водлозерско-Ильинского погоста, из церквей и часовен в деревнях Пяльма, Тамбицы, Беляева Гора, селах Типиницы и Великая Губа. На выставке экспонировались 16 икон из иконостаса часовни Архангела Михаила из деревни Леликозеро, входящей в состав архитектурной экспозиции музея-заповедника «Кижь». В отличие от икон, созданных в заонежской мастерской неизвестными иконописцами, тубозерские иконы сохранили для нас имена мастеров. Это иконописцы (по всей вероятности, братья) Игнатий и Мокей Пантелеевы⁵⁷.

В 2014, 2017 гг. две музейные выставки были посвящены природному наследию Кижей. Интерактивная выставка «**Земля Кижская**» (авторы Т. В. Незвицкая, Т. В. Павлова, Р. С. Мартынов)⁵⁸ познакомила с историей формирования ландшафта острова Кижь и представила работу музея по его сохранению. Ведь именно она помогает поддерживать неповторимое пейзажное своеобразие Кижей и формировать удивительную предметно-пространственную среду для восприятия памятников архитектуры. Тематическая структура выставки включала сюжеты, посвященные истории землепользования на острове Кижь, естественным и антропогенным изменениям островного ландшафта, эстетике

⁵⁴ Зал на пл. Кирова, 10-а, 22.12.2017 г. – 18.03.2018 г.

⁵⁵ Платонов В. Г., Москин Б. Д. «Писана икона сия при державе царя Алексея Михайловича». Работы иконописных мастерских Пудожья и Заонежья середины – второй половины XVII в. Иконы из собраний музея-заповедника «Кижь» и Музея изобразительных искусств Республики Карелия: каталог выставки (г. Петрозаводск, 22 декабря 2017 г. – 18 марта 2018 г.). Петрозаводск, 2017. 120 с.

⁵⁶ Там же. С. 5.

⁵⁷ Там же. С. 4–10.

⁵⁸ Зал на ул. Федосовой, 19, 21.02–13.04.2014 г.

современного кижского ландшафта, особенностям отдельных его элементов, сезонным изменениям в облике, проблемам сохранения ландшафтной среды острова и Кижских шхер. Основой концепции и содержания экспозиции стали исследования, выполненные в рамках работы по подготовке Плана управления ландшафтами острова Кижь⁵⁹, а также данные о развитии и состоянии отдельных компонентов ландшафта, полученные по Программе мониторинговых исследований природной среды музея-заповедника «Кижь» в 1994–2013 гг. На выставке были представлены предметы из фондов музея-заповедника «Кижь», в основном земледельческие орудия и строительный инструмент, которые дополнялись игровыми и интерактивными экспонатами, дававшими посетителям возможность сравнить, оценить изменения ландшафта, проявить поисковую активность при знакомстве с материалами выставки⁶⁰.

Совместная с Институтом биологии КарНЦ РАН выставка **«Береги землю родимую, как мать любимую»** познакомила с историей изучения и охраны природы Кижских шхер, а также создания природного заказника «Кижский» и была посвящена Году экологии в России (авторы Т. В. Павлова и Т. Ю. Хохлова)⁶¹. Экспозиция ставила целью показать тесную взаимосвязь человека и природы и тем самым способствовать формированию у посетителей понимания единства целей сохранения культурного и природного наследия. Основу экспозиции составили экспедиционные отчеты, карты, фотографии, документы, естественнонаучные экспонаты, в том числе предоставленные партнерами выставочного проекта национальным парком «Водлозерский» и Национальным музеем Республики Карелия, а также предметы из собрания музея-заповедника «Кижь», позволившие проиллюстрировать широкое использование природных материалов для изготовления орудий труда и бытовых предметов. Экспозиционные материалы были представлены в шести взаимосвязанных разделах. Они рассказали об уникальности природного комплекса Кижских шхер и роли человека в формировании его ландшафтов, представили богатство растительного и животного мира шхер, особо ценные природные объекты, познакомили с исследователями и основными этапами изучения флоры и фауны этого природного района. Также на выставке были представлены основные результаты ботанических

⁵⁹ НА МЗК. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 4718. (Колбовский Е. Ю., Брагин П. Н., Медовикова У. А. Территориальное планирование и развитие территории музея-заповедника «Кижь»: В 2-х т. Петрозаводск, 2011–2012.)

⁶⁰ НА МЗК. Б/н. (Незвицкая Т. В., Павлова Т. В., Мартыанов Р. С. Концепция и тематико-экспозиционный план выставки «Земля кижская». Петрозаводск, 2013.)

⁶¹ Зал на пл. Кирова, 10-а, 23.10–15.12.2017 г.

и зоологических экспедиций 1980-х гг. сотрудников КарНЦ РАН и исследований, проводимых в рамках мониторинга природной среды музея-заповедника «Кижь», осуществляемого с 1994 г. совместными усилиями ученых КарНЦ РАН и специалистов музея «Кижь». Материалы выставки проиллюстрировали историю организации охраны природы в Кижских шхерах, с 70-х гг. XX в., в том числе организацию Кижского федерального заказника (1972–1994 гг.)⁶².

Предметы из фондов музея достаточно активно использовались при создании детских интерактивных выставок. С миром волшебной сказки Русского Севера познакомила выставка **«Не в котором царстве, не в котором государстве...»** (авторы Д. Н. Пахомова и П. Б. Легкая)⁶³. Создавая выставку, авторы стремились расширить представления юных посетителей музея о традиционной культуре народов Карелии посредством знакомства с богатством и разнообразием сказочной традиции. Названием выставки стал зачин одной из сказок замечательного поморского сказочника Матвея Коргуева. В форме увлекательного путешествия дети смогли прикоснуться к уходящему от нас миру северной деревни, крестьянской жизни. Увидеть многие упоминающиеся в сказках этнографические предметы и не только узнать их утилитарное назначение, но и постараться понять сакральный смысл. Удачно выбранная форма выставки-игры позволила детям познакомиться с наиболее яркими элементами этнографии и фольклорными жанрами южных карел, поморов, заонежан⁶⁴.

Детская интерактивная выставка **«Где живет загадка?»** (автор А. С. Исакова)⁶⁵ познакомила детей со старинными русскими, карельскими и вепсскими загадками, бытовавшими на территории Карелии. Мир загадок – это предметный мир крестьянской культуры, быта и хозяйства крестьянина, окружающей его природы. Многие загадки этнографически точны, поэтому знание этнографии позволяет не только отгадать загадку, но и понять, как «родилась» та или иная загадка, какие смысловые трансформации произошли с ней. Представленные на выставке загадки были собраны и опубликованы в разное время различными исследователями

⁶² НА МЗК. Б/н (Павлова Т. В., Хохлова Т. И. Концепция и развернутая тематическая структура выставки «Береги землю родимую, как мать любимую». Петрозаводск, 2017).

⁶³ Зал на ул. Федосовой, 19, 14.11.2014 г. – 1.02.2015 г.

⁶⁴ НА МЗК. Б/н (Пахомова Д. Н., Лёгкая П. Б. Материалы по выставке «Не в котором царстве, не в котором государстве...»: концепция выставки, развернутая тематическая структура, список литературы, текст экскурсии, сказочные формулы. Петрозаводск, 2014); Легкая П. Сказка – ложь, да в ней намек... // Кижь. 2014. № 10 (116). С. 1–2.

⁶⁵ Зал на ул. Федосовой, 19, 11.02–28.06.2015 г.

и энтузиастами-этнографами (Н. Ф. Лесков, Е. М. Прилежаев, Н. С. Шайжин, Н. А. Лавонен). Загадывание загадок как форма знакомства с музейным предметом была выбрана не случайно. Это один из самых интересных «детских» жанров фольклора, который помогает развивать внимание, память, образность мышления. Побуждает мыслить, анализировать – обобщать или, наоборот, выделять частности и различия, позволяет получать и усваивать новые знания в процессе игры. Подобное ненавязчивое, но в то же время эффективное воспитательное воздействие является ключевым принципом народной педагогики. Дети – посетители выставки – стали активными участниками увлекательной и познавательной игры и через знакомство с загадкой, традиционным укладом крестьянской жизни, предметами крестьянского быта были вовлечены в процесс изучения традиционной народной культуры⁶⁶.

Древним эпическим песням карел и финнов, получившим всемирную известность благодаря легендарному эпосу «Калевала», посвящена выставка «Из Калевалы в Похьелу» (автор Н. А. Архипова)⁶⁷. Экспозиция «оживила» страницы поэмы Элиаса Лённрота посредством знакомства с предметным миром и традициями древних карел и создала яркие визуальные образы двух мифических стран – Калевалы и Похьелы. В выставочном пространстве нашли отражение основные сюжеты и образы карело-финского фольклора: легенда о создании мира из яйца водоплавающей птицы; герои и основные персонажи Калевалы – Вяйнямейнен, Илмаринен, Лемминкяйнен, Лоухи, Куллерво; чудесная мельница «сампо»; дремучий лес («метсола»), где живут волшебные животные, птицы, рыбы и где герои-калевалыцы выполняют трудные и опасные задания Лоухи; страна мертвых Туонела. В пространстве выставки были воспроизведены фрагменты кузницы Илмаринена, дома Лоухи, воссоздан предметный мир охотника Лемминкяйнена и пастуха Куллерво. Автор предпринял попытку объединить музейную выставку и театр, и это стало яркой особенностью данной экспозиции. В ее содержании, оформлении, приемах работы с посетителями активно использовались средства театрального искусства: декорации, художественные инсталляции, театральные

⁶⁶ НА МЗК. Б/н (Исакова А. С. Концепция и тематическая структура детской интерактивной выставки «Как рождается загадка?». Петрозаводск, 2013); Исакова А. С. Возможности интерпретации традиционной культуры в пространстве детской интерактивной выставки. Из опыта создания выставки «Где живет загадка?» // Музей. Образование. Туризм. Перспективы развития. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции по музейной педагогике «Образовательный туризм и историко-культурное наследие: музейные практики и перспективы развития (22–25 сентября 2015 г., г. Петрозаводск). Петрозаводск, 2015. С. 67–72.

⁶⁷ Зал на ул. Федосовой, 19, 10.02–25.06.2017 г.

и берестяные куклы, специальное освещение, реконструкции карельского костюма, оформление ряда выставочных модулей в виде сценических площадок, театрализованные экскурсии, инсценировки сюжетов рун с помощью самодельных и перчаточных кукол, атрибутов того или иного героя, вовлечение посетителей в активное действие, игру. Экспозиция сопровождалась выставкой-спутником детских творческих работ «Вдохновляющий мир Калевалы», которая представила детское восприятие сюжетов карело-финских эпических песен⁶⁸.

Специально для детей была придумана и детская интерактивная выставка **«Кижская азбука, или Остров Кижы от А до Я»** (автор А. С. Исакова)⁶⁹. Идея выставки родилась из книги «Музейная азбука», составителем которой является Анна Исакова⁷⁰. Книга оказалась исключительно востребованной, и эта благодатная идея получила новое воплощение. В увлекательной форме выставка познакомила с музеем «Кижы», историей, этнографией и культурой Заонежья. Каждый уголок выставки был интерактивным. Здесь можно было построить баню и амбар, расписать прялку, вместе с героями былин сразиться с врагами, послушать сказки на заонежском диалекте и народные песни, принять участие в игре, своими руками сделать сувенир-брелок «Буквица» или медальон из керамики «Солнечный символ». А в конце путешествия по выставке можно было составить свою «кижскую азбуку». Выставка была создана в сотрудничестве с дизайнерским бюро «Арт Терра» (Санкт-Петербург).

В данном обзоре будет также уместным назвать наиболее значительные партнерские проекты, реализованные музеем в содружестве с владельцами частных коллекций, с музеями Карелии и России, в которых были представлены музейные фонды. Работы известного художника – резчика по кости Владимира Баландина – экспонировались на персональной выставке мастера **«Северные кружева Владимира Баландина. Резьба по кости, графика. К юбилею художника»** (2013 г.). Линогравюры Алексея Авдышева и Аллы Власенко, акварели Александра Трифонова и Аркадия Морозова, созданные в 1960–1990-х гг.,

⁶⁸ НА МЗК. Б/н (Архипова Н. А. Концепция и тематическая структура выставки-театра «Из Калевалы в Похьелу». Петрозаводск, 2016); Архипова Н. А. Выставка-театр как инновационная форма презентации материального и духовного наследия Карелии (на примере выставки «Из Калевалы в Похьелу») // Музей как образовательное пространство. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции по музейной педагогике «Музей как образовательное пространство: инновационные формы работы с посетителем» (21–24 июня 2017 г., г. Петрозаводск). Петрозаводск, 2017. С. 7–11.

⁶⁹ Зал на ул. Федосовой, 19, 24.11.2017 г. – 28.10.2018 г.

⁷⁰ Музейная азбука / Сост. А. С. Исакова. Петрозаводск, 2015. 48 с.

были представлены на выставке **«Художники России о Кижях»** (2013 г.)⁷¹. Изделия из бересты представлены в выставочном проекте **«Береста на все времена»** (2014 г.), реализованном в содружестве с Музеем берестяных скульптур народного мастера В. А. Костылева и Дворцом творчества детей и юношества Петрозаводска. Керамика из фондов музея экспонировалась на выставке **«„Взят от земли, яко Адам“. Традиции гончарного дела Русского Севера»** (2014 г.), представившей гончарные изделия мастеров Школы ремесел Соловецкого музея-заповедника. На выставке **«От моря дышим. Традиционная культура Поморского берега Белого моря»** (2016 г.), созданной совместно с краеведческим музеем «Беломорские петроглифы», наряду с коллекциями из Беломорска были представлены и поморские предметы из собрания музея «Кижь».

Особо следует сказать о выставке **«Народное судостроение Карелии. Традиции и современность»** (2013 г., автор Ю. М. Наумов) – партнерском выставочном проекте музея-заповедника «Кижь», Национального музея Республики Карелия, Карельского морского центра «Полярный Одиссей». Большинство экспонатов выставки были предоставлены Национальным музеем Карелии, но тема традиционного судостроения и судоходства многие годы успешно изучается, находит экспозиционное и культурно-массовое преломление именно в музее «Кижь».

Завершая обзор, отмечу роль дизайнера музея-заповедника «Кижь» И. В. Панковой, оформлявшей почти все упомянутые экспозиции, которая смогла найти индивидуальное художественное решение для каждого выставочного проекта, создать яркий, запоминающийся образ целого ряда музейных экспозиций. А также Л. М. Степановой, возглавлявшей в эти годы отдел выставок музея, которая осуществляла организационное обеспечение выставочных проектов, координацию работы участников творческих коллективов, создававших выставки.

---

⁷¹ О выставке см.: *Художники России о Кижях: каталог выставки* (г. Петрозаводск, 24 мая – 28 июня 2013 г.) / [Сост., предисловие Т. Г. Гырнец]. Петрозаводск, 2013. 44 с.

Т. В. Незвицкая

МЕЖДУНАРОДНЫЙ И РОССИЙСКИЙ ОПЫТ СОХРАНЕНИЯ ДЕРЕВЯННЫХ ХРАМОВ – ОБЪЕКТОВ ВСЕМИРНОГО НАСЛЕДИЯ ЮНЕСКО: ЦЕРКВИ ПРЕОБРАЖЕНИЯ ГОСПОДНЯ КИЖСКОГО ПОГОСТА (РОССИЯ) И ХРАМОВОГО КОМПЛЕКСА ХОРЮ-ДЗИ (ЯПОНИЯ)

Самобытная архитектура Японии заимствовала типовые конструкции архитектуры Китая, но, творчески их переработав, основала свой стиль, который изменялся на протяжении времени от классической простоты форм до величия архитектурного стиля эпохи Нара, изысканных форм построек Хейанского периода и периода Камакура до пышных богато украшенных объектов с нагромождением декоративных деталей, яркой покраской стиля, похожего по пресыщенности на барокко. Ярким примером построек конца XIV в. является «Золотой павильон» в Киото.

Япония – страна с особыми строительными традициями, которые сложились благодаря не только культуре и религии буддизма и синтоизма, но и таких природных явлений, как субтропический климат, землетрясения, цунами. Синтоистский храм на острове Ицукусима, возведенный предположительно в VI в. и неоднократно перестроенный заново, с открытыми террасами, крытыми ходами и многочисленными заходящими одна за другую крышами, является образцом японской архитектуры. Поднятые полы над землей и открытые пространства обеспечивают надлежащую вентиляцию зданиям и препятствуют образованию плесени. «Стены оставляли открытыми, благодаря чему воздух мог свободно циркулировать под и над зданием»¹, что способствовало

---

¹ Кохи А. Дерево, плесень и японская архитектура [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nippon.com/ru/views/b02314/?pnum=1>. Дата обращения 25.12.2018.

хорошей вентиляции. Кроме того, упругие соединения из дерева прекрасно противостояли тайфунам и землетрясениям.

Мировая глобализация повлияла на современную архитектуру Японии, которая по праву считается эталоном сохранения традиций. Вместе с тем возвращение к традициям в этой стране было неизбежно при ярко выраженных природных явлениях, верой в «дух», а не материю, все это позволило японской культуре вернуться к несложным постройкам старояпонского типа, особенно в частной застройке, а также восстановить некоторые утраченные технологии в процессе реставрации памятников деревянной архитектуры.

Известные японские методы реставрации в философском смысле означают историческую негативность, то есть отрицание наличного бытия «... „дух“ культурного объекта, сохраняется и оберегается, но „тело“ объекта постоянно отрицается, другими словами, оно меняется путем замены пришедших со временем в негодность деревянных деталей»². Поэтому Япония известна прямым копированием или перестройкой древних памятников на протяжении всей своей истории. «Японская методика сохранения культурных объектов имеет некоторые расхождения с западной методикой, принятой в ЮНЕСКО. Различия в подходах ... вызвали разногласия среди экспертов по определению аутентичности объектов всемирного наследия»³.

Япония присоединилась к «Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия» в 1972 г., спустя 20 лет после ее принятия. Затем Япония сделала серьезные усилия для соответствия международным нормам в деятельности по сохранению памятников культуры. Позиция Японии по сохранению исторических деревянных построек, а также определению подлинности памятника была высказана на международной конференции в японском городе Нара, где был принят «Нарский документ о подлинности». Принцип определения аутентичности памятника стал достижением реставраторов Японии «... при оценке аутентичности, в дополнение к внешней сохранности объекта, необходимо учитывать ... знание технических методов, традиций, обычаев и ритуалов прошлого»⁴. Хотя этот способ мышления разделяют многие специалисты по сохранению исторических построек из дерева, реализовать его бывает сложно из-за утрат исторических технологий. Японские специалисты считают, что ценность памятника не уменьшается и не утрачивается, а остается прежней, если соблюдены традиционные приемы при реставрации и научный подход при ее проведении.

² Мошняга П. Глобализация японской культуры. М., 2010. С. 122.

³ Там же. С. 121.

⁴ Там же. С. 122.

Доказав свою правоту в этом вопросе, Япония продемонстрировала уважение к историческим традициям. Это объяснило, насколько важно в понимании ценности объекта учитывать его культурную ауру. Эта позиция была утверждена на XII Генеральной Ассамблее Международного совета по памятникам и объектам (ИКОМОС), прошедшей в 1999 г. в городе Мехико.

Своим положительным опытом работы Япония добилась, чтобы объекты культурного наследия стали не только японским достоянием культуры, но и мировым. С 1993 г. каждый год списки ЮНЕСКО пополнялись объектами из Японии. В 1993 г. в список ЮНЕСКО внесены буддистские памятники в районе Хорю-дзи, замок Химэ-дзи; в 1994 г. – исторические памятники Киото; в 1995 г. – исторические деревни Сиракавага и Гокаяма; в 1996 г. – синтоистский храм на острове Ицукусима; в 1998–1999 гг. – исторические памятники города Нара, храмы национального парка Никко; в 2000 г. – замки Рюкю на острове Окинава и другие объекты.

Тот факт, что в 1999 и 2005 г. на пост генерального директора ЮНЕСКО избирался японский дипломат Коитиро Мацуура, показывает международное признание вклада японского государства в мировую культуру и понимание этого уникального национального явления. Для специалистов в области сохранения памятников деревянного зодчества важны знания и опыт сохранения объектов из дерева в Японии. Сегодня Япония наравне с другими странами Европы является не только обучающим центром по сохранению исторических деревянных построек, но и примером для подражания в политике сохранения исторических традиций и технологий.

Особенностями деревянных памятников Японии являются балочно-стоечная конструкция с консолями доугун, на которые опираются выгнутые кровли, характерные для Японии и Китая. «Доугун (или доу-гун) – это консольная капитель, переходящая в карниз ... Главная задача доугуна – поддерживать вынос кровли здания, соединяя опорные столбы и балки обвязки ярусом, а также передавать нагрузку от балок и крыши на колонну...»⁵. Отличительной особенностью японской кровли стала акцентная горизонтальность завершения кровли без чересчур выгнутых линий, что породило неповторимый облик японского зодчества. «Практически все японские постройки представляют собой комбинации прямоугольных элементов, за исключением павильона Юмэдоно в храме Хорю-дзи (город

---

⁵ Гуаньин Ч. Библиотека элементов доугун и информационное моделирование памятников архитектуры древнего Китая // *Architecture and modern information technologies* 2 (31) 2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.marhi.ru/AMIT/2015/2kvart15/chzhan/chzhan.pdf>. Дата обращения 25.12.2018.

Нара) и трехъярусной пагоды храма Анракудзи (префектура Нагано), где в конструкции использованы восьмиугольные элементы»⁶. В целом обычно вся форма здания плоская и вписывается в природное окружение, разворачиваясь в пространстве по горизонтали. У пагод число ярусов могло быть любым, и у каждого яруса свой карниз.

Наиболее важным критерием в этой конструкции является масштабная размерность или модульность элементов. Конструкции консоли состоят из унифицированных и стандартных элементов, которые имеют большое количество видов соединения. Веками отработанная конструкция доугун позволяла выдерживать серьезные нагрузки от тайфуна, ветра, землетрясений и других природных явлений. Традиционное японское деревянное здание напоминает модульный комплект элементов из дерева, который позволял оперативно собрать и разобрать постройку. «К началу XII в. система доугун уже была хорошо описана и стала даже основой для определения размеров и пропорций зданий. Более того, на ее основе появилось руководство по расчету прочности несущих конструкций»⁷. В связи с этим во все времена в Японии при ремонтах традиционно использовалась полная или частичная сборка-разборка храмов.

Использование дерева как основного строительного материала в традиционной японской архитектуре было связано с большим запасом лесных ресурсов и влажным климатом. Изобилие дерева и в Японии, и в России определило традицию деревянного строительства из хвойных пород. В Японии использовали такие виды дерева, как криптомерия, кипарис и сосна, а в России – сосну и лиственницу. Криптомерия, или японский кедр, обладает твердой и смолистой древесиной, а механические характеристики кипариса и сосны схожи. Между тем в кипарисе и кедре содержится больше смолистых веществ, чем в сосне, что также повышает биостойкость материала и его долговечность даже при повышенной влажности. Таким образом, дерево Японии более устойчиво к биологическим вредителям, чем в России, что способствовало долговечности постройки. Страны с запасом лесных ресурсов, такие как Россия и Япония, – это основоположники исторических традиций строительства и дальнейшего сохранения построек из дерева. Исторические традиции у стран разные, но подходы к сохранению этих построек имеют общие черты.

---

⁶ Кохи А. Дерево, плесень и японская архитектура.

⁷ Гуаньин Ч. Библиотека элементов доугун и информационное моделирование памятников архитектуры древнего Китая.

Лесные запасы России и Японии позволили создать уникальные памятники архитектуры из дерева, которые поражают своими размерами и формами. Пример «циклопической» постройки из дерева в Японии – буддистский храм XIII в. Тодай-дзи в городе Нара высотой 57 метров, построенный в 745 г. Храм считается самым крупным деревянным строением в мире. Современный вид храм приобрел в 1709 г., для его восстановления демонтировали две пагоды высотой 100 метров, которые были разрушены землетрясением. Более 100 лет назад в России крупные деревянные храмовые комплексы и отдельные большие деревянные строения были не редкостью. Вот что по этому поводу писал И. Э. Грабарь: «Когда стоишь подле древнего сруба, то не можешь отделаться от мысли, что эти поистине гигантские бревна, каких нынче ни в одном лесу не сыщешь, срублены не нынешними людьми, а великанами»⁸.

Дерево, с одной стороны, самый возобновляемый и распространенный строительный материал, а с другой – недолговечный, требующий защиты. Исторические деревянные постройки нуждаются в особой, дополнительной защите. «В дополнение к естественным причинам, объекты могут пострадать от огня, войн, ущерба, ранее неэффективных мер вмешательства или ненадлежащего использования»⁹.

Хрупкое и уникальное наследие деревянной архитектуры во всем мире утрачивается нарастающими темпами по разным причинам. Основными причинами критического состояния объектов являются: приближение предельного возраста памятников, пожары, которые приводят к полной ликвидации объектов, биоразрушение, неумелое приспособление под современные нужды, отсутствие служб содержания объектов, отсутствие стимула у общества сохранять традиции.

Например, такой риск утрат, как пожар, практически полностью устранен в Японии путем внедрения автоматических систем пожаротушения. Трагический пожар в 1949 г. в «Золотом зале» храма Хорю-дзи стал поворотной точкой в защите деревянных памятников. После восстановления в 1955 г. «Золотого зала» день пожара – 26 января – был объявлен днем защиты культурных ценностей от пожара. В этот день каждый год организуются тренировки и другие мероприятия по предотвращению пожаров. Агентство противопожарной защиты и местные пожарные команды публикуют доклад по результатам этой деятельности для общественности и информацию о необходимости противопожарной

⁸ Грабарь И. История русского искусства. Т. I: Архитектура. М., 1953. С. 350.

⁹ Larsen K., Marstein N. Conservation of Historic Timber Structures An ecological approach. Oslo, 2016. P. 61.

защиты исторических зданий. «Такие меры, как День защиты культурных ценностей от пожара, повышают осведомленность общественности и, вероятно, являются наиболее важным шагом во всеобъемлющей стратегии противопожарной защиты»¹⁰. Пример Японии показывает, как негативный опыт пожара был реализован в позитивное мероприятие по охране культурных ценностей в масштабе всей страны.

В России ежегодно от пожаров погибает не один памятник деревянно-го зодчества. Так, в 2018 г. это печальное событие произошло в Карелии в церкви Успения Пресвятой Богородицы в городе Кондопога. Для России по-прежнему актуален риск утраты памятников деревянного зодчества от неумелого обращения с огнем и вандализма. Какие меры будут приняты в России после утраты древнего храма с сохранившимся интерьером, пока говорить рано, но опыт Японии, где «пожар оказал огромное влияние не только на вопрос противопожарной защиты исторических зданий, но и на защиту культурных ценностей в целом»¹¹, может стать примером для подражания. При этом необходимо использовать положительный и отрицательный опыт других стран, взвесить экономическую и техническую составляющую при обеспечении памятников системами автоматического пожаротушения. «Противопожарная защита исторических зданий и объектов является более сложным мероприятием, чем защита обычных современных зданий из-за технических проблем, проблем с сигнализацией, проблем, связанных со вторичным повреждением, эстетических проблем, экономических проблем и тому подобное»¹². Необходима оценка рисков, в том числе риска ущерба от ложного срабатывания сигнализации, так, например, по данным иностранных специалистов «спринклеры ... могут нанести большой ущерб, если они сработают во время ложных тревог»¹³.

Сегодня для Японии большим риском, чем пожар, является заражение древесины термитами и ее разрушение. Риск утраты объектов от биоповреждений для России не так актуален, так как все биологические повреждения древесины происходят постепенно, этому процессу предшествует бездействие со стороны людей, выражающееся в отсутствии работ по содержанию, профилактике, ремонту памятников деревянного

---

¹⁰ Larsen K., Marstein N. Conservation of Historic Timber Structures ... P. 78.

¹¹ Ibid. P. 75.

¹² Larsen K., Marstein N. International Symposium on Fire Protection of Historic Buildings and Towns. Risør, Norway, 12–14 September 1990. Symposium Proceedings. Trondheim, 1992.

¹³ Marstein N. Fire Protection of Historic Buildings and Towns in Norway. In International Symposium on Fire Protection of Historic Buildings and Towns. Risør, Norway, 12–14 September 1990. Symposium Proceedings. Trondheim, 1992. P. 74.

зодчества. Процесс деструкции конструкции доводится до крайней точки невозврата, что приводит к утрате объектов. В лучшем случае происходит процесс реставрации, как известно, «крайней меры» согласно Венецианской хартии.

Несмотря на все неблагоприятные природные явления, в Японии сохранилась самая древняя в мире постройка из дерева – буддийские памятники Хорю-дзи в Наре (рис. 1). Изначально построенный в 607 г. храмовый комплекс полностью сгорел в 670 г. из-за удара молнии, после чего был заново отстроен к 700 г. Пагода Хорю-дзи состоит из многоярусных кровель, укрепленных прочной мачтой, проходящей через весь пятиярусный памятник по основной оси с целью сохранения объекта от землетрясения. Главный храм Хорю-дзи сочетает в себе все особенности деревянной японской архитектуры: входная дверь, зал с колоннами и статуями и изогнутая крыша в подражание китайским объектам с консолями (доугун) (рис. 2).

В книге «Сохранение исторических деревянных строений» авторов Кнута Эйнара Ларсена (Knut Einar Larsen) и Нилса Марстейна (Nils Marstein) перечислены семь серьезных ремонтов храма, которые были выполнены в течении 14 веков, при этом три раза объект подвергался полному демонтажу:

*Рис. 1. Буддийские памятники Хорю-дзи (VII в. строительства).
(фото из Википедии)*

Рис. 2. Конструкция консоли (доугун) на храме в Японии

«1. В начале XII в. выполнен ремонт верхнего уровня кровли до комплекса кронштейнов.

2. В XIII в. конструкция храма была полностью демонтирована и выполнен ремонт.

3. В XV в. был выполнен ремонт кровли.

4. В XVII веке храм полностью демонтировали и восстановили, были внесены изменения в конструкцию.

5. В XVIII в. выполнены незначительные ремонтные работы.

6. В 1897–1898 гг. выполнен значительный ремонт.

7. В 1972–1975 гг. конструкция была полностью демонтирована в третий раз и выполнена ее реставрация»¹⁴.

Рассмотрим общие и специфические черты работ по сохранению уникальных исторических деревянных построек, объектов ЮНЕСКО – комплекса Хорю-дзи в городе Нара и церкви Преображения Господня Кижского погоста на острове Кизи (рис. 3).

В Японии ремонтные работы и реставрация исторических деревянных построек проходят внутри специального здания, построенного по размеру объекта, в котором идет ремонт или реставрация методом разборки.

¹⁴ Larsen K., Marstein N. Conservation of Historic Timber Structures ... P. 17–18.

В ангаре по периметру строят несколько галерей для проходов, затем аккуратно разбирают храм на элементы по маркировочным схемам (несущие колонны, кровлю, панели) и далее проводят работы по реставрации на основе традиционных технологий и приемов.

Рис. 3. Церковь Преображения Господня Кижского погоста
(1714 г. строительства)

Музею-заповеднику «Кижь» – единственному музею в России – удалось обосновать необходимость выделения средств для строительства специального реставрационного комплекса с учетом технологического процесса реставрации церкви Преображения Господня. В основном в России реставрационные работы проходят в «полевых условиях», и смета не предусматривает большие расходы на строительство специальных помещений. Музейный,

специально оборудованный реставрационный комплекс позволил в большей степени приблизиться к основному принципу реставрации – «минимального вмешательства при максимальном сохранении» (рис. 4, 5).

Рис. 4. Организация реставрационных работ в Японии

Рис. 5. Организация реставрационных работ в музее Киж

Сравнивая общие подходы к организации работ по сохранению комплекса Хорю-дзи и церкви Преображения Господня, можно сказать, что специалисты обеих стран приоритетным направлением считают соблюдение исторических технологий ведения работ на тот период, когда был построен памятник, так как только при этом сохраняется культурная и историческая ценность объекта. Знание нематериальных традиционных методов мастерства достойно такого же сохранения, как и сохранение материального наследия.

Зачастую между специалистами возникают споры, что первично: сохранение материи памятника или сохранение традиций и технологий. Когда ремесленный или традиционный подход предлагается в качестве самого предпочтительного принципа сохранения памятника из дерева, памятнику может быть невольно причинен ущерб. К примеру, в России традиционно при повреждении нижних венцов сруба и иных конструкций проводили работы по замене венцов или бревен полностью без их ремонта. Если бы мы относились к этому так же, как и наши предки, то процент замены материалов значительно увеличился бы. Недолговечность древесины по сравнению с камнем или кирпичом диктует ограничение не только на современные решения при реставрации, но и на разумное использование традиционных приемов без ущерба материи памятника. Традиционно обшивка храмов и домов в XIX и XX в. проводилась в основном с целью защиты объекта, но это не говорит о тотальной обшивке всех деревянных зданий. «Покрытие кровель железом и обшивка стен снаружи храма тесом есть явление весьма позднее, вызванное желанием сохранить ветшающий храм или сделать его теплым»¹⁵. Чтобы соблюсти ту или иную традицию местных жителей, надо убедиться, что традиционное решение не повлияет на культурную значимость памятника и его подлинность.

В Японии в исторических деревянных строениях до середины XIX в. металл практически не использовался. Так, в Японии по решению сёгуна Токугава в XVII в. ограничили использование металлических стяжек при строительстве. В России эти ограничения связаны с развитием технологий производства металла и с ценой на металл. Традиционные объекты и в Японии, и в России не всегда имели фундаменты по разным причинам. В Японии из-за того, что во время землетрясений здание может сместиться с опорных камней (но с распространением в Японии буддизма стали появляться каменные основания под деревянными строениями). В России строили деревянные строения без фундаментов, но ставили валуны

---

¹⁵ Грабарь И. История русского искусства. С. 358.

под большие сооружения, в XIX и XX в. устройство фундаментов стало обычной практикой. Одна из причин многочисленных деформаций церкви Преображения Господня Кижского погоста – это отсутствие фундамента, однако нельзя сбрасывать со счетов разрушение древесины в сложной срубовой конструкции церкви также в результате других факторов.

Общий принцип сохранения исторических элементов – максимальное сохранение при минимальном вмешательстве – в Японии и России имеет свои особенности в связи с разными традициями стран. В Японии при ремонте деревянных исторических элементов храмов Хорю-дзи соединения новой и старой древесины типологически напоминают исторические соединения. Использование вторично исторических элементов – японская традиция. «... ремонт буддийского храма в Японии был выполнен с уважением к сохранению существующих и, в частности, оригинальных материалов в том смысле, что плотники повторно используют старый материал, насколько это возможно»¹⁶. В Японии существовали два вида традиционных соединений конструкций: по длине и угловые. Японские эксперты зафиксировали около пятидесяти основных типов соединений в длину и восемьдесят угловых. Таким образом, при определенной вариативности количество разнообразных соединений доходило до тысячи, что указывает на высокий уровень развития плотницких и столярных технологий.

Для климата России характерна более простая система соединений в срубовых конструкциях, многое зависело от сложности объекта, а изменение габаритов здания решалось за счет геометрического построения форм из бревен, которые были модулями для зодчих. Древние меры на Руси были сопоставимы с размерами человеческого тела. При этом мастер-плотник практически одним топором мог срубить сложные формы различных деревянных конструкций, достигая высокого уровня мастерства с помощью плотницких приемов.

В церкви Преображения Господня для ремонта исторических бревен использовалась старая, выдержанная древесина с идентичными параметрами. С целью максимального сохранения аутентичных бревен в срубе музеем была разработана методика сохранения каждого элемента без его полной замены. А. Л. Ковальчуком производится ремонт деревянных элементов, установка так называемых вставок, вычинок, протезов, где насчитывается девять основных типов соединений. Новые части крепятся к старому элементу посредством разработанных типовых соединений. Эта кропотливая работа реставраторов позволила сохранить 70 процен-

---

¹⁶ *Larsen K., Marstein N. Conservation of Historic Timber Structures ...* P. 18.

тов исторического материала церкви Преображения Господня, тогда как изначально эксперты считали, что более половины исторического материала будет утрачено. Таким образом, апробированные современные реставрационные решения в России уместны при условии использования традиционных техник и анализа полученного результата.

Традиционные методы необходимы для сохранения исторических зданий и, наоборот, традиционные методы сохраняются за счет работ по сохранению. Это признается и в Японии, и в России. Кроме того, законодательство Японии в области наследия предусматривает защиту исторических методов, а также людей и учреждений, которые могут сохранить эти знания для будущих поколений. В Японии поощряют использование исторических материалов, плотницких технологий, способов и методов исторического строительства. Взаимозависимость между сохранением зданий и сохранением традиционных методов является центральным принципом защиты деревянных строений в Японии. «Как следствие, японцы заняли лидирующие позиции в мире в отношении систематических исследований и использования исторических материалов и методов работы по сохранению»¹⁷.

Необходимость сохранения не только самих исторических объектов, но и строительных традиций, а также эволюционных изменений как строительных приемов, так и приемов сохранения сегодня как никогда актуально для России. Духовность, сила творческой, народной мысли, заложенная в российском деревянном зодчестве, определяла облик страны не один век, но забота о сохранении нематериального наследия – национальной традиции – до сих пор не осознана и может быть утрачена.

Японские архитекторы и плотники руководствуются при работе по сохранению объектов глубокими знаниями традиционных материалов, строительных технологий и особенностей проектирования. Все работы организованы таким образом, чтобы непрерывный процесс реставрации проводился командой специалистов – архитектор, историк, плотник, с четкой фиксацией всех процессов. Архитектурные историки в большей степени, чем в других странах, задействованы в сохранении архитектуры в Японии. Архитектурный историк работает рука об руку с архитектором и плотником, что повышает не только качество работ, но и их достоверность. В российской практике архитектурные историки на объекте реставрации скорее исключение из правил, чем правило, поэтому многие уникальные реставрации XX в. слабо описаны и зафиксированы.

---

¹⁷ Larsen K. Architectural Preservation in Japan. Trondheim / Paris, 1994/ ICOMOS International Wood Committee.

В России на законодательном уровне установлено положение о фиксации реставрационных работ «до», «в процессе» и «после», но скорее больше для подтверждения финансовых затрат, чем для фиксации именно истории (технологии, «следов») памятника, поэтому постоянное присутствие историка архитектуры не предусмотрено законодательством России. «Японские эксперты осознали важность работ по сохранению и использовали его в качестве основного источника получения новой информации о развитии архитектуры и знаний о традициях и технологиях»¹⁸. Эта разница в подходе к сохранению памятников деревянного зодчества не только снижает научный потенциал России, но и лишает нас информации о традициях строительства из дерева, традициях сохранения исторических деревянных построек в России.

Для дерева неизбежно наступает время, когда замена элементов конструкций становится необходимостью. Дерево может разрушаться из-за дереворазрушающих грибов и насекомых, от превышающих нагрузок, повышенной влажности, огня и по другим причинам. Первое требование, предъявляемое к новой древесине, которую используют при реставрации, – она должна быть того же вида и размера, иметь совместимые физические и механические свойства, а также сходную обработку поверхности. Сегодня эта задача становится все более сложной: во многих странах невозможно найти древесину такого качества, которое соответствовало бы историческому материалу. Причинами этого могут быть истощение лесных ресурсов или нахождение подходящей древесины в недоступных местах. В России не ведется отдельной заготовки лесоматериалов для реставрации, что негативно сказывается на работах по сохранению исторических памятников.

В Японии, как и при реставрации церкви Преображения Господня на острове Киж, при замене деревянного элемента восстанавливались характеристики обработки элемента, которые были использованы первоначально строителями здания. Новый элемент обрабатывался аналогичным инструментом с теми же рабочими позами для получения текстуры поверхности, идентичной оригинальной. В Японии «новый подход к использованию традиционных, но устаревших инструментов и методов ремонта был начат во время ремонта зданий храма Хорю-дзи между 1935 и 1955 годами, в том числе при восстановлении главного зала после пожара в 1949 г.»¹⁹. При реставрации храма Хорю-дзи архитектором

¹⁸ Larsen K., Marstein N. Conservation of Historic Timber Structures ... P. 44.

¹⁹ Larsen K., Marstein N. International Symposium on Fire Protection of Historic Buildings and Towns...

и архитектурным историком были тщательно изучены как поверхность дерева, так и старые исторические документы, чтобы определить, какие инструменты плотники использовали в VII и VIII в. и какие позы плотники принимали при работе с инструментами при обработке поверхности. «Исследования ... стали толчком в возрождении исторических инструментов, которые больше не использовались, особенно копьевидного инструмента (яри-ганна)»²⁰. При обработке яри-ганной сминались волокна дерева, предотвращая проникновение воды и делая древесину более устойчивой к биопоражению, а внешне поверхность напоминала лист бамбука. Согласно мнениям исследователей, эта поверхность позволяет сохранить дерево на более длительный период. Японские архитекторы утверждают, что при использовании этой технологии новый элемент лучше вписывается в первоначальную структуру как технически, так и эстетически. Япония уникальна в чрезвычайно добросовестном подходе к сохранению исторических конструкций из дерева, которые подчеркивают взаимозависимость между сохранением зданий и сохранением традиционных технологий.

В Карелии в основном не произошло таких утрат плотницких технологий, как в Японии, поэтому их восстановление при реставрации церкви Преображения Господня не потребовалось. Тем не менее тщательная фиксация реставрации остро необходима. В России традиционно поверхность древесины обрабатывалась топором и скобелем. Скобелем окаривали бревна, обрабатывали кровельный тес, столярные элементы и стены после такой обработки выглядели волнообразно, а дерево служило дольше, так как волокна также приминались и поверхность была меньше подвержена намоканию. Традиционная заготовка плах была похожа и в Японии, и в России: клиньями распускали бревно и обтесывали топором. Таким образом, в Японии и России наблюдается исторически схожий технологический прием в обработке поверхности дерева и выполнении отдельных плотницких операций.

Сегодня важной задачей стала фиксация и восстановление утраченных технологий, которые были апробированы на протяжении веков нашими предками как в Японии, так и в России. Чтобы понять плотников, работающих в старые времена, получить знания об их инструментах, а также для выявления региональных и местных плотницких школ, инноваций в строительной традиционной технологии, мы должны уметь интерпретировать следы, оставленные инструментами на бревнах существующих исторических объектов. «Исследование строительных технологий,

---

²⁰ Larsen K., Marstein N. Conservation of Historic Timber Structures ... P. 44.

технологии строительства и ремесленных методов и использование материалов должны быть неотъемлемой частью работ по сохранению исторических деревянных построек»²¹. Таким образом, знания о технологии могут сформировать научные знания, которые необходимы в области сохранения. Когда традиции, технологии плотницких работ утрачиваются, их реновация возможна только при организации работ подобно тем работам, которые проводились в храме Хорю-дзи, когда историки архитектуры и плотники работали вместе для анализа и изучения следов инструментов, которые они находили на старых бревнах.

Научные знания о строительных традициях в Японии и России стали доступны также из архивов исторических документов. Согласно архивам, историки архитектуры в Японии различают несколько категорий периодического вмешательства в традиционную деревянную конструкцию, так называемые основные ремонты, включающие полный или частичный демонтаж и частичную разборку. Анализ ремонтных работ показал, что каждые 300–400 лет в Японии возникала необходимость демонтировать деревянные структуры полностью, элемент за элементом, вплоть до фундаментных камней для ремонта нижней части колонн и стен. Кроме того, регулярный полный демонтаж был необходим, поскольку сама конструкция из дерева со временем деформировалась. Конструкция кронштейнов не позволяла выполнить ремонт без разборки. Эти деформации приводили к наклону здания, и, если наклон достигал трех градусов, в Японии демонтировали конструкции. Частичная разборка выполнялась в основном каждые 150–200 лет и касалась конструкций кровли, которые разбирали, ремонтировали, укрепляли и собирали, также выправлялись небольшие просадки фундаментных камней. Кровля в Японии имеет относительно короткий срок службы, например, кипарисовая черепица служит около 40–50 лет, а кедровая – 20–30 лет. Новые замененные элементы в Японии имеют маркировку с датой ремонта, и эта информация может быть бесценной как для историков, так и для будущих работ по сохранению.

При анализе исторических вмешательств в церковь Преображения Господня, построенную в 1714 г., можно также зафиксировать периодичность основных видов ремонтных работ. На церкви работы проводились достаточно часто по разным причинам. Через 50 лет после строительства ремонтные работы в церкви Преображения Господня были направлены на исправление деформаций, появившихся в срубе, скорее всего, сразу после строительства. Следующие ремонтные работы

---

²¹ *Larsen K., Marstein N.* Conservation of Historic Timber Structures ... P. 45.

проводились через более чем 100 лет и были связаны с ремонтом бочек и глав, а также обшивкой церкви (1823–1834 гг). Причиной деформаций высотного сооружения стало отсутствие фундаментов под объектом, «ветхость церкви в крышах». Лишь по прошествии более чем 150 лет под церковь подводят фундаменты, выполняют частичный демонтаж конструкций, убирают старую наружную обшивку и покрывают стены новыми досками, выравнивают деформированные «небеса», поновляют полы, покрывают изнутри стены досками (1866–1871 гг). Через 250 лет понадобились серьезные реставрационные вмешательства по выравниванию деформаций и замене бревен в срубе, демонтаж обшивки и иные работы, которые велись на протяжении десяти лет. И только через 300 лет специалисты осуществили полномасштабную реставрацию методом вывешивания и разборкой церкви по поясам. Анализ реставрационных работ показал, что кровельные конструкции, осиновый лемех, как и в Японии, заменялся каждые 20–40 лет.

Таким образом, через 300 лет, как и в случае с японскими храмовыми объектами Хорю-дзи, церковь Преображения Господня была полностью перебрана, но только методом вывешивания. Из этого можно сделать вывод о том, что по прошествии трех столетий деревянные конструкции, будь то стоечно-балочная система или сложная срубовая конструкция, нуждаются в реставрации каждого отдельного деревянного элемента.

Ю. В. Линник

АРХЕТИПЫ РУССКОГО СЕВЕРА

Юрий Владимирович Линник – поэт, прозаик-натуралист, философ, культуролог – скончался в мае 2018 г., оставив множество неопубликованных статей и эссе по различным направлениям культуры.

С музеем-заповедником «Кижы» его связывала не только любовь к памятникам народного деревянного зодчества, но и конкретные общие проекты (две выставки работ из его коллекции архитектора Ю. С. Ушакова – 2005 и 2018 г.) а также участие в трех научных конференциях «Рябининские чтения», организуемых музеем, – доклады: «Архетипы Преображенской церкви» (2007 г.), «Русский Север: восприятие, трансформация и синтез иноземных влияний» (2011 г.) и «Архитектурная биогеография» (2015 г.). Были также публикации в двух изданиях музея: «Кижское древо» (Кижский вестник. Вып. 15. 2015 г.) и эссе «Преображенка» в сборнике статей, изданном к 300-летию Преображенской церкви (2014 г.).

Юрий Владимирович не оставался в стороне и в вопросе реставрации Преображенской церкви, когда специалисты решали ее судьбу в 1980–1990-е гг. В ряде публикаций в прессе Линник выдвигал свои версии спасения шедевра народного зодчества, опасаясь поспешных и непродуманных решений. В его поэтическом наследии есть стихи, посвященные как острову Кижы, так и памятникам архитектуры, входящим в состав музея-заповедника.

Народная культура его особенно интересовала в последние годы жизни. Первой книгой на эту тему была «Космос русского праздника» (2006 г.), второй – «Духовность Русского Севера» (2007 г.). Позже, в связи с тесным сотрудничеством с национальным парком «Водлозерский», были изданы книги: «Ильинский погост» (2011 г.) и «Водлозерье» – книга статей (2016 г.). Завершил работу в этом направлении основательный труд: «Зодчество Русского Севера в художественном и научном творчестве А. Б. Бодэ» (2016 г.).

Уникальность текстов Юрия Линника по народной культуре состоит в том, что он подходил к различным спорным вопросам не как узкий специалист, а как культуролог-философ широкого плана, не опасаясь обвинений в некомпетентности, порой выходя за грань общепринятых норм и стандартов. Обладая энциклопедическими знаниями, он легко оперировал редкими и сложными терминами, именами, концепциями, датами... порой используя как дополнительный аргумент поэтическую метафору.

Подбор статей для его посмертной публикации в очередном «Кижском вестнике» не случаен. Он связан с живописными и графическими работами ленинградского архитектора Ю. С. Ушакова из коллекции Линника. Случилось так, что он первым оценил эту часть творческого наследия талантливого архитектора-ученого и педагога, получив некоторые работы как дар в свой музей «Русского Севера» имени Н. К. Рериха или частично выкупив у вдовы художника. Таким образом, более 200 работ, достойных внимания столичных музеев, оказались в Петрозаводске, в частной коллекции, но мертвым грузом они не лежат. Юрий Владимирович не только два раза выставлял их для широкого обозрения, но и написал и опубликовал две книги-брошюры про Ю. С. Ушакова – «Зодчество Русского Севера» (2009 г.) и «Двоеверие Русского Севера» (2009 г.).

Рис. 1. Ушаков Ю. С. Интерьер Успенской церкви в Кондопоге. Гуашь. 1963 г.

Предлагаемые ранее нигде не публиковавшиеся статьи написаны под влиянием работ Юрия Ушакова, созданных в результате научно-творческих поездок в 1950–1970-е гг. по Русскому Северу, в том числе и Карелии. Среди них есть и уникальные зарисовки Кижского погоста, а также утраченной красавицы Успенской церкви в Кондопоге. Серия «Языческие боги», созданная Ушаковым также уникальна и неповторима.

Д. Н. Москвин

Архетипы двоеверия

1. Переход от язычества к христианству – дискретный процесс: контраст между старым и новым разителен, но прерывность не исключает преемственности. Средиземноморские религии умирающего и воскресающего Бога как бы наперед преадаптируют сознание человечества к торжеству Пасхи. Евангельские семена падают на подготовленную для этого почву. Видные деятели новой Церкви прошли через Элевсинские мистерии. Отчасти их символика перешла в христианство. Например, метафора, высвечивающая параллелизм между *путем зерна* и человеческой судьбой – в обоих случаях предание земле не означает полного исчезновения. Можно утверждать, что Элевсин и Иерусалим связаны некоторым инвариантом – он укажет на своего рода наследственность в развитии культуры: она мутирует, но это не означает абсолютного разрыва с прошлым. Феномен двоеверия крайне интересен в плане сочетаемости старого и нового. Антагонизм между ними часто смягчается. А то и переходит в отношения, которые удобно описать, используя понятия Н. Бора:

- это отношение соответствия, когда старое оказывается частным случаем нового;
- и это отношение дополнительности, когда старое и новое вступают в комплементарную связь, вне которой нельзя понять целостность изучаемого явления.

Оба принципа весьма эвристичны для изучения двоеверия.

2. Инвариантность в нашем случае высвечивает архетипы, которые являются общими для язычества и христианства. Еще К. Юнг почувствовал, что понятие архетипа уходит от строгой дефиниции – как и другие предельные понятия, оно предполагает понимание через наитье. Вот ключевые черты архетипов:

- это устойчивые смысловые структуры, которые сами по себе абстрактны, но могут принять на себя – и соответственно организовать, оформить – сколь угодно конкретное, наглядное, образное (как того требует миф) содержание;

- несомненна априорная природа архетипов; если к ним применить платоновскую концепцию анамнесиса, то можно сказать, что они суть *вечные идеи* – культура их проявляет и воплощает; иначе говоря, архетипы не создаются, а – в полном соответствии с теорией Платона – *припоминаются*;
- канал передачи архетипов неизвестен; к этому могут быть как-то причастны и генокод, и социокод, но интуитивно чувствуется нечто третье – пока не нащупанная нами форма трансляции знания; через воздействие одних и тех же архетипов можно объяснить факты конвергенции между различными культурами.

3. Двоеверие Русского Севера – поразительно целостное явление. Лишь при поверхностном взгляде в нем можно увидеть нечто эклектичное, внутренне противоречивое. Народная культура органична. Несовместимое для рафинированной светской культуры – а равно и для церковной ортодоксии – может оказаться вполне совместимым для народного сознания. Это знак его незрелости? Скорее наоборот! Великий опыт коллективного бессознательного говорит через творчество народа с особой четкостью и выразительностью. Здесь оно вне сравнения. Потому-то мы и связываем его с понятием мудрости. В сказанном нами нет никакой идеализации. Есть реальность. Она впечатляет. Возьмем для примера Пинегу. На фоне христианских храмов тут совершались языческие действия. А Мария Дмитриевна Кривополенова после причастия пела свои скомошины. В такой соположенности есть антагонизм? Его может усмотреть разве лишь внешний рассудочный взгляд. А в народной культуре старое и новое образовывало континуум – одно непрерывно, с полной естественностью переходило в другое. Никаких разрывов! Перед нами единое холистическое поле, постоянно поддерживающее свое ровное напряжение.

4. При взгляде изнутри мы видим, что в соседстве языческих и христианских реалий нет резкого диссонанса – скорее наблюдается гармонический унисон. Что стоит за ним? Порой идентичность архетипа, проявившегося и в язычестве, и в христианстве, – коллективное бессознательное отобрало и соединило созвучное, генетически родственное. Конечно же, общность архетипа уменьшает, а то и сводит на нет дистанцию между старым и новым, но такова специфика историко-культурного процесса на Русском Севере. Для него характерны склейки, связки. Старое может отрицаться механически, но часто мы видим диалектическое – в духе Г. В. Ф. Гегеля – отрицание, удерживающее позитиве прошлого. Прошлое не отбрасывается – оно адаптируется к настоящему. Механизмы этой адаптации крайне интересны. Прошлое обнаруживает гибкость – настоящее являет уступчивость. Возможность конфликта

устраняется. Реализуется – симбиоз. Именно симбиоз! Это понятие в данном случае является наиболее адекватным. Происходит срастание – взаимовнедрение, взаимопронизание – двух исторических пластов. Образуется живое единство. В нем ярко и красиво заявляют себя еще неизвестные нам законы сохранения, обеспечивающие интегральность развития несмотря на перевороты, которые совершаются внутри него. Как возможна тканевая совместимость старого и нового? Лишь при условии их генетического родства, которое задается единством архетипов. Они суть *гены культуры*. Используя биологические термины, мы можем сказать так: *ароморфоз культуры* – ее подъем на качественно новый уровень – не исключает сохранения старых элементов. За старым и новым может проступить общая архетипическая основа. Она и обуславливает возможность их мирного сосуществования.

5. Архетипы универсальны и вечны. Возьмем для примера Архетип Трихотомии. С принципом тройкого деления мира мы встречаемся на огромном интервале времени. И в качественно различных контекстах. Вот выборка примеров:

- нижний, средний и верхний миры в структуре Мирового Древа;
- плотный, тонкий и огненные миры в онтологии Агни Йоги;
- микромир, мезомир и мегамир в современных научных представлениях.

Нижний мир ассоциируется с царством мертвых. Там царит воскрешенный Озирис – туда проникали Одиссей и Орфей – туда спускался Иисус Христос. Средний мир соотнесен с живыми людьми. Верхний мир принадлежит существам высшего плана. Он трансцендентен. Язычество и христианство структурно совпадают в своих проявлениях Архетипа Трихотомии. Мы видим его манифестацию и в образе Голгофского креста (внизу – голова Адама, посреди – Христа,верху – сонм ангелов), и в семантике крестьянского дома (по сути это алломорф Мирового Древа), и в ярусном построении прялки (особенно кенозерской: она моделирует путь солнца, охватывающий все три уровня). Эти воплощения Архетипа Трихотомии могут одновременно сосуществовать внутри двоеверного космоса. Так, их соседство мы можем обнаружить непосредственно в крестьянской избе – и оно порадует нас глубиной созвучий. Воплощения одного и того же архетипа иногда конкурируют в человеческом сознании. Мы понимаем, что Голгофский крест не совпадает с Мировым Древом – тут налицо развитие, выводящее нас в новую область. Но одно вовсе не отменяется другим: родство через архетип налицо. Народ стихийно чувствовал эти связи. Отсюда широта его охвата. Его толерантность. Мир двоеверия глубже и мира язычества, и мира христианства, взятых в отдельности: он синтезировал эти миры – соединил их

в симбиотическом целом. Христианство в двух его формах – народной и ортодоксальной – отнюдь не совпадает. Народное христианство – синоним двоеверия. Пусть евангельская истина там торжествует, но ведь не на обломках старого: это старое ассимилировано новым – воспринято им после специфической, по существу очень бережной переработки.

6. Христианство придало Архетипу Воскрешения ошеломительную новизну, но не оно первым уловило его. Язычество многократно обращалось к этой теме. Вспомним, как Михайло Потык в одноименной былине, записанной А. Ф. Гильфердингом от Никифора Прохорова на Марнаволоке (Пудога), по своей воле опустил в царство мертвых, нашел способ раздобыть живую воду и воскресил свою жену Марью. Троекратные формулы, постоянно используемые сказителем, невольно ассоциируются с арифмологией тринитарного догмата:

*Как тут она еще да ведь вздрогнула,
Как другой раз сбрызнул – она сидя села-то,
А в третьих-то он сбрызнул – она повысталала.*

Вот как былина описывает восстание из мертвых:

*Выходит что народ тут от заутренки христосский
На тую на буёвку да на ту сыру землю
Как ино весь народ еще прислухались,
А что это за чудо, за диво есть,
Мёртвые в земли закричали все.*

Последнюю строчку мог бы гениально проиллюстрировать Василий Чекрыгин, вдохновленный философией «общего дела» Н. Ф. Фёдорова. Художник с небывалой масштабностью разрабатывал в своем творчестве тему Воскрешения. Русская эпика созвучна ему. Замечательно, что христианская заутреня в былине сочетается с языческим по своей сути Воскрешением – народное творчество не знало цензуры и редактуры.

7. Разнообразно заявляет себя Архетип Превращения. Вот некоторые его проявления:

- анаксагорский принцип *все во всем* предполагает перманентную и тотальную взаимопревращаемость явлений;
- мифическое оборотничество косвенно указывает на универсализм человека, способного если не реально, то в пространстве игры становиться любым существом;
- новейшая теория *бутстрапа* исходит из того, что любая элементарная частица может превратиться в любую другую элементарную частицу – все они своего рода оборотни: наука породилась с мифологией.

Исторический Добрыня был дядей князя Владимира Красно Солнышко, крестившего Русь, – он помогал племяннику насаждать христианство. Былинный Добрыня – вполне христианин. Однако это не мешает ему быть вовлеченным в целую серию языческих метаморфоз, которые творит колдунья Маринка, очень похожая на гомеровскую Цирцею:

*Захочу, Добрынюшку я обверну,
Обверну Добрыню я сорокою,
Обверну Добрыню я вороною,
Обверну Добрынюшку я свиньёю,
Обверну Добрынюшку гнедым туром.*

Такое впечатление, что цепная реакция превращений не хочет останавливаться – она готова пройти через всю фауну. А. Ф. Гильфердинг записал эту былинку от Иева Еремеева из д. Кокорино (Заонежье). К числу наиболее архаичных образов русского эпоса относится Волх Всеславьевич. Он же Вольга. Кузьма Романов из д. Леликово (Кижы) поведал А. Ф. Гильфердингу о его превращениях:

*Повернулся он левом-зверём...
Повернулся Вольга сударь Буславич Науй-птицей...
Повернулся Вольга сударь Буславич рыбой цученькой...
Повернулся серым волком...*

Казалось бы, христианство закрыто для реализации Архетипа Превращения – его связь с магической традицией несомненна. Однако задумаемся об основополагающей для христианства мифологеме Боговоплощения. Невидимое делается видимым – Слово становится плотью – Бог принимает образ человека. Это тоже метаморфозы. Причем самые радикальные, безумно смелые! Христианство и здесь имеет с язычеством общие архетипы-инварианты.

8. Архетип Змееборчества относится к числу самых глубоких и загадочных. За ним стоят самые фундаментальные оппозиции бытия. Вариации на змееборческую тему удивительно разнообразны. Былины Русского Севера вносят в них новую ноту, которую интерпретаторы представляют так: змееборец – христианин, змея – язычество. У подобного истолкования есть определенные резоны. В былинке «Добрыня и змей», которую А. Ф. Гильфердинг записал от легендарного Трофима Рябинина (д. Серёдки, Кижы), для борьбы со змеем используется необычное орудие: «*колтак да земли греческой*». Другой услышанный А. Ф. Гильфердингом сказитель – Пётр Калинин из д. Рим, что на Пудогге, – сообщает интересные детали:

*Лежит тут колтак да земли греческой,
А весу-то колтак буде трёх пудов.*

Сквозь увеличительное стекло гиперболы тут увидено нечто похожее на монашеский клубок. Орудие надежное, но не всегда убийственное. Если у П. Калинина змей погибает, то у Т. Рябинина ему даруется жизнь – с ним заключается мирный договор. Даже после того, как змей нарушил соглашение, расправа не учиняется. Былина ничего не говорит о таковой. Она словно уходит от ответа на вопрос о судьбе змея.

Если вспомнить намеченные выше параллели, то можно сказать так: отношения между язычеством и христианством развивались на Русском Севере именно в той мягкой форме, на которую указывает аллегорическое истолкование былины Т. Рябинина. Кровь на этой почве не лилась – старое соседствовало с новым. Жестких границ между ними Церковь не смогла провести.

Культ Перуна на Русском Севере

В «Повести временных лет» рассказывается о том, как в 945 г. князь Игорь заключал договор с греками: *«На следующий день призвал Игорь послов и пришёл на холм, где стоял Перун; и сложили оружие своё, и щиты, и золото, и присягали Игорь и люди его – сколько было язычников между русскими. А христиан русских приводили к присяге в церкви святого Ильи, что стоит над Ручьём в конце Пасынчей беседы и Хазар»*¹. В этом тексте соположены имена Перуна и Ильи. Перед нами еще не двоеверие, но как бы его предварение: разъединенное вскоре соединится. Это будет не паритет, а скорее поглощение: культ Ильи ассимилирует в себя культ Перуна. Отвергнутые идолы громовержца поплывут и по Днепру, и по Волхову. Казалось бы, прощание с ним окончательно и необратимо, но он все же вернет свое. Пусть в другой форме и другой ипостаси.

За внешним разрывом здесь открывается глубинная преемственность. Новая вера хочет все начать сначала. Но многое в ней окажется трансформацией старых представлений. Что стоит за самой возможностью подобных метаморфоз? Очевидно, какие-то инварианты. Или принципы сохранения. Перун не умирает, а скорее перевоплощается:

Рис. 2. Ушаков Ю. С. Перун. Черная тушь, фломастер. 1967 г.

¹ Повесть временных лет. СПб., 2007. С. 163.

Илья становится его реинкарнацией. Это своего рода духовно-культурный метемпсихоз. Или некая специфическая наследственность. Если предположить существование таковой, то закономерно поставить вопрос о ее носителях. Ими могут быть архетипы.

Посмотрим на грозное небо глазами наших пращуров. Несомненно, что его картина стала импринтингом для юных культур – запечатлелась в их сознании как откровение. Молния включала множество ассоциативных ходов. Вот некоторые из них:

1. Создавалось ощущение, что в небесах образуются разломы – и сквозь них ослепительно проступает занебесная (= потусторонняя) реальность. Молния побуждала к трансцендированию. Этим она вносила вклад в создание двууровневой модели мира, где эмпирической реальности противостоит что-то другое, высшее, непостижимое.
2. Можно сказать, что небо древних как бы милитаризовано – в нем совершается противоборство враждебных друг другу начал. Естественно, что молния виделась разящим орудием – его удары были направлены на темные силы, враждебные бытию. Кто возглавляет сражение?
3. Это особая тема: грозная графика – начертания молнии. Парейдолия работала здесь на полную мощь. В структуре разряда угадывались разные образы: он то оконтуривал гору – то ветвился деревом – то извивался змеей. Полученные во время грозы впечатления подвергались мифологизации.

Молнией озарялось не только пространство. Производя стрессовый эффект, она высвечивала мрак бессознательного – и там пробуждались архетипы, подсказывавшие в них осмысление увиденного. На их простые и абстрактные матрицы накладывалось фантастически разнообразное содержание. Но при всей широчайшей амплитуде вариаций оно обнаруживало сквозное единство. Компаративистика выявила эти изоморфизмы. Индра – Зевс – Перун – Перкунас – Илья: это манифестации одного архетипа.

От мифов славянства остались обрывки. Обладают ли они голографической наполненностью? Ж. Кювье по отдельной кости восстанавливал целостный образ животного. Реконструкция в палеонтологии дала отличные результаты. А в филологии? Очевидно, связь между частью и целым тут более сложная – и потому один фрагмент может приводить к расхожим картинам. Кому верить в реконструкции мифа о Перуне – Б. А. Рыбакову? В. В. Иванову и В. Н. Топорову? Л.С. Клейну? Ряд авторов легко продолжать. Между ними идет спор за истину. Но истина не всегда бывает

однозначной. Кажущиеся несовместимыми реконструкции могут иметь одинаковый познавательный и эстетический потенциал.

Создатель мифа, сохранившегося осколочно, – и реконструктор этого мифа: где-то они работают на пару – перед нами уникальная, еще мало исследованная форма сотворчества. Мы вправе утверждать, что иногда миф рождается дважды: в своем первоначальном виде, который утрачен, и в своей реконструкции. Получается нечто весьма специфическое. Перун Иванова-Топорова или Перун Клейна – несмотря на амбиции авторов – вряд ли совпадают с первообразом. Но варианты имеют свою бесспорную ценность. Прототип нам недоступен. В наличии некоторая совокупность его интерпретаций. За ними стоят несхожие эвристики и методологии. И неповторимые личности! Множественность подходов в данной ситуации выигрышна. Каждый подход субъективен? Этого не избежать. Но вот мера для оценки реконструктора: его чуткость к архетипам – умение строит интерпретацию на их базисе.

В. В. Иванов и В. Н. Топоров приложили колоссальные усилия на *«реконструкцию мифа о поединке Бога Грозы с его противником»*². Этот миф они называют *основным*. Результат реконструкции таков: противником Перуна оказывается Волос-Велес. Эта оппозиция накладывается авторами на стратиграфию Киева: Перун стоит высоко над Днепром – Волосу-Велесу отводится низинный Подол. Противостояние двух богов хорошо вписывается в схему Мирового Древа.

Реконструкция В. В. Иванова и В. Н. Топорова оспаривается. Если перед нами боги-враги, то почему ими одновременно клянутся русские люди. Подобных резонных вопросов можно задать немало. Тем не менее реконструкция В. В. Иванова и В. Н. Топорова самоценна. Похоже на то, что здесь мы имеем дело с необычной формой творчества, где интуиция и воображение играют не меньшую роль, чем в деяниях поэта. Возможно, когда-нибудь даже поставят вопрос о жанровой природе реконструкции, однако сегодня очевидно, что она имеет отношение не только к науке, но и к искусству. Не будем проводить между ними черту демаркации. Реконструкция делает заявку на свою поэтику. Это бесспорно.

Наш тезис подтверждает реконструкция Л. С. Клейна, оппонента В. В. Иванова и В. Н. Топорова. Мы прекрасно помним летописный рассказ о том, как Перун сплавляется по Днепру, – кто бы мог усомниться в том, что это однократная акция? И связана она с разочарованием

---

² Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей. Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. М., 1974. С. 136.

Владимира в язычестве – Л. С. Клейн усомнился. По его мнению, «Повесть временных лет» искажает реальность – на самом деле речь идет о циклических, регулярно повторяющихся проводах Перуна. Вот вывод Л. С. Клейна: «Перун оказывается божеством из ряда умирающих и воскресающих богов»³. Ошеломительная реконструкция! В своей поэтике Л. С. Клейн абсолютно близок В. В. Иванову и В. Н. Топорову. Пущенный в их сторону бумеранг вернулся обратно.

Кто прав в этом споре?

Блистательные ученые проявили два различных архетипа, спроецировав их на один образ, что кажется противоречием. Но приглядимся к обрядовой жизни Ильинского погоста на Водлозере. Тут архаика удерживалась очень долго. И мы видим: оба архетипа присутствуют в культе Ильи, воспреемника Перуна. В самом деле:

- 1) Илья поражает своих врагов;
- 2) Илья уходит и возвращается – его почитание вписано в аграрный циклизм.

Совпадают ли в Илье-пророке функции громовержца и змеборца? Напомним: В. В. Иванов и В. Н. Топоров пытались выявить не просто хтоническую, но именно змеевидную природу Волоса-Велеса. Их аргументы могут показаться натянутыми, однако вспомним о том, что в народном сознании Илья-пророк порой замещался Илейей Муромцем – В. В. Иванов и В. Н. Топоров говорят в связи с этим о трансформации образа героя. Вполне оправданный подход! Илья Муромец был змеборцем. А. Ф. Гильфердинг записал на Водлозере от Павла Федулова былинку «Илья Муромец и Соловей разбойник». Читаем в ней:

*Засвистал тут Соловей по змешному*⁴.

Являя чуткость поэтического слуха, В. В. Иванов и В. Н. Топоров склонны рассматривать слова «Волос» и «Соловей», составленные из одинаковых фонем, как анаграммы⁵. Эти изощренные построения похожи на игру. Но за ними чувствуется подспудная правда.

Культе Перуна принес в Новгород в 980 г. Добрыня, племянник Владимира. Его былинная ипостась – испытанный змеборец.

Вот наше мнение: реконструкции мифов можно верифицировать через их приложение к опыту народной культуры Русского Севера – у него оказалась отличная память на ключевые архетипы человечества.

³ Клейн Л. С. Воскрешение Перуна. К реконструкции восточнославянского язычества. СПб., 2004. С. 395.

⁴ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом. М.; Л., 1951. Т. 3. С. 95.

⁵ Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей. С. 166.

Культ Велеса на Русском Севере

В житии Авраамия Ростовского мы находим один из самых впечатляющих в русской агиографии эпизодов – на реке Ишня преподобный встречается не с кем-нибудь, а с самим Иоанном Богословом, от которого слышит такие слова: *«Подойди старец, возьми сию трость мою и возвратись назад, приступи к идолу Велесу, ударь его тростью»*⁶. Сколь остро тут ставится вопрос о борьбе с язычеством! На помощь приходит апостол Иоанн. Разрыв в тысячелетие ничего не значит для вечности.

В энциклопедии «Мифы народов мира» мы найдем статью «Велес», но там нет статьи «Волос». Эти имена употребляются как эквивалентные. Такова традиция. Ее корни уходят в досюльные времена. Тексты киевских договоров называют имя Волоса – в «Слове о полку Игореве» упоминается Велес. Вроде как речь идет об одном и том же персонаже. На дифференциации настаивает Л. С. Клейн⁷. Для этого есть весомые основания.

Рис. 3. Ушаков Ю. С. Велес. Акварель, черный фломастер. 1969 г.

⁶ Жития святых святителя Димитрия Ростовского. Октябрь. М., 1904. С. 619.

⁷ Клейн Л. С. Воскрешение Перуна. С. 54, 202, 246.

Оппозиция Перун–Велес имеет не только вертикальное (верх–низ), но и горизонтальное выражение (юг–север). Ареалом Велеса считается преимущественно Русский Север. Причем божество связывается с финно-угорскими племенами. Характерная деталь: место, где в Ростове находился идол Велес, называлось *Чудским концом*. Т. А. Бернштам полагает, что клятва именем Волоса, зафиксированная в киевских договорах, указывает на присутствие в составе войска чуди и мери⁸. Волос и для нее тождествен Велесу.

Классифицируя человеческие заблуждения, Фр. Бэкон особо выделил так называемые *призраки площади*: это уклонения от истины, вызванные влиянием языка. Один из таких призраков сейчас предстал перед нами. Фонетическая близость Волоса и Велеса привела к их смешению. Возникла *путаница*. Досадовать ли на нее? По сути мы имеем дело с аллитерацией. Благодаря ей мифогенез получил новое направление. Звуковое сходство переросло в сходство сущностное. Язык продемонстрировал свою власть над смыслообразованием.

Попытаемся разделить Волоса и Велеса. Начнем с Велеса. У славян и балтов это *бог мертвых*. У него совсем другие функции, чем у Волоса, *скотьего бога*. У этих богов разная генеалогия. Как на Руси появился Волос? Вероятно, здесь мы имеем уникальный случай, когда христианские реалии, получив языческое переосмысление, начинают самостоятельную жизнь в совершенно новых измерениях. Св. Власий (+ 316) искони считался в Византии покровителем скота. Власий – Влас – Волос: вот его лингвистическая история – уже в славянском пространстве. С кем Волос попал на Русь? Тут имеются разные вероятия. Посредниками могли быть и христиане-варяги, и христиане-готы. Вспомним, что в VI–VII вв. славяне заняли значительную часть европейских территорий Византии – на Балканах они удерживались более века. Именно там могло начаться проникновение Волоса в пантеон славянского язычества. При этом доминировала хозяйственно-производительная функция Волоса – его чисто христианская атрибутика и символика не могли тогда быть усвоены.

Произошла уникальная метаморфоза: христианский святой превратился в языческого бога – после крещения Руси он называется в числе первых врагов новой веры. Невероятный парадокс! Что происходит потом? Волос как бы возвращается к самому себе – снова становится Власием. Восстановлено не столь исконное имя, сколь его

---

⁸ Бернштам Т. А. «Слово» об оппозиции Перун – Велес – Волос в скотских богах Руси // Полярность в культуре. СПб., 1996. С. 93–120.

первоначальное звучание. Это красивая теория: язычник Волос превращается в Святого Власия благодаря звуковому унисону – язык роднит чужие элементы, содействуя переходу в непривычную веру. Если тут и была трансформация, то все же не столь радикальная, как это представлялось ранее. Суть ее заключается в своеобразной инверсии. Не было переименования – было припоминание. Переход от Перуна к Илье и от Макоши к Параскеве осуществлялся по другим алгоритмам, однако во всех случаях главенствующую роль играло архетипическое сходство старого и нового.

Контаминация Волоса и Велеса – факт нашей культуры. Какой Велес – славяно-балтийский или финно-угорский – вступил во взаимодействие с Волосом? В первом случае сближению могла способствовать индоевропейская общность. Второй случай интересней: произошло слияние образов, не имеющих пусть крайне далекого, но все же единого праисточника. Существует гипотеза, что финно-угорская мифология вошла в мир славянства богиней Макошью, – не находится ли рядом с ней и Велес? Интересно, что место, где идол Волоса был установлен в Ярославле, называлось так: *Медвежий угол*. В финно-угорской мифологии медведь играет особую роль. На Руси к нему применялся эпитет *волохатый*. Замечательно, когда в ассоциативное поле мифогенеза вовлекаются разные культуры и языки – это ведет к появлению синтетических образов, впечатляющих своей колоритностью.

Вернемся к славяно-балтийскому Велесу. После принятия христианства он разделил привычную участь языческих богов: подвергся демонизации. Чехи говорят: *«За море к Велесу»*. Это означает: к черту. Аналогичное превращение испытал и прибалтийский Велнас.

Перун поднимает вверх – Велес тянет вниз. Даосы подчеркивали: вода займет всегда самое нижнее положение. Велес словно следует этому принципу. Он ассоциирован с влагой, с волнами воды или пряжи. *Волосатик*: так иногда называют водяного. Однако движение вниз по мировой оси продолжается. Теперь Велес-Велс уводит нас в загробный мир – там он пасет души умерших. Отсюда его связь с плодородием. Вспомним изображения *процветших львов*. Волосы, шерсть: в них искони ощущалось растительное начало.

Почему Боян называется Велесовым внуком? Пытаясь ответить на этот вопрос, В. Н. Топоров вспоминает *«мотив прижизненного нисхождения поэта в царство смерти»*⁹. Хочется увидеть в Бояне аллюзию Орфея. К этому подталкивает и Д. С. Лихачёв – в связи с Бояном он вопрошает:

⁹ Топоров В. Н. Боги // Славянские древности. М., 1995. Т. 1. С. 210.

«Не следует ли отсюда, что Велес-Волос был не только „скотым богом“, но и покровителем поэзии?»¹⁰. Как видим, Велес-Волос многоаспектен. В нем пересеклись линии разных религий, являя нам более сложный комплекс, чем двоеверии в привычном смысле данного понятия. Эллинские, византийские, финно-угорские, прибалтийские, славянские элементы обуславливают его полисемию.

Илья и Власий замещают Перуна и Велеса-Волоса. В обоих случаях сохраняется противопоставление земли и неба, которые все же стремятся скорее к союзу, чем к раздору. Для крестьянского космоса оба полюса имеют одинаково важное значение. Благодаря напряжению, которое возникает между ними, жизнь не только поддерживается, но и умножается.

Архаика и авангард

Языческий цикл Ю. С. Ушакова посвящен архаике, но манера письма авангардная: неожиданно пересеклись древнее и новое – образовали своеобразный синтез. Аналоги такого пересечения известны. Вспомним П. Пикассо кубистического периода. Его вдохновляла африканская скульптура. Картины мастера в соседстве с ними образуют поразительный унисон. Какова подоплека этих переключек и резонансов?

Применим к нашей проблеме платоновскую теорию анамнезиса.

Души людей – вовсе не *tabula rasa*: вечность оставляет на них свои впечатления еще до рождения человека. В «Пире» мы читаем: наша Психея непосредственно созерцала идею прекрасного – поэтому ее ответ в материальных предметах она узнает сразу. Это абстрактная идея. Трудно найти структурный инвариант для прекрасных девушек, раковин, мелодий. Идеи типа дерева вообще – или человека вообще – легче поддаются визуализации, но всякая конкретика при этом минимизируется. Или полностью сходит на нет.

Идея генерализует смысл. Она суть общее, обобщенное – ее рассеяние в единичном еще впереди.

Платон хочет сказать: ребенок ближе к вечности, чем взрослые, – отрыв дитяти от мира идей пока не является полным и окончательным. Взросление может быть понято как удаление от мира идей. Его прогрессирующее забывание. Анамнезис направлен на то, чтобы мы вспомнили априорное, врожденное, полученное в дар от вечности. Согласно Платону, анамнезис – главный источник знания.

Архаика – детство человека. Действует ли принцип анамнезиса на филогенетическом уровне? Примем такую возможность как эвристику.

¹⁰ Повесть временных лет. СПб., 2007. С. 419.

Рис. 4. Ушаков Ю. С. Ярило. Конь. Акварель, черная тушь. 1969 г.

Древний художник видит мир обобщенно – дифференциация и детализация заявят себя потом. Будто идея только-только намечает себя в куске дерева. Или в природном камне. Она уже прорезалась – дала человеку знать о себе – выявилась в лаконичном контуре. Подробности опущены. Они находятся вне поля зрения. Это поле зрения на данном этапе скорее умственное, чем оптическое, – ведь оно обращено на ноуменальный мир вещей. Вещественное большей частью находится как бы в тумане. Взгляд обращен на главное, информационно выделенное. Сфокусированность на сущностном предельная! Отсюда специфика архаики. *Выразительность* должна быть понята буквально – здесь *выражает* себя, выходит на план воплощения чистый эйдос. Его манифестация энергична. Со временем эта энергия рассредоточится в нюансах, оттенках. Но сейчас гениально схватывается главное.

На заднем плане перед древним художником находится мир идей. Отсюда эффект двойного зрения: сразу и физического, и метафизического. Эта двойственность удерживается недолго. Идеальный план постепенно

тускнеет. А вот и вовсе исчезает из виду. Человек остается на материальной плоскости. Перед ним возникают новые задачи, направленные на эстетическое освоение предметной реальности, – искусство неизбежно проходит через натуралистический фазис.

Наступает момент, когда искусство достигает избыточного информационного насыщения – оно перегружено техникой. Появляется желание сбросить эти накопления, заслоняющие от резца или кисти основное, глубинное. Хочется простоты, непосредственности, безыскусности!

И тогда мы видим, как срабатывает алгоритм, имеющий интереснейшую аналогию в эволюционном процессе, – это *педоморфоз*.

Так называется своеобразный попятный ход развития: организм сбрасывает бремя специализации – и возвращается к ювенильным формам, но в его генотипе сохраняются все положительные эволюционные обретения.

Авангард, мимикрирующий под архаику, – это подобие педоморфоза в искусстве. Формы упростились, но зато к ним вернулась первозданная экспрессия. Они словно родились заново. Упрощение в нашем случае не подразумевает забвения опыта. Мы понимаем: перед нами ХХ в. И лапидарные формы, напоминающие архаику, созданы искусными профессионалами. Тем не менее возврат к истокам очевиден. Из них искусство черпает спасительную для него свежесть. Нечто подобное произошло в творчестве Ю. С. Ушакова. Будто в нем воплотился славянский художник-язычник. Они вместе прошли выучку у авангарда. Результат получился блистательный.

Тема мирового древа в творчестве Ю. С. Ушакова

Путь к Аполлону Бельведерскому был долгим. Открывает его *Аполлон Агией* – буквально *Аполлон Столбовой*. Это подобие обелиска – без всяких намеков на антропоморфность. Правда, за одним исключением: общим признаком, роднящим обелиск и человека, будет вертикаль. Это конститутивный признак. Благодаря прямохождению человек стал изоморфным Мировой Оси – он может быть назван ее подвижным алломорфом; застывая в позе обращения горе, человек еще более подчеркивает это сущностное сходство.

Есть все основания считать, что Аполлон Агией – вариация на тему Мирового Древа. Известна связь Аполлона с лавром. Отсюда наименование: *Аполлон Дафниос* – то есть *Аполлон Лавровый*. Антропоморфность и дендроморфность тут образуют синкретическое единство. Любовь Аполлона к юноше Кипарису отсылает нас к еще одному дереву, чей вертикализм имеет очень динамичное выражение, заставляющее вспомнить об экстазах готики. Кстати сказать, этот стиль, родившийся в окружении

северных лесов и неисповедимо родственный им по духу, тоже варьирует идею осевой вертикали – точной направляющей линии для физического и духовного восхождения.

Сакральный столп: это характерно для язычества. Славянство тут не было исключением. Когда каменный, а когда деревянный, этот столп отражал стадию фетишизма – подчас с элементами перехода на ступень анимизма. Для язычника все было живым, дышащим – он воспринимал мир гилозоистически. Но когда Аполлон Агией украшался лавровыми ветками, то это подчеркивало большую меру одушевленности по сравнению с тем случаем, когда перед нами был просто камень.

Славянство работало с разным материалом. В лесной местности преобладало дерево. Оно словно шло навстречу вочеловечивания – ствол оборачивался телом, а ветви – руками. Тогда как сучок легко принимал вид ока. Казалось, что оно взидало из иномира! Как эти виртуальные, так и реальные метаморфозы дерева потворствовали размышлениям на тему оборотничества – все превращается во все; эта великая формула язычества ныне обрела новые конкретные смыслы.

Из дерева проступает идол.

Этот момент любил запечатлеть Юрий Сергеевич Ушаков. Древним славянским божествам в его интерпретации присущ подчеркнутый вертикализм. Они как бы вытягивают из земли – и проявляют, закрепляют – неколебимую Мировую Ось. Впечатляют его Перуны. Высота у некоторых нарочито гипертрофирована. Доминирует одно измерение. Остальные – что-то подсобное, фоновое: и глазу, и духу задается когерентное движение ввысь.

Характерен интерес художника к образу берегинь. Они наверняка имеют общий архетип с критскими адорирующими богинями. Воздетые вверх руки акцентируют и усиливают восходящее движение.

Думается, что на Ю. С. Ушакова повлиял Збручский идол – своеобразнейшее преломление идеи Мирового Древа. Здесь нам явлена трехъярусная модель мира. Схожее членение мы обнаруживаем и в некоторых работах Ю. С. Ушакова. Имеет ли оно семиотический смысл? Этот вопрос требует особого исследования.

Древние идолы центрировали картину мира. Капище часто получало замкнутую круговую форму – здесь достаточно вспомнить новгородскую Перынь. Святылище вторило космосу – воспроизводило его строение.

В культуре имеет место специфическая *неотения*: взрослое возвращается в детское – обретает там свое инобытие. Такова деревянная северная игрушка. Ее генетическая связь с языческой мистериальной скульптурой несомненна.

«Дриады» Александра Тышлера, «пирамиды» Дмитрия Москина: эти художественные явления лежат на линии, начатой Аполлоном Столбовым, – одухотворенная вертикаль принимает в себя игровое и ассоциативное наполнение. Мысленно вижу выставку, где будет представлена хотя бы часть объектов, о которых говорится в нашем эссе: она в оригинальной форме могла бы выявить конгруэнтность, присущую разнообразным построениям человеческого духа.

Мы растем ввысь.

Искусство поддерживает эту растучесть – высота является для него главной координатой.

Элементы фаллического культа в образной системе Ю. С. Ушакова

Мужское тело дважды заявляет тему Мировой Оси: через позвоночник – и через напряженный фаллос. Вполне понятна антропоморфизация фаллоса: тело соотносится с ним как великое и малое – или как целое со своей частью. Одно подобно другому.

Култ Мирового Древа – самого известного алломорфа Мировой Оси – многозначен и полифункционален. Заметную роль в нем играет продуктивная функция. Фаллос таковую выполняет непосредственно – его ритуальные образы делают это символически.

Некоторые картины Ю. С. Ушакова вызывают закономерную ассоциацию с образной системой фаллического культа. Здесь выстраивается интересный гомологический ряд: человек – фаллос с его головкой – шляпочные грибы конусовидной формы. Морфологические созвучья этих столь разных явлений должны были производить сильное впечатление на наших пращуров. Естественно, что и грибы включались в сакральный контекст, – само означенное выше название их самой известной систематической группы содержит в себе указание на антропоморфность.

Идолы Ю. С. Ушакова порой похожи на огромные фаллосы. В ночи творится мистерия оплодотворения. У Перуна отличная эрекция. Земля обязательно понесет.

ВИОЛА АНАТОЛЬЕВНА ГУЩИНА (к 80-летию со дня рождения и 50-летию научной деятельности)

В. А. Гущина работает в музее-заповеднике «Кижы» с 1966 г., после окончания историко-филологического факультета Петрозаводского государственного университета. На протяжении всей своей профессиональной деятельности занимала должность старшего (в настоящее время – ведущего) научного сотрудника. В 1977–1979 гг. исполняла обязанности заместителя директора по научной работе. Является заслуженным работником культуры Республики Карелия.

Виола Анатольевна относится к первому поколению кижских музейных работников. Вместе с Б. А. Гушиным и другими коллегами стояла у основ становления научной работы в музее-заповеднике «Кижы» по всем основным направлениям деятельности: комплектование фондов, создание экспозиций, атрибутирование предметов и памятников архитектуры.

Научная деятельность Виолы Анатольевны связана с разработкой ряда тем по изучению истории и культуры Карелии.

Основное направление научных исследований В. А. Гущиной – история Кижского архитектурного ансамбля. В своих работах она затрагивала разные аспекты его изучения – датировка памятников, вепско-карельские элементы в архитектуре Кижского ансамбля, памятники культурного деревянного зодчества прионежского типа, особенности возникновения архитектурных комплексов на основе многоглавых деревянных церквей, иконописное убранство храмов (в том числе «небо» Преображенской церкви). Ее исследования в области датировки памятников Кижского ансамбля легли в основу пересмотра официальных дат его формирования. В течение многих лет ею велась «летопись» Кижского архитектурного ансамбля, которая включала выявление и хронологическую систематизацию архивных и библиографических источников,

посвященных истории кижских памятников. Собранные В. А. Гущиной исторические факты и сведения во многом определяют наши знания об истории Кижского архитектурного ансамбля. Этот материал лег в основу двух выпусков «Документов и материалов по истории Кижского архитектурного ансамбля» (2013, 2014 гг.), охватывающих период с 1694 по 1979 г. Она является автором большого числа статей и научно-популярной брошюры по истории Преображенской церкви (2004 г.).

Среди других тем, которые разрабатывала В. А. Гущина, следует отметить этнографию вепсов, традицию колокольных звонов, интерьер церкви Воскрешения Лазаря, историю старообрядчества в северной Карелии, ремонты и реставрации церквей, историко-биографическую тему, посвященную творчеству одного из создателей музея-заповедника «Кижь» А. В. Ополовникова.

Совместно с А. Т. Беляевым и Б. А. Гущиным В. А. Гущина является автором каталога фондового собрания музея-заповедника «Кижь» (1973 г.), который стал первым в нашей стране опытом создания каталога архитектурно-этнографического музея под открытым небом.

Следует отметить, что В. А. Гущина принимала активное участие в научно-экспозиционной работе. В 1960–1990-е гг. непосредственно ею или при ее участии было разработано и создано большинство экспозиций и выставок музея-заповедника «Кижь». В дальнейшем она активно занималась выставочной деятельностью, в частности, являлась автором большой выставки, посвященной 295-летию Преображенской церкви на острове Кижь (2009 г.). В. А. Гущина – участник более 50 экспедиций в районы Карелии, в ходе которых фондовое собрание музея пополнилось более 4500 экспонатами. В научном архиве музея-заповедника «Кижь» хранится свыше 170 неопубликованных работ В. А. Гущиной – тематико-экспозиционные планы, научные справки, отчеты об экспедициях, обзоры коллекций и другие материалы.

В. А. Гущина является постоянным автором музейного научного сборника «Кижский вестник», а также участником конференции «Рябининские чтения».

Всего же за время своей научной деятельности В. А. Гущина опубликовала более ста научных и научно-популярных работ.

И. В. Мельников

Основные публикации В. А. Гущиной

Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Кижь». Каталог. Петрозаводск, 1973. (Соавт. Беляев А. Т., Гущин Б. А.)

Новое об истории памятников Кижского архитектурного ансамбля // Вспомогательные исторические дисциплины. Л.: Наука, 1978. С. 347 – 351. (Соавт. Б. А. Гущин.)

К вопросу о воссоздании первичного интерьера Преображенской церкви в Кижях // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Карелии и сопредельных областей. Межвузовский сб. Петрозаводск, 1986. С. 84–87.

Карельские прялки // Краевед Карелии. Сб. Петрозаводск, 1990. С. 62–67. (Соавт. О. Круглова.)

Первая экспедиция в музей «Кижь» // Заонежский сб. Петрозаводск, 1992. С. 24–29. (Соавт. Б. А. Гущин.)

Кижь нужны всем // Museum. 1993. № 1. С. 46–69. (Соавт. Б. А. Гущин.)

Professori Lars Pettersson: «Kairri, mitä teemme on ollut tarpeen...» Kizhin Kristursen rin Kastu Rseu Kir ron 280 – vuotis tisjuhlau runniarsi // Verso. 1994. 10–11, 14–15. (Об изучении памятников деревянного зодчества на территории Заонежья в годы финской оккупации. 1942–1943 гг.)

К вопросу о церквах прионежского типа (вепско-карельские элементы в архитектуре Кижского ансамбля) // Кижский вестник. Заонежье. Петрозаводск, 1994. № 4. С. 133–143. (Соавт. Б. А. Гущин.)

К вопросу об особенностях вепской свадьбы по архивным изысканиям XIX – первой четверти XX в. // Традиции и обычаи народов России. Сб. II Российской конф. с международным участием. СПб., 2000. Т. I. С. 95–97.

Из истории создания архитектурных ансамблей на основе многоглавых церквей Кижского и Вытегорского погостов // Мастер и народная художественная традиция Русского Севера. Сб. III Международной конф. «Рябининские чтения-99». Петрозаводск, 2000. С. 331–345.

Белый Спас (из истории чудотворной иконы из Преображенской церкви в Кижях // Православие в Карелии. Материалы Республиканской научной конференции. Петрозаводск, 2000. С. 126–128.

Старообрядчество и формы его проявления у северных карелов в кон. XIX – первой четв. XX в. // Исторические судьбы Беломорской Карелии. Петрозаводск, 2000. С. 37–42.

К истории изучения культового деревянного зодчества в России и Олонецкой губернии // Кижский вестник. Петрозаводск, 2000. № 5. С. 166–179.

Об уточнении датировки церкви Покрова Богородицы и колокольни Кижского архитектурного ансамбля // Кижский вестник. Петрозаводск, 2001. № 6. С. 136–150.

Карельский Государственный краеведческий музей и музей «Кижь» (к 130-летию КГКМ и 35-летию музея «Кижь» // Сб. Музей и краеведение на Европейском Севере. Материалы международной научно-практической конф. (Петрозаводск, 2001 г. 8–11 сент.). Петрозаводск, 2001. С. 9–11.

Коллекция колоколов музея-заповедника «Кижь» // IV Конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докладов. Нальчик, 2001 (20–23 сент.). М., 2001. С. 171.

Покровская церковь Вытегорского погоста – предшественница Преображенской церкви Кижского погоста (параллели и последовательность их взаимодействия) // Кижский вестник. Петрозаводск, 2002. Вып. 7. С. 153–164.

Кижский архитектурный ансамбль. Локальные особенности его формирования // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера. (Материалы IV Международной научной конф. «Рябининские чтения-2003».) Петрозаводск, 2003. С. 383–385.

Исторические сведения о ремонте деревянных церквей методом переборки // Кижский вестник. Петрозаводск, 2003. Вып. 8. С. 67–79.

К вопросу об истоках формирования Кижского архитектурного ансамбля // Кижский вестник. Петрозаводск, 2004. Вып. 9. С. 180–210.

Преображение: К 290-летию церкви Преображения Господня на острове Кижь. Петрозаводск, 2004. 40 с.

Исторические сведения о ремонтных работах на церкви Покрова Богородицы Кижского погоста (предложения к разработке проекта реставрации) // Кижский вестник. Петрозаводск, 2005. Вып. 10. С. 19–30.

Кижский архитектурный ансамбль: история и степень его изученности // Рябининские чтения-2007. Материалы V научной конф. по изучению народной культуры Русского Севера. Петрозаводск, 2007. С. 148–150.

Предложения к проекту реставрации Преображенской церкви (исторический аспект) // Кижский вестник. Петрозаводск, 2007. Вып. 11. С. 88–106.

К вопросу о датировке Покровской церкви в Кижях // Архитектурное наследство. М., 2008. Вып. 49. С. 77–83.

О колокольне Кижского архитектурного ансамбля (время создания и восприятие образа) // Кижский вестник. Петрозаводск, 2009. Вып. 12. С. 212–231.

Кижский архитектурный ансамбль до и после реставрации 1949–1959 гг. // Рябининские чтения-2011. Материалы VI научной конф. по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. Петрозаводск, 2011. С. 35–37.

Ограда Кижского погоста // Кижский вестник. Петрозаводск, 2011. Вып. 13. С. 13–25.

Документы и материалы по истории Кижского архитектурного ансамбля (1694–1945) / Авт.-сост. В. А. Гущина, Б. А. Гушин, ред. И. В. Мельников. Петрозаводск, 2013. 140 с.

О возможности воссоздания «неба» Преображенской церкви на острове Кижь // Кижский вестник. Петрозаводск, 2013. Вып. 14. С. 270–280.

Документы и материалы по истории Кижского архитектурного ансамбля (1946–1979) / Авт.-сост. В. А. Гущина, Б. А. Гушин, ред. И. В. Мельников. Петрозаводск, 2014. 140 с.

Очерк истории Преображенской церкви на острове Кижь // Церковь Преображения Господня на острове Кижь: 300 лет на заонежской земле. Сб. ст. Петрозаводск, 2014. С. 6–22. (Соавт. Б. А. Гушин.)

Художественное убранство Преображенской церкви Кижского погоста (тябловый и резной иконостасы, живопись «неба») // Там же. С. 136–147.

Трапезная церкви Преображения Господня: из истории создания // Кижский вестник. Петрозаводск, 2015. Вып. 15. С. 67–91. (Соавт. Б. А. Гущин.)

Наш опыт изучения памятников Кижского архитектурного ансамбля (1966–2015 гг.) // Кижский вестник. Петрозаводск, 2016. Вып. 16. С. 85–107. (Соавт. Б. А. Гущин.)

Преображенская церковь: причины и способы устранения деформаций (обзор исследований 1949–2014 гг.) // Там же. С. 108–123.

О возможности воссоздания «неба» Преображенской церкви на острове Кижь // Деревянное зодчество. Новые материалы и открытия. М.; СПб., 2016. Вып. 5. С. 168–178. (Соавт. Б. А. Гущин.)

К вопросу о восстановлении иконописного убранства в связи с завершением реставрации церкви Преображения Господня на острове Кижь // Кижский вестник. Петрозаводск, 2017. Вып. 17. С. 132–141.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ИКОНОПИСИ КАРЕЛИИ (к 75-летию В. Г. Платонова)

В 2019 г. исполняется 75 лет известному исследователю, постоянному автору «Кижского вестника», много писавшему о кижском иконописном собрании, Владимиру Георгиевичу Платонову.

В. Г. Платонов родился в Карелии, в селе Спасская Губа 22 октября 1944 г. После окончания школы в 1962 г. поступил на кафедру истории искусства исторического факультета Ленинградского государственного университета, который окончил в 1970 г., успев за это время пройти срочную службу в армии.

Во время учебы интерес В. Г. Платонова был направлен на западноевропейское искусство. Особенно его привлекало творчество художника Яна ван Эйка, диплом был защищен по теме: «Трактовка пространства в нидерландской живописи XV в.». Запомнился и университетский курс по истории древнерусского искусства, прочитанный М. И. Каргером.

По окончании университета В. Г. Платонов по распределению был направлен на работу во Владимиро-Суздальский музей-заповедник. Там вплотную занялся изучением древнерусского искусства и подготовил свою первую выставку (резьбы по дереву).

В 1972 г. В. Г. Платонов с супругой вернулся в Петрозаводск и поступил на работу в Музей изобразительных искусств, где продолжил изучение древнерусской культуры. В разное время В. Г. Платонов занимал должности научного сотрудника, заместителя директора по науке и хранителя коллекции иконописи МИИРК (по сей день). Исследователя интересует широкий круг тем: от истории иконописи Обонежья до личностей реставраторов, а также стилистика икон, история убранства храмов, структура иконостасов, история края. Он занимается собирательской работой, одной из самых важных для себя находок (1979) В. Г. Платонов считает икону Смоленской Божьей Матери начала XVI в. из деревни Кинерма. Участвует в архитектурных экспедициях под руководством В. П. Орфинского.

Глубокое погружение в тему иконописи привело к тому, что в 1987 г., после окончания аспирантуры, В. Г. Платонов защитил кандидатскую

диссертацию по теме «Живопись Обонежья XVII–XVIII вв.» (научный руководитель В. А. Булкин). Эта работа продолжила исследование Э. С. Смирновой «Живопись Обонежья XIV–XVI вв.» (1967) с подключением обширного нового материала и вновь раскрытых икон.

В. Г. Платоновым было подготовлено более 90 научных публикаций и свыше 30 выставок (отдельно и в соавторстве), в том числе выставок в Петрозаводске – МИИРК (1972, 1988, 1994, 1996–1997, 2003, 2005, 2008–2009, 2011, 2013, 2015, 2018), КГКМ (1999), музей-заповедник «Кижис» (2018); в Москве – ВООПИК (1990), ГТГ (2001); Санкт-Петербурге (1991); Вологде (2004); Мурманске (2008). Зарубежных выставок в музеях и культурных центрах Финляндии – Сейняйоки (1990), Иисалми (1993), Париккала (1996), Риихимяки (1999), Хамина (2004), Сало (2007); Швеции – Умео (1994); Германии – Тюбинген (2002–2003).

В совокупности статьи и выставки В. Г. Платонова, часть из которых развивала положения диссертации, а часть поднимала новые темы, дают цельное представление об истории древнерусской живописи в Карелии XVII–XVIII вв. За годы работы В. Г. Платоновым был заложен фундамент, на который сейчас опираются исследования истории иконописи Карелии. В 2019 г. планируется к изданию обобщающий труд «Культурное наследие Карелии. Иконопись Обонежья и западного Беломорья».

В. Г. Платонов является заслуженным работником культуры Карелии (1995) и России (1999).

Б. Д. Москин

Основные публикации В. Г. Платонова

Выставка новых приобретений (1971–1975). Живопись, скульптура, графика, народное и древнерусское искусство. Каталог / Музей изобразительных искусств КАССР. Петрозаводск, 1975. С. 35. (Раздел «Древняя живопись Карелии. Новые расчистки».)

Реставрация музейных ценностей в СССР: Всесоюзная выставка. Каталог. Т. I. М., 1984. С. 278–286. (Вступительная статья к разделу «Музей изобразительных искусств КАССР»; кат. данные в соавт. с И. Н. Куспак.)

К вопросу об эволюции северного иконостаса (на примере часовни Николая в д. Мелойгуба) // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Карелии и сопредельных областей. Межвузовский сб. Петрозаводск, 1985. С. 81–89.

Икона «Огненное восхождение пророка Ильи с житием» 1647 г. с криптограммой // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность, искусство, археология. Ежегодник за 1983 г. Л., 1985. С. 304–312. (В соавт. с С. П. Сергеевым.)

Выставка новых поступлений (1981–1985). Каталог / Музей изобразительных искусств КАССР. Петрозаводск, 1985. С. 5–14. (Раздел «Древнерусское искусство».)

Живопись Обонежья XVII–XVIII веков. Автореферат дис. ... канд. искусствоведения. Л., 1987.

К истории художественных традиций старообрядчества в Карелии // Православие в Карелии: история и современность. Атеистические очерки. Петрозаводск, 1987. С. 97–101.

Художник-реставратор Геннадий Жаренков. Каталог выставки / Музей изобразительных искусств КАССР. Петрозаводск, 1988. (Вступит. ст. и сост. каталога.)

Ikoneja Karjalasta 1400–1700-luvulta. Petroskoin kuvataiteiden museon kokoelmasta. Näyttelyluettelo. (Иконы 15–18 вв. из Карелии. Каталог выставки из собрания Музея изобразительных искусств КАССР.) Seinäjoki, 1990. (Вступ. ст. и сост. каталога.)

Выставка новых поступлений. 1986–1990. Каталог / Музей изобразительных искусств КАССР. Петрозаводск, 1991. С. 7–12. (Сост. раздела «Древнерусское искусство».)

Иконопись Заонежья второй половины XVII в. (формирование стилистических направлений и эволюция иконостасов) // Заонежский сборник. Петрозаводск, 1992. С. 142–160.

Иконостасы храмов Обонежья по Писцовой книге 1628–1629 гг. и некоторые вопросы развития иконостасных композиций в XVII–XVIII вв. // Чтения по исследованию и реставрации памятников художественной культуры Северной Руси, посвященные памяти художника-реставратора Николая Васильевича Перцева (1902–1981). Архангельск, 1992. С. 126–136.

Иконостас церкви св. Варвары в деревне Яндомозеро (Заонежье) // Народное зодчество. Сб. научных трудов. Петрозаводск, 1992. С. 177–190.

Iconer från Novgorod till Ishavet. En utställning producerat av Bild Museet, Umeå universitets museum i samarbete med Umeå kommun. 28 august – 13 november. (Иконы от Новгорода до Арктического океана. Выставка в Музее университета города Умео.) Umeå, 1994. (Сюжеты икон – в соавт. с Маргарет Аттиус Зольман; сост. каталога.)

Иконопись // Культура староверов Выга (к 300-летию основания Выговского старообрядческого общезиждельства). Из собраний КГКМ, КМИИ, музея «Киж», ЦГАРК, МИРАПИ, частных коллекций. Каталог. Петрозаводск, 1994. С. 11–17, 93–99.

Иконопись // Древний Олонец. Петрозаводск, 1994. С. 86–110.

Karjalan ikoniatteet 1400–1800-luvulta. Galleria Villa Nurminata, Parikkala. (Карельская иконопись 15–19 вв. Каталог выставки в галерее «Вилла Нурмината», Париккала). Lappeenranta, 1996. (Вступит. ст. и сост. каталога.)

Памятники древнерусской художественной культуры в собрании Олонецкого епархиального древлехранилища – Церковно-исторического музея (1903–1918) // Краеведение и музей. Петрозаводск, 1996. С. 26–34.

Иконостас Успенской церкви в Кондопоге по архивным данным // Успенская церковь в Кондопоге. Сб. ст. по материалам конф. Кондопога – СПб., 1994–1996. С. 55–62.

Древняя живопись Суйсары // Село Суйсарь. История, быт, культура. Петрозаводск, 1997. С. 175–185.

Икона и народное искусство. Некоторые наблюдения над стилистикой заонежской живописи второй половины XVII–XVIII вв. // Международная научная конф. по проблемам изучения, сохранения и актуализации народной культуры Русского Севера «Рябининские чтения-95». Сб. докл. Петрозаводск, 1997. С. 385–397.

Часовня пророка Ильи в деревне Шелтопорог и ее убранство (к вопросу о судьбах художественного наследия Выгореции) // Народное зодчество. Межвузовский сб. Петрозаводск, 1998. С. 298–301.

Икона «Богоматерь Одигитрия» XV в. из собрания Музея изобразительных искусств Республики Карелия. История и атрибуция «Богоматери Одигитрии» из деревни Кинерма // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность, искусство, археология. Ежегодник за 1996 г. М., 1998. С. 245–249.

Живопись Северного Прионежья второй половины XVII в. // Известия Вологодского Общества изучения Северного края. Вологда, 1999. Вып. VII. С. 36–48.

Храмы Кижского погоста и их убранство в XVI и XVII столетиях // Известия Вологодского Общества изучения Северного края. Вологда, 1999. Вып. VII. С. 79–83.

Успенская церковь в Олонце – сокровищница церковного искусства XV–XIX вв. // «Олонцу – 350». Тезисы научно-практической конф. Олоонец, 1999. С. 59–62.

Коллекционер Г. В. Туровский // Наше наследие. Художник А. И. Вахрамеев. 1874–1926. Каталог. Из собрания Г. В. Туровского. Петрозаводск, 1999. С. 47–48.

Литературные назидательно-аскетические сюжеты в иконописи Заонежья XVII–XVIII вв. // Православие в Карелии. Материалы республиканской научной конф. (24–25 октября 2000 г.). Петрозаводск, 2000. С. 122–125.

Золотая карта России. Музей изобразительных искусств Республики Карелия. Иконопись. Народное искусство. Эпос. М., 2001. (Вст. ст. и сост. раздела «Иконопись».)

Коллекция древнерусской живописи // Русская галерея. 2001. № 2. С. 56–58.

Сегозерские письма // Деревня Юккогуба и ее округа. Петрозаводск, 2001. С. 316–331.

Развитие иконографии «Покрова Богородицы» в искусстве Заонежья XVI – XVIII вв. // Кижский вестник № 7 (Сб. ст.). Петрозаводск, 2002. С. 140–147.

Иконопись Выгореции в собраниях музеев Карелии // Выговская поморская пустынь и ее значение в истории России. Сб. научных ст. и материалов. СПб., 2003. С. 220–231.

Икона 1889 г. с изображением патрональных святых крестьян деревни Косельга (к вопросу о сохранении и эволюции иконографических традиций в иконописи Заонежья конца XIX в.) // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера (Материалы IV Международной научной конф. «Рябининские чтения-2003»). Петрозаводск, 2003. С. 401–403.

Забывтый музей // Русское искусство. 2004. № 3. С. 86–95.

Ikoneja Karjalasta. Näyttely Naminan kaupunginmuseossa 3.7. – 19.9.2004. Namina, 2004. (Православные святые Русского Севера. Выставка в Городском музее г. Хамина 3.7. – 19.9.2004. Хамина, 2004).

Партнерские проекты: изучение и экспонирование икон заонежских и тубозерских мастеров середины – второй половины XVII в. из собраний Музея изобразительных искусств Республики Карелия и музея-заповедника «Кижь» // Актуальные проблемы развития музеев-заповедников. Тезисы докладов Всероссийской научно-практической конф. Петрозаводск – Кижь, июнь 2006 г. Петрозаводск, 2006. С. 141–146.

Две вновь открытые иконы преподобного Александра Ошевенского как памятники начального периода Выговского иконописания // Женщина в старообрядчестве. Материалы международной научно-практической конф., посвященной 300-летию основания Лексинской старообрядческой обители. Петрозаводск, 2006. С. 209–215.

Житийные циклы на иконах святителя Николая из Обонежья и Западного Поморья (к проблеме формирования локальных иконографических традиций в северной иконописи) // Почитание святителя Николая Чудотворца и его отражение в фольклоре, письменности и искусстве: материалы и исследования. М., 2007. С. 134–138.

Типология центров иконописания в Обонежье XVII–XVIII вв. (к вопросу об организации иконописного дела на Русском Севере) // Рябининские чтения-2007. Материалы V научной конф. по изучению народной культуры Русского Севера. Петрозаводск, 2007. С. 185–187.

Margareta Attius Sohlman «Ikonernas värld. Idehistoria och dogmatik». Stockholm: Carlssons, 2008. С. 9, 11. (Предисловие к книге.)

Образы милосердия и добра. Иконы Пресвятой Богородицы и Святителя Николая Чудотворца из собрания Музея изобразительных искусств Республики Карелия. Каталог / Вступ. ст. и составление каталога. Мурманск, 2008.

«Страшный суд» в произведениях иконописи. Каталог выставки из собрания Музея изобразительных искусств Республики Карелия / Сост.; вступ. ст., каталожные данные. Петрозаводск, 2008. (В соавт. с И. Н. Куспак и О. К. Ниловой.)

Иконописное наследие Сямозерья // История и культура Сямозерья. Петрозаводск, 2008. С. 547 – 554.

Местный ряд иконостаса часовни Успения Пресвятой Богородицы в деревне Васильево на острове Кижь и некоторые вопросы развития иконописи Заонежья конца XVII – начала XVIII в. // Кижский вестник. Петрозаводск, 2009. Вып. 12. С. 179–187.

Реставрация и изучение икон на тему «Страшного суда» из коллекции Музея изобразительных искусств Республики Карелия // Гуманитарные науки в регионах России: состояние, проблемы, перспективы. Материалы Всероссийской научной конф., посвященной 15-летию РГНФ. 1–3 июня 2009. Петрозаводск, 2009. С. 179–181. (В соавт. с И. Н. Куспак и О. К. Ниловой.)

Актуальные вопросы изучения иконописи древней Карелии (некоторые итоги и перспективы исследований) // Международная научно-практическая конф. «Музей в современном мире. Художественное наследие Карелии и инновационные процессы в развитии культуры и искусства». Тезисы докладов. Петрозаводск, 2010. С. 69–76.

Интерпретация заимствованного образца в иконописи Обонежья (на примере сюжета «Сшествие во ад») // Рябининские чтения-2011. Материалы VI научной конф. по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. Петрозаводск, 2011. С. 144–147.

Роль народной религиозной культуры в формировании местного ряда иконостасов в храмах Карелии XVII–XVIII вв. // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. № 6. 2011. Серия «Гуманитарные исследования». Вып. 2. Петрозаводск, 2011. С. 19–28.

Северные письма. Иконопись Пряжинского района. Петрозаводск, 2012. 16 с.
«Карельские письма» (к проблеме выявления иконописного наследия карел Республики Карелия) // XVII в. в истории и культуре Русского Севера. К 400-летию отражения осады польско-литовских интервентов защитниками Каргопольской крепости. Материалы XII Каргопольской научной конф. Каргополь, 2012. С. 352–360.

Об иконописном наследии народов Карелии: «карельские письма» // Православие в вепском крае. Материалы межрегиональной научно-практической конф., посвященной 450-летию основания Благовещенского Иона-Яшезерского мужского монастыря (г. Петрозаводск, 26 сентября 2012 г.). Петрозаводск, 2013. С. 225–248.

Северные иконы «Почи Господь в седьмой день» и «Отечество» («Отец и Сын Слово Божие») 3-й четверти XVII в. из собрания Музея изобразительных искусств Республики Карелия // Памятники культуры. Новые открытия за 2005 г. М., 2013. С. 324–332.

Иконы на сюжет «Покрова Богоматери» в коллекции Музея изобразительных искусств Республики Карелия // Страницы истории отечественного искусства. XXIII. Сб. ст., посвященных памяти художника-реставратора Н. В. Перцева (1902–1981). СПб., 2013. С. 105–114.

Из истории формирования музейного фонда древнерусской живописи в Карелии (вторая половина XIX–XX в.) // Там же. С. 115–121.

«Образ всех святых Российских чудотворцев» из собрания Музея изобразительных искусств Республики Карелия – памятник Выговского иконописания // Старообрядчество: история, культура, современность. Материалы. М., 2014. Т. I. С. 372–382.

Иконописное убранство храмов Кижского погоста в XVI–XVII вв. // Церковь Преображения Господня на острове Киж: 300 лет на заонежской земле. Сб. ст. Петрозаводск, 2014. С. 114–123

Отражение тенденций развития русской культуры XVIII в. в эволюции художественного убранства Преображенской церкви Кижского погоста // Там же. С. 132–135.

Иконы Преображенской церкви «Преображение» и «Покров» в контексте развития заонежской иконописи второй половины XVII в. // Церковь Преображения Господня: 300 лет на заонежской земле. Материалы Всероссийской научной конф., приуроченной к 300-летию Преображенской церкви на острове Кижы (3–5 сентября 2014 г., г. Петрозаводск, о. Кижы). Петрозаводск, 2015. С. 233–238.

Миниатюрный иконостас из Водлозерско-Ильинского погоста и икона «Сошествие во ад» из дер. Васильево в свете культурных связей Водлозерья и Каргополя // Рябининские чтения-2015. Материалы VII конф. по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. Петрозаводск, 2015. С. 225–229.

Деятельность Музея изобразительных искусств Республики Карелия по сохранению и презентации культурного наследия православия // Православие в Карелии. Материалы IV научной конф., посвященной 25-летию возрождения Петрозаводской и Карельской епархии (25–26 ноября 2015 г., г. Петрозаводск). Петрозаводск, 2016. С. 343–349.

Вновь открытая икона «Богоматерь Тихвинская» из Покровской церкви Кижского погоста в собрании Музея изобразительных искусств Республики Карелия // Изучение и актуализация традиционной культуры (к 50-летию музея-заповедника «Кижы»). Петрозаводск, 2016. С. 237–248.

Две иконописные мастерские середины – второй половины XVII в. в Пудожском крае и Заонежье: преемственность развития и своеобразие стилистики // «Писана икона сия при державе царя Алексея Михайловича». Работы иконописных мастерских Пудожья и Заонежья середины – второй половины XVII в. Каталог выставки. Петрозаводск, 2017. С. 3–21. (Вступ. статья и сост.)

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- БАН – Библиотека Российской академии наук (Санкт-Петербург)
ВООПИК – Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
ГИМ – Государственный исторический музей (Москва)
ГТГ – Государственная Третьяковская галерея (Москва)
ГРМ – Государственный Русский музей (Санкт-Петербург)
ИРЛИ – Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (Санкт-Петербург)
МИИРК – Музей изобразительных искусств Республики Карелия (Петрозаводск)
НА КарНЦ РАН – Научный архив Карельского научного центра Российской академии наук (Петрозаводск)
НА МЗК – Научный архив музея-заповедника «Кижки» (Петрозаводск)
НА РК – Национальный архив Республики Карелия (Петрозаводск)
НМ РК – Национальный музей Республики Карелия (Петрозаводск)
ОГВ – Олонецкие губернские ведомости
ОДК – Олонецкая духовная консистория
ОЕВ – Олонецкие епархиальные ведомости
РГАДА – Российский государственный архив древних актов (Москва)
РГБ – Российская государственная библиотека (Москва)
РНБ – Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург)
РИБ – Русская историческая библиотека
СПФА РАН – Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук
ТОДРЛ – Труды Отдела древнерусской литературы
ЧОИДР – Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ, ЭТНОГРАФИЯ

- Г. И. Фролова.* Приходская жизнь в свете церковно-приходских документов в IV благочинном округе Петрозаводского уезда в XIX в. 3
- Л. В. Трифонова.* Печальные стороны жизни заонежан-отходников в Петербурге в конце XIX – начале XX в. 19
- Б. А. Гуцин.* Кижь. Незабываемый 1919 35
- Л. Б. Афонина, Е. С. Афонина.* Разминирование Заонежья. Женщины-минеры Карелии (на основе материалов Национального архива Республики Карелия и воспоминаний А. А. Ивановой) 47
- Л. С. Харебова.* О «Фонде Старогина» и его создателя 55
- Ю. Н. Кожневникова.* Рыболовные угодья Троицкого Клименецкого монастыря в XVI – первой половине XVIII в. 64
- Й. Арья.* Отхожий рыбный промысел (*перевод Т. Ю. Дудиновой*) . . . 75
- Ю. М. Наумов.* О Йоуни Аряве и его статье «Отхожий рыбный промысел» 87
- А. П. Може.* К вопросу о заселении земель в районе озера Санда . . . 93
- В. А. Гуцина.* Еще раз об истории создания церкви Покрова Пресвятой Богородицы Кижского погоста 109

АРХЕОЛОГИЯ

- И. В. Мельников, К. Э. Герман.* Итоги археологических работ музея-заповедника «Кижь» на внутренних водоемах Карелии 118

КНИЖНОСТЬ, ФОЛЬКЛОР И ИКОНОПИСЬ

- А. В. Пигин.* Книжные собрания и литературные памятники монастырей на Онежском озере 130
- М. Г. Бабалык.* Об исполнителях былин и сказок Олонецкого края в записях Н. Н. Барт (1880-е гг.) 147
- В. Г. Платонов.* Нравоучительные литературные сюжеты в живописи Заонежья второй половины XVII – начала XVIII в. 156

ВОПРОСЫ МУЗЕЙНОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

- Н. И. Шилов.* Комплектование фондов движимых памятников музея-заповедника «Кижь» (1966–2015 гг.) 174

Н. М. Мельникова. Обзор выставок из собрания музея-заповедника «Кижский» (2013–2017 гг.) 191

Т. В. Незвицкая. Международный и российский опыт сохранения деревянных храмов – объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО: церкви Преображения Господня Кижского погоста (Россия) и храмового комплекса Хорю-дзи (Япония) 215

ИЗ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ Ю. В. ЛИННИКА

Ю. В. Линник. Архетипы Русского Севера 232

ПЕРСОНАЛИИ

Виола Анатольевна Гущина (к 80-летию со дня рождения и 50-летию научной деятельности) 251

Исследователь иконописи Карелии (к 75-летию В. Г. Платонова) 256

Список сокращений 263

Научное издание

КИЖСКИЙ ВЕСТНИК

Выпуск 18

*Печатается по решению научно-методического совета
Государственного историко-архитектурного и этнографического
музея-заповедника «Кижь»*

На обложке – репродукция акварели Ойво Хелениуса
«Часовня в д. Васильево. 4 июля 1943 г.»
(из фондов музея-заповедника «Кижь»)

Редактор *Л. С. Баранцева*
Оригинал-макет *Н. Н. Сабанцева*

Подписано в печать 29.05.2019 г. Формат 90×60¹/₁₆.
Гарнитура Times. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 16,36. Усл. печ. л. 16,63.
Тираж 200 экз. Заказ № 562

Федеральный исследовательский центр
«Карельский научный центр Российской академии наук»
Редакционно-издательский отдел
185003, Петрозаводск, пр. А. Невского, 50
